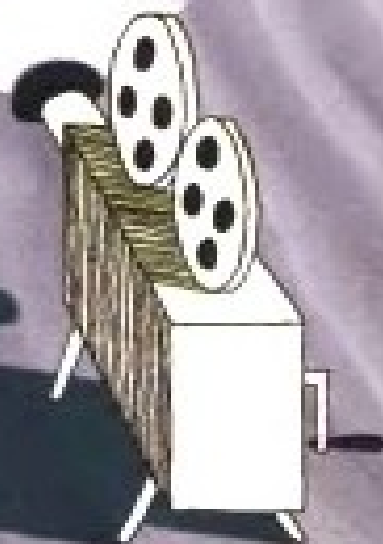

МАКСИМ КАПИТАНОВСКИЙ

ВО ВСЁМ ВИНОВАТЫ «БИТЛЗ»

Annotation

Максим Капитановский — музыкант в прошлом, а ныне режиссер документального кино, — написал книгу о жизни. Нашей жизни, в которой, не обладая чувством юмора, пришлось бы очень тяжело. В предисловии легендарный Андрей Макаревич пишет: «Макс — великолепный рассказчик». И это правда — некоторые эпизоды заставляют хохотать до колик. При этом книга не просто смешная, а очень даже поучительная: в ней рассказывается, как не растеряться в самых трудных жизненных ситуациях.

- [Максим Капитановский](#)
 -
 - [Всё очень непросто](#)
 - [Школа выживания](#)
 - [Пшикер](#)
 - [Zagranitsa](#)
 - [Польша](#)
 - [Болгария](#)
 - [Германия](#)
 - [Здравствуйте, _____ дорогой _____ нетерпеливый читатель!](#)
 - [Из жизни жаб](#)
 - [Худшая песня](#)
 - [Впечатление _____ от _____ разового _____ посещения Росконцерта](#)
 - [Пылесос](#)
 - [Новый год под пальмами](#)
 - [Ястребы Тель-Авива](#)
 - [Сочи — темные ночи](#)
 - [Вокально-инструментальный жанр \(1978\)](#)
 - [Нанайская](#)

- [Крепче за шоферку держись, баран!](#)
 - [Обознатушки-перепрятушки](#)
 - [Разговор с гаишником](#)
 - [Не победа, а участие](#)
 - [«Битлз», джинсы и будущее России](#)
 -
 - [Во всём виноваты «Битлз»](#)
 - [Как я читал сценарий \(первая серия\)](#)
 - [Джинсы \(вторая серия\)](#)
 - [Группы \(третья серия\)](#)
 - [ВИА \(четвёртая серия\)](#)
 - [Прошло семь месяцев](#)
 - [Малый Декамерон](#)
 -
 - [Волшебные спички](#)
 - [Зелень](#)
 - [Клим \(из романа «Будни волшебника»\)](#)
 - [Черти](#)
 - [О воображении](#)
 - [Не звизди](#)
 - [Малый Декамерон \(из романа «Будни волшебника»\)](#)
 - [Интеллектуальная помощь по всем вопросам](#)
 - [Петля для покупателя](#)
 - [Морда ящиком, или рукопись, найденная в Сарагосе](#)
 - [Послесловие](#)
-

Максим Капитановский

Во всём виноваты «Битлз»

*Памяти моего сына Лаврика
посвящается.*

Макса Капитановского мы узнали в 1972 году, когда вдруг из великолепного, гремящего на всю Москву «Второго дыхания» он переместился вместе со своими барабанами в юную, зеленую и неумелую ещё «Машину». Дела у нас пошли в гору, однако счастье было недолгим: не проиграв и года, загудел Максим в Советскую армию, да ещё прямо на горячую советско-китайскую границу.

Мы надолго расстались. Вернувшись со службы, Максим не сразу догнал «Машину», а сначала прошёл сквозь строй советских ВИА «Добры молодцы», «Лейся, песня!» и иже с ними. А спустя годы всё же вернулся к нам — правда, уже в качестве звукорежиссёра.

У Макса масса разнообразных достоинств. Одно из них — он великолепный рассказчик. Согласитесь, редко бывает, когда в компании просят: «Макс, расскажи про то-то и то-то», — отлично зная саму историю, но не в силах побороть искушение послушать её ещё раз.

Я понимаю, конечно, что рассказ рассказанный и рассказ, изложенный на бумаге, — совершенно разные вещи. Но мне кажется, что Максовы истории могут свободно жить и в той, и в другой ипостаси. Не надо ждать от этой книги протокольного изложения событий. И если автор то и дело приподнимается над тусклым уровнем бытовой действительности — он имеет право на этот полёт.

Сильная всё-таки вещь — литература.

Андрей Макаревич.

Всё очень непросто

**ВСЁ ОЧЕНЬ
НЕПРОСТО**.....

1

Школа выживания

Рок-н-ролл — это образ жизни

Леопольд Захер-Мазох

1989 год. Уже четыре дня мы находились в Германии на гастролях. Болтаясь с утра по центру Дрездена, я так устал, что, увидев несколько столиков, выставленных из кафе прямо на полустёртый площадной булыжник, срочно «приземлился» на ближайший свободный стул. До концерта было ещё часов пять, я заказал кофе и стал озираться. Начало июня, погода шикарная, город цветёт — короче, жалко было только, что это не Париж, а гэдээррошный Дрезден. На столике рядом с пепельницей лежал аккуратный блокнот с ручкой в петельке. На блокноте изображён какой-то герб и надпись «Schriftsteller». Так же называлось и всё заведение — «Писатель». Народу было довольно много, но контингент странноват: в основном мужчины примерно моих лет (30 +). И почти все они сидели пили кофе, курили и что-то писали.

Кажется, я сообразил: это было кафе писателей. То есть не просто заведение, где собираются литераторы, а место, где эти литераторы конкретно пишут. На меня уже косо посматривали. Схватил блокнот, отстегнул ручку, которая тут же вывела на первой странице: «Пожалуй, человеку, который никогда...»

Пожалуй, человеку, который никогда не бывал на гастролях, невозможно понять, что это такое. Представьте себе, что половину времени вы проводите вне дома, то есть должны как-то питаться, сохранять здоровье (зимой часто без горячей воды) и, наконец, по возможности хорошо выглядеть, порой в самых антисанитарных условиях.

О личной жизни, разбитых семьях говорить пока не будем. В конце концов такую жизнь мы сами себе выбираем. Но вот о сложных социальных отношениях: гастрوليрующий артист — окружающая среда (гостиницы, поезда, самолёты), можно рассказать немало интересного.

Я постараюсь познакомить вас с некоторыми секретами и маленькими хитростями школы выживания в экстремальных гастрольных условиях. С секретами, наработанными десятилетиями концертных командировок по самым отдаленным местам. Но хочу предупредить: НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не читайте раньше времени главу на странице 70-й во избежание самых непредсказуемых последствий.

С возникновением групп и выходом их на профессиональную сцену у подавляющего большинства людей (и не только работников сервиса) создался определённый стереотип гастролирующего музыканта: длинноволосый (а в просторечии — нестриженный), одетый в заграничное, непременно пьяный, гребущий деньги лопатой хамоватый ухарь, живущий для того, чтобы портить нервы нежным проводницам купейных вагонов и дежурным администраторам переполненных гостиниц.

Дело в том, что обычный командированный или приехавший на отдых человек, прекрасно знающий, как трудно с билетами, гостиницами и т. д., считает за счастье и третью полку в плацкарте, и койку в коридоре. Его можно разбудить шваброй, и на белье мокрое положить и прикрикнуть, а вот зарвавшиеся артисты, катающиеся по стране по десятку и более лет, иногда начинают робко понимать, что и у пассажира, и у «гостя»» (так называют в гостиничном сервисе горемык-проживающих) тоже есть определенные Конституцией и разумом права.

Вот тогда-то и получаешь на свои «сногшибательные» претензии насчёт горячей воды в январе или по поводу отсутствия известных сантехнических приспособлений (удобства во дворе) интересный ответ: «Шибко умный». Надо думать, в ироническом смысле.

«Шибко умный» — это еще хорошо. Саша Буйнов, путешествуя однажды летом в поезде на гастролях, обратился к проводнице с просьбой открыть окно в купе. Было страшно жарко, а вентиляция как всегда не работала. Проводница — неопрятная баба с хохлятским акцентом — заржала и отказала в грубой форме. Когда же интеллигентный Александр задал робкий вопрос, для кого все-таки придуманы форточки в купе, баба, которой красивый Буйнов напомнил иностранного киноактера, его даже не ударила, а, наоборот, присела, борзо повела плечами, выкинула два гопаковых коленца и продекламировала: «Для те-бе, для пез-де!»

Братья гастрوليрующие артисты! Кто из вас после позднего концерта, а то и длительного переезда не просыпался в 7.30, как в страшном сне, от присутствия в вашем номере тётки в синем халате и двух огромных мордатых дядек, непонятно как прошедших через закрытую дверь и деловито осуществляющих какую-то таинственную работу. И лучшее, на что вы можете рассчитывать в этой ситуации, это реплика, длиною в десять с половиной сантиметров (на бумаге): «лежичегодергаешьсячтоямужиковневидалаголыхнакурилтокак». И уж в самом крайнем случае, в припадке необъяснимого человеколюбия, кто-нибудь из мужиков может буркнуть: «Инвентаризация» или «Тараканов морим».

Вот так, просто и изящно: «Тараканов морим», — и довольные артисты отправляются в гостиничный буфет.

Итак, чем больше вы ездите на гастроли, тем делаетесь опытнее и хитрее — вас уже на местной козе не объедешь и голыми руками не возьмёшь.

И вот, въезжая в гостиничный номер, вы, сбивая дежурную с ног, бросаетесь к телефону (если он есть) на предмет тайной трещины, затем к телевизору (если он есть) — работает ли? Отворачиваете штору на окне (если она и оно есть) в поисках абстракционистского

черного пятна (оно почти наверняка есть) и, наконец, торжественно показываете дежурной отбитый край хрустальной вазы, заботливо замаскированной под целую.

И упаси вас бог прохлопать один из этих пунктов, тогда при выезде, во время сдачи номера (есть такая милая трупоедская процедура), вам предъявят и неработающий телевизор, и треснутый телефон, и испачканную штору, и испорченную вазу; вы будете оштрафованы в ужасающе кратном размере и под гиканье и улюлюканье персонала пойдёте вон...

Но это, конечно, фантазии, не забывайте: мы опытные и хитрые, мы всё проверили; и уже хочется вытащить на свет пословицу, что, мол, на каждую гостиничную старуху есть своя артистическая проруха, как в последнюю секунду выясняется, что по каким-то своим вафельным делам отсутствует полотенце (только что было тут), и вы, опытный и хитрый, покрывшись стыдливым мужским румянцем (нехорошо красть вафельные полотенца), платите деньги и, сидя в автобусе, стараетесь не смотреть на стройные ряды персонала, который, печатаая шаг, проходит под вашим окном с плакатами «Не на тех нарвался!».

Мне лично с гостиницами всегда очень везло. Постоянно попадался номер напротив специальной комнаты, где горничные и дежурные по этажу держат свои таинственные коммунально-бытовые атрибуты и где вообще находится их штаб-квартира. Как это хорошо и полезно всё время находиться в самой гуще их личной жизни и интимных подробностей, находиться, так сказать, на самом острие пищевых, мыльно-порошковых и тряпочных интересов.

И как близко к сердцу все принимаешь. Однажды я в течение нескольких часов с трепетом следил за развитием леденящей кровь драмы с похищением половой тряпки, и, когда добро восторжествовало, а зло

было если не наказано, то осуждено, слепая нездоровая радость переполнила всё моё существо — какие уж тут могут быть концерты.

Побывав несколько раз за границей и увидев, как у них решаются вопросы тишины в гостиницах (при помощи специальных табличек «Просьба не беспокоить»), я однажды решился (за отсутствием фирменных) написать собственное обращение. Долго корпел вечером, и вот что получилось: «Дорогие товарищи дежурные! Ваши гости устали после концерта. Убедительная просьба утром не орать или орать потише. Спасибо». «Спасибо» — это я позже приписал для пафоса.

Вы бывали когда-нибудь на шабаше ведьм? Нет? Может быть, вы участвовали в драке пьяных жестянщиков с пьяными жестянщиками же? Примерно от таких звуков проснулся я на следующее утро. За дверью грохотало, ухало, дикий хохот, безумные вопли несколько нарушали тишину. В дверь стучали швабры, плюхались тряпки, и кто-то очень ритмично (нельзя не отметить) молотил по замку пустым ведром. Наконец, из-под двери по сквознячку разлетелось по номеру кусочков сто моего неудавшегося опыта наглядной агитации.

До пересменки из номера не выходил — боялся.

Однажды на концерте пришла записка: «Это правда, что артисты только и делают что пьют?» Вашими бы устами, господа зрители, да мед пить — к сожалению, артисты еще и едят.

А как удачно решаются на гастролях вопросы с питанием! Вы утром, чисто побрившись и одевшись по-выходному, приступаете к ожиданию обеда. На суточные в 2 руб. 65 коп. (1975 г.) позавтракать и поужинать невозможно, а вот позволить себе обед из первого, второго и, чем черт не шутит, может быть, третьего никто вам не запретит. Поэтому обед — это

событие, которое обставляется по возможности пышно, и вот вы, пригласив для компании (какой же обед в одиночку?) приятеля (естественно, из той же «Машины времени»), гремя всеми суточными, входите в гостиничный ресторан.

Сначала вас сбивает с ног, но не лишает аппетита устрашающий транспарант «Берегите хлеб — в нем соль земли и пот хлебороба!». Гигантским усилием воли вы не даёте себе расслабиться (в крайнем случае даёте друг другу слово не есть хлеб вообще) и усаживаетесь за один из прекрасно сервированных вилками и ложками (ножи крадут) столов. По непонятной оплошности официантки здесь же оказывается и меню. Какие широкие, в пределах суточных конечно, горизонты открываются перед вами! Вот рубрика «Полакомьтесь», вот «Разрешите вам предложить», а вот «Если вам позволяет здоровье» (но не суточные). Если вы давно не были в цирке, то можно заказать неизвестно как сюда затесавшуюся брюссельскую капусту, а если вы последний день в городе и прилично знаете карате, то яйцо всмятку — блюдо, которое оказалось в меню не иначе как по разгильдяйству типографского мальчика — явлению, видимо, достаточно распространенному, так как давало мне возможность раз шесть в разных городах заказывать этот редкий деликатес. Я думаю, простительно — в жизни так мало радостей.

Происходило следующее: сначала официантка переспрашивала, потом обижалась, затем из кухни но очереди выглядывали всякие изумлённые рожи, и официанты начинали бычиться по углам (но мы-то, опытные и хитрые, последний день в городе и знаем карате), наконец, после кофе приносили (а чаще вообще не приносили) сырое, или тухлое (насмешка), или крутое (как директор ресторана) яйцо. Яйца всмятку отведать так и не удалось, видимо, кроме моей

мамы и меня самого, варить их никто не умеет, и горькими слезами по яйцам всмятку плакала Красная книга СССР, а теперь уж я не знаю чего.

Со временем это развлечение стало приедаться (каламбур), тем более что в общепите стали удивляться по поводу яйца все меньше и меньше. Наверное, рестораники разных городов обмениваются на своих тайных слетах необходимой информацией о своих ошибках, и действительно, положение выправляется, видимо, создана специальная цензура (последние полтора года пресловутое яйцо в меню не попадалось) и со временем этот недостаток будет изжит общепитом навсегда, как, впрочем, и само блюдо. Но надо отдать им должное — машину из сумасшедшего дома они ни разу не вызывали. А мы-то по-прежнему в ресторане, и поведать эту сумрачную историю про яйцо дало возможность полное отсутствие официантов и вообще кого-либо. Наверняка подглядывают, выжидают, чтоб меню получше изучили, а потом так и бросятся.

Точно. Вот на всех парах, как «Ермак» на помощь «Красину», летит официантка, и только состояние крайней эйфории и общей благожелательности не дает мне возможности сразу констатировать, что для официантки золотых перстней и зубов вроде бы многовато. Вот так номер — да это ж метрдотель! «Вы что?! У нас же румыны!!!»

Я вообще-то всегда знал, что наши люди, а особенно артисты, хуже румын, но чтоб настолько...

В общем, со всем написанным может столкнуться любой человек, просто артисты часто ездят, то бишь гастрوليруют, поэтому видят немного резче и слышат немного громче.

С годами гастролей становишься мудрее (и опытнее, и хитрее), начинаешь понимать, что все они хотят тебе добра, только не у всех получается.

Хочет добра администрация гостиниц (чаще всего многоэтажных), когда в 20 часов выключает лифт, а концерт сплошь и рядом заканчивается позже; а в Новосибирске пошли еще дальше: выключали не только лифты, но и вообще электроэнергию. А чего... экономия и «гости» вовремя засыпают.

Хочет добра проводница, запирающая туалет, стюардесса, не дающая пить, и единственная возможность выбраться без потерь из этой бездны доброжелательства — это стать как можно более известным артистом, чтобы тебя все узнавали (тут отношение несколько меняется). Вот по каким причинам «Машина времени» стала популярной и часто показываемой по ТВ группой. А вы думали почему?! Нужда заставила.

А за кого только не держит администрация гостиниц своих «гостей» в разных городах! Я сознательно не называю названий, чтобы не обидеть невинных людей, хотя о городах можно и прозрачно намекнуть.

Так, например, в одной столице (солнечной Татарии) в гостиничных номерах висит интересный документ — «Руководство по пользованию телефоном», где написано, что телефон предназначен для слуховой связи двух абонентов, для чего нужно левой рукой (если вы правша) снять трубку, убедившись, что есть гудок, указательный палец (а почему не мизинец?) вставить в специальное отверстие на специальном круглом (вы видели квадратный?) диске, плавными круговыми движениями... и т. д. Я понимаю, учили бы компьютером пользоваться...

В другом городе-герое — городе самоваров, пряников и оружейников — в общем, кто еще не понял, то в Туле, в гостинице правила поведения проживающих при пожаре и в мирное время, не

мудрствуя лукаво, были озаглавлены: «Памятка для проживающих в гостинице людей».

Единственное, что утешало, так это то, что гостиница была цирковая, а значит, должна была существовать и «Памятка для проживающих в гостинице зверей».

А вот еще одна выдержка из правил для людей: «...В случае пожара тепло оденьтесь (!), выйдете на балкон (!), закройте за собой дверь, затем жестами постарайтесь привлечь внимание пожарных и спокойно (!) вызывайте о помощи».

Я так и вижу составителя этих инструкций, тепло одетого, на балконе, тихо и проникновенно вызывающего: «То-ва-ри-щи, по-мо-ги-те!».

Гастрольная жизнь несколько напоминает фронтовую, поэтому не обойтись без солдатской смекалки. Кто как не артист может вымыться в стакане, в два счета побриться с холодной водой без мыла и в темноте, кто способен в считанные минуты из куска проволоки, двух спичек и лезвия изготовить качественный кипятильник и кто, наконец, обычным феном ухитряется сушить носки, гладить брюки, греть, лежа с ним в обнимку, свою одинокую постель и даже сушить волосы.

В чемодане у музыканта можно найти самые неожиданные предметы: моток изоляции — заклеивать окна в номере, когда сквозь щели с палец шириной рвётся к вам под одеяло ледяной ветер; непременно отвертка для отключения громкоговорителя, который с садистским сладострастием раздражается в шесть утра громовым гимном; нож на все случаи жизни, но в основном для отгибания металлических уголков у зеркала, дабы его перенести (как известно, зеркала в номерах непостижимым образом находятся на максимальном удалении от электрической розетки), в противном случае бриться и сушить голову приходится

наизусть; рулон туалетной бумаги, который используется для перевязок, служит салфетками, утеплителем, затычкой в ванне или раковине, а иногда даже используется по своему прямому назначению.

Если покопаться, можно найти старую батарейку, палочки для добывания огня, кусок железнодорожного сахара, портативный стакан, иностранный паспорт и другие приятные и нужные в обиходе предметы.

Итак, вы при помощи различных ухищрений превратили стандартный номер в пятизвёздочный люкс. Но самое главное — это при выезде не забыть произвести полный демонтаж всех приспособлений, потому что любое действие, направленное на выживание в экстремальных условиях, рассматривается администрацией гостиницы как коварное преступление, сравнимое по тяжести лишь с кражей полотенца.

Упаси вас боже пригласить вечером в гости понравившуюся девушку. Бесполезно объяснять дежурной, что вы хотите поговорить о музыке или о поэзии, бесполезно передавать девушке свой ключ или визитную карточку: во многих гостиницах не поленились отпечатать женский вариант визитки, отличный от мужского. Вся нравственность, накопленная за семь десятков лет нашей непорочной жизни, встает непреодолимой преградой.

Выручает опять же смекалка. Для провода гостей существует несколько способов. Все они почему-то носят имена героев войны и пионеров.

Самое простое, конечно, — это дать денег, но их часто под рукой не бывает, тут то и появляется возможность блеснуть мастерством с привлечением героико-пионерских хитростей.

Подробнее об этом потрясающем ноу-хау вы прочитаете во второй части книги, а сейчас не будем отвлекаться.

Скажу только, что все эти ужасные строгости по поводу девушек почему-то на лиц кавказской национальности, которых в любой гостинице половина, не распространяются. Видимо, мы хуже не только румын, но и всех остальных тоже.

Отдельная песня — швейцары. Как правило, это бывшие военные, причём не маленьких чинов, так что они инстинктивно ненавидят любого гражданина с волосами длиной более двух сантиметров.

Однажды в городе Бресте нас днем швейцар долго не пускал в вокзальный ресторан.

— Снимите куртки. — говорит.

А гардероб не работает, а в куртках деньги, документы и т. д.

Наш директор объясняет, что «Машина времени», что час до поезда и т. д.

— Та яка така «Машина часу» — не положено, и все!

В то же самое время Макаревича, Кутикова и других окружили любители автографов — с трудом отбивались.

Швейцар смотрел-смотрел, наконец говорит:

— Я не знаю, но вижу, народ вроде вас уважает, а против народа мы никуда. Идите в куртках.

Надо ли говорить, что в зале ресторана, когда мы зашли, половина посетителей сидела в пальто и шапках.

Да, со швейцарами шутки плохи.

Однажды зимой, после очередного выездного концерта, мы возвращались в гостиницу около двух часов ночи. Декабрь, и очень холодно, но автобус тёплый (не знаю уж, что у них там разладилось), поэтому большинство поехало налегке. Высаживают нас у гостиницы, где мы живём уже три дня, автобус уезжает. Стуча зубами летим к закрытым стеклянным дверям с надписью «Мест нет». Вестибюль полутёмный, никого нет. Молотим по стеклу, кто ключами, кто так, кулачищем. Наконец в дальнем конце намечается

какое-то движение, с раскладушки поднимается фигура и, медленно шаркая, направляется к нам. Не доходя метров пяти, швейцар головой и бровями вопрошает: чего, мол, надо? А мы уж друг друга отталкиваем, чтобы первым в тепло вскочить.

Тут Петька Подгородецкий со своим французским грассе спрашивает:

— А что, отец, номега есть?

Тот показывает на табличку и руками и спиной делает отрицательные жесты, неспешно удаляясь к раскладушке.

Ну, ткнули Петьку пару раз в бок, кричим, ключи показываем. Швейцар издали, с раскладушки, только руки скрещивает и головой мотает.

Минут двадцать пять «дрожжи продавали».

Конечно, сейчас кое-что изменилось, но осталась постоянная боязнь закурить в коридоре или забыть визитную карточку в номере. Всё это настолько въелось в кожу, что сохраняется даже за границей.

Так, например, после долгих ожиданий и отказов «Машина времени» приехала в США. На шестой или седьмой день приводят нас в дискотеку. Первое, что удивило, — это великолепные музыканты, днем записывающиеся на студиях с различными суперизвестными певцами и группами, а вечером уже распрягающиеся в дискотечном угаре. Второе удивление — это контингент: возрастной разброс от 18 до 60 лет. Лихие бабушки в коротких юбках отплясывали с юнцами западные обезьяньи танцы.

Я стою, прижавшись к стенке, всего трясёт. Во-первых, от того, что я в Лос-Анджелесе; во-вторых, что вокруг никаких руководителей тургрупп — полная свобода. Но на всякий случай опасаюсь провокаций — после стольких собеседований и инструктажей боязнь неслучайных провокаций очень не скоро выветрилась.

Все кругом курят. Я тоже курю — сигареты «Родопи», привёз с родины, чтобы не тратить валюту. Очень нервничаю. Тут подходит один плечистый в черной водолазке, уши прижатые, нос приплюснутый, и берёт под локоть явно с провокационными целями.

— Ты что, не знаешь, что здесь нельзя курить марихуану?

Я в шоке, так как меня приняли за настоящего американца, а также от того, что я сразу понял, что он мне сказал.

Начинаю бормотать, пачку показывать, даже затануться дал. Уж не стал объяснять, что сигареты болгарские: он и страны-то такой, наверное, не знает. «Рашен» — и всё тут.

Затянулся пару раз, бедняга.

— Сорри, — говорит.

В борьбе с сервисом крепла и набиралась сил могучая советская эстрада и рок-музыка. С годами научились обращаться и с поездами, и с гостиницами, и с самолётами, и даже с пароходами.

Много раз приходилось бывать в круизах и по Чёрному морю, и в заграничных плаваниях. Каюты обычно двухместные. Сложились уже постоянные пары. Я, например, всё время плаваю с нашим барабанщиком Валерой Ефремовым. Я ведь сам бывший барабанщик, и интересов общих у нас с ним много. То обсуждаем прочитанные книги и просмотренные кинофильмы, то молчим тупо об одном и том же. А когда уже совсем делать нечего, беззлобно ругаемся, кому наверху спать, а кому на нижней койке. Но сначала, как люди опытные, стараемся выбрать каюту поближе к середине корабля, потому что качает меньше, затем отверткой отключается громкоговоритель, так как ночью и утром над ухом орёт непонятный голос: «Двенадцатому срочно к тринадцатому», а иногда «Четырнадцатому

очень срочно к пятнадцатому». Потом Валера из привезённой из дома проволоки пристраивает к кондиционеру держатель, в который помещается пара бутылок воды, и мы имеем холодный лимонад. А было несколько случаев — даже выпивали алкоголь.

В Италии приходим в непонятную лавку. Глазастый Валерка быстро из всякой тухлятины на полке выудил бутылку «Алкоголь Пуро», то есть чистый спирт; на этикетке даже огонек изображён: мол, горючее.

Продавец даже ухом не повёл. Мало ли для каких целей мы берём (в той лавке и лак, и бензин, и средство для мойки стёкол продавались), потом услышал русскую речь — сразу смикитил.

— Нон посибиле! — кричит, то есть никак невозможно.

Да еще свои ручки пухлые на груди скрестил и зубы оскалил, как на табличке «Не влезай, убьёт!». Откуда только знает, что у нас на столбах написано.

Ну нам-то что? Мы на «Солнцедаре» росли, камни можем есть. Пожали плечами, заплатили и пошли.

Продавец еще долго за нами бежал: «Аква, аква», — это он на воду намекает. Значит, чтобы мы уж в крайнем случае водой разбавляли в пропорции один к ста семидесяти.

Не надо!!! Валера — химик по образованию. МГУ заканчивал, наверное, уж получше какого-то макаронника знает, где чего добавить.

В три секунды в каюте из одной бутылки «Алкоголь Пуро» шесть «Столичных» приготовил. Будут нас ещё учить!!! Как видите, с умением и сноровкой быт наладить можно.

Вот только с Прибалтикой осечки случались.

Это всё равно как вы собираетесь поднять очень тяжелый чемодан, напрягаете мышцы, делаете вдох-выдох, а он пустой — ну, в общем, «разбежался и упал».

В Риге приходим в кафе. У нас в Москве его называли бы рестораном, а у них нет — кафе. Швейцар стоит — баки, как у собаки. «Прошу, господа», — говорит полатышски. Ну, это нам вообще непонятно, хотели было уйти, но пообедать-то надо. Ладно. Зашли, сели. Подходит официант с внешностью и манерами владетельного гранда. Провозглашает меню полатышски минут десять. Мы, конечно: «Извините, не понимаем». Он — ничего, даже не ударил. «Суп, — говорит, — и второе». Ну, диктовали мы ему то да сё, никак его не собьёшь: стоит с каменной мордой, записывает. Наконец Сашка, чтобы его как-то из транса вывести, говорит:

— И, пожалуйста, четырнадцать стаканов чая...

Гранд одну бровь приподнял и спрашивает:

— С ложечками?..

В Таллин приехали в день какого-то еще всенародного праздника. Концерт только завтра, сегодня день свободный. На вечер ресторан заказан в гостинице «Виру», а днем по старому городу бегали, дыхание веков ощущали.

Я перед поездкой, еще в Москве, себе сапожки ковбойские справил, надел в Таллине с утра, хожу радуюсь. Единственно, что постеснялся джинсы в сапоги заправить: слишком уж было бы знойно.

За целый день набегались, ноги гудят, да я ещё страшно натёр себе икры новыми голенищами. Принял душ, лежу отдыхаю. В восемь часов наш директор всех обошел, предупредил: форма одежды № 1 (пиджаки, галстуки).

Настроение отличное. Я костюмчик надел, галстук повязал, полюбовался — то, что надо, пусть эстонцы умоются. Сапожки натянул — шагу ступить не могу. Края голенищ прямо в больные места впиваются. И надо-то всего лишь носки высокие или там гольфы, а где в полдевятого вечера возьмёшь? Пошёл по

товарищам: нет ли у кого чулок длинных или колготок? Так нет.

Заплакал. Не в кроссовках же идти, да и не пустят: Европа чертова.

Открываю гастрольный чемодан: вот отвертка, вот нож — пока не то. Ба! Туалетная бумага! Обмотал на манер красноармейских портянок, надел сапожки под брюки — шикарно.

В ресторане сидим солидно: коньяк, шампанское, официанты скользят неслышно, оркестр шуршит что-то хорошее, красивые пары танцуют медленно.

Я даже девушку себе присмотрел, как положено — блондинку, дождался музычки повеселей, поклонился (знай наших), пригласил. Она книксен сделала, танцуем. Я вообще танцую очень хорошо, Макаревич всё время хвалит, а тут партнёрша попалась послушная, чувствую себя Джоном Траволтой из «Лихорадки в субботу вечером». Народ вокруг смотрит с уважением, даже круг немного для нас освободили, некоторые аплодировать собрались, еле сдерживаются. И тут я во время какого-то особенно удачного поворота опускаю голову и вижу, что за моей правой ногой тащится примерно с метр туалетной бумаги. Что делать?! Вы бы, наверное, растерялись. Я — нет. Прижимаю партнёршу к сердцу как можно крепче, чтобы хоть она не видела, делаю хитрое па и как бы между прочим наступаю левой ногой на бумагу, чем вытаскиваю ещё полтора метра.

Тут и танец кончился. Я под видом поклона нагнулся, нагло оторвал проклятую бумагу и пошёл спать.

На выходе у швейцара спрашиваю:

— Зачем всё-таки вы в слове «Таллин» в конце вторую букву «н» начали добавлять?

Он говорит:

— Лучше вторая «н» в конце, чем «с» в начале.

На следующий день собрался я в гости к своему давнему другу поехать. А он, между прочим, Яак Йоала — лучший певец всех времён и народов.

Мы с ним однажды на гастролях в городе Хмельнице совпали. Вот он мне вечером после концерта звонит:

— Макс, ты что сейчас делаешь? Не можешь ко мне зайти, а то тут в гости пришли два мужика мощных, боюсь не справлюсь?

Я прихожу, смотрю — действительно мощные: пять бутылок принесли.

Яак показывает на здоровенного дядьку в тренировочном костюме.

— Знакомься, Макс, Николай Балясник — чемпион мира и Европы по поднятию тяжестей.

Коля застенчиво улыбнулся, потом схватил меня за руку, пожал рукопожатием, в котором гибнут все микробы.

— А это, — Яак показывает на второго мужчину в сером костюме, серой рубашке с серым галстуком. — товарищ Тишков. Он милиционер и следователь, сюда на убийство приехал.

В общем, познакомились, сидим выпиваем. Мы с Яаком разговариваем, гости молчат: товарищ Тишков тайну хранит, а у Коли в голове одни штанги да гири.

На четвёртой бутылке вышел казус. Товарищ Тишков вдруг в голос разрыдался. Мы спрашиваем: что случилось? Яак его утешает: бутылку показывает закрытую, что, мол, не всё ещё выпили, — даже Коля подошёл, два раза по спине треснул.

Наконец товарищ Тишков сквозь слёзы говорит в таком смысле, что никто из сослуживцев ему не поверит, что он за одним столом с самим «Яком Юлой» и чемпионом мира (про меня, правда, ничего не сказал) сиживал.

Ну, кое-как успокоили его, Яак афишу подарил, а Коля гирю, дальше сидим. Коля пыхтел-пыхтел, потом:

— Знаешь. Яак, я никогда тебя не слышал, всё времени не было. Спой чего-нибудь, ты ж певец.

А Яак не растерялся и говорит:

— Коль, ты ж чемпион. Подыми вот этот шкаф.

Даже товарищ Тишков улыбнулся. Стали прощаться. Тут Коля со шкафом подходит:

— Может, споешь, а?

Так вот, собрался я к Яаку в гости, а чтобы национализм какой не вышел, он мне ещё раньше по-эстонски на бумажке написал название улицы и номер дома. «А если, — говорит, — заплутаешь, спроси у любого, где Йоала живет, — меня все там знают».

Сажусь в такси, говорю:

— Гере{Здравствуйте (эстон.)}, — и дальше, как выучил по-эстонски.

Таксист оборачивается:

— Чиво-чиво?

Я по-русски объясняю, мол, около железной дороги.

Он опять:

— Куда тебя везти-то, сволочь?

Я вежливо:

— Ну, знаете, где Яак Йоала живет?

— Знаю, — говорит, — в Москве.

В «Машине времени», как в любой другой группе, смекалка в большом почёте, а пример в этом смысле всегда подавал Директор. Ему без конца приходилось улаживать всякие мелкие эксцессы и недоразумения, и он очень сильно в этом поднаторел.

В той же Прибалтике на концертных площадках, так же как и везде, самыми главными начальниками являются пожарные, которые от нечего делать у световиков и директоров кровь пьют просто литрами.

На сцене происходит расстановка аппаратуры и подвеска прожекторных ферм. Тут же расхаживает Директор и всем руководит. Как любой директор, он в тонкостях не очень разбирается, но на работе горит и трудолюбие осуществляет.

Появляется стройная белокурая женщина в полувоенной форме, на высоких каблуках и с красной палкой — местная пожарница. С сомнением смотрит на цепи, фермы и, безошибочно обращаясь к Директору, говорит:

— Извините, пожалуйста. А цепи выдержат, докумэнты есть?

Директор, равно как и все остальные, понятия не имеет, какие тут нужны «докумэнты», но (на то он и Директор) горячо заявляет, что выдержат и что есть любые документы, но в гостинице.

Пожарница:

— Извините, пожалуйста! Пока не вижу документ, концерт не начинается.

Директор бежит в какой-то кабинет, берёт бумагу и на машинке быстро печатывает:

АКТ об испытании цепей

ГОСТ ЦМ—21/324 от 25/5 1989

1. Испытание на разрыв в горизонтальной плоскости — 25 т.

2. Испытание на разрыв в вертикальной плоскости — 23 т.

3. В кислотной среде, вакууме, космосе и т. д. и т. п.

Всего девятнадцать пунктов. Подписал в трёх местах, помял бумагу, даже ногой наступил и приносит «богине огня» якобы из гостиницы.

Очень убедительная бумага, но какие-то подозрения у женщины-капитана всё-таки остались, и, чтобы их

рассеять, она собрала весь свой эстонский сарказм и спрашивает:

— А не принадлежит ли эта грамота некоэму Филькэ?

Директор отвечает чистую правду (его-то самого Валерой зовут):

— Нет!

— Ну, тогда другое дело. Пожалуйста.

Чем больше город, тем больше в нём начальствующих чиновников. Мы все вместе придумали начальственно-руководящую фамилию — Симак. Николай Иванович. И если что, то в какой-нибудь инстанции наш Директор говорил как последний довод:

— Как же так? Ведь нам сам Николай Иванович Симак обещал!

Срабатывало почти безотказно. Один начальник особенно упирался, не хотел подписывать какую-то бумагу. Тут Директор ему и ввернул:

— А ведь нам Симак обещал.

Тот берёт ручку, подписывает:

— Ну, если я сам обещал...

В Красноярске прямо с самолёта — на концерт. Потом вечером в гостиницу. На улице 35 градусов мороза. В номерах тоже очень холодно. Буфет закрыт, холод, неустроенность, выпить хочется страшно.

Наскребли немного денег. Швейцар говорит:

— Нету у меня, сынки, с удовольствием. Попробуйте у таксистов, хотя их тоже сейчас шерстят.

После получасового топтания на морозе посинели все. Нет не только водки, но и самих такси. Только одна машина стояла с самого начала с работающим двигателем, так там водитель сразу раскричался, что сам не пьёт и вообще с этим делом борьба. Собрались идти по номерам. Тут он говорит:

— Ладно, повезло вам (оказывается, полчаса приглядывался, не провокация ли) — для брата берег. Вижу, ребята хорошие.

И достает бутылку из двигателя. Она горячая, как кипяток. Прибежали в номер, но как горячую пить — мы ж не японцы какие. Маргулис говорит:

— А смекалка на что? Вы дуйте за стаканами, а я пока на форточку ее пристрою охлаждать.

Через пять минут собрались, кто со стаканом, кто так, с открытым ртом. Маргулис потянулся к форточке, а бутылка — раз! — и за окно с шестого этажа птицей.

Минуты полторы били его, потом смекалка своё взяла. Гурьбой все вниз (некоторые, кажется, прямо из окна) выбегаем. Ночь лунная, на белом снегу тёмное пятно выделяется, и давай этот тёмный снег жрать, только стекла выплёвывали.

Никогда бы в жизни пять человек с одной пол-литры такими пьяными не сделали. Вот!

Сразу хочу сказать, что общенародное мнение, будто артисты очень много пьют, ошибочное. Пьют точно так же, как и все остальные, а может быть, даже чуть-чуть меньше.

В Магадане после концерта подходит мужик загорелый:

— Очень мне нравится, — говорит. — ваше солнечное искусство. Я моряк, на палубу бряк, желаю вас сегодня на корабль пригласить, ребята будут очень рады.

Мы посовещались и пошли втроём, а остальные спать: устали очень.

Корабль — немецкой постройки, в смысле ГДР. СРТ (средний рыболовецкий траулер) новенький, много автоматики. Команда собралась, 24 человека, только капитана не было: он с женой на берегу живет. Оказывается, пока они в море — сухой закон, а здесь сам бог велел. Мужик, который нас привёл, коком

оказался. Как начали они на стол метать: крабы натуральные, крабы запечённые, печень макроруса и т. д. Водка, конечно, рекой.

Слева от меня старпом сидит, серьёзный мужчина — после капитана он здесь главный.

Сначала морячки всё столичных артистов послушать хотели, потом сами разошлись — не остановишь. Рассказали историю о том, как у них на корабле два щенка жили — белый и чёрный. Тайком от капитана — он не любил животных. И как гад капитан на них в плавании наткнулся и приказал выбросить за борт. А потом через неделю корабль в порт пришёл, а на пирсе два мёртвых щеночка рядышком: море выбросило. И как потом в течение месяца погиб один блондинистый моряк, другой — брюнет.

Нам-то после таких дел и крыть нечем.

Тут наш Саша вдруг увидел, что нам наливать стали меньше. Толкнул меня в бок — что, мол, за понты. Мы в обиду. Старпом застенчиво объясняет:

— У вас же завтра два концерта, мы думали...

— Вы о нас не волнуйтесь, — говорим, — всё в порядке.

Справедливость была восстановлена, и старпом, чокаясь со мной, тихо говорит:

— Ты не думай, мы добра хотели, а так всё нормально. Я, кстати, сам с Питера буду.

Ну, я, чтоб ему приятное сделать, спрашиваю:

— Неужели с *самого*?!

— С самого не с самого, а с Парголова{Парголово — около 25 км от Питера.}. Ты вот что. Сейчас наши напьются и повезут вас в бухту Радости рассвет встречать. Я-то эти дела знаю: или на мель сядем, или вообще потонем, так что вы ни под каким видом! Сразу говорите, что завтра концерты. Мол, спасибо, но никак не можем, а то я эти дела знаю.

У меня к нему сразу возникло тёплое чувство; остальным передал, те тоже с благодарностью посматривают.

Минут через пятнадцать после того, как возникло чувство, старпом вскакивает (чуть меня со стула не сбил), глаза выпучены, как у того макроруса.

— А ну, семь футов вам под киль! Свистать всех наверх, везем ребят в бухту Радости!

Мы, конечно: нет, спасибо, завтра два концерта и т. д.

— Никаких концертов! Отдать все концы в воду...

В общем, еле-еле отбоярились. Провожали нас всем пароходом, договорились, что завтра они на первый концерт придут.

На следующий день на первый концерт никто из них не пришёл.

Только после второго у служебного входа стоит один — морда вся расквашена, на груди разбитый фотоаппарат.

— Мне, — говорит, — повезло. Я у самого трапа заснул: идти было близко, так что извиняюсь.

В «Машине» с этим делом всегда было очень строго: если выпить кто хочет, так только дома под одеялом. А если какой банкет солидный, то все выпьют по рюмочке, а потом Директор зыркнет глазом и объявляет:

— Спасибо большое! Мы больше не хотим! Мы практически вообще не пьём!

На разных начальников и на иностранцев это очень сильное впечатление производило.

Но вот приехали мы в Испанию, в Барселону, по приглашению коммунистической партии. Коммунисты тамошние не такие как у нас: запросто в джинсах ходят и винцо испанское попивают. Сразу же устроили нам концерт в тюрьме, чтобы перед выборами престиж компартии повесить. Никогда не забуду. Сижу за

пультом, а сзади мне двое испанских кабальеро в наколах в шею дышат, договариваются, каким способом меня моей советской шкуры лишить.

Ну, ничего, бог миловал. На следующий день культурная программа: рыбный ресторан, прогулка по городу и т. д.

Мы поначалу-то продолжали обычную «дуру» гнать, типа спасибо, у нас это дома есть. А потом смотрим — они обижаются. Оказывается, чтобы нас хорошо принять, деньги со всех коммунистов провинции собирали. Мы быстро доказали Директору, что так вести себя — просто свинство, и стали пить и есть как нормальные провинциальные гуахирос, приехавшие в столицу за сеном.

Общение осуществлялось через переводчицу, молодую девочку, не знающую ни слова по-русски. Она немного говорила по-английски и переводила со своего шикарного испанского на свой слабенький английский, а мы с её слабенького английского на свой слабенький русский.

Около двух часов ночи она решила показать ночной бар, где, по её словам, работал самый лучший бармен города. Он на память знает полторы тысячи рецептов коктейлей, и от головной боли, и для повышения потенции, и — самое главное — имеет под рукой всё, чтобы эти самые коктейли воспроизвести.

Я этим вопросом особенно заинтересовался, и вот она меня подводит к стойке, а ребята пошли стол занимать.

Мужчина лет пятидесяти, с благородной сединой, зовут Мигель, наверное, в юности был жонглёром, потому что стаканчики, бутылки и шейкеры у него над стойкой так и летают.

Он говорит:

— Буэнос ночас.

А я на всякий случай:

— Патриа о муэрте!

Девушка объясняет, что вот, мол, Макина де Тампо — советика. Я через неё наврал этому Мигелю, что ещё в Москве о его чудном искусстве слышал.

Он рад, предлагает какой-нибудь коктейль за счёт заведения. И тут я с ужасом понимаю, что не знаю ни одного названия, — вертятся в уме «даури» какие-то (это я позже вспомнил, что «дайкири» — Хемингуэй очень любил).

Бармен показывает, что ничего страшного, может, у сеньора какой свой рецепт имеется?

Я смотрю, у него за спиной бутылок триста сверкает и всё незнакомые. Наконец, любимый силуэт гостиницы «Москва».

Показываю на «Столичную» и три пальца. Он смотрит с уважением, наливает в узкий стакан. А ведь надо-то коктейль, да и на три пальца маловато будет.

Смотрю, опять знакомая бутылка, джин «Бифитер», я такую у Макара на даче видел, там мужик на этикетке идёт с палкой и в шляпе.

Чуть-чуть «Бифитера» — бармен улыбается: оценил мой тонкий вкус, собака. Опять маловато. Тут уж я, не мудрствуя лукаво, говорю:

— Давай ещё две бульки «Столичной» и хорош!

А потом для пафоса два кубика льда и соломинку.

Он доволен, я тоже. «Грациас!» — и пошёл. Пока шёл до стола, всё это выпил.

Бармен ещё немного с нашей девушкой поговорил, она к нам присоединилась, а он собрался мой коктейль повторить — видно, в новинку ему.

Воровато озираясь, налил водки, джина, потом опять водки, попробовал — вроде не поправилось; потом просиял: конечно, а два кубика льда-то забыл. Положил два кубика, размешал, попробовал.

— Тьфу, — говорит по-испански, — какая гадость.

Так этого рецепта он в свои полторы тысячи и не записал.

Сам виноват: не надо было размешивать.

Проходит два дня. Всё очень хорошо, сыграли ещё один концерт, но, по мнению Директора, очень хорошо — значит плохо. Любимое выражение его было: «Что, жить хорошо стали?» Собирается собрание. Выступает Директор:

— С этого дня за границей могут пить только Андрей Вадимович, Александр Викторович и я, ваш покорный слуга. Остальные, то бишь Капитановский, Ефремов и Зайцев, выпивать права не имеют, штраф 700 песет.

Я прямо чуть сигарету не съел. Что же это такое?! Деление на «чистых» и «нечистых»?! Заяц потом отошёл в сторону, шепчет:

— Пил, пью и буду пить!

А жили мы в симпатичной трёхэтажной гостинице. Я в одном номере с Директором. Потолок у нас покатый, типа «мезонин», и в нём окно имеется, на крышу выходит.

Приходим в номер, я молчу — обижаюсь. Директор говорит:

— Ну чего ты? Тебе ж не пятнадцать лет!

— Что за дела? Почему это Макару, Кутикову и тебе можно, а мне, к примеру, нельзя? Что за дискриминация такая?

— Потому что Андрей меру знает, и за Кутиковым никогда ничего этого замечено не было. А я вообще, как ты знаешь, мало пью; ты же взрослый человек, а на тебя Зайцев смотрит.

Я говорю:

— Ты ещё взрослей меня.

Он ещё минут двадцать мне вкручивал, потом дверь запирает, достает «Лимонную» с винтом, которую из Москвы для контакта с испанской компартией привёз:

— На, наливай, пойми меня правильно.

Я смягчился, думаю, может, прав, — и тут кое-что в окне замечаю.

— Валер, — творю, — у тебя среди родственников не было сердечных болезней?

Он говорит:

— Вроде нет, а что?

— Ты присядь на всякий случай, — он садится, — а теперь обернись.

В плафоне над нашими головами двое «чистых», Андрей Вадимович и Александр Викторович, сидя на крыше, высунув языки, делают нам всякие рожи, видимо, «трезвые» абсолютно.

Директор посмотрел, спал с лица, говорит:

— Налей-ка, брат, мне тоже.

Так в Испании закончилась борьба за трезвость. Но потом в Союзе сильно продолжилась.

Директор вообще обожал собрания собирать и всякие судилища устраивать.

Приходит однажды на Росконцерт бумага из милиции: вот, мол, ваш работник Гуренков был задержан у станции метро, за киоском, мочился в неположенном месте.

У нас собрание сразу, суд. А происходит между концертами, все есть хотят, но Директор настроен решительно. Наша костюмерша Танечка протокол ведёт, подсудимый Гуренков по кличке Дед на скамье сидит. Директор прокурором выступает.

Дед — он вообще-то рабочий, колонки у нас таскает. Судить его можно как хочешь.

Директор долго прокурорствовал, описывал преступление Деда, потом говорит:

— Ну что, Гуренков, можешь сказать в своё оправдание?

Деду самому смешно, но говорит чистосердечно:

— Трезвый был. Искал туалет, сил больше не было, зашёл за метро «Текстильщики», а там менты меня и ждали.

Директор говорит:

— Ну, кто хочет выступить? Случай безобразный...

А все на часы смотрят, как бы в буфете до концерта бутерброд перехватить.

— Нам это дело осудить надо. Позор проклятому Гуренкову. Вот Андрей Вадимович в такой ситуации так бы не поступил, правда, товарищ Макаревич?

Макар, индифферентный, говорит, глядя на часы:

— Ну почему?! Вот мне однажды приспичило, я зашёл за Министерство культуры...

Так Деда и не расстреляли.

А в Испании ещё случай был. Пошли мы с Андреем как-то вечером по Барселоне погулять. Он, когда настроение хорошее, даже в Союзе меня гулять берёт, а уж в Барселоне сам бог велел.

В общем, оделись во всё чистое, я даже брюки белые надел, и пошли. Ходим по центральному бульвару, впечатления впитываем, благо их полно, — вот оно, счастье-то.

Кругом акробаты всякие, фокусники и вообще большой праздник. Андрей идёт, радуется, что не все прохожие его узнают и с автографами не надоедают, рассказывает мне, какая тяжёлая жизнь у знаменитостей.

И тут как раз из толпы девица длинноногая к нам бросается. Андрюшка приосанился, за ручкой потянулся, а девица у меня на шее повисла, щебечет что-то на разных языках:

— Френч? Инглиш? Америка? — все старается выяснить, из какой страны такой видный парень, как я, приехал. — Амур, амур, — говорит и на соседнее здание показывает: там, мол, у неё девичья светёлка.

И вот здесь то я начинаю соображать, что, возможно, она попросту несчастная проститутка, вынужденная в условиях суровой испанской действительности продавать за кусок хлеба своё барселонское тело.

Честно говоря, у меня до этого уже было несколько знакомых девушек, но мы же за границей, нам же нельзя; а уж когда я почувствовал, что она правой рукой меня особенно сильно за шею обнимает именно в том месте, где замочек от моей тоненькой золотой цепочки расположился, тут я совсем против проституции настроился. Мужественно оторвал её нежные руки от своей цепочки.

— Баста, — говорю, — никаких амуров.

Она огорчилась, но не сильно, и по принципу «с драной овцы — хоть шерсти клок» говорит: в смысле, мужчина, угостите папироской.

А это всегда пожалуйста! Дал ей сигарету «Родопи» — пусть хоть насмерть отравится. У неё, у гниды, и огня не оказалось, дал.

Наконец она отвалила, мы дальше пошли. Я вздохнул облегчённо: фу ты, напасть какая, ну, будет хоть о чём друзьям рассказать. Чувствую себя легко, а особенно легко себя чувствует моя левая рука, на которой ещё недавно на ремешке красовались скромные часики «Картье», а тут — как испанская корова языком слизнула.

Кинулся назад, да девки той уж и след простыл.

Правда, я её на следующий день видел: стоит на том же бульваре с четырьмя здоровенными громилами, смотрит на меня нагло. А у мужиков ейных глаза выпучены, как у тех быков, что в Испании на каждом углу за красными тряпками гоняются, — пришлось сделать вид, что в первый раз её вижу. Но всё равно, когда проходил мимо, улучил момент и подмигнул ей смело: носи, мол, на здоровье.

Через два дня я вынужден был новые часы купить, на таком мощном браслете, который можно только вместе с рукой оторвать. С тех пор много проституток пытались с меня часы сорвать, ни у кого не вышло.

Я даже сейчас всё это пишу, а часы те с браслетом на мне, как гвоздями прибиты.

Покупка часов сильно подорвала мои финансовые возможности. Очень хотел я в Испании курточку себе купить на молнии. Люблю на молнии: вжик — и готово. Но на оставшиеся деньги смог позволить себе только на кнопках. Кнопки такие тугие, стал застегивать и два ребра сломал.

Счастливые часов не наблюдают.

Пшикер

*«Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед...»*

Из песни

Наши мне про Пшикера все уши прожужжали: Пшикер то, Пшикер это, но посмотреть его в деле всё никак не удавалось.

А дело было вот какого рода. Значит, отбывал у нас воинскую повинность один такой солдат — Пшикер. Фамилия ему была Афиногенов, а Пшикером его солдаты прозвали за особую военную манеру выражаться.

Вот, например, идет старшина, все солдаты прячутся — как бы от него какой приказ не вышел, и как на грех Афиногенов из-за склада № 3 по своим делам выходит. Ну старшина натурально:

— Воин, ко мне, аллюр три креста.

Афиногенов, делать нечего, подходит, ест глазами начальство. Старшина говорит:

— Слышь, Афиногенов, так тебя растак, возьмёшь это белье долбаное с каптерки, так её растак, и шмелем к майору Сурову, так его растак, в его замудонскую контору (так её растак. — Прим. авт.). Там берешь шесть комплектов и пульей ко мне, так меня растак. Понял, собака?!

У Афиногенова глазки голубенькие, вытянулся молодцевато:

— Есть, никак нет, виноват, так точно, товарищ командир!

И пошёл курить анашу.

Старшина для порядку ему ещё вслед крикнул:

— Смотри у меня, черт немытый! — Некоторое время постоял и сам пошёл обедать.

Прошло дней десять. Ни старшина, ни сам Пшикер о белье (так его растак), естественно, и не вспомнили.

Потом встретились случайно. Тут за мной прибегают:

— Идём быстрее, Капитан, там Пшикер со старшиной разбирается.

В самое время поспели. Старшина ноги расставил, собой любуется, говорит грозно:

— Афиногенов, так тебя растак, урод в жопе ноги, ты у меня на дембель инвалидом поедешь. Где бельё? Чмо ты китайское!

У Пшикера глазки небесные, бровки домиком, весь такой складненький:

— А я, товарищ старшина, всё, как вы сказали. Пошёл, значит, бельё, пшикер, лежит где. Там, пшикер, он... ой! Страшное дело, какой пшикер. А я как на духу, пшикер. Белье, пшикер, Парфёнов, Парфёнов и Парфёнов, пшикер, пшикер, товарищ, пшикер, старшина, пшикер. В общем, всё, как вы сказали.

Старшина подумал минутку, осмотрелся, потом говорит:

— Чего?!

Афиногенов доброжелательно:

— Ну я же вам объясняю! Пошёл я, пшикер, туда-сюда, пшикер, бельё-то надо, как вы приказали, пшикер. Вот какие дела, а пшикер — он там... Я говорю: «Сам товарищ старшина, пшикер, шесть комплектов пшикера», — а майор, пшикер, так точно, согласно уставу, бельё, пшикер, в общем, благодарю, пшикер, за службу, пшикер и пшикер.

И пошел курить анашу.

Старшина немного постоял, кулаком загрозился для страху и опять вслед крикнул:

— Ну я, бля, твоему майору!.. — махнул рукой и пошёл обедать.

Подошли ко мне мои орлы-однopolчане, рот закрыли, говорят:

— Понял службу, салага?

— Понял, — говорю, — более или менее, а почему у старшины — Растак кликуха?

А вообще-то Пшикера все офицеры почему-то старались избегать.

Капитан-то — это не звание у меня было, а прозвище, и родилось оно так.

Попал я однажды в военный госпиталь по подозрению на дизентерию — тогда половина полка животом мучилась. Ну, привезли меня ночью, положили в палату до утра. Лежу, сильно удивляюсь: палата на двух человек, на второй койке кто-то спит, одеялом укрывшись, на полу — ковер, на подоконнике — цветы, на тумбочке — небольшой телевизор! Ну, думаю, наконец-то наши солдатики дожили до нормального отношения. Уснул сладко, зная полка снилось.

Утром будит сестричка: халатик крахмальный, каблучки-туфельки, лезет теплой ладошкой за пазуху:

— Товарищ капитан, поставьте градусничек.

Я говорю:

— Ошибочка вышла: рядовой я.

Она улыбается:

— Никакой ошибочки, у нас всё четко. Вот у меня написано: Капитан Овский.

В общем, через 20 минут я уже на 3-м ярусе в бараке с ребятами за дембель базарил.

А до этого у меня вообще кличка была — Враг. Я до армии в «Машине времени» играл на барабанах. Очень известная уже тогда была группа, хотя и официально не признанная. И вот уже после того, как меня предательски забрали буквально в один день, в одном гэдээррошном журнале FREIE WELT появляются статья и крупная фотография «Машины»: А. Макаревич, А. Кутиков, М. Капитановский, С. Кавагоэ — по-немецки написано, но все ж даже после военной академии прочитать можно. И вот ребята меня решили порадовать в моём далёком пограничном районе — выслали бандерольку с журналом.

Через каких-то два с половиной месяца вызывают меня в штаб. Большинство солдат за два года ни разу

даже близко к штабу не подходят, а я ещё на четвёртом месяце — довольно страшновато. Военная комната: сейф, шкаф у двери, стол и ещё шкаф в углу. Двое очень крупных мужчин в форме. На столе какой-то немецкий журнал. Мужчины — замполит майор Криворот и высокий капитан-пропагандист (была такая специальность). Я стою, они курят. Потом спрашивают ласково:

— Кто будете?

Я приободрился:

— Воин Советской армии и флота Максим Капитановский по вашему приказанию прибыл.

— Что же ты, сукин кот, не поставил нас в известность, что был в ФРГ, у них же бундесвер.

Второй, глядя в потолок, говорит:

— А ну-ка, Саш! Позвони в дивизию прокурору.

Я в страхе бормочу:

— Товарищи маршалы, какая ФРГ? Я же в немцев только в детстве играл, и то на стороне русских.

— Не надо петь военных песен, — это капитан-пропагандист.

— ФРАЙЕ ВЕЛЬТ — это свободный мир, как сам думаешь, Николай Иванович?

Туг «шкаф» в углу говорит:

— Я тебя научу родину любить, ты не советский воин, ты враг; я таких в 42-м своей рукой к стенке ставил и... — выходит из тени на середину комнаты — чистый Вий. — Хорошо, что мы почти проверяем, а то мамыши неосознательные то колбасу пришлют, то фотку бабскую, а враги тут как тут притаились.

Вышел к столу: косая сажень в плечах, ремни поскрипывают — командир полка Рекс. Штаны на библейском месте топорщатся — я его тут же прозвал Эрекс, но не прижилась шутка: тонко очень.

Ничего мне за это не было, даже журнал через полгода отдали, только, бывало, Рекс около оркестра (я

тогда уже в оркестре служил) пройдёт:

— Как, — говорит, — Враг, совсем империалистам продался?!

Мы, конечно, все «ха-ха» включаем.

— Рады стараться, товарищ полковник.

Так вот, я сначала Врагом обретался, а уж потом Капитаном.

О Рексе — особо. Потрясающий мужик был. Рекс — это тоже кличка (уж не знаю за что!). У нас с ним отношения на короткой ноге. Не моей, конечно, — у него-то на три размера больше, чем тот год, когда он якобы всех к стенке ставил.

Я вообще-то его возраст прикинул — получалось, что в 42-м ему было от силы года четыре, так что своей рукой к стенке он мог ставить разве что ночной горшок. Но я привык людям верить, поэтому на всякий случай его побаивался.

И вот вызывает он однажды меня в ту комнату. Там майор Криворот и полный набор шкафов и сейфов. Рекс:

— Ты, Враг, знаешь «Комсомольский прожектор»?

Я мысленно упал в грязь его лицом, но говорю:

— А как же, не у Пронькиных на даче (но в уме).

— Тут комиссия, штык ей в брюхо, через два дня. Замполит сказал, что ты рисуешь, как мороз на оконном стекле. Вот тебе фотоаппарат старлея Митрохина, ему жена из Новосибирска привезла, ну та, которая потом с прапором Акишиным сбежала, но ты этого знать не можешь. Так вот: две плёнки, аппарат, иди и снимай недостатки, потом пойдёшь в клуб к Антсу Аарэ, к этому чухне, к врагу, которого я в 42-м ставил и не поставил. Он фотки напечатает и вообще, а ты — «Комсомольский прожектор»... Одна нога здесь — другая там.

— Есть, никак нет, виноват и служить легче будет!

— А щит стоит возле КПП — ржавая такая железяка, а то я ты своей рукой...

Впервые работа по нутру, иду с фотоаппаратом, как кинооператор Кармен, радуюсь, навстречу Пшикер.

— Ну что, — говорю, — Пшикер, как оно, бельё-то? — настроение у меня хорошее.

Он посмотрел холодно:

— Пшикер, — говорит.

И пошёл курить анашу.

Я потом с ним после дембеля встретился, ни разу этого чудного слова от него не услышал. Правда, он тогда вообще молчал.

Так вот, перво-наперво я достал два листа ватмана, склеил, пошёл на КПП на «Прожектор» посмотреть: на двух столбиках стоит неправильной формы металлический лист. Ничего не понимаю. Покурил! Ага, вижу: контур воина с прожектором просматривается и ещё место для недостатков. Достал краски, освежил — воин классный, красномордый, в одной руке прожектор, другая на недостатки указывает.

Ну что вам сказать? Недостатки хорошие. И овощехранилище, где картошка гниёт, и коровы на территории, и женщины гражданские с авоськами через полк на автобус дорогу срезают. А на КПП приказ вышел: баб не пускать. Часовые родины насмерть стоят, правда, пять метров в сторону забор кончается и бабы там вперемежку с коровами проходят.

Я пал на колено, как перед невестой, сфотографировал.

Увлёкся, два дня не обедал, наконец эстонский рыболов Аарэ — «печальный пасынок природы» — выдал мне 32 фотографии (из 64 совсем неплохо). Очень хорошо они легли на ватман — приклеил, отошёл, как художник Куинджи от полотна «Ночь на Днепре», посмотрел: текста явно не хватает. А я же ещё и поэт. Мне стихи написать — что Рексу двух дембелей отоварить.

Под каждой фоткой подписываю фломастером.

Про баб:

С авоськой женщин от прохода
Гоняет смелый часовой.
А вся рогатая порода
Проходит за его спиной.

Фото: около штаба в канаве лежит пьяный мужик, гражданский. Стихи:

Совсем недалеко от штаба,
Там, где стоит наглядный щит,
Лицом к забору — к людям задом
Мужчина выпивший лежит.

И дальше больше. Так я в недостатках поднаторел, что уже устно готов был комиссии докладывать. Ну ладно, поставил последнюю точку, полюбовался.

Жалко, думаю, посмотрит прохожий или какой-никакой китаец и плохо подумает, а ведь и достоинств полно. Вот, к примеру, два месяца назад была жестокая и бескомпромиссная борьба за чистоту. Рекс так и сказал:

— Как увижу окурочку на территории, так сразу его своей рукой и так далее. Короче, хоронить будем.

Не совсем было понятно, кого хоронить, но всё равно по тону неприятно.

На следующий день окурочка была сразу найдена Рексом прямо на ступеньках штаба. Хороший окурочка, от «Явы» с фильтром — такой на солдатской кухне целую луковицу стоит. Сразу тревога — свистать всех наверх, а некоторых вниз, построение полка, парадный взвод с оружием. Четыре сержанта держат простыню, посередине лежит многострадальный окурочка, весь полк

похоронным шагом (Рекс впереди) выходит в сопки на 4 км и хоронит усопший окурочок под оркестр и выстрелы парадного (он же погребальный) взвода.

Отличные достоинства.

Постоял у «Прожектора» минут двадцать, труба пропела — святое, пошёл обедать.

Как потом выяснилось, комиссия прибыла через час и, хотя половина полка два дня для их банкета грибы в сопках собирала, дальше «Прожектора» не пошла: аккуратно сняли и удалились.

Дня через три сидим с ребятами в каптёрке, курим — кто анашу, кто так, всякую дрянь. Разговоры ленивые. «Три П» — Пётр Петрович Пунтусов — говорит:

— У нас в Барнауле строго. Вот меня под 8 Марта женщины из нашего барака послали за водкой. Я купил две бутылки, еду обратно на автобусе, бутылки в сетке — все видят; а в автобусе один мой знакомый с приятелем... Я схожу, они за мной, здоровые черти: «Петь, дай бутылочку!» Я говорю: «Не, женщины просили». Они: «Мы твоих женщин...» Потом этот приятель хватить у меня сетку, хрясь об землю — и одна вкусная вдребезги. Я: «Вы чего?». — Тут мой знакомый как даст мне в рыло и челюсть сломал.

Мы посочувствовали как могли, спрашиваем: и всё? так и кончилось?

А Петя встал (он приноровился отруби в столовой забирать и в деревню продавать, наверное, уже пора было отруби везти) и пошёл, зевнул так жизнеутверждающе:

— Ну почему? Ребятам знакомым сказал...

— Ну и как, набили едало-то?

Петя потянулся, говорит:

— Да не, убили на хуй.

Тут как раз и прибегают:

— Капитан, тебя Рекс со товарищи ужас как ищут, давай ремень.

Рекс, значит, был подполковник, но требовал, чтобы полковником звали. Говорят, раньше, когда учил кого-нибудь из солдат родину любить, то мог свободно дать в курятник или даже ногой пнуть, чтоб служба мёдом не казалась.

Вот только однажды сунул он одному прапору в зубы, между прочим, выпускнику консерватории, факультета военных дирижёров, руководителю хора жён офицеров, а тот потом по запарке в хоре жене командира дивизии в песне «Красная гвоздика — спутница тревог» вместо первой партии вторую предложил. Тут-то всё и открылось. Комдив вызвал Рекса и сказал: «Нехорошо». С тех пор Рекс прямого рукоприкладства избегал.

Но вызовет, бывало, какого-нибудь замудонца к себе в кабинет и начинает: «Я тя своей рукой... враг...» и т. д. А как доведет себя до состояния, что прямо из сапог выпрыгивает, то тут уж хватает за ремень и то об сейф приварит, то об схему трёхгодового победоносного рейда полка от деревни Козловки до пункта N (всего 5 км) — в общем, приятного мало.

Но на каждое командирское действие есть своё солдатское противодействие.

Вот они мне и говорят: «Давай ремень». Я уже всё знаю, ремень даю. Ремень солдатский имеет одну особенность: его длину можно менять в зависимости от того, где служишь. К примеру, если хлебрезом, то — ВО, а если кочегаром, то — во.

Вот мне и делают ремень длиной сантиметров тридцать, потом два мордоворота его на мне застёгивают и синего, как альпиниста от кислородного голодания при покорении Монблана, ведут под руки к Рексу.

Там на ковре стою, ну ничего не соображаю. Воспринимаются только отдельные слова: родина, 42-й год, моя мать, прожектор, снова моя мать.

Пальцы у него толстые, кулаки, как бочонки, — эх, с каким бы удовольствием он меня по бивням звезданул, но вроде как нельзя, так он хватать за ремень. А у меня талия, как у балерины Плисецкой, когда она только что шесть лишних кэгэ сбросила. За ремень-то никак и не ухватишь.

— Вон, — кричит, — отсюда до утра, а там я ты своей рукой...

Я, конечно, потом подумал как следует, понял, что у него, наверное, неприятности из-за недостатков были. Долго потом совесть мучила, что не дождался комиссии у «Прожектора». Рассказал бы хоть на словах и про достоинства, ну хоть про те же похороны окурка.

Я вот всё — анаша, анаша. Не подумайте, что в армии наркоманы все. Просто она, конопля эта самая, прямо на территории росла: Дальний Восток всё-таки, так что идёшь с политзанятий, руку протянул — и пожалуйста. Гораздо легче, чем любого другого курева достать.

Её и в газеты заворачивали в виде самокруток, и пыльцу собирали, а однажды Пионер принёс из медсанбата трубку клистирную; мы кальян сделали — всё честь по чести. Сидишь, как эдакий Турумбайбей, кальян потягиваешь, только одалисок с баядерками и не хватает.

Пионер, между прочим, тоже интересный фрукт был. Сначала-то обыкновенным солдатом обретался, а потом раз отрабатывал оддание чести начальству и умудрился не то сломать, не то как-то там сложно вывихнуть руку. А накладывал ему гипс такой же болван, как он сам, и загипсовал руку в положении пионерского салюта (типа всегда готов). Получился вылитый пионер — всем солдатам пример.

Больным он считался ходячим, вот и шатался где ни попадя — всех приветствовал. Красивое зрелище —

правой рукой человек всем салют отдаёт, а левой анашу курит или там вафли ест, вот до кальяна и додумался — всё способнее. Он вообще все время вафли ел, где доставал — уму непостижимо, может, из дома присылали?

— Ты, — говорит, — Капитан, осознаёшь хотя бы силу вафлей? Вот сколько, к примеру, думаешь, мне лет?

Я прикинул слегка:

— Ну, полтинник.

— Дурак ты, — говорит, — и сволочь...

И пошёл с Пшикером курить анашу и вафли есть.

В общем, эти вафли, тьфу черт, ну анаша эта, вреда большого не приносила, потому как листики сырые, необработанные. К такому куреву и не привыкаешь, а настроение маленько улучшается.

Вот у нас подсобное свинское хозяйство было, так свиньи этой конопки нащиплются, ходят потом, улыбаются.

А один раз анаша даже косвенную пользу принесла в политическом смысле.

Была неподалёку от нас погранзастава. Стояла она от других застав несколько особняком и считалась образцово-показательной. Короче говоря, если на других заставах действительно наши рубежи охраняли, то на этой образцово показывали, как это нужно делать.

Личный состав состоял сплошь из спортсменов-разрядников и здоровяков, а командир был дважды или трижды мастер по разным видам спорта.

Проходил там службу один воин с Украины, которого в образцово-показательные взяли за человеческую красоту и природную силу. Солдаты со свойственным армии юмором метко прозвали его Хохлом.

Парень он был огромный, со зверской выправкой, и некоторое время им сдержанно гордился командир, но не разглядел вовремя в нём человека. А человек этот сошёлся близко с одним узбеком и ну самозабвенно курить анашу, которую из дома в письмах узбеку брат присылал. Анаша фирменная, узбекская, — не чета нашей, и они очень сильно от неё дурели.

Потом узбеку дембель вышел. Грустно им, богатырям, расставаться было. На прощание накурились «до дерева»; узбек Хохлу тубетейку и запас анаши на шесть месяцев подарил, а тот ему тоже семечек насыпал.

Сильно скучал Хохол без этого узбека. Накурится в хлам и бродит по заставе, как зомби, в дорогой тубетейке и без ремня.

Потом ему этого показалось мало, и начал он тогда всех окружающих бить. Не то чтобы уж очень крепко собратьев по оружию поколачивал, а так уныло как-то: то ногу кому вывихнет, то глаз закроет. Всё равно прямому начальству это вроде не понравилось, хотели было под трибунал отдать, а потом думают, зачем сор из избы выносить, показатели портить; пять месяцев оставалось терпеть-то, ну и приставили к нему шесть человек сержантов; как полезет всех бить — они навалятся, скрутят и в каптёрку молодца под бушлаты. И спит он там, своего любимого узбека во сне видит.

Мы-то были полком поддержки пограничников. Это значит, если китайцы через границу попрут, то мы пограничников поддерживаем.

Поэтому нам отцы-командиры старались привить сильную бдительность, и на политзанятиях в большом ходу была леденящая кровь история о том, как коварные китайцы похитили зазевавшегося тракториста и подвергли его зверским пыткам, а потом нагло заявили, что он-де сам перебежал.

Китайцы иногда в пределах прямой видимости (в бинокль, конечно) махали приветственно руками, но знающий замполит сказал, что на китайском языке жестов это означает угрозу — ну как бы когда мы друг другу кулак показываем.

Так что я лично китайцев сильно боялся, особенно когда один приятель из батальона связи шутки ради рассчитал, что если гипотетически их пустить через границу в колонну по четыре, а в районе Барнаула поставить пулемёт, который будет всё время стрелять и их убивать, то всё равно они будут идти ВЕЧНО. Очень уж их много.

Но служба службой, а дружба дружбой.

Раза два-три в год наши пограничники встречались с китайскими дружить.

Осуществлялась дружба в основном на той самой образцово-показательной заставе, где последнее время бесчинствовал Хохол.

Делалось это обычно так: китайцы приезжали, человек 30-40, тоже, наверное, не простые, а специальные, потому что уж больно раскормленные. Споют своё мяу-мяу, затем наша самодеятельность из выпускников Московской и Ленинградской консерваторий грянет «Полюшко-поле» или «Непобедимая и легендарная», а иногда уж вытаскивался на свет божий такой монстр, как «Русский с китайцем — братья навек», но без слов — инструментально.

Далее следовал совместный обед, естественно, составленный из обычного рациона советского воина: ну, там фрикасе всякие, почки-соте и бульон с профитролями; затем два часа для общения и возможной дружбы.

Перед каждой такой встречей устраивался инструктаж в том смысле, что плохие китайцы в Пекине сидят, а те, которые приедут, вовсе даже и ничего, а

может, среди них и вообще нормальные имеются. Очень важно было это внушить, чтобы наши орлы сгоряча сразу всех не постреляли. Но и переусердствовать тоже нельзя: а ну как целоваться бросятся.

Вот после обеда общение началось. Сидит наш увалень сержант, а китаец ему всякие штуки показывает: вот, мол, воротник — шанхайский барс, а вот нож специальный пограничный — 32 лезвия: и патрон застрявший из патронника выковырять, и операцию на глазу сделать. Смотрел на него наш, смотрел. И показать-то, и похвалиться-то ему нечем. Хотел сначала китайцу в лоб дать для убедительности, потом инструктаж вспомнил.

— Давай, — показывает, — на руках бороться.

Китаец с удовольствием. Раз! И к столу нашу руку припечатал. Сержант губу закусил:

— Давай ещё!

Китаец и второй раз его легко уложил — сидит улыбается, сволочь. Вокруг них собираться стали, дело начало принимать политический оборот. Подошел замполит — гиревик и кандидат, пнул сержанта под столом сапожищем, отодвинул.

— Он у нас больной, недоношенный, — говорит по-китайски.

Китаец ничего, понял, опять улыбается, даже поклонился немного.

Замполит, конечно, не то что сержант, за два дня до этого гаубицу об колено на спор согнул. Китайцу бедолаге несладко пришлось. Целых шесть секунд понадобилось, чтобы замполита завалить.

Командир заставы понял: его черед пришёл престиж страны спасать, а то китайцы веселятся, а наши того и гляди затворами защёлкают. И дело-то, в сущности, простое, а то ведь как его начальство за замполитову гаубицу ругало, пришлось тут же на месте выпрямлять.

Наши все приободрились, смотрят соколами: сейчас старлей этому покажет.

Что такое?! Китаец опять — бац! — и улыбка до ушей. Видно, приноровился, гад, к нашей манере.

Старлей запястье потирает, бледный как полотно, говорит в сторону:

— Хохла сюда, живо.

Притащили Хохла из-под бушлатов. Он со сна ни по-русски, ни по-китайски не понимает; засадили кое-как за стол, он только тюбетейку поправил — хрясь! — и сломал китайцу руку!!! Открытый перелом, даже косточка через рукав вылезла.

Хохол тут же на него кинулся, всё норовил совсем руку напрочь оторвать, полумеры его уже никак не устраивали. Ну, отобрали китайца с трудом, утащили Хохла в каптёрку, но он ещё долго по дороге продолжал всех его волокущих бить. Каков молодец!

Китаец за руку держится, зубами молча скрипит, стойкость азиатскую демонстрирует, но когда узнал, что сержант под шумок ножик у него тот чудный спёр, тут уж заорал в голос.

Так анаша помогла Хохлу его подвиг совершить, а стране нашей честь свою не уронить.

Однажды одна очень интеллигентная женщина Александра Алексеевна пришла в гости к другой очень интеллигентной женщине Юлии Леопольдовне.

— Здравствуйте, уважаемая Юлия Леопольдовна!

— Здравствуйте, дорогая Александра Алексеевна! Проходите, пожалуйста, чай только что вскипел.

— Спасибо! — Александра Алексеевна прошла и села к столу, на котором расположились чайник, чашки и несколько вазочек с вареньем.

— Вам вишнёвого, как всегда? А то вот есть земляничное. Свеженькое.

— Спасибо, дорогая, попробую земляничного.

— Как ваши дела, здоровье?
— Спасибо, хорошо. А ваши? Что от мужа слышно? Как он там?
— Да слава Богу! Основной срок уже отмучился. Не так много осталось.
— Что-то не пойму, много ему ещё сидеть-то?
— Ну вы же знаете. Дали ему два года, вот он год и две недели уже отсидел. Еще чашечку?
— Всё ж не дойдёт до меня никак! Ему меньше сейчас осталось, чем он просидел или нет?
Тут Юлия Леопольдовна воровато оглянулась, расправила веером длинные костлявые пальцы и низким утробным голосом произнесла:
— Ну *с горы, с горы* покатился хорёк ебаный!

Потихоньку-полегоньку прошло более года, я покатился с горы и из салаги и «фазана» превратился уже почти в «старика» и имел полное право начать систематическую и всепоглощающую подготовку к тому, что для солдата важнее всего, — к дембелю. Не зря под огромным плакатом на плацу «Всё, что создано народом, должно быть надёжно защищено» прилепилась надпись от руки — «Дембель неизбежен, как крах капитализма. В.И. Ленин».

Подготовка к дембелю заключалась в изготовлении и разрисовке дембельского альбома и в подгонке и придании наиболее молодцеватого вида дембельскому обмундированию.

Всё зависело от материальных возможностей и художественного вкуса демобилизуемого.

Обложка альбома, желательно бархатная (вот почему в клубе были вынуждены заменить занавес на тряпочный), обычно украшалась тигриной мордой: всё-таки уссурийский край, а содержание варьировалось в зависимости от фантазии и настроения полкового фотографа, в моё время — прапорщика Антса Аарэ. По

примеру своих братьев эстонцев, поднаторевших в европейской культуре, он сделал нечто вроде солдатского фотоателье с декорациями. Он также изготовил из дерева макет автомата, который большинство солдат после присяги и в глаза не видали, покрасил его чернилами, и за два рубля или банку тушёнки вы могли послать любимой или друзьям свою фотографию с закатанными рукавами и автоматом. Или благодарственную фотографию мамаше около невразумительного флага, исполняющего обязанности полкового знамени.

В большом ходу была и такая сценка: на фоне сопки воин с автоматом и со зверским выражением лица охраняет рубежи, а вдалеке видны две-три китайские рожи.

Что касается дембельской формы, то это особый разговор.

Начнём с пилотки. Тут дело сложное. До сих пор учёные всего мира не могут прийти к согласию. Мир разделился на две части, как у писателя Свифта по поводу очистки варёного яйца — на остроконечников и тупоконечников, только в нашем случае — на «затылочников» и «лбешников». «Затылочники» упорно считают, призывая в свидетели Военно-морской флот, что наиболее заливчатски пилотка сидит на затылке, почти на шее, куда она прибивается специальным гвоздиком, а «лбешники», в свою очередь, предлагают опускать пилотку на нос и в крайнем случае придерживать языком.

Есть ещё немногочисленная и всеми презираемая экстремистская партия «височников», рекомендующая носить убор на ухе, но, как уже говорилось, их всерьёз никто не принимает.

Всё это относится и к фуражкам, только в фуражку вставляют специальную металлическую конструкцию, с помощью которой тулья в профиль образует почти

прямой угол, вызывающий нездоровые ассоциации с немецким рейхом. Звёздочка в обоих случаях сгибается под тем же прямым углом.

К такому идеалу стремились почти все защитники Родины, за исключением некоторых воинов-кавказцев, чьи состоятельные родители присылали им на дембель заказные фуражки диаметром до полутора метров; злые языки утверждают, что был случай, когда на такой убор сел пограничный вертолёт.

Ниже головы у дембеля обычно находится китель, борта которого украшены белым электрическим проводом, бархатом и медными заклёпками. Погоны должны быть маленькими и армированы 3-миллиметровой сталью; из-под правого погона к третьей пуговице должен спускаться аксельбант, свитый из красивой верёвки. Некоторые дураки, не сведущие в аксессуарах, перепоясывались аксельбантом на манер портупеи, другие засовывали свободный конец в карман, а красавец Пионер, с которого гипс так и не сняли, уехал на дембель, держа конец аксельбанта в правой пионерской руке.

Хорошо иметь молодцеватую грудь, осмотреть всю ширину которой можно, только повернув голову на 180 градусов. Тогда на груди свободно уместится целая коллекция воинских значков. Тут и военный специалист 3-го, 2-го и 1-го классов, и бегун-разрядник, и парашютист-затяжник, и чемпион-стрелок из всех видов оружия, включая торпеды. Приятно освежает наличие значка «Гвардия» и малопонятного «Береги Родину», а при удаче можно рассмотреть притаившегося под мышкой «Донор СССР».

Хороший пример в этом смысле тогда подавал глава нашего государства, поэтому, чтобы заявиться в родной колхоз при «полном параде», значки начинали собирать и выменивать задолго до демобилизации.

Брюки ушивались до состояния колготок, так что стрелки отглаживать было бессмысленно, и они рисовались шариковой ручкой.

К сапогам пришивались вторые голенища, и по длине они были похожи на обувь Фанфана-Тюльпана или певицы Ларисы Долиной; после чего при помощи утюга геометрически сплющивались, укорачиваясь раза в четыре, и мучительно напоминали куплетную гармошку-концертину.

Прибавим сюда каблуки-рюмочки, кропотливо выточенные холодными дембельскими вечерами из тяжёлой армейской резины, алюминиевую ложку с наборной «финской» рукояткой и затейливой военной вязью «Ищи мясо, сука!», а также ремень, свисающий до положения «Покорнейше благодарю», — вот приблизительный собирательный портрет дальневосточного дембеля.

Два раза в год, в начале лета и зимы, полк начинало лихорадить. Приходило пополнение, и уезжали домой отслужившие.

Замполит полка, майор Криворот, доставал из сейфа свою верную, острую как бритва сапёрную лопатку, ладно пристёгивал ее к поясу и выходил на свободную охоту.

Ушлые дембеля старались, конечно, ему на глаза не попадаться, шарахались по каптёркам, но майор обладал незаурядным сыскным нюхом и сноровкой, так что его рейды всегда заканчивались успешно.

Происходило примерно так.

Увидев разодетого в пух и, конечно же, в прах красавца-дембеля, майор зычным командирским голосом командовал:

— Воин! Ко мне!

Несчастный уже издали начинал ныть:

— Ну, товарищ майор... два дня до дома осталось.
Ну, товарищ майор...

— Я сказал — ко мне, капельдудкин хренов.

Убранство дембеля с аксельбантами и т. д. километров с трех действительно могло напоминать форму военных музыкантов на параде, так что замполит, слабо представлявший себе тонкую разницу между капельдинером и капельмейстером, в охотку щеголял остроумием.

— Три приседания, жи-во!

Место вообще-то очень напоминало Гревскую площадь, а сцена — «Утро стрелецкой казни».

Приговорённый делал три приседания, после чего его колготки причудливо рвались по всем швам, а майор гробовым голосом приказывал:

— На колени, — и вынимал лопатку.

Когда я увидел всё это в первый раз, мне показалось, что я сплю. Я отчётливо представил, как покатится буйная головушка осуждённого, как осядет, повалится вбок обезглавленное тело.

И вот широко, как профессиональный палач, расставив ноги, замполит высоко поднял лопатку (как принято в таких случаях писать), ярко сверкнувшую на солнце, рубанул на выдохе — и... покатались в сторону каблучки, и осело, повалилось вбок голоногое, укороченное на восемь сантиметров тело.

Каблуки, конечно, подбирались сочувствующими зрителями, а колготочность в брюках вечером восстанавливалась первым попавшимся салагой, и полностью реанимировался лихой дембельский облик.

Ничто и никто, даже товарищ майор Криворот, не может убить в человеке тягу к прекрасному.

После той истории с «Комсомольским прожектором» меня долго не трогали. А потом нашёлся неглупый, наверное, человек, всё-таки вспомнивший мои впечатляющие успехи на ниве военной наглядной агитации, и мне поручили оформить, то есть расписать

штук пятнадцать здоровенных щитов, установленных вдоль главного плаца.

Примерно два метра на метр восемьдесят, с неприглядными подтёками и щербинами, щиты навевали размышления о десятках расстрелянных около них за нарушение устава военнослужащих.

Не знаю: то ли кому-то дошлому удалось разыскать в архиве генеральный план, по которому когда-то строился и украшался плац, то ли количество щитов неожиданно навело какого-то наблюдательного офицера на гениальную мысль, — только мне выдали маленькую (чуть больше пачки «Явы») книжечку «Памятка дальневосточного воина», чтобы я оттуда срисовал 15 гербов союзных республик.

Намучился с этим «нарядом» порядочно! Во-первых: попробуйте перерисовать герб диаметром больше метра с невразумительных бумажек, где небрежно наляпаны все эти гербы размером с кружочек с нынешнюю двухрублёвую монету. Во-вторых: страничка, где было указано, герб какой именно республики помещён, например, под номером «3», была оторвана наполовину. В общем, и головой пришлось поработать, и ногами: ходил искал узбеков и таджиков, чтоб свои гербы опознали. А в-третьих: надо было успеть к 1 Мая, иначе Рекс обещал порвать мою московскую попку на «фашистские знаки».

Времени, конечно, мизер. Дали, правда, одного в помощь — щиты грунтовать, но он, бедолага, совсем по-русски не говорил и национальности своей обозначить не мог. Во всяком случае, ни один из гербов как свой, родной, идентифицировать он не смог. Зато на щиты белой краски наляпал аж в три слоя. Как Том Сойер!

Короче, наконец, я всё сделал, осталось только на гербах Армении и Грузии лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» написать. Если на белорусском и украинском гербах я с лупой кириллицу кое-как

восстановил, то надписи кавказской вязью на микроскопических картинках разобрать совсем уж было невозможно. Поздно вечером 30 апреля я разыскал одного скрипача из Армении — Эдика, который через два дня уже уезжал на дембель. Он выпускник Ереванской консерватории, служил у нас год в оркестре. Эдик тихий такой, интеллигентный, в очках, написал мне крупно на бумаге по-армянски «пролетариев», предложил и по-грузински написать — сказал, что в курсе, — у него мама грузинка. Я говорю: «Давай!» — а про себя подумал, что надо будет на всякий случай как-нибудь проверить грузинский текст, а то ходили слухи, что армяне к грузинам как-то не очень...

Ночью не поленился сбегать с «грузинским» лозунгом к танкистам — там мой знакомый, Резо, служил, он про соединение пролетариев подтвердил, так что уже к полседьмому утра все гербы были с надписями и поражали ценителей щедрой палитрой. Не вышло у Рекса меня в тот раз на «фашистские знаки» порвать.

Прошло месяца три. Сижу вечером, помогаю одному воину дембельский альбом оформлять, вписываю его фамилию в многоразовый шаблон собственного изготовления, оттиснутый под его ушастой фотографией на фоне акварельных сопков: «Не пробежит ни тигр, ни львица, никто не просочится из врагов, ведь на замке находится граница, когда в наряде *Витя Пирогов*» (Саша Иванов, Коля Ванчуг, Миша Шнобельзон.)

Тут дневальный прибегает: «Товарищ «старик», там художника спрашивают! — и шёпотом, испуганно оглянувшись, добавляет:

— *Южане!*»

Я, как и любой другой, при такой фигне напугался, конечно. Говорю дневальному: «Я что, по-твоему,

художник, что ли? — потом посмотрел на недоделанный альбом: — Ладно, скажи, иду!». По дороге начал прикидывать, зачем я им понадобился. Тоже, наверное, насчёт альбомов — моя популярность растёт.

У курилки в полутьме топтались фигуры. Потом по одному начали на свет выходить и руки для знакомства тянуть: «Сурен, Армен, Карен, Тигран...» Сигаретами из дома присланными угостили, рассказали пару анекдотов про «армянское радио». Когда прощались, говорят: «А можно мы завтра ещё придём?»

На следующий день в то же время явились уже все новые и только один вчерашний — Сурен. Сурен этот обнаглел немного: «Вот, — говорит, — мой друг Максим!»

В принципе отличные все ребята оказались. Я о них всем рассказывал, и рейтинг Армении в полку резко пошёл вверх. Офицеры говорили: «Как увидишь на плацу орла — глаза горят, настроение бодрое, — значит, точно армянин!» А заезжий военный теоретик из Ленинграда даже загорелся написать монографию «Генетическая предрасположенность армян к строевой подготовке».

Через несколько лет в Москве в случайном разговоре с моим приятелем Минасом выяснилось, что тогда Эдик подсунил мне совершенно другой текст. Я, конечно, написание вспомнить никак не мог, но Минас показал, как по-настоящему по-армянски пишутся «пролетарии». Это было в корне не то! Больше того, мой друг написал на выбор несколько сильнейших армянских ругательств, и в одном слове я с ужасом признал половину составляющих лозунга, который я, высунув язык от усердия, вывел тогда на гербе.

И до сих пор в далёких горных армянских селениях седобородые старцы холодными зимними вечерами у огня рассказывают внукам красивую древнюю легенду о простом русском парне, рискуя жизнью написавшем на

гербе свободолюбивой Армении фразу, которая в вольном литературном переводе звучала бы так: «Армянские мужчины постоянно вступают с Советской властью в специфические половые отношения в извращённой форме».

Интересно, где сейчас этот герб? Жизнь показала, что армяне любят и умеют хранить тайну.

Рекс вообще-то крепко уважал себя за красноречие. Обычный вечер смеха — полковое построение.

Стоим в полукаре (это как квадрат с тремя сторонами — четвертую-то дизентерия выкосила), Рекс — в середине.

Ну, как водится, первая шеренга — одни молодые, недавнего призыва воины, и хоть накурившиеся, но одеты всё-таки по форме: в сапогах и воротнички застёгнуты. Вторая — уже по полгода прослужили: и стоят посвободнее, и расхлыстаны поболее; третья и четвертая — уже кое-кто без ремней и в кепках. Пятая и шестая — стоять, видимо, не могут, так в трениках да в кедах, с транзисторами на травке Японию слушают.

Рекс неожиданно докладывает:

— Вы — не советские воины, вы — враги. Я таких в 42-м своей рукой к стенке ставил. Вот дизентерия напала. А почему? Гигиены нету. Вам для чего в частях газеты выписывают, а?! По три-четыре газеты на взвод, а некоторые враги, которых я в 42-м, сами знаете, куда ставил, всё жопу пальцем вытереть норовят, а потом в рот тащат. — И ногой топнул два раза для убедительности. — Я эти дела знаю. Мне этот палец в рот не клади! — И дальше в том же духе выступает.

Смешно, конечно, очень, но ничего, стоим, внимаем.

— Где дисциплина, я вас спрашиваю? Вот позавчера пошли два замудонца по самоволке в Козловку за водкой, я её в 42-м... А как пошли?! Через танковый

полигон, а там новые огнемёты испытывают. Вот убьют такого мудака, а он потом скажет: «Я не знал!..»

В это время к Рексу со спины подходит огромная толстая свинья, их много, обжевавшихся конопли, у нас шаталось, останавливается метрах в полутора, стоит, слушает зачарованно.

Свинья, надо сказать, отменная: пятак большой, глазки смышленные, хвостик витка три насчитывает.

Хайло-то разинула, с копытца на копытце переминается заинтересованно, по всему видать, очень ей по свинскому сердцу эта рексова речь приходится.

Конечно, уже первые ряды волноваться начали, отдельные всхлипы раздаются, кое-где рыдания сдержанные.

Рекс радуется: настоящее искусство всегда найдет дорогу к сердцу слушателя.

Тут к нашей свинье подходит племенной хряк — матёрая ветчина и натурально вступает с ней в половой свинский секс, воспетый в павильонах свиноводства.

Свинина покосилась недовольно: чего, мол, слушать мешаешь? — но ничего, похрюкивает. Ну, чистая свинья! В общем, не очень сильно они этому делу предавались, лениво так, чтобы времени зря не терять.

Тут уже среди воинства закричал кто-то, тонко так, по-звериному; повалились некоторые, а кто до этого лежал, вскочили.

Рекс наконец резко повернулся. Он и всегда-то лицом красен был, а тут вообще багровым сделался и дальше менял колер по принципу «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Сказать ничего не может, только тычет толстым пальцем в ближайшего сержанта, а другой рукой в сторону новобрачных удаляющие жесты делает.

Молодчага-сержант сразу понял. Подошёл, печатая шаг, и как пихнет Джульетту в грудь сапожищем. Они, оскорблённые в своих худших чувствах, опешили, тогда

сержант, решивший не останавливаться на достигнутом, по-футбольному оттянул носок и нанёс влюблённым такой прицельный «марадоновский» удар, что парочка вылетела с противоположного конца плаца на пять метров впереди собственного визга.

Рекс дух перевел, вытер пот, говорит:

— Молодец!!!

А сержант:

— Служу Советскому Союзу!

Мне на гастролях часто снятся дорогие моему сердцу Пшикер, Хохол, Пионер, старшина Растак, Рекс. И даже старлей Митрохин, которого я никогда не видел, но с которым убежала жена прапорщика Акишина, тоже, видимо, хорошего человека. Но видение двух военных свиней, наверняка уже жестоко съеденных, навеивает неизъяснимую грусть. Тогда я наливаю стакан водки и пью за их светлую память.

Zagranitsa

Курица не птица.

Начало поговорки

Польша

1986 год. Наконец-то после стольких лет первая заграница. Сначала несколько собеседований. Мы в костюмах и галстуках, начитавшись до одури последних газет и трясаясь, как абитуриенты при поступлении в

институт, по очереди сидим перед комиссией. Бог знает из кого эта комиссия состояла: из активистов, ветеранов партии, фронтовиков, а иногда и просто из примазавшихся бездельников.

Вопросы, вопросы: последняя речь Горбачёва, положение на Ближнем Востоке — насколько я знаю, там положение всегда было напряжённым, роль компартии в мировой тусовке.

Правильные ответы определяли вашу потенцию для поездки — а вдруг подойдут в Польше на улице и спросят:

— А какие союзники были у фашистской Германии во Второй мировой войне?

А вы как раз и не знаете.

Или:

— В каком году состоялся съезд «победителей»?

А вы говорите:

— Чего-то я не в курсе, — это ж какой позор! Любой поляк может вам тут же в морду плюнуть, и престиж нашей страны упадёт донельзя.

Валера Ефремов и наша милая костюмерша Танечка ходили пересдавать, так как неточно назвали союзников, остальных Бог миловал.

Особое внимание уделялось личной жизни выезжающего. К тому моменту я был уже давно разведён, но должен был толково объяснить, по какой причине.

Само собой разумелось, что советский человек если уж создал семью, то обязан ее сохранять, а то опять же, вдруг за границей спросят — что тогда?

Было абсолютно ясно, что вопросы о съездах партии и о сложном отношении израильских группировок к палестинскому движению лишь предваряли главный вопрос. О причине развода.

Ну конечно. Ведь на все остальные вопросы члены комиссии уже более или менее знали правильные

ответы, и чисто по-человечески понять их было можно.

Каждый раз у меня бывало сильное искушение свалить всё на дуру жену, которая не знает на память «Апрельские тезисы», но я вовремя спохватывался, обычно краснел и отвечал, что причины моего развода лежат в области компетенции медицинских органов.

Многозначительные взгляды, которыми обменивались члены комиссии, показывали, что это политически самый правильный ответ.

Забыл ещё сказать, что всему этому предшествовала принудительно-унизительная проверка здоровья, перед которой меркнет прием в отряд космонавтов.

Двенадцать — четырнадцать врачей-специалистов должны были дать заключение, выраженное в общем виде словами «практически здоров».

Мы сначала думали, что это забота государства о нас. Только потом стало ясно, что чиновники страшно боятся за валюту, которую пришлось бы заплатить, случись за границей что-нибудь с нашими зубами или ещё с чем.

Мы попытались, правда, совместить «приятное с полезным».

Я, например, после разных кардиограмм попробовал спросить у главного врача, женщины с революционной внешностью и «Беломором» в зубах, ставившей обобщённый диагноз:

— Какие будут ваши рекомендации?

Она подняла от бумаг усталые глаза за толстыми стёклами, перекинула «Беломорину» в другой уголок рта:

— Да на тебе пахать можно!

В общем, зубы и другие органы, внушающие подозрение, были вырваны, а мы все оказались «практически здоровы».

Уже перед самой-самой поездкой был еще инструктаж, вернее, собеседование с бойким, веселым гражданином в синей рубашке, который, сидя на столе, свесив одну ногу, поучал:

— Поляки — они как дети. Во время контактов избегайте упоминания фамилии Будённый. Для нас он — герой, а их в 1920 году тысяч двадцать положил. И еще, немцы в 42-м польских офицеров постреляли, а несознательные поляки до сих пор думают про нас. Вопросы есть?

Вопросов нет — «пше прашем».

Мне все эти комиссии и собеседования, которых впоследствии было ещё много, напомнили сдачу Ленинского зачёта на «почтовом ящике», где я работал до армии.

Не знаю уж, кому пришли в голову эти зачеты, но время было такое, когда годы пятилеток назывались «решающими, определяющими и завершающими», и человек, не сдавший Ленинский зачет, человеком уже не считался.

Я, будучи (как студент-вечерник) секретарём комсомольской организации, автоматически попадал в комиссию по приёму Ленинского зачёта: секретарь партийной организации, предместкома, начальник цеха и я.

Нас специально готовили. Пришли какие-то дядьки и раздали вопросы-ответы.

Например, предместкома выучил назубок вопрос: «А что сейчас по материалам прессы происходит в Иране?» Правильный ответ — «война».

А начальник цеха с третьего раза усвоил, что «вдохновитель и организатор Ленинского комсомола — В.И. Ленин».

И вот в рабочее время заседает комиссия. Заходит здоровенная орясина, ставит рашпиль у стены и замирает в позе «руки в брюки».

Он не первый, и члены комиссии, уже проверившие свои знания три или четыре раза, чувствуют себя вольготно.

— Ну, — обращается к потолку предместкома, — что спросить-то тебя, Савельев? А вот, к примеру, как у нас сейчас дела в Иране? — и смотрит на всех орлом.

Пауза. Несчастный слесарь 6-го разряда, который «заусенцы пальцем снимает», смотрит в пол виновато.

Предместкома победно ещё раз всех оглядывает, забыл, что все в курсе (в роль вошёл):

— Эх ты, дубина, — война! Ну, Александр Никифорович, — разводит руками предместкома, — может, вы хоть что спросите?

Это неожиданное «вы» сбивает начальника цеха с панталыку: они вообще-то — «Сашка — Колька», но он собирается, некоторое время размышляет, потом глубокомысленно, с хитринкой:

— Ну вот хотя бы это: кто явился организатором и вдохновителем Ленинского комсомола?

Бедный Савельев треплет полу своего синего халата. Начальник остальным подмигивает:

— Ну... ЛЕНИНского комсомола?

Работяга тоже не дурак, понимает, что подсказывают, подобострастно отвечает:

— Дзержинский Ф.Э.

Вмешивается парторг, его в кабинете смежники с коньяком ждут, и говорит мягко:

— А как, Горелов, он у тебя работает?

Начцеха авторитетно:

— Ну... норму выполняет.

Парторг — Савельеву:

— Ладно, иди.

Так вот о Польше... Вообще эта страна останется в памяти навсегда, как первый поцелуй или первая свадьба. Пусть не самая заграничная граница, но зато первая.

Поселили нас сначала в гостинице «Дом клопа» (на самом деле — «Дом хлопа», то есть Дом колхозника), но на торжественном «чае» в нашем посольстве пришлось пожаловаться на неуважение к заслуженному ансамблю, и на следующий день мы въехали в шикарную гостиницу «Форум» с барами и рестораном, где, по слухам, вечерами происходил (прости господи) стриптиз.

Наконец, бросив чемодан и побрившись с горячей водой, я вышел в город.

Варшава. На каждом углу висят прозрачные ящики для пожертвований на ремонт и благоустройство города, кстати, полные денег. Идет оживленная торговля всем чем ни попадя, бойкие поляки останавливаются прямо на проезжей части, чтобы обсудить последнее выступление Леха Валеисы.

Обилие машин — в основном иномарок, обилие людей — в основном иностранцев. Только на третий день до нас дошло, что мы сами — иностранцы, и, проезжая по улицам на нашем автобусе, свежее испечённые паны Зайцев, Макаревич и Капитановский уже смело орали из окна проходящим девушкам:

— Эй, красавицы! Идите к нам, к иностранцам!

Кто-то из наших сказал, копируя расхожий газетный штамп: «Типично польский пейзаж».

Было тепло, настроение хорошее, хотелось со всеми общаться.

Я еще в Москве подготовил несколько ловких ответов, могущих сбить с толку самого каверзного поляка, но ни о Будённом, ни о моем разводе никто так и не спросил.

Итак, мы были участниками фестиваля «альтернативной музыки». Фестиваль назывался «Морковка-86», и устроители любезно пригласили группу из Союза. Только вот в компетентных органах

никто точно не знал, что такое «альтернативная музыка», поэтому, чтобы не ударить в грязь лицом, решили все-таки послать «Машину времени».

Мы честно решили доказать всему миру, что можем составить альтернативу любой музыке, но позже эта уверенность была несколько поколеблена другими участниками фестиваля, находящими удовлетворение своих музыкальных амбиций в молчании перед микрофоном, в шуршании бумагой и в показывании голого зада.

Фестиваль проходил в огромном обветшавшем зале довоенной постройки, и первое, что обратило внимание при входе, — это буквально сбивающий с ног запах анаши, которую покуривали сидящие на полу и на трибунах зрители.

Выступление «Машины» было запланировано на третий день; и два первых дня мы знакомились с искрометным искусством других участников из Канады, США, Бельгии и т. д.

Выходит на сцену человек с собакой и 20 минут «альтернативно» молчит или двое молодых людей из Бельгии бродяг по сцене, заваленной обоями, постукивают в барабан и раздеваются до пояса снизу.

Может быть, все это интересно и здорово, но уж больно непонятно, и мы, воспитанные на Кобзоне и Тухманове, несколько приуныли: что же показать?

Кутиков со свойственной ему прямоотой требовал бросить жребий, кому показать полякам голую задницу, чтобы утереть нос всяким там зарвавшимся бельгийцам и канадцам, но благоразумный Андрей предложил ограничиться песнями.

И что самое интересное: зрители, измученные двухдневным шуршанием и молчанием, благосклонно выслушали «старый, добрый «Поворот», так что особенно шуршать и не пришлось.

Болгария

На протяжении уже нескольких лет, как призрак мечты в тумане будущего, всплывала поездка в Америку.

Но, как и Ясону, для того чтобы добыть золотое руно, так и «Машине» для поездки в Штаты, по мнению начальства, нужно было совершить несколько подвигов.

Одним из этих подвигов была очень тяжёлая поездка по Болгарии, а так как уже давно над группой дамокловым мечом висели гастроли в Афганистане, то мы и этому были рады.

Ничего особенно страшного в Афганистане не было, но очень не хотелось исполнять роль колхозной бригады.

Одни знакомые артисты, побывавшие там, рассказывали, что их привезли в поле и при полном отсутствии электроэнергии потребовали срочно «ставить концерт», а на робкие возражения, что гитары-то электрические, полковник (наверное, родной брат Рекса) приказал сыграть «как-нибудь так».

Концерт им, конечно, пришлось отложить, но если бы мы попали в такую ситуацию, как-нибудь бы выкрутились. В крайнем случае Директор сляпал бы из подручных средств небольшую электростанцию.

В своё время моя двоюродная сестра, с которой мы вместе росли, вышла замуж за своего сокурсника по Ленинградскому политехническому институту — болгарина. И хотя, как известно, курица не птица и т. д., у ее отца, морского офицера, были большие неприятности по службе.

С сестрой мы переписывались, и я узнавал о всяких подорожаниях и изменениях в нашей стране примерно за шесть месяцев до фактических событий, т. к. варианты сначала испытывались на Болгарии.

Самым популярным болгарским анекдотом того времени был такой: Тодор Живков на вопрос о том, зачем он в жаркую, солнечную погоду взял с собой зонт, ответил: «В Москве обещали дожди».

Болгарский маршрут был составлен настолько плотно, что свободное время отсутствовало начисто. За 14 дней — 13 городов. Но самое главное — мы везли с собой всю нашу многотонную аппаратуру, и, как всегда, из-за обычной экономии наша техническая группа, обслуживающая «аппарат», поехать не смогла.

Первые дни по старой «андеграундовой» привычке мы все набрасывались на погрузку-разгрузку, но очень скоро выяснилось, что у музыкантов после тяжестей дрожат руки, и, конечно, пришлось их освободить.

В очередной раз пример трудового героизма показал Директор, который наплевал на московские связи и, закатав стодолларовые брюки, с песнями ворочал двухсоткилограммовые колонки. Уже в Москве, похлопывая себя чуть выше ремня, он поделился, что похудел на восемь килограммов (я думаю, на два).

Я тоже быстро втянулся, что говорит о хорошей приспособляемости человека, и развлекал потом друзей тем, что разгибал подковы и рвал в клочья металлические рубли. Распорядок дня был примерно такой: 9.00 — подъем и выезд в следующий город (200–400 км); с 14 до 18 часов — разгрузка, распаковка, установка и настройка аппаратуры и инструментов;

с 18 до 21 (плюс-минус час) — концерт;

далее — разборка, упаковка и погрузка;

около полуночи — освежающий сон в местной гостинице.

В Болгарии «Машина» уже успела прославиться, некоторые песни стали шлягерами, и на первом концерте в Софии группу ждал переаншлаг.

Почти все концертные площадки были открытыми, а надо сказать, что я лично страшно не люблю работать

на открытом воздухе, во-первых, потому, что постоянно не хватает мощности, чтобы хорошо озвучить большое пространство, а во-вторых, потому, что у нас с природой сложилась недобрая традиция: почти всегда идет дождь.

Вот и в Софии разверзлись хляби небесные, и на четвёртой песне мы, а в основном аппаратура, получили по полной программе: вечером из одного синтезатора вылили несколько литров воды, и он вышел из строя до конца гастролей. Надо было бы воспользоваться «опытом» Живкова и узнать заранее, какова погода в Москве.

Я прикрыл пульт крышкой и собственным телом и со стороны, наверное, был похож на один из фонтанов Петергофа, а когда сидящий рядом болгарский телевизионщик замерил небольшим прибором напряжение на корпусе пульта (220 вольт), стало совсем весело. Телевизионщик в своем дружеском расположении пошёл ещё дальше и рассказал дико смешную историю о том; как год назад на этой же площадке во время дождя выступала югославская группа и у них погиб звукорежиссёр.

Прождав около полутора часов, концерт мы все-таки доиграли на следующий день в закрытом зале. Я вспоминаю об этом в общем-то рядовом случае только потому, что такого вселенского потопа не было ни до, ни после болгарского концерта, и ещё потому, что до конца поездки мне пришлось изображать тот самый перегоревший синтезатор, то есть звукоподражать из-за пульта в микрофончик: то шуметь прибоем, то петь птичками, то налетать на зрителей порывами свежего летнего ветерка.

В Варне мы с Андреем навестили ночью мою сестру, к которой я собирался девять лет, а в восемь часов утра уже мчались в Бургас.

Германия

Не собираюсь претендовать на точную хронологию, так как, например, в Германии «Машина» была шесть раз, вернее, семь (если считать двухдневную паромную стоянку в г. Любеке), поэтому собираю самые яркие впечатления. Итак, Германия. Точнее, тогда ещё ГДР.

Ехали мы туда на поезде.

Насколько сильно «типично польский пейзаж» отличался от нашего, настолько «типично немецкий» — от польского. Неумолимо сказывалась близость западной культуры.

Не хочется писать банальности типа «чистые, опрятные домики, ухоженные садики» и т. д., но что поделаешь, если действительно опрятные и ухоженные.

Германия была первой страной, где мы со всего размаху налетели на языковой барьер. И в Польше, и в Болгарии все хорошо понимали русский, и проблемы практически отсутствовали. Здесь же было очень трудно.

Вообще знакомство с иностранными языками у большинства людей обычно начинается в школе со стихов про мышку и с вранья про какую-то девочку, у которой «мама — доктор, а папа — рабочий», и у большинства, к сожалению, этим же и заканчивается, если, конечно, человек потом напрямую с языком дела не имеет.

Мои товарищи, да и я сам, учили в школе английский и заслушивались песнями «Битлз» и «Роллинг Стоунз», а они, как известно, если и исполняли что-нибудь на языке «Штирлица и Мюллера», то очень мало.

Так что мы были в основном англоговорящими, а как мучительно хотелось грохнуть в каком-нибудь баре

кружкой об стойку и на безукоризненном «хох дойч» потребовать «повторить» или на худой конец толково объяснить заезжему провинциалу, как пройти к Рейхстагу.

Мои познания в немецком ограничивались детскими воспоминаниями об игре «в войну» — «хальт, хенде хох» — и одним небольшим фильмом про любовь, впоследствии обычно называемым «порнухой». Там баба своему немецкому мужику всё время говорила: «Шён! Дас ист фантастиш унд сексуалиш», а один раз даже: «Дас ист апетитлихь». Мужик молчал как пень.

У меня на эти дела память хорошая, вот я в Германии и вворачивал, где надо и где не надо.

А потом выучил «гутен таг» и «варум нихт».

Заходишь, к примеру, в магазин:

— Гутен таг, дас ист фантастиш! — они и радуются как дети.

Или подходит к тебе на улице морда, говорит что-то долго и затейливо, а ты:

— Варум нихт?! — и пошёл...

Чуть позже мне начало казаться, что немцы кроме этих и еще кое-какие слова употребляют.

Однажды зашли с Ефремовым в винный магазин посмотреть, что да как. За нами еще один мужик немецкий. На двери звоночек блякнул, на звоночек из соседнего помещения фрау симпатичная вышла.

Мужик говорит:

— Битте, цвай фляшен.

А фрау ему — пакет. Он ей:

— Данке.

А она ему:

— Битте.

И оба улыбаются.

Мы с Валеркой стоим, делаем вид, что каждый день по несколько раз такое видим.

Потом фрау к нам с длинной речью обратилась: дескать, чего надо?

Мы ей для солидности:

— Цвай фляшен.

Она подаёт две пузатые бутылки водки.

Пришлось денег дать. Зато на следующий день опять зашли посмотреть, а она сразу спрашивает:

— Цвай фляшен?

А мы думаем — чего уж тут:

— Цвай фляшен — и все дела!

Очень здорово обошёлся с немецким языком Валера Сюткин, который тоже в ГДР тогда присутствовал. Перед самым отъездом из Союза он купил где-то русско-немецкий разговорник. Потом оказалось, что разговорник к Олимпиаде выпущен. То есть со спортивным уклоном. Мы как-то приходим в бар втроем и показываем бармену знаками — наливай, мол, сволочь. Он делает вид, что не понимает, и продолжает стаканы протирать. Сюткин достал разговорник, долго туда смотрел, потом по складам сказал что-то. Бармен оживился, тут же налил не только нам, но и себе. Мы выпили. Валера ещё раз ту же фразу повторил. Мы опять все вместе выпили. Расплатились, а бармен нам ещё долго махал полотенцем на прощание. Я потом у Валеры-то спросил, что за волшебная фраза. Он ткнул пальцем, а там написано: «Вы участвуете в эстафете «четыре по сто?»».

В один из дней фестиваля (а это был опять фестиваль) по плану было посещение немецкой семьи.

К этому посещению все сильно готовились.

Немцы за два месяца до нашего прибытия у себя конкурс провели, кому такую честь оказать.

Надо было, чтобы из семьи кто-нибудь по-русски хоть чуть-чуть говорил, да и вообще, чтобы жили справно и могли перед высокими советскими гостями

себя достойно показать. И еще было у меня сильное подозрение, что у них комиссии тоже предшествовали (ГДР же — недалеко от нас ушла); я даже представил себе такой вопрос:

— А скажите-ка нам, герр Тиман, какого числа в сентябре 1939 года мы на Польшу напали? Не знаете? Стыдно, а вдруг русские спросят.

Короче, построили нас в одну шеренгу: часть — из «Машины», часть — из других коллективов (в этом фестивале наших много участвовало). Хозяева ходят, выбирают. Очень похоже на картинку из учебника истории «Рабовладельческий рынок в Риме».

Я размечтался одному дядьке красномордому понравиться, вертелся перед ним так и сяк, но он выбрал бабищу из Красноярского хора (их первых расхватили), а меня, как неликвид, подобрали совсем уж какие-то невзрачные.

Ну, ничего, квартира у них четырехкомнатная, семья из пяти человек. За мной, оказывается, сыновья приходили, а папаша с мамашей дома готовились. У папаши лицо тоже довольно красное — я уж тут приободрился.

Нас-то до этого учили не плевать где попало и в скатерть не сморкаться, так что я ни-ни, за весь вечер так нигде и не плюнул.

Оказалось, по-русски никто не понимает, как уж они отборочные туры прошли — не знаю.

Сажает за стол — честь по чести. Я собрал в кулак весь свой немецкий и заявляю:

— Дас ист фантастиш унд апетитлихь!

Мама чуть со стула не упала от неожиданности.

Хорошо сидим. Действительно, всё очень вкусно.

Через некоторое время взрослые сыновья и сама фрау начали проявлять признаки беспокойства. Пробовали пихать локтями папашу Гюнтера и пинать его под столом ногами. Наконец он достает

фотографию Горбачёва и бутылку шнапса (а это был у нас самый разгар антиалкогольной вакханалии) и делает такую вопросительную рожу, что моё решительное «варум нихт» прозвучало достаточно убедительно.

Тут начался полный «фройндшафт», а когда Гюнтер разошёлся и рассказал на пальцах, как его учили гопака танцевать, я смеялся добрых пять минут. Правда, было это в плену, ну да всё равно.

Расставались мы со слезами. Они меня проводили и подарили на прощание вымпел и книжку с пейзажами Германии, а я им — значок с Лениным. В общем, всё хорошо было, а на обратном пути попал я в автобус к «белоголовкам», к тому самому Красноярскому хору. У них женская часть ансамбля должна была быть исключительно блондинками (брюнетки, соответственно, перекрашивались), отсюда и прозвище такое — «белоголовки».

Большинство девушек тоже побывали в гостях, и два с половиной часа я наслаждался такими матерными частушками, что любо-дорого. Самая невинная было такая:

Я купила колбасу
И в карман положила.
Чем-то эта колбаса
Меня растревожила.

Я потом часто пел эту частушку знакомым девушкам. Реакция была самая разная: до 1988 года частушка вызывала улыбку, а позже (включая 1992 год) — лёгкое недоверие, переходящее в злобу.

В конце поездки побывали в Берлине, посмотрели тамошние достопримечательности: монумент нашего воина с девочкой на руках в Трептов-парке, красивую

улицу Унтер-ден-Линден, поляков, приезжающих на субботу-воскресенье торговать темными очками и помадой, и, конечно же, знаменитую Берлинскую стену.

Совершенно дикое ощущение — знать, что буквально в 20 метрах от тебя проистекает какая-то другая, разноцветная загадочная жизнь, от которой тебя охраняют пулемёты.

Западные немцы — тоже не дураки — никогда не упускали случая показать, «как у вас и как у нас».

В те дни совсем рядом со стеной, на ступенях Рейхстага, они устроили грандиозный рок-концерт с участием европейских знаменитостей. И если за высокой стеной не было ничего видно, то слышно было очень хорошо.

Самая предприимчивая восточная молодежь забиралась на ближайшие здания и заглядывала через стену. Другие молодые люди просто слушали неподалёку и смотрели на этот глухой бетонный забор, пока он не рухнул под их испепеляющими взглядами в 90-м году, чему мы были почти свидетелями.

Это была так называемая поездка по войскам, то есть концерты для наших военных, дислоцирующихся в ГДР.

Осень 1990 года. Немцы со страшной силой собираются объединяться. В городах, на улицах и в домах атмосфера надвигающегося праздника, ожидание чего-то небывалого, такого, о чём ещё два-три года назад невозможно было и помыслить.

Неизбежные проблемы и трудности придут позже, а сейчас — настроение победы и радости.

Так, наверное, чувствовали себя мои родители в мае 1945 года, так чувствовал себя я 23-24 августа 91-го.

Мы вообще довольно часто раньше выступали перед солдатами, а в Таманской и Кантемировской дивизиях — так просто регулярно, но дисциплина и порядок в

наших частях в Германии были поразительными. Живописные военные городки, добротная еда, денежное содержание в марках — всё это накладывало особый заграничный отпечаток.

Западники, собравшись объединяться с восточниками, пошли очень далеко: тут и обмен марок один к одному, и замена товаров в магазинах, и выдача разных субсидий.

Всё это коснулось и наших военных. Так, например, в военном универмаге в одну ночь товары производства ГДР были заменены на западногерманские, а зарплата солдат и офицеров стала автоматически выплачиваться в бундесмарках.

Конечно, объединение Германий предусматривало полный вывод советских войск, который должен был быть осуществлен поэтапно до 1994 года.

Наши военные разделились на два лагеря: на уезжающих скоро и на остающихся на сладких хлебах ещё на какое-то время.

Согласитесь, что возможность, даже для рядового солдата, привезти со службы видеомаягнитофон или японский телевизор чего-то стоит. Тут, кстати, и выяснился секрет дисциплины и порядка: в обычной армии за разного рода нарушения полагаются наряды, гауптвахта, дисбат, а в Германии без разговоров отправляли дослуживать обратно в Союз, что, по мнению солдат, было хуже любого дисбата.

Даже в зале во время концертов была заметна дифференциация. Отъезжающие инстинктивно садились вместе и реагировали на музыку более бурно, как в последний раз.

Жили мы там в военных гостиницах, а иногда в свободных казармах, а однажды пришлось ночевать даже в изоляторе. Состав был такой: Директор, Подгородецкий, Ефремов и я.

Петя Подгородецкий, как все жизнерадостные полные люди, во сне заливался могучим храпом и имел в коллективе по этому поводу особые привилегии, как-то: отдельное помещение в гостинице и даже отдельную каюту на пароходе.

В этот раз такой возможности не было, и мы готовились к бессонной ночи.

Ефремов хмуро собирал около койки свою и чужую обувь, намереваясь использовать её в качестве метательных антихраповых снарядов, и смущённый Петька, который храпит не по злобе, а от природной радости, предложил пополнить арсенал своими кроссовками.

Наш Директор, неистощимый кладёзь различных полезных и бесполезных сведений, посмеялся над наивными предосторожностями и прочитал нам целую лекцию о том, что с древних времён люди борются с храпом при помощи свиста. Оказывается, ещё фараоны, услышав храп раба, сначала легонько посвистывали, а уж потом рубили гаду голову.

Я позволил себе пару критических замечаний, но Директор поклялся ужасной клятвой Гиппократ и забожился на фуфел, что мы сейчас сами всё увидим. Несколько успокоенные мы потушили свет.

Петр включился почти сразу, но на средней громкости, так что, если напрячься, можно было услышать стук падающей обуви. Когда кончились снаряды, Петька уже почти вышел на рабочий режим. Волшебный Директор похихикал торжествующе и стал насвистывать особым образом — так, наверное, проклятый преступник подзывал змею в рассказе Конан Дойла «Пёстрая лента». Петька наддал ещё. Тут Директор залился таким паровозным свистом, что, будь я Соловьем-разбойником, сразу бы пристал с вопросом, где он учился!

Наконец, Пётр Иванович достиг обычного уровня, и хотелось броситься к окну и пересчитать тяжелые танки, которые там вроде бы проходят.

Директор всё ещё свистел, но всё хорошее, к сожалению, быстро кончается. Его свист начал постепенно ослабевать, потом перешёл в легкое постанывание и затем в тяжёлый мужской храп уставшего гражданского человека.

Петька от неожиданности затих, видимо прислушиваясь, облегчённо вздохнул и радостно захрапел опять.

Уже под утро, вдосталь насладившись молодецкими звуками в стереорежиме, я вспомнил хороший солдатский способ — накинуть на морду храпящему портянку, но ни у Ефремова, ни у меня портянки, к сожалению, не нашлось.

После очередного концерта командир той части, где мы работали, подошли поблагодарить и, хитро посмеиваясь и подмигивая, предложили отужинать «чем бог послал».

Мы, конечно, после обычной сухомятки с радостью согласились.

Небольшой толпой с главным командиром впереди пошли тёмному плацу, инстинктивно стараясь идти в ногу, а жизнерадостный Директор всё время забежал вперёд и пытался накладывать взыскания на тех, кто недостаточно пропечатывал шаг. Наконец все остановились около освещенной двери с надписью «Столовая». Командир, стоя к двери спиной, произнес небольшую речь, в том смысле, что очень приятно, и театральным жестом распахнул створки.

Мы вошли в небольшое помещение с П-образным столом, перед которым помещался маленький солдатский оркестр, грянувший в ту же секунду музыку.

Если бы дело происходило в XIX веке и мы были бы купцами, а оркестр — цыганами, то прозвучало бы, наверное: «К нам приехал, к нам приехал ансамбль московский дорогой!». А тут они играли всего-навсего «Чардаш» композитора Витторио Монти (1868–1922). Вернее, «Чардаш» играл скрипач, а два электрических гитариста и барабанщик ему подыгрывали.

Скрипачом был молоденький узбек, и держал он своего «Страдивари» очень странно — по-турумбайски, то есть вертикально, как контрабас. Мы расселись.

Руководил столом командир полка, ему очень нравилась роль хлебосольного хозяина, и, надо сказать, у него хорошо получалось.

Обстановка была тёплая и дружеская. На столе теснились немецкие мясные закуски, овощи, пиво и даже кое-что покрепче. Звучали тосты и здравицы в честь вечной и непоколебимой дружбы между «Машиной времени» и контингентом Советских войск в Германии.

Потом пошли обычные военные вопросы: «Каковы ваши дальнейшие творческие планы?» и «Вот вы поёте, играете, а по жизни работаете где?».

Оркестр к этому времени уже закончил пятую интерпретацию «Чардаша» и ожидал знака командира, чтобы поразить наш слух в шестой раз.

Напрашивался скучный вывод, что репертуар ансамбля дальше «Чардаша» не простирается или что командир полка — попросту скрытый венгр и даёт выход своим националистическим настроениям.

Пришлось срочно сделать несколько комплиментов исполнителям и дать хорошую оценку меценатству командира, не позволяющего солдатам зарывать в землю свои таланты.

Особенно все наши хвалили скрипача, способного сыграть виртуозную пьесу пять раз подряд и готового ещё бог знает на что.

Командир, очень довольный своим статусом «слуги царю и отца солдатам», поднял тост за творчество и сказал, что у кого-кого, а у него в полку талант никогда не пропадёт и что в то время, когда другие воины котлы чистили, он лично выделял талантливому узбеку по часу в неделю для занятий на скрипке, после чего тот, видимо, и выучил «Чардаш» В. Монти.

Было ясно, что наш меценат очень гордится своим узбеком, как помещик Троекуров борзыми щенками, и, была бы его воля, оставил бы несчастного «Паганини» на сверхсрочную.

— Вы обратите внимание, как он скрипку держит, — говорил командир, любовно поглядывая на скрипача. — Вам-то, гитаристам, не понять. Скрипку же обычно под подбородок суют. Но для этого нужна особая подушечка... Ну, давайте-ка ещё раз за музыку... Так вот, дурак прапорщик, которого я в Ташкент к узбекской матери послал, привёз две пуховые подушки, поэтому наш Туфтанделиев теперь так без настоящей подушечки и играет... А ну, давай-ка за майора выпьем, большого специалиста в своём майорском деле. Это ведь он организовал вам возможность вкусить с нашего скудного солдатского пайка.

Выпили за майора, вкусили «с пайка». Командир спрашивает:

— Ну, как вам наша жратва? У нас так каждый солдат питается.

Мы, конечно, одобрили. Командир осмотрелся победоносно, но, видимо, в глазах Директора, вкушавшего в это время твердый немецкий сервелат, увидел лёгкое недоверие.

— Что, не верите?! Лёнь, — говорит майору, — приведи какого-нибудь.

Через пять минут майор привёл низкорослого испуганного солдата. Командир уже успел поднять тосты за Джорджа Вашингтона, Джорджа Харрисона и

Боя Джорджа и не совсем понял, зачем ему этот воин, но на всякий случай сказал:

— Что, попался?!

Было очень жаль ни в чём не повинного рядового, и мы со всех сторон начали кричать, что очень верим в роскошное разнообразие солдатского меню.

— А-а, точно, вспомнил, — вскричал командир, — тут вот некоторые не верят, что ты каждый день всё это ешь. Ведь ешь ведь? Ведь да?

Солдатик, пожиравший глазами жареную курицу, проглотил слюну и равнодушно ответил:

— Так точно, товарищ полковник.

Товарищ полковник торжествующе посмотрел почему-то на майора и указал солдату на свободный стул:

— Вижу, любишь своего командира, садись вот, поешь, только смотри у меня, морда, не пей!

Потом налил себе рюмку, махнул рукой:

— Да ладно, пей!

Чуть попозже сослуживцы увели командира к жене, а мы с Директором не покладая ног забились в огненном «Чардаше».

Чем дальше мы забирались в глубь Германии, тем теплее и радушнее был приём. Почти каждый послеконцертный ужин превращался в настоящий банкет. Конечно, приезд группы вносил свежую струю в скучноватую всё-таки повседневность военных городков, и все получали обоюдное удовольствие от вечернего общения.

Причём на каждом банкете обязательно задавался вопрос: «А где вы вчера выступали? Ах, у сапёров, ну и как вас принимали-кормили?»

Мы сначала-то благодарили и говорили, что очень всё было хорошо, но, видя искреннее разочарование добрых офицеров, стали отвечать так: «Ну, вчера,

честно говоря, было так себе, зато сегодня просто потрясающе».

И чем меньше мы восторгались предыдущей частью, тем большее удовольствие читалось на открытых мужественных лицах наших теперешних хозяев.

Роль гостя вообще довольно трудна, а особенно у военных: попробуй-ка объясни, что ты с ног падаешь от усталости и мечтаешь только до койки добраться, и это людям, которые аж неделю готовились к встрече. Поначалу мы стойко выдерживали тосты, не отличающиеся разнообразием («За «Машину времени», на которой мы все росли»), но после того, как однажды поднялся уже крепко поддавший седой пятидесятилетний полковник, провозгласивший: «За «Машину времени» под которую я с детства развивался и выросел», — было решено изменить регламент.

В последующие вечера первым вставал Андрей, коротко упоминавший о том, что все присутствующие родились и, видимо, умрут под «Машину времени», затем благодарил хозяев, которые угощали нас значительно лучше, чем в предыдущем месте. Этим он совершенно выбивал почву из-под последующих тостов. Пить обычно бывало уже не за что, и мы скромно ужинали и валились спать.

Конечно, каждый офицер гордился и хвалил именно то подразделение, где он сейчас служит. Нам везде показывали всякие достопримечательности. В лётном полку показали дом, где до и во время войны жил Геринг. Из подвала этого дома, оказывается, шел подземный ход аж до Берлина (то есть километров двести). На следующий день в танковой дивизии словоохотливый лейтенант, указывая на небольшое аккуратное озерцо, поведал, что через сложнейшую инженерную систему подземных озёр фашистская подводная лодка, не всплывая на поверхность, могла прийти прямо до Рейхстага.

У ракетчиков показали дыру в земле, откуда начиналось подземное шоссе с четырехрядным движением до Берлина, а от сапёров до Берлина можно было доехать подземным поездом.

В любой части можно было смело обратиться к первому встречному с вопросом, как раньше можно было скрытно добраться до Берлина, и тебя тут же вели показывать.

Я только диву давался от хитрости и изобретательности фашистских инженеров. И всё ведь это было построено для того, чтобы немецкая верхушка могла в последний момент свалить из осаждённого города — кто на поезде, кто на четырёх машинах в ряд, а кто и на подводной лодке.

Вот только как это они не предусмотрели, наверное, Штирлиц поработал, ведь выходы-то из всех этих подземно-подводных туннелей оказались прямо посередине различных советских воинских частей.

Наконец наступило 3 октября — день воссоединения. Уже с утра за пределами военного городка раздавались выстрелы петард и слышалась музыка духовых оркестров.

Караулы в наших частях были удвоены, а выход в город категорически запрещён: боялись провокаций.

Нам тоже не рекомендовали шляться среди немцев, занятых воссоединением. Но как упустить такое событие?

Поближе к вечеру, изнурённые ощущением своей непричастности к этому празднику жизни, мы втроем решили всё-таки прогуляться. Двое молодых офицеров, Володя и Слава, взялись нас сопровождать.

Собирались очень ответственно, как разведчики на задание. Скрупулезно проверялись одежда и обувь: не выдадут ли наше советские происхождение. Слава и Володя, одетые, естественно, в гражданское,

профессионально порекомендовали сдать Директору ордена и документы, что и было сделано.

Теперь наша группа имела совершенно заграничный вид, правда, некоторое опасение внушали одинаковые короткие причёски офицеров, но Слава сказал, что это не страшно, т. к. в Германии тоже дураков полно.

Переговариваться было решено с помощью пальцев, по глухо-немецки, дабы немцы нас по родному языку не признали и на радостях не убили.

Пробравшись сквозь дыру, имеющуюся в любой уважающей себя ограде, наша пятёрка по-пластунски пересекла тёмный переулок и короткими перебежками бросилась в сторону оживлённой улицы.

И вот на обширную, залитую огнями площадь вышли пятеро «немцев». Володька со Славкой изображали восточных, а мы западных. Все держались за руки и через каждые 10 метров начинали молча остервенело брататься, чем сразу вызвали нездоровое любопытство окружающих.

Вокруг нас начала собираться небольшая толпа, которая неуклонно росла.

Испуганный Андрей начал нервно насвистывать гитлеровский марш «Хорст vessель», а я вырвал у рядом стоящей девушки цветок и со словами «Дас ист фантастиш» грубо подарил его Славке. Не знаю уж, что он потом с ним сделал?

Ситуацию разрядила врезавшаяся в толпу тележка со шнапсом и закусками, которой управлял не по-немецки пьяный мудель, и мы, схватив (читай: хватив) по стакану, благополучно разбрелись по площади.

Проходящий духовой оркестр оттеснил свободолюбивых офицеров, а мы, закалённые правилами поведения советских людей за границей, продолжали держаться настороженной злобной группкой.

Тележки с бесплатным шнапсом попадались все чаще и чаще, и через некоторое время мы уже свободно беседовали друг с другом на чистом немецком языке.

Вдалеке мелькали немецкие офицеры Славка и Володька, тоже, видимо, находившиеся в мультфильмовском состоянии «щас спою». Наконец, Вова, чей голос и музыкальный слух были получше, не выдержал напора и затянул: «Выходила на берег Катрина, на высокий дас ист бережок».

Вокруг них мгновенно сомкнулось кольцо. Помочь мы им ничем не могли — пора было уносить ноги, но я, как Тарас Бульба, тайком присутствовавший на казни сына, решил всё-таки пробраться поближе, чтобы рассказать потомкам об их героическом поведении.

«Русиш, русиш» — слышалось кругом, потом толпа взревела, поднаперла, и несколько дюжих здоровяков уже схватили несчастных.

Боже, как их качали! Они подлетали в воздух то вместе, то поодиночке; Володька ухитрялся вытягиваться в полете и отдавать всем честь, а Слава просто орал победную боевую песнь без слов.

Потом их отпустили и отягощенных подарками и шнапсом на случившейся машине с эскортом доставили прямо к той самой дырке в заборе, к которой и мы приплелись через полчаса усталые, но довольные.

Уезжали мы от наших военных убеждённые в полной боеготовности частей. Поездка оказалась интересной: удалось и других как следует посмотреть, и себя сильно показать.

Провожать нас пришли наши боевые товарищи — оберлейтенанты Володя и Слава, а когда проходящий по плацу батальон в сто луженых глоток рванул «Новый поворот», у всех навернулись слезы.

Было немного грустно за остающихся. В скором времени им предстояло сменить уже ставшие

привычными порядком и комфорт на неизвестность, ожидавшую их в Союзе.

Ворота за нами закрывал солдат, хладнокровно евший банан, шкуркой от которого он ещё долго махал вслед нашему автобусу.

Здравствуйте, дорогой нетерпеливый читатель!

Добро пожаловать в эту книжку!

Всю свою жизнь я терпеть не мог всяческих запретов и старался по возможности их нарушать, особенно когда это почти ничем не грозило. И если Вы не утерпели и сразу «вышли» на эту главку, значит, мы с Вами родственные души, которые искали друг друга долгие годы.

Когда я был маленьким, моя очень добрая, но малограмотная бабушка попыталась как-то наказать меня поставив в угол и запретив думать о медведе. Надо ли говорить, как я мучился?! Так давайте с Вами думать о «медведе», давайте не будем мучиться сами и постараемся не мучить других!

Конечно, найдутся люди, которые покорно дочитают до этого места с самого начала, подчинившись запрещению или не обратив на него внимания. В любом случае я уважаю и люблю Вас всех за то, что Вы обзавелись этой книжкой и предоставили мне великолепную возможность познакомиться с Вами поближе.

Дорогой читатель, разрешите дать Вам несколько «несоветов» по пользованию этим произведением.

Обратите внимание — ничего не запрещается. Так что нет нужды тут же всё делать наоборот тогда, когда можно этого и не делать.

Я Вам НЕ СОВЕТУЮ: читать эту книжку в метро, автобусах, такси, а также в барах, ресторанах и других общественных мест Постарайтесь по возможности остаться с ней наедине.

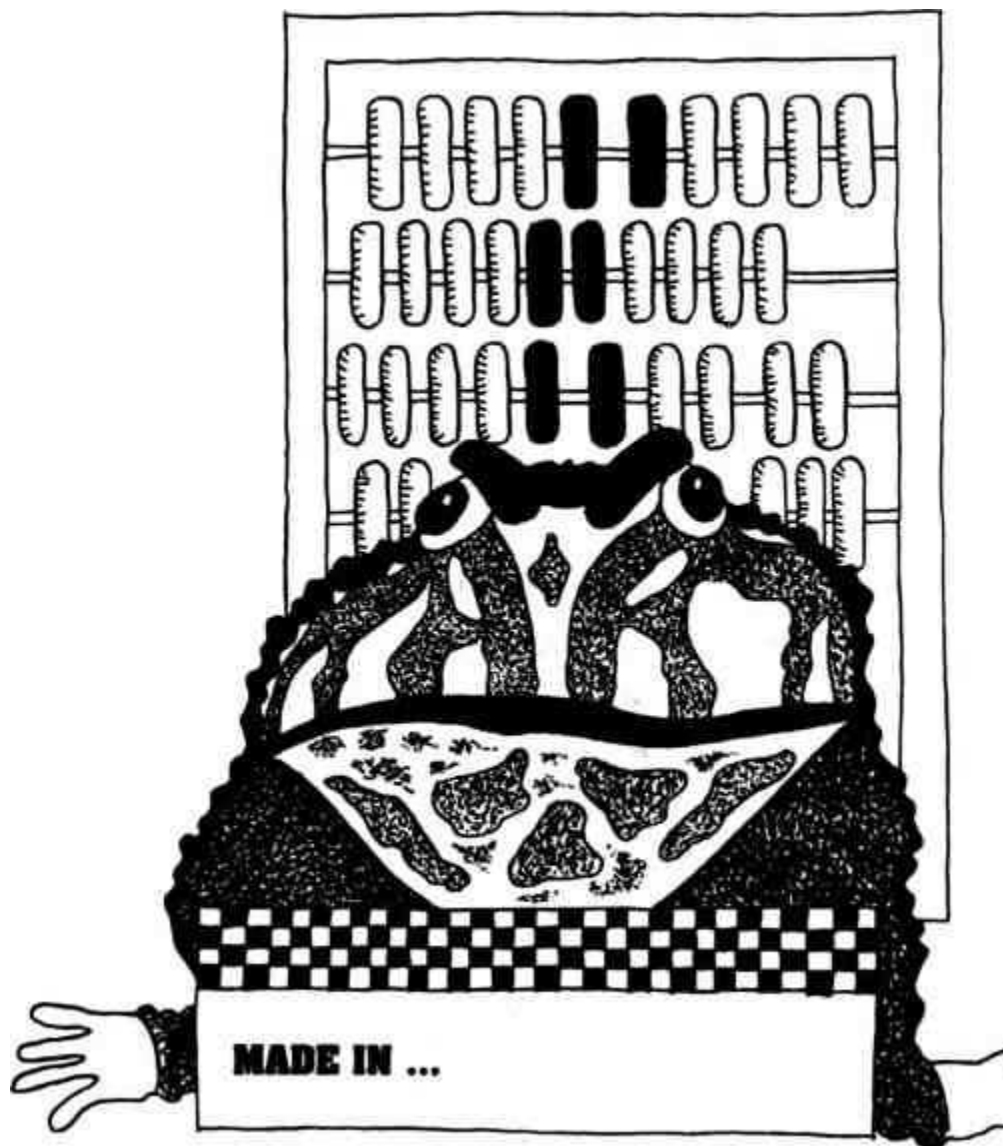
НЕ СОВЕТУЮ: использовать её в виде подставки под чайник, для записи телефонов, на самокрутки и в

туалетном смысле.

А также НЕ СОВЕТУЮ: «прочтя, передать товарищу» — товарищу желательно настойчиво порекомендовать купить себе такую же, так как каждый отдельный экземпляр должен безраздельно принадлежать только одному человеку и быть ему другом до конца дней.

Хотя всем этим несоветам можно и не следовать, а поступать с книжкой как Вам заблагорассудится лишь бы она принесла Вам какую-либо ощутимую пользу. А теперь, когда мы немного познакомились, я прошу у Вас прощения за этот маленький фокус и приглашаю одних вернуться на первые страницы, других — просто продолжить чтение

Из жизни жаб

Вообще у меня обострённое чувство справедливости, в просторечии почему-то называемое «жабой». Хочу, к примеру, шапку купить, но как бы дороговато — тогда не покупаю. Ну чего я буду покупать, если мне дорого. А вокруг все говорят: вот, мол, «жаба задушила». И наверное, чем дороже предмет, тем и жаба больше.

На шариковую ручку денег пожалеешь, значит, маленькая жабка лапками к горлу подбирается, щекочет, а вот уж если на зимнее пальто или на подарок к дню рождения, тогда точно бойся: матёрая жабища навалится и задушит насмерть. Я с этим «чувством справедливости» давно веду борьбу, трёх или четырёх жаб сам задушил, а одну загрыз зубами, но всё равно опасаться надо: с нашими ценами да инфляцией за каждым углом они поджидают и с каждым днем все здоровее и толще.

Но наши родные жабы всё-таки ни в какое сравнение не идут с иностранными, валютными.

За границей жабы нас прямо на вокзале и в аэропорту встречают, даже у пароходных сходней бычатыся. За все почти семьдесят пять лет советской власти чем больше рубль от инвалюты отрывался, тем сильнее жабы ихние матерели и скалились.

Приплыли как-то в немецкий город Любек. Мы с моим одним приятелем в город решили выйти, жабу подразнить. Он мне до этого рассказывал, что какие-то родственники умоляли его комбинезончик детский купить и игрушек. Вот идём, присматриваемся. Порт-то на окраине находится, а двигаемся мы по направлению к центру. Идем, естественно, пешком, транспортную жабу успокаиваем. Чем ближе к центру, тем магазины больше и богаче, а товары разнообразнее и, соответственно, дороже. Наконец первый детский магазин. Мой товарищ, а он немножко плохо видит, подходит к витрине близко-близко, таращится туда и что-то бормочет. Ну, это-то мне понятно, что происходит — за десять метров слышно, как у него в мозгу щёлкает, — ясно: пересчитывает цены с марок на рубли. Я смотрю: из-за угла жабка высунулась, небольшая ещё такая, но плотная и мордастая. Пасть разинула, прислушивается.

Мой друг подсчёты закончил.

— Отдохнут! — говорит. Это, надо думать, по поводу родственников.

Я со страхом за жабой наблюдаю: вроде ничего, покрутила башкой и назад усунулась, наверное, упрыгала переводчика искать, жабка-то немецкая.

Вздыхнул облегчённо, дальше идём. Через пять минут ещё магазин, побогаче. Около него уже пара жаб околачивается — ждут клиентов. Друг-то их не видит, всё его внимание витриной поглощено. А цены — ещё выше, а жабы — ещё крупнее.

Я на всякий случай поближе подошёл, слабые места у врагов высматриваю. А он опять пошептал, фыркнул возмущённо:

— Умоются! Пошли, Максик.

Жабы посмотрели друг на друга: «Вас ист дас, нихт ферштейн», — но на всякий случай за нами потащились. А мы уже к этому времени почти до центра дошли, прямо перед нами роскошный детский магазин. Около него урна такая красивая, что я сигареты почти целой не пожалел — чего урне зря пропадать, — да промахнулся, но вдруг слышу: чмок — из-за урны жабка давешняя выскочила, ням окурок на лету. Видно, перевёл ей уже кто-то, вот она и караулит.

Только я собрался приятеля предупредить, а он уже у витрины ногами топает — совсем забыл про осторожность:

— Отсосут, — кричит, — на фуй...

Вот тут-то они все втроём на него и кинулись. Я даже не заметил, как та сладкая парочка подтянулась. С ног его сбили, навалились и душат, душат. Но у нас как принято? Сам погибай, а товарища выручай. Я, значит, где стоял, так оттуда в гущу их толпы и прыгнул. Они его облепили — не оторвать, он уж глазки закатил, бедный. Говорить, конечно, не может, только руку левую просунул, какие-то знаки ей делает.

Смотрю, а в руке-то пять марок зажаты. Надо сказать, что в экстремальных ситуациях у меня голова здорово соображает, Я деньги схватил и шмелём в магазин. Заскочил, глаза разбежались, но вот оно, красное пластмассовое, ровно пять марок стоит. Я его, это красное, хватъ, продавщица даже «данке» не успела сказать. Выбегаю и прямо с порога, как матрос Железняк последнюю гранату, кинул эту игрушку в самый их жабий клубок.

Они сначала-то не заметили, сильно душением увлечены были, потом присмотрелись оценивающе и нехотя отвалились одна за другой.

Товарищ мой лежит бездыханный, я ему поделал искусственное дыхание — ничего не помогает. Стал тогда делать «рот в рот», лицо у него порозовело.

Тут туристы наши идут:

— Смотри, Миш, педики паршивые места другого найти не могли, тьфу...

— Да нет. Та, что сверху, с хвостом, — это ж баба. Просто у их здесь свободная любовь.

Я поднялся, говорю:

— А ну пошли к грёбаной матери!

— Вот видишь, Миш, мужик это все-таки, а по-русски как чешет — даром что с хвостом.

Я опять говорю:

— Вали-вали, а то сейчас поцелую.

Тут уж они стремглав бросились, а за ними целая свора жаб поскакала с нашей троицей во главе. Мой товарищ уже встал, держит красную игрушку в руках, рассматривает. Я подошёл, жду благодарности за спасение жизни. Какое там!

— Ты что, за пять марок ничего получше найти не мог, что это такое вообще — какая-то красная херовина?! Да что я с ней делать-то буду?

— Родственникам подаришь, да и какая разница — тебя ж чуть не задушили, радуйся.

— Какая разница, какая разница! — продолжает он кипятиться. — Пять марок псу под хвост. Ты знаешь, сколько это на рубли будет?

— Во-первых, не псу под хвост, а жабам, во-вторых, вон видишь, две остановились, прислушиваются. И не просто остановились, а окаменели, потому что такого жлобства на своём веку ещё не видали. А вот сейчас как опомнятся да позовут своих со всего города, тогда узнаешь, где зимуют раки, омары и другая членистоногая сволочь.

— А и правда, — он говорит, — очень даже неплохая игрушка. Пойдем, Максик, скоро вроде обед.

Мы все на будущее этот его опыт хорошо усвоили. Вслух уже ничего не говорим. Нужно, например, выяснить у товарища, сколько вещь стоит. Спрашиваешь. Тебе показывают один палец (но не средний) — значит, первый вариант: отдохнут. Два пальца — второй вариант: умоются. Три пальца...

Сразу становится ясно и понятно, и все довольные расходятся по своим делам.

Вот однажды Подгородецкий принёс на репетицию кроссовки — посоветоваться.

— Мне, — говорит, — купить предлагают за столько-то.

Мы все дружно:

— Третий вариант!

— Вау! Дык они же надувные и шнурки у них натуральные.

Мы посмотрели:

— Ну, это совсем другое дело. Тогда — первый.

Такие-то вот дела. Только — тсс! — жабы обо всём об этом никак узнать не должны.

Худшая песня

*«...Мне в четверг обещали билеты в
пятницу принести на субботу на
«Воскресенье».*

Из разговора двух фанов в метро

Недавно я присутствовал на сольном концерте Андрея и лишний раз поразился образности его стихов. Как он ухитряется укладывать объёмную, насыщенную образами мысль в одно коротенькое четверостишие?!

Я много раз баловался стишками, посвящёнными дням рождения разных своих приятелей, и достиг в этом определённых успехов. Стали приглашать уже совсем малознакомые. Правда, меня частенько заносит,

и деньрожденцы после моих поздравлений, бывает, не разговаривают со мной неделями, а пару раз пытались бить.

Написал однажды одному лоботрясу добротное поздравление. Ну, как водится, приложил его фигурально раз восемнадцать, выявил некоторые его «достоинства». Очень стихи ему понравились, он их везде с собой носил и всем показывал.

И вот пригласил один раз к себе девушку на предмет «поматросить и бросить». Она, дура, пошла. Он ей сначала всё на словах вкручивал, какой он клёвый да классный, а потом решил совсем добить — дал стихи те почитать, а сам пока в ванную пошёл к своей кошачьей свадьбе готовиться. Она первые три куплета прочитала — и давай бог ноги. Ума хватило. Причём след ее при этом совершенно простыл.

Я даже некоторое время сдержанно гордился очевидной пользой от своих трудов, но по большому счёту это было всё-таки несерьезно.

Мне всё время не хватало того, что Чехов называл сестрой таланта, — краткости, хотя братишка её всё-таки присутствовал.

Придумаю какой-нибудь остроумный оборот, а потом размазываю его на пять куплетов, разжёвываю в кашу — всё боюсь, что не поймут. Вот этот комплекс, эта дурацкая боязнь быть непонятым и мешает больше всего.

Но самое главное — это вымученность. Как только чувствуешь, что не стихи ведут тебя, а ты их сидишь и придумываешь, так надо тут же бросать это дело. Кто-то из умных сказал: «Стихи можно писать только тогда, когда их НЕЛЬЗЯ не писать» (так и хочется подписать: «Ленин»).

Я много раз видел, как где-нибудь в тёмном холодном автобусе во время длинного переезда Андрей, который может спать в любом месте и в любое время,

вдруг поднимал голову, на ощупь находил свой очередной толстый блокнот и записывал, буквально не открывая глаз, строчку или две.

Вот так рождается большинство его песен, от которых потом стонет полстраны. Они рождаются САМИ.

Несколько лет назад, когда «Машина» ещё состояла при Росконцерте, какое-то тогдашнее начальство настоятельно порекомендовало Макару написать к готовящемуся юбилею по случаю победы над ФРГ пламенную песню.

Он потом сам рассказывал, что честно пытался, ничего не вышло: очень трудно писать по приказу, да ещё о том, чего сам не пережил. Самое интересное, что месяца через три песня всё-таки была написана, но получилась она САМА. И какая песня! «Я не видел войны — я родился значительно позже...» — одна из самых честных и лучших. Года три она украшала концерт в общем-то рок-музыки, и ни один растрёпанный фан не крикнул в это время: «Поворот» давай».

Шикарную песню Андрей написал и для документального фильма о фронтовых кинооператорах, тоже пропустив её по-настоящему через себя — так уж он работает. Прозрачные, чистые образы — каждый раз удивляешься: как же это я сам не додумался?

И чем проще и доходчивее была песня, тем с более парадоксальной страстью народ бросался её толковать. Конечно, было это во время информационного голода и застоя, сказывалась жажда свежего воздуха, и, когда его не было, люди пытались его придумать.

Шёл Андрей Макаревич как-то по улице во время дождя. Небо серенькое, дождик тоже какой-то ненастоящий, настроение — так себе. В общем, довольно неважно все. Придумалась песенка о том, что вот, мол, дождик, небо — серенькое, все — так себе.

Не песенка, а баловство, разминка ума. Она и не игралась практически, а народ всё равно узнал.

Это было время, когда «Машину» с удовольствием, достойным лучшего применения, долбали все кому не лень. Только что прогремела ураганная статья «Рагу из синей птицы», подписанная целой дюжиной сибирских деятелей культуры, больше половины из которых, как потом выяснилось, на тех концертах в Красноярске вообще не были, а просто выполняли чьё-то указание. Не хочется даже кратко пересказывать: отвращение охватывает. В общем, статья плохая. Помещение редакции «Комсомолки», напечатавшей этот пасквиль, было завалено злобными ответными письмами в защиту группы.

В очередной раз «Машина» обрела мученический венец и статус борца за свободу. Уже тогда говорили, что песни Макаревича даже не двусмысленные, а «трёхсмысленные». И тут появляется песня про дождик...

Народ не обманешь! И ежу понятно — песня про Сталина.

— Про какого Сталина, про Хрущёва! — кричали другие.

Третьи молчали, снисходительно улыбаясь: чего с дураками спорить. Ведь совершенно ясно: песня про Брежнева.

Ожидавшиеся после выступления «Комсомольской правды» ужасающие репрессии не последовали, что-то там у них не сработало, налаженный механизм засбоил, но зато группу стали душить худсоветами.

Почти перед каждой поездкой или незначительным обновлением репертуара устраивалась «сдача программы».

Обставлялось это всё помпезно: в огромном зале на полном комплекте аппаратуры со светом и дымом артисты за полтора часа в сотый раз должны были

доказать свое право выступать перед зрителями. А в зале находился человек десять-пятнадцать — комиссия. Затем в специальной комнате с бутербродами и фантой (боюсь, что и не только с фантой) происходила комедия обсуждения. Допускались туда из наших только А.В. Макаревич и В.И. Директор, остальные в волнении топтались в местах для курения. Насколько я помню, ничего конкретного не говорилось. Расплывчатые формулировки «подрботать», «обратить внимание» и т. д.

Позже они усовершенствовали тактику, увеличив комиссию до сорока и более членов. Тогда, сославшись на отсутствие кворума, можно было спокойно перенести прослушивание на недельку-другую. Причём об этом сообщалось почему-то уже после концерта. Наверное, посчитаться заранее было трудновато (ой, это я себя три раза посчитал), а солнечное искусство «Машины» благотворно влияло на математические способности — тут-то всё и выяснялось.

Наконец партия и правительство начали проявлять нетерпение: есть такая группа «Машина времени» или нет, может она выступать перед широкими трудящимися массами или не может она выступать перед широкими трудящимися массами?

Нам конкретный ответ требовался не меньше, чем правительству, но получить его было крайне трудно. Время было смутное: уже пробивались первые ростки если не демократии, то хотя бы здравого смысла, и за решительное «нет» можно было получить по шапке так же, как и за решительное «да».

Наша тактика сводилась к тому, чтобы любыми средствами обеспечить стопроцентную явку комиссии на прослушивание. Их же задача состояла в том, чтобы всеми правдами и неправдами избежать пугающего конкретного ответа, а значит, кворума не допускать.

Мы распределили членов комиссии по количеству своих и приятельских автомобилей, чтобы организовать доставку туда-обратно и устранить хотя бы одну из причин неявки — транспортную. Но аппаратные игры оказались куда интереснее, чем предполагалось. Члены были разбиты по ареалам обитания. Я обслуживал «куст» Сокол — Хорошевское шоссе. Сначала нужно было позвонить, дома ли, а то стоишь потом, целуешь закрытую дверь, а он с той стороны дышит. Ладно. Звоню:

— Здравствуйте, Зураб Моисеич! Это имярек Капитановский. Через двадцать минут буду у вас.

— Зачем?

— Сегодня же двенадцатое, «Машину времени» слушать и одобрять.

— Не помню я чего-то. А кто будет?

— Все.

— А кто все? А Крапивин, а Одоровская, а Слепак?

— Да все, все. Одоровская сказала, если Зураб будет — приду.

— А я буду? А я-то, наверное, и не буду, я только что ногу сломал.

Так мне эту гадость надоело вспоминать, прямо тьфу! Да что там говорить! Где они все сейчас? Слепак этот, Зураб Моисеев сын, Одоровская? Кто их помнит?

А великолепная «Машина времени» свой двадцатипятилетний юбилей справляла на Красной площади, между прочим. И с этого момента закончилась история площади как символа эпохи темного советского царства.

Не всё, конечно, тогда так уныло было. С некоторых пор группа стала иногда неожиданные подарки получать: то афиши быстро напечатают, то костюмы приличные пошьют. Дело в том, что бывшие юные поклонники «Машины» как-то незаметно подросли, а некоторые из них за ум взялись и большими

начальниками заделались. Вот и помогали по старой памяти чем могли.

Пришел однажды Андрей на приём к чуть ли не замминистра дела группы обсудить. Тот из-за стола встал, руку подал:

— Присаживайтесь, пожалуйста, дорогой Андрей Вадимович, какие проблемы? Я, — говорит, — помню, как мы с ребятами на ваш концерт по трубе лазали. Если вы по поводу аппаратуры, так я в три секунды все подпишу.

И действительно, все вопросы решил и подписал. Потом до дверей провожать пошёл и спрашивает:

— Ну а вообще как оно, ничего?

Андрей поблагодарил, конечно, говорит:

— Спасибо, да всё нормально, только шьют мне политический подтекст к простейшим песенкам. Глупость какая!

— Это про дождик, что ли? Ха-ха-ха! Дураки какие! Да вы внимания не обращайтесь, мало ли. Идите спокойно, творите, радуйте нас своими песнями.

Затем вспомнил что-то, оглянулся, дверь притворил и спрашивает:

— Ну, между нами, всё-таки про кого? Про Гитлера или про Сталина?

Часто спрашивают: почему у «Машины» нет практически песен про любовь? Андрей считает, что, наоборот, все его песни о любви. Ведь он трактует это понятие значительно шире, нежели просто отношения, связывающие мужчину и женщину.

И ещё, я думаю, любовь — это настолько интимное дело, что кричать о ней «под фанеру» во Дворце спорта где-нибудь в Епидопельске по крайней мере бестактно.

Чудовищный шквал третьесортных песенок про «я тебя люблю» не только прививает дурной вкус, но и опошляет само чувство.

Конечно, глупо требовать от поп-культуры доверительной любовной лирики, с которой обращаются к читателю хорошие поэты, ведь и обращаются они «один на один», а не к десятитысячной аудитории, но уж хотя бы можно воздержаться от откровенного хамства и пошлости.

Однажды, будучи сильно влюблён, я попытался всерьёз написать хорошие, добрые стихи о своих переживаниях. Мечтал вложить в них всю душу. Создать нетленное произведение. Старался изо всех сил целую неделю, но душу вложить так и не удалось. Всё получалась какая-то пресная жвачка, и так я эти красивые слова замусолил и залапал, что и сама моя любовь к той девушке прошла, превратившись в стойкое отвращение.

Долго я мучился от собственной бездарности. Как же так, ведь всё у меня было: и переживания, и нежность, и кое-какая страсть, а лучшая песня всех времен и народов так и не вышла.

Но мы не привыкли отступать — так, кажется, пелось в ныне уже покойном киножурнале «Хочу всё знать». Коль у меня не получилась лучшая песня, попробую-ка написать самую худшую.

Если вы думаете, что написать худшую песню проще простого, вы глубоко заблуждаетесь. Оказалось, гораздо труднее, чем я ожидал. Для начала пришлось себя представить лопоухим болваном, мучающим композиторов безумными текстами, вжиться покрепче в этот образ. Это-то мне удалось без труда. Достаточно было дня три кряду посмотреть телевизионные музыкальные программы и купить пиджак в крупную полоску. Затем по всем правилам я должен был на последние деньги приобрести подержанную пишущую машинку или по крайней мере обзавестись парой толстых поэтических тетрадей. Выбрал второй вариант (по жабьему принципу). Дальше уже все как по маслу

покатило: придумал «либретто», за каких-то два месяца при помощи силлаботонического стихосложения облек его в поэзию, отшлифовал по углам, подбил бабки, спустил на тормозах на мягких лапах, провентилировал вопрос, посмотрел на мир широко открытыми глазами, вызвал на ковёр и изящно переписал одноцветной шариковой ручкой. Получился вот такой шедевр:

Солнышко светит, цветочки цветут,
девичьи глазки мне спать не дают,
брови — дугою и нежный овал
крепко мне в душу однажды запал,
и белый свет мне не мил уже стал.

Больше не стану я выпить нигде
и подниму я успехи в труде,
первым в работе стараюсь я стать,
станешь тогда ты меня замечать
и свиданья свои мне обещать.

Радуга в небе и птички поют,
двое влюбленных по травке пойдут —
я твою руку возьму в свой кулак,
светят мне губы твои, как маяк,
будет с тобой у нас счастье — ништяк, вот так.

Стану хвалить я одежду твою,
скажешь тогда ты мне робко «люблю»,
будет счастливая наша семья,
вместе поедем в другие края,
потому что люблю тебя я.

Вот примерно в таком разрезе, а особенно, как я считаю, удался припев:

Дождик капелью стучится: кап-кап, —
купим с тобою мы плательный шкаф,
поезд колёсами дробит: тук-тук, —
ты — мне друг и я — тебе тоже друг.

Причём в первоначальных вариантах вместо «купим с тобою...» было «стану ходить за тобой как араб», но, твёрдо решив воздержаться от политики и национального вопроса, я переделал на бесполой «шкап».

Полюбовался на произведение, представил, как поёт его какой-нибудь серьёзный певец в сопровождении оркестра, и так мне стало приятно — прямо кайф. Уж так плохо написано, что очень хорошо. Кайф наоборот.

Мне ещё в армии узбек один рассказывал анекдот: «Жил-был пастух. Курил анашу с самого рождения. Курил анашу с самого первого утра и до тридцати семи лет. И, видимо, к ней привык. А потом в день своего тридцатисемилетия встал с утра и хотел покурить, а анаши-то и нет, кончилась вся. Послал он вниз в деревню мальчишку, а тот вернулся только под вечер. Таким образом, пастух впервые за тридцать семь лет целый день не курил. И такой от этого словил кайф! Кайф наоборот».

Итак, закончил я творческий процесс, отпечатал в трёх экземплярах, название придумал залихватское — «Песнь о любви» и побежал всем показывать. Однако настоящего искромётного успеха не имел: «Слабовато, — говорят, — а местами не в размер». И никто ведь не сказал: «Козлиная ты рожа!»

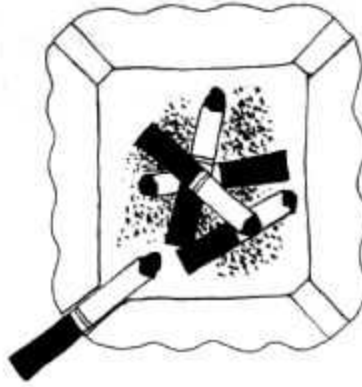
Я, честно говоря, такой критики не ожидал. Обескуражился. А меня утешают: «Ладно уж, не расстраивайся — бывает хуже».

Как же, думаю, хуже? Опять не получилось? Ещё раз перечитал — хуже некуда. Расстроился по-настоящему: ни хрена из меня не получается. Но я упрямый, это дело сразу не бросил.

Работали мы в одном концерте с композитором, автором нашумевших шлягеров «Вишнёвая метель» и «Татьянин день», в общем, с Мигулей. Сидит он как-то у рояля между концертами, что-то наигрывает, тут я к нему со своим эпохальным и подкатился. «Вот, — говорю, — Володя, текст не посмотрите?» Он видит, что я не с улицы, а вроде как при артистах, поэтому сразу-то не погнался. После первых двух строчек его перекорежило всего. Я обрадовался, но скрываю. Он взял пару аккордов и говорит: «Как-то у вас тут с размером — не того». Я его горячо заверил, что в одну секунду подработать могу, только бы музыка была хорошая (на самом-то деле я над размером целый месяц бился, все старался, чтоб погадостнее вышло).

В общем, он ещё некоторое время попел, страдая, мой «шлягер», потом говорит: «Ладно, вы мне экземпляр оставьте, я на досуге подумаю и вам сообщу».

Так всё-таки настоящего торжества и не получилось. Понимаете, не было у меня стопроцентной уверенности, что песня худшая. А когда я по телевидению услышал: «Плэйбой — клёвый такой, мой милый бэйби, одет, как денди, с тобой я — леди, я так люблю тебя», — меня охватила чёрная зависть, и окончательно стало ясно: не в свои сани не садись. И я бросил это дело.

Впечатление от разового посещения Росконцерта

Хотите верьте, хотите проверьте,
Сегодня я из-за всяких дел
Был ненароком в Росконцерте,
Нога на ногу в коридоре сидел.
Вот бежит в пиджачке — брови в нитку,
Невысокий, лет шестьдесят — не поймёшь,
Очки роговые, глаза навскидку,
Обувь — платформа, брюки — клёш.
Что он думает о себе? Не знаю,
Хоть и пиджак его из-за границ,
Сколько таких вот, как он, встречаю
Здесь в вестибюле забытых лиц.
Аккомпанировал раньше певице,
Фельетончики пошлые со сцены читал,
Теперь рассуждает о силе традиций,
О том, соберет ли «Машина» зал
Шибко они тут все деловые,
Необходимость свою ощущают вполне,
Коридором сквозь дыма клубы густые
Идут, всё заботятся обо мне.
Сколько таких учреждений разбросано,
Сколько курящих там трудится дам!
Артисты! Играйте, по вашим вопросам
Давно уж написан бумажный хлам.
Сюда бы сейчас побольше дуста,
И взять бы швабру, вычистить грязь.
Всё хорошо, вот только искусство
Плачет, страдает, криком зайдясь.

Почти В.В.Маяковский

Пылесос

*«...И пусть ястребы Тель-Авива дышат
в кислородные подушки Вашингтона».*

Из радиопередачи

Я всегда очень верил нашим газетам, радио и телевидению. Вот по радио говорят: «Невесело поют нынче соловьи в Булонском лесу» — значит, невесело. Весело соловьи могут петь только в Нескучном саду.

Наши вообще очень удачно всегда долбали капиталистическую границу. И слова были изобретены специальные: мир чистогана, город жёлтого дьявола (это на золото намекают, которое у нас-то никто не любит), жёлтая — она же продажная — пресса.

Очень хорошо и красиво можно было сыграть на противопоставлениях: у нас — «просторно раскинулись жилые микрорайоны», у них — «дома теснятся в каменных джунглях»; у нас — «счастливо трудятся», у них — «изнывают под гнётом»; у нас — «с каждым годом растёт благосостояние трудящихся», они — «прозябают в нищете»; мы — «живём», они — «ютятся» или чего-то там «влачат», кажется, «своё жалкое существование».

Ещё с раннего детства хорошо помню такой шедевр газетной карикатуры. На портрете изображён тогдашний секретарь Организации Объединённых Наций. Под портретом надпись — Даг Хаммаршельд. Около портрета стоят двое рабочих в комбинезонах и с молотками (видимо, во время обеда). И один говорит другому): «Смотри, пишется Даг, а читается наоборот». Вот так — просто и элегантно — проклятый гад Хаммаршельд.

И даже совсем недавно в одной из центральных газет после огромной статьи о наших очередных победах я под рубрикой «За рубежом» увидел такие строки: «Этой зимой в США от холода погибло более 854 человек».

От какого, к чёртовой матери, холода?! Что, прямо на улице замерзли или простудились, а потом слегли? А точно ли более 854 или всё-таки менее?

А специальная «плохая» музыка? Многие, наверное, помнят киножурнал «Иностранная кинохроника», который можно было смотреть без дикторского текста и с закрытыми глазами. Сначала шла весёлая «траляляшная» музыка. Это значило, что в Венгрии вошёл в строй новый комбинат, потом звучали минорные аккорды — ну точно землетрясение в Англии или женский хор рвёт душу — открываешь глаза: американские рабочие влачат...

Всю жизнь в конце декабря я слышал: «В обстановке крайней напряжённости встречают нынче на Западе Новый год».

Видали как? Нынче! В течение десятков лет, а всё — нынче.

На протяжении долгого времени дня за три до Нового года я усаживался перед телевизором, чтобы не упустить момент, когда Запад, находящийся постоянно в обстановке крайней напряжённости, наконец-то лопнет. Но этого почему-то не происходило.

Позже у меня появился видеомаягнитофон, и я стал записывать особенно выдающиеся «шедевры» дикторского искусства. Я подчёркиваю, именно дикторского. Так как сами по себе демонстрируемые сюжеты совершенно невинны.

Судите сами. На экране — одна из центральных улиц какого-то западного города. От дома к дому протянуты пышные гирлянды. Улыбающиеся прохожие, отягощённые красочными пакетами, спешат по своим делам; сверкают разноцветными огнями празднично украшенные витрины.

Дикторский текст: «Ничто не напоминает нынче (опять нынче) в Лондоне о Новом годе».

Ну, конечно же, ничто; ведь за границей праздники не празднуют, а стараются «хотя бы ненадолго отвлечься от повседневных проблем».

Следующий сюжет. Показывается ирландская группа «ЮТу», выступающая в небольшом клубе, а затем улыбающаяся женщина, которая моет окно.

Текст: «Не сразу пришёл успех к молодым талантливым музыкантам. Раньше они играли в рабочих кварталах, но не всем по везло так, как им, — некоторые вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб». («Некоторые» — это, наверное, про бабу и окно.)

И последнее. В Нью-Йорке — рождественская неделя, кругом клоуны, Микки-Маусы. На углу стоит веселый Дед Мороз, останавливает каждого прохожего, поздравляет и вручает маленький пакетик. Люди разворачивают, и многие сильно радуются.

Диктор (с нескрываемым презрением и уничтожающим сарказмом): «А вот и американский Дед Мороз — Санта-Клаус, но он дарит прохожим далеко не подарки, а всего лишь лотерейные билеты. Немногие выигрывают в эту новогоднюю лотерею».

Вскоре нашим средствам массовой информации стало как-то уже не до лотерейных билетов Санта-Клауса, и я боюсь (к моей радости), что моя видеоколлекция телесюжетов так и останется неполной. Нет-нет да и прозвучат иногда слова «влачат» и «прозябают», но относится это уже не к Западу, а к нам, что в общем-то не так уж и смешно.

Все это довольно длинное вступление к рассказу о пребывании «Машины» в США в 1988 году призвано показать, какими примерно сведениями, почерпнутыми из газет, ЦТ и т. д., я располагал об «их жизни и нравах» перед поездкой в эту страну.

Нет, я, конечно, не уподоблялся «мистерам Твистерам», считающим, что по Москве медведи бродят, но был искренне удивлён, не увидев на каждом шагу в Штатах горящих крестов ку-клукс-клана и валяющихся

где ни попадя бездомных, которые «вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб».

Если говорить серьезно, то мы действительно знали и знаем об Америке гораздо больше, нежели американцы о нас. Мы ведь черпали информацию из видеофильмов, из музыкальных программ, а они в основном из своей жёлтой прессы.

Раньше по инициативе наших газет неоднократно проводились интервью со случайными людьми в центре Москвы и Нью-Йорка. И что же?

Наш бравый рабочий-комсомолец толково объяснил въедливым американским корреспондентам территориально-политическое деление США и климатические особенности различных зон, а ненароком попавшийся нашим журналистам в Нью-Йорке болван-профессор из 15 республик назвал только три: Москву, Сибирь и Волгу. Что и говорит о высоком культурном уровне среднего советского человека, каким я себя и считаю.

А чего?! Однажды Макаревич с Кутиковым и Ефремовым сели и за пять минут на спор записали на бумажке почти 48 из 50 американских штатов, а когда Сашка Зайцев вспомнил, что американские деньги называются не долларами, а «баксами», то все решили, что он свободно может поработать пару лет гидом-переводчиком где-нибудь в Алабаме.

И вот «Машина времени», усиленная для концертной убедительности Александром Борисовичем Градским, летит на «Боинге» в Штаты.

Летим мы на «Марш мира» по инициативе Комитета защиты мира. От кого собирался защищать мир этот комитет — от нас или от американцев, я точно не знаю.

Самолёт прибыл в Нью-Йорк, где мне бывший москвич Миша через решётку передал 134 мятых доллара (всё, что смог собрать), потом мы аккуратно пересели на лос-анджелесский рейс и около полуночи

по местному времени, слегка замученные долгой дорогой и неизвестностью, растопырились в зале прилёта аэропорта Лос-Анджелеса, штат Калифорния.

Как всегда, никто из нас точно не знал, будут ли встречать, дадут ли суточные и когда придётся «мирно маршировать» — прямо сейчас или всё-таки немножечко попозже?

Через некоторое время ловкие шофёры в серой форме растащили по длинным лимузинам прилетевших бизнесменов, и мы остались в зале одни, не считая очень бойкой и симпатичной девицы с небольшой табличкой «HARD-ROCK» в руках. Девушка пританцовывала, вертела головой и, беспрестанно улыбаясь, энергично разгоняла табличкой и без того кондиционированный воздух.

Убедившись лишний раз, что, кроме нее и нас, никого в зале нет, и бросив взгляд на длинные прически Кутикова и Градского, она решительно подошла и с ужасающим тexasским акцентом осведомилась, не видали, часом, мы тут где-нибудь группу из Москвы? А мы-то как раз и видали.

Девушку звали Маделина, она позвала лохматого босого парня Тома, мы загрузили вещи в грузовичок, сели в две машины и по ночной прохладе приехали в чудный дом Маделины на берегу океана.

Еще в этом доме жил непрописанным её друг Лэни, которого за странный рычащий голос пришлось тут же прозвать Тайгером, то есть Тигром.

Они позвонили, заказали пиццу; потом пришли еще несколько друзей, а мы тоже достали разные московские припасы и стали с ними со всеми очень сильно дружить.

Андрей спел под гитару несколько песен в стиле «кантри», была открыта пара баночек икры, а наш Директор, не говоривший по-английски, выразил свою признательность гостеприимным хозяевам тем, что не

сходя с места, в уголку, быстро выиграл у Тигра сто с лишним баксов в карты, неосмотрительно оставленные тем на виду.

Директор сильно гордился своим выигрышем, и стоило больших усилий упротить его проиграть деньги назад.

К середине ночи обстановка была такая приятная и свободная, как где-нибудь в Малаховке под Москвой.

Два следующих дня мы провели на пляже и вообще всячески красиво отдыхая, посещая маленькие пляжные магазинчики и соседей Маделины, которые проявили к «этим странным, но весёлым русским» неподдельный интерес.

Было жарко, кое у кого сгорели плечи, а Саша Градский купил себе красивую шапочку с приделанными к козырьку небольшими ручками и верёвочкой. Если дёрнуть за верёвочку, то ручки делали жест, который американцы называют «Fuck off». Дёргал он за верёвочку часто, несложный механизм быстро сломался, и руки застыли в постоянном жесте, который уже нельзя было ни отменить, ни изменить. Шапочку пришлось снять.

Мы, конечно, не забыли, зачем сюда приехали, и с интервалом в семь минут пытались интересоваться, где сейчас «Марш мира» и как бы нам к нему незаметно примкнуть, а также задавали всякие робкие вопросы по поводу суточных.

Несчастные Маделина и Тигр смущённо переглядывались, наконец выдали нам долларов по двадцать, чтоб мы себе ни в чём не отказывали.

День на четвёртый выяснилась одна любопытная деталь: наши милые хозяева ни о каком марше и не слыхали, а просто узнали от каких-то знакомых, что должны приехать русские музыканты, после чего, испытывая здоровый интерес к нашей стране, решили их принять и поближе познакомиться.

Было не очень то ловко, но вскоре мы-таки нашли этот «Марш мира», а он нас, и историческая справедливость была восстановлена.

Михаил Шуфутинский был руководителем ансамбля «Лейся, песня!» до 1979 года. Руководителем хорошим — в меру жёстким, в меру Демократичным. Миша окончил дирижёрско-хоровое отделение консерватории и очень хорошо поставил в ансамбле вокал. Отношения были нормальные, коллектив был на подъёме, и ничто не предвещало скорого расставания с руководителем.

Как-то на гастролях я зашёл вечером к нему в номер. Миша говорил по телефону с Москвой, и я стал рассеянно перебирать газеты и книги на его тумбочке в надежде найти какой-нибудь детективчик на ночь — и нашёл. Книжечка называлась «Овцеводство в Австралии» и содержала ряд интересных сведений о численности и популяциях бараньего поголовья в этой далёкой стране.

Так у меня зародилось жуткое подозрение, что Шуфутинский уезжает.

Кстати, о самом слове «уезжать»: в те времена этот глагол не требовал дополнения. Не надо было уточнять, куда и зачем. Если творили, что кто-то уезжает, то всем было совершенно ясно, что конкретный товарищ навсегда покидает Советский Союз ради Израиля, США или Австралии. У Миши с Австралией не сложилось, потому что как раз в тот период австралийцы ввели для эмигрантов возрастной ценз, по которому он с семьей не проходил. Но тогда он ещё об этом не знал и на всякий случай интересовался овцеводством.

Через пару месяцев Шу — так его звали друзья — собрал собрание и объявил о своём решении уволиться. Все были в шоке. Такого ещё не бывало; был прецедент, когда целый ансамбль «Самоцветы» ушёл от руководителя, но наоборот...

Миша объяснил, что он очень устал от поездок, что не имеет возможности посвящать достаточно времени семье, и извинился перед всеми за то, что он, видимо, вынужден будет объявить нас перед руководством подонками и бездельниками для убедительной причины увольнения.

Мы, обалдевшие, дали полное согласие считать нас кем угодно, а руководство реагировало однозначно, тут же предложив разогнать к чёртовой матери зарвавшуюся сволочь, но Миша настоял на своём и уволился один.

Он поступил очень мудро и честно, потому что даже через полтора года, когда он уехал, не имея к «Лейся, песня!» никакого отношения, у ансамбля были большие неприятности: размагниченные фонограммы, отменённые съёмки, несостоявшиеся гастроли.

Где-то году в 84-м, уже в «Машине», после концерта я вошёл в наш «Икарус» и, усевшись, услышал из водительского магнитофона развесёлую музыку про Брайтон-бич, небоскрёбы и т. д. голос был совершенно незнакомый.

Водитель сказал, что это какой-то Чухатинский, последний писк эмигрантского творчества.

Я никак не мог себе представить, что это поёт Миша, так как еще в «Лейся, песня!» он никогда не пел и, раздавая партии вокалистам, всегда предпочитал сыграть мелодию на рояле. Слух у него был отличный, но что-то не то с дикцией, и он даже немного этого стеснялся.

А тут прямо соловьём разливается. Оказалось, что всё-таки Шуфутинский. Видимо, это в Нескучном саду соловьи не поют, а в Булонском лесу поют, да ещё как весело!

На протяжении этих лет я слышал, что Миша был сначала в Нью-Йорке, потом переехал в Лос-Анджелес, и у него там какое-то дело, связанное с рестораном: не то

у него ресторан, не то он часто туда ходит. Но адреса не было, а повидаться очень хотелось: вот, мол, я в Америке и не сбежал, а так — захотел и приехал.

Как-то, идя по улице, спрашиваю Маделину, не знает ли она такого Шуфутинского? Маделина, жуя резинку, улыбаясь, постреливая глазами и не забывая качать бёдрами, подбежала к телефону-автомату, схватила и сунула мне толстенный справочник. Открываю и между мистерами Шмуцем и Шутцем коричневым по розовому написано: мистер Шуфутинский.

Я позвонил ему, разговаривал с женой, которая меня не узнала, и выяснил, что мистер Миша будет сегодня вечером в ресторане «Атаман», который, собственно, ему и принадлежит.

Ребята все взволновались: некоторые тоже знали Шуфутинского еще по Союзу, а другие — просто от возможности сходить в Америке в ресторан.

Я уже упоминал, что разговаривать с Маделиной было бы трудно, даже если бы она говорила не по-английски, а по-русски, но с такой же пулемётной скоростью и ковбойским акцентом; поэтому приходилось отделяваться многозначительным «о'кей».

Кое-как договорились, что она заедет за нами в 6 часов на своей широченной шаланде и отвезёт в «Атаман».

Все «почистили перышки» и приоделись во всё чистое, чтобы предстать перед «владельцем заводов, газет, пароходов» во всём блеске. Градский долго возился с механизмом шапочки, потом плюнул и надел ради разнообразия не чёрную, а белую рубашку.

Где-то в половине восьмого я уже стал сильно нервничать, потому что Маделина, хотя и была женщиной, но всё-таки старалась не опаздывать более чем на час — значит, что-то случилось.

Так оно и было. Вскоре она позвонила (переводил Лэни Тайгер) и рассказала, «что у машины не было номера, а полиция спрашивает, а машина принадлежит одному другу, а друг уехал неизвестно куда, а полиция машину забрала, а она теперь без машины, а в общем, все о'кей и через 10 минут она будет».

Действительно, минут через десять Маделина явилась на новом «мустанге», мы погрузились и поехали.

Поинтересовались, у кого она взяла эту тачку и есть ли на неё документы? Ответ был такой:

— Всё есть, всё о'кей. Я её по дороге купила.

«Атаман» был просторным рестораном, специализирующимся на французской и русской кухне. Оркестр только что закончил очередную песню, и Миша с радиомикрофоном спускался с эстрады в зал под аплодисменты русско-французского стола.

Я вышел прямо к эстраде, и сюрприз был так сюрприз. Кого он меньше всех ожидал увидеть, так это меня. Он расчувствовался до слез, я тоже.

Больше того, многие присутствующие сразу узнали Макаревича и Градского, подходили, жали руки, но им сразу было объяснено, что мы приехали не насовсем, а на гастроли.

Вечер прошёл чудесно.

На следующий день Миша катал нас по Лос-Анджелесу на своём «Мерседесе», у которого на номере вместо цифр написано «Атаман». Проезжали мимо его дома в самом престижном районе города — Беверли-Хиллз. Подумать только! Ещё недавно я смотрел интересный видеофильм «Полицейский из Беверли-Хиллз», а тут сам разъезжаю.

Миша небрежно вёл машину и рассказывал, рассказывал... О том, как трудновато с рестораном без официальной лицензии на алкоголь, о том, что заключил контракт с телохранителями, которые

должны защищать его даже против его воли. Тут вот какая тонкость. Если подойдут к Мише незаметно преступманы, приставят пистолет и прикажут отослать телохранителей, то те никуда не уйдут, если только сами не захотят.

В конце экскурсии Шуфутинский всё-таки спохватился, что уж очень круто взял, и сказал, что жильё очень дорого, поэтому он не может себе позволить в этом миллионерском районе целый дом, а только пятикомнатную квартиру.

Я немного успокоился, а то ведь известно, что на Беверли-Хиллз живут самые богатые звёзды Голливуда и вообще всякие знаменитости.

На Мишиной улице проезжаем мимо одного особняка, перед которым на лужайке дядька чёрный с детьми бегают.

— Знаешь, кто это? — Миша небрежно спрашивает. — Знаменитый Кассиус Клей, он же Мохаммед Али, знаешь?

Я плюнул на все, говорю: «Не-а».

Несколько раз в Штатах в разных городах нас таскали на настоящие приёмы со свечами, бассейнами и слугами-неграми в белых перчатках. Все было очень богато, и я поражался, насколько сильную любовь испытывают к «Машине» простые американские миллионеры.

Правда, потом оказалось, что средства, ассигнованные богатыми людьми па такие приёмы, проходят как благотворительность, и им за это снижают налоги.

Это не значило, конечно, что с таким же успехом можно было выбросить деньги на помойку, ведь гораздо приятнее их пропить с замечательными ребятами из Москвы, чем снабдить пару сотен бродячих собак «долгоиграющими» резиновыми костями.

Американцы всё время улыбаются: неосознанно во сне, дома, на улице, — ходят прямо так и улыбаются, а уж если к американцу обратиться с вопросом или как, тут уж приходится опасаться, как бы он себе челюсть не вывихнул.

Ещё они друг друга хвалят и никогда не жалуются — всегда все о'кей.

Вот он подходит здороваться: «How are you?» (Как поживаешь?). Надо ответить: отлично, шикарно, бесподобно.

А если буркнуть, как у нас принято: «Ничего», — тут он уже подумает, что у тебя кто-то умер.

Часто спрашивают, уловив малейший акцент: «Откуда ты (или вы)?» Говоришь: «Из Советского Союза». Не понимают. Надо отвечать: Россия, Москва.

Так что мы ещё до развала Союза уже отвечали, что русские.

Один только раз очень правильно нас поняли. Был сильный дождь, а автобус не смог подвезти к самым дверям гостиницы. Три часа ночи, несёмся, гремя сапожищами. На втором этаже открывается окно, и заспанный голос спрашивает: «Откуда это вы летите как сумасшедшие?»

— Из Советского Союза, — отвечаю.

— Так я и думал, — и закрыл окно.

Но вообще к нам все очень благожелательны. Даже, кажется, немножко жалеют.

Пригласили как-то на обед в аристократический гольф-клуб. Америка — страна относительно молодая, к аристократии и к своей старине очень трепетно относится. Однажды на экскурсии достопримечательности показывают: вот здание, ему почти тридцать лет, а вот тому — целых пятьдесят.

Ну разве можно быть аристократом с двадцатилетним стажем! Но ничего, оказывается, можно.

В гольф-клубе около ста почётных членов: Рональд Рейган, Майкл Джексон и другие суперзнаменитости. Чтобы получить членство, надо внести 150 тысяч, да и потом ежегодно отстёгивать 50-60, но, как вы понимаете, не в деньгах дело.

Клуб расположен в уже суперфешенебельном месте внутри Беверли-Хиллз, в Бель-Эйр, и славится кухней своего ресторана, чуть ли не лучшей в мире.

Нам показали красивые поля для гольфа, клюшки почётных членов и, наконец, кухню с 15-18 поварами, каждый — мастер какой-либо национальной готовки. Даже двое специалистов по русским делам, наверное варят им щи.

В просторном обеденном зале 5-6 миллионеров в белых рубашках что-то спокойно ели своими клюшками и на нас особого внимания не обратили.

Клуб считался сугубо мужским, женщины не допускались, но для организатора нашего обеда, голливудского продюсера, который пришёл с женой, было сделано исключение.

Мы сели за стол и после первого тоста за нашу даму элегантный седой продюсер, держа бокал с шампанским (\$400 бутылка), произнес буквально следующее:

«Друзья! Всем известно, что самая развитая капиталистическая держава в мире — это США. В США самым богатым и процветающим штатом является Калифорния. Самый известный город Калифорнии — Лос-Анджелес. В Лос-Анджелесе самым фешенебельным районом считается Беверли-Хиллз, а в центре его находится Бель-Эйр, где расположен наш гольф-клуб с роскошным рестораном, где мы все сидим.

Друзья! Вы находитесь в самом сердце капитализма, к которому ваша страна, к сожалению, выбрала такой тернистый и извилистый путь».

Наш Директор встал и обратился к продюсеру с краткой ответной речью, где сдержанно похвалил Америку и жратву. И мы выпили, как я понял, за перестройку.

Мне так понравился этот стройный и безупречный американский тост, что я изо всех сил постарался его запомнить, чтобы в случае чего воспроизвести. Недавно такой случай представился: приехали знакомые американцы. Я произнёс тост, слегка подправив его под наши условия: мол, вот мы все здесь, в Москве, в ресторане «Пекин», в европейском зале и т. д.

Американцы кивали, но мне показалось, что тост настоящего искрометного успеха не имел.

Когда поёт А.Б. Градский, я забываю обо всем. Мы знакомы с ранних юношеских лет, репетировали в разных группах в легендарном Доме культуры «Энергетик». Я всегда восхищался его уникальным голосом, даже когда он не поет, а так просто, в разговоре. Еще меня привлекали бескомпромиссность его суждений и очень здоровое чувство юмора.

С тех пор, конечно, прошло много лет. Градский стал известнейшим певцом и композитором, а я всего лишь гениальным звукорежиссёром и писателем, поэтому не могу называть его на бумаге Сашей, в крайнем случае — Александром.

Так вот, в Америке Александр купил себе стекло.

Будучи человеком предусмотрительным, ещё задолго до этой поездки он приобрёл огромный «Бьюик» 72-го или 75-го года и с первых дней пребывания в Штатах искал для этой машины ветровое стекло. Нашёл и купил.

Стекло было очень большое, а ящик для его хранения — так просто огромный, и в нем хотелось жить. Валандались и таскались мы с этим ящиком

исключительно из уважения к таланту и личности Александра.

Как-то раз в Сан-Франциско я был дежурным по ящику. Сижу, привалился к нему, как к горе Машук, и за него отвечаю. Присматриваю, как бы в нём бездомные не расселились или океанский контейнеровоз за своего не принял и не уволок незнамо куда.

Покуриваю тайком запрещённые в США сигареты «Родопи». Их ещё президент Линкольн запретил как пустую трату времени, а под категорию марихуаны они подходят разве что по запаху. Я все сидел и размышлял, как этот ящик завтра волочь в другое место, и вспомнил кучу всяких историй о громоздких предметах и их перемещении.

У ансамбля «Верасы» была сильная нужда. Нужда была в двух кофрах для перевозки микрофонных стоек. Кофры должны были быть метра по полтора и сделаны из фанеры. Вот те, кому положено, навалили чертежи и отправили их на завод или там в мастерские, где заказ должен был быть выполнен точно и в срок.

Время от времени «Верасы» интересовались, как продвигается работа. Им отвечали, что всё в порядке, уже пройден нулевой Цикл и заложены первые фанерки.

Через каких-то два года изготовители позвонили, сообщили, что первый из кофров готов, и предложили встречать груз около 15 часов. Филармонические деятели выразили удивление таким пафосом и, в свою очередь, предложили послать своего экспедитора, чтобы он схватил коробку и привёз. Но изготовители, сославшись на новую форму обслуживания, стояли на своём.

Встречать вышли всей филармонией.

В 15 часов в ворота вошёл спиной человек с флажком, за ним показалось нечто вроде дома средней

величины, который на тягачах, тачках и подводах волокли радостные изготовители.

Оказалось, кто-то в среднем звене не вовремя выпил и перепутал миллиметры с километрами.

Чудовище долго стояло во дворе филармонии. Были проекты открыть там дискотеку или рынок, но администрация на всякий случай отказывала.

А чехлы для стоек чья-то жена сшила из подвернувшихся тряпок за 20 минут.

А вот ещё. Случилось мне один раз в городе Магадане перевозить довольно громоздкий ящик с ударной установкой.

Я стою на улице с этим ящиком и двумя бойкими местными ребятами, через которых и была приобретена установка, пытаюсь поймать такси.

Машу руками, как ветряная мельница. Но вот одна машина с «зеленым глазом» мимо проезжает, потом другая...

Ребята, посмеиваясь, за мной наблюдают, наконец один, который поглавней, смилостивился над недотёпой, говорит:

— Ладно, мальчик, отойди! Кто же у нас в Магадане так тачку ловит?!

Вышел он на край тротуара, сунул руки в карманы и стал правой ногой такое движение делать, как девочки в варьете в танце канкан.

Я думаю: «Во как! Век живи — век учись. В жизни бы сам не догадался», — и действительно, первая же «Волга» останавливается.

Вежливый водитель аж из машины вышел и к нам направляется. Мой магаданский канканщик смотрит на меня — знай наших, но тут водитель как даст ему в табло и уехал. Что уж случилось, точно не знаю. Может быть, не той ногой надо было.

Ребята долго оправдывались, что этот водила мудака и козёл, а я плюнул на местный колорит, достал московский чирик (тогда это ещё были деньги), взмахнул им, как Кио палочкой, и первый же грузовик, ссыпав уголь на обочину, помчал меня с барабанами в дальние дали.

Работали у нас в своё время трое рабочих: Басов, Шитов и Калахов. Кличка у них была — «три молодца, одинаковы с лица».

Действительно, очень похожи друг на друга: плотные, немногословные, обстоятельные.

Никто о них толком ничего не знал, только однажды Шитов сказал, что брат у него «на шофёра кончил».

Работниками они себя зарекомендовали хорошими, меж собой крепко дружили: придут, бывало, утром все с «фонарями» — Директор им допрос с пристрастием. «Упали, — говорят, — ударились».

Ещё им почему-то очень нравилось быть евреями.

— Мы, — говорят, — евреи: Басман, Шитман и Калахер.

Когда приезжаешь на гастроли в другой город, одним из самых доступных развлечений является дневное посещение местного универмага. Вот в одной украинской поездке приходим в универмаг. Походили, посмотрели, потом, конечно, заходим в музыкальный отдел. Я гляжу, глазам не верю: стоят звуковые агрегаты типа «Маршал». Две колонки одна на другой, и сверху усилитель. По виду ни дать ни взять — фирменная аппаратура, на которой обычно западные «монстры рока» выступают.

Оказывается, местный радиозавод выпускает. И название залихватское — что-то вроде «Ритм» или «Гамма».

Мы эту аппаратуру обступили, гадаем: какова она в деле? Тут откуда ни возьмись трое «евреев» протискиваются. Басман с Шитманом обошли агрегат вокруг, потом, не сговариваясь, схватили за ручки, приподняли, опустили. «Говно», — говорят. А Калахер даже плюнул.

Мы тоже плюнули: чего уж тут смотреть — всё ясно. Я этот способ проверки качества взял на вооружение и, когда в первый раз за ящик со стеклом Александра уцепился, сразу понял — сильная вещь.

Пока я всё это вспоминал, дежурство моё кончилось, смена пришла, и отправился я ужинать чем американский бог послал.

Приехали в Даллас, штат Техас. К этому времени «Машина» уже отделилась от «Марша мира».

В плане у нас были записи на очень хорошей далласской студии и пара концертов.

Состоялся даже небольшой концерт в городе Хьюстоне, столице американской космонавтики, где «действующие» русские до этого времени появлялись крайне редко.

Даллас — очень красивый город, очень чистый и благоустроенный (если можно вообще так говорить об американском городе) — в своё время покрыл себя мрачной славой. В Далласе был убит президент Джон Кеннеди.

Мы побывали на том месте, видели здание, с верхнего этажа которого, по официальной версии, стрелял Ли Харви Освальд.

Освальд, арестованный по подозрению в покушении на Кеннеди, вскоре сам был убит Джеком Руби, в свою очередь через месяц отравленным в тюремной камере, развалившейся через три дня на мелкие куски, впоследствии съеденные мышами.

Комиссия Уоррена, занимавшаяся потом расследованием этого жуткого дела, исписав толстенные тома, зашла в тупик, так как свидетели исчезали один за другим. Возможно, только будущее прольёт свет на тайну убийства. И то вряд ли.

В Далласе было много интересных встреч и контактов, но апофеозом явилось посещение «Хард-рок кафе».

Не надо думать, что это нечто вроде кафе-мороженого, где играет группа. «Хард-рок кафе» в мире всего несколько. Это своеобразный центр рок-культуры. Это роскошный ресторан, способный удовлетворить самые изысканные вкусы. Это мемориальный музей, где собраны реликвии, принадлежащие лучшим музыкантам мира: гитара Джимми Хендрикса, одежда «Битлз» и т. д. И наконец, это престижнейший концертный зал, где выступали и выступают (но только по одному разу) звёзды рок-музыки.

Чсть выступить в «Хард-кафе» была оказана Элвису Пресли, Стиви Вандеру, «Роллинг Стоунз», Чабби Чеккеру и другим звёздам, причём чсть обоюдная: заведение очень гордится людьми, занимавшими его сцену, и в ознаменование каждого такого события на площади перед зданием навечно помещается бронзовая звезда с фамилией певца или названием группы.

Сердце любого рокера зашло бы при взгляде на это созвездие имён, и каково же было наше удивление, когда «Машине» официально предложили выступить в этом замечательном месте.

Ни о какой звезде, конечно, разговора не было (этот вопрос решался спецсоветом), но возможность поиграть на одной сцене с музыкантами такого масштаба просто потрясала.

Первая (и последняя) очередь, которую я увидел в Штатах, была очередь за билетами на наш концерт. Публика собиралась солидная, так как цена билетов

была довольно высока — около 18 долларов, а за 10 можно было купить приличные джинсы.

Все, конечно, очень волновались. Концерт открыл тремя песнями Александр Борисович. Пел он по-русски, но зрители были буквально потрясены его вокальным мастерством и этого не замечали. Некоторые в волнении закурили, другие обменивались вполголоса восхищёнными репликами. Тогда Градский сделал следующее: оборвав на полуслове волнующий рассказ о приключениях Гарсии Лорки, он, пользуясь буквально тремя английскими словами (типа «Ноу смокинг, фастен белтс»), заставил зал замолчать и прекратить курение, чем поднял престиж советских артистов на небывалую высоту. Об этом взхлеб с одобрением написали утренние газеты.

После этого «Машине» работать было легко, зрители были само внимание, и я даже слышал, как по залу пролетели две мухи.

Еще до поездки Андрей удачно перевёл несколько песен, а перед русскими текстами делал по-английски небольшой анонс, так что для зрителей не пропали ни музыка, ни смысл, что было особенно приятно. В общем, большой успех.

В течение всего концерта за моей спиной стояли трое солидных мужчин и очень внимательно наблюдали за моими действиями. Первый был по виду очень похож на продюсера Мадонны, второй явно напоминал продюсера Рода Стюарта, а третий скорее всего являлся продюсером Майкла Джексона. Пришлось мне блеснуть мастерством и хвататься за ручки в темпе шахматного блицтурнира.

По окончании концерта я повернулся к ним и спрашиваю:

— Как вам понравился саунд звука?

Один сказал: «Отлично!», другой: «Шикарно!!», а третий: «Бесподобно!!! — и добавил: — Прекрасная

работа».

Странно всё-таки, как Америка влияет на творческие способности человека. Вот, помню, в Орле после концерта зрители прибегают:

— Где, — кричат, — этот звукорежиссёр хренов, надо бы ему руки оторвать!

Это на родине, а здесь такие важные люди — и «шикарно и бесподобно».

В общем, сижу я это и мысленно уже у Мадонны и Стюарта работаю, а может быть, даже и у Майкла.

Тут Макаревич подходит:

— Чего-то, — говорит, — мне показалось, что гитара сегодня была тиховата.

Пришлось срочно в «Машину» «возвращаться».

А мужики те, трое, оказывается, поспорили между собой на бутылку виски, что я обязательно что-нибудь сломаю, но просчитались, сволочи.

На вечернем «разборе полетов» вышел небольшой спор о программе, но все согласились, что в целом концерт прошёл хорошо; Андрей с достоинством комментировал по-английски русскую часть концерта, а я ничего не сломал.

Александр Борисович, зашедший на огонёк, тоже сдержанно похвалил коллектив, но чувствовалось, что у него есть собственное мнение о том, кто принёс концерту успех.

(Александр всегда относился к «Машинистам» как к братьям меньшим, на что, безусловно, имел право, и позволял любить себя и восхищаться только издалека.)

В ответ на этот демарш я вынужден был тут же наврать, что слышал из верных источников о планирующемся открытии звезды в честь «Машины времени». Градский хохотал так, что стёкла чуть не лопнули, и предложил в качестве материала для звезды трехслойную фанеру. Было грустно.

А сон-то оказался, что называется, в руку. Дня через два американцы намекнули, что утром около «Хард-рок кафе» состоится некая торжественная церемония. (А кое-кто продолжал хохотать.)

Я пошёл в магазин и приобрел за 70 центов кусочек жести, подручными средствами обрезал его, придав форму звёздочки. Написать фломастером имя и фамилию было уже делом техники.

На следующий день далласцы не поленились устроить пышный праздник в своем стиле. Было всё: и небольшой оркестр, и разрезание лент, и торжественное срывание со звезды красного покрывала. В конце церемонии «американские пионеры подарили «Машине времени» галстуки» («Пьер Карден») и т. д. и т. п.

Я положил звёздочку Александра на зелёную травку, но показывать кому-либо постеснялся: зачем мне нужен враг на всю жизнь, тем более что поёт-то он по-настоящему здорово.

А звезда «Машины» из сверкающей бронзы помещалась где-то справа от Чабби Чеккера и в приятной близости от Элвиса Пресли, и если хвалить после каждого концерта и улыбаться — это способ американской жизни, то отливать и устанавливать звезду с надписью «Time Machine. USSR» их никто не заставлял. И это хорошо!

Сводили нас на новый фильм «Красная жара». В нём советский милиционер, которого играет Арнольд Шварценеггер, приезжает по делам службы и розыска в Чикаго. Американская полиция активно ему помогает, и всё кончается хорошо. Довольно забавный фильм, правда, смеялись мы совершенно не в тех местах, где американцы, ну да неважно, у них свой юмор, а у нас свой.

Присутствовал там такой эпизод. Милиционер Шварценеггер, усталый после самолета, наконец добирается до номера в гостинице, заходит, запирает дверь, бросает свой портфель на диван и включает телевизор. На экране появляется целующаяся парочка.

— Тьфу, это же капитализм, — говорит Арнольд с отвращением и выключает ящик.

На очередном приёме сосед по столу, который, кажется, присутствовал на просмотре, спросил меня: как мне нравится Америка? Я, желая сострить и намекая на фильм, ответил:

— Это же капитализм.

Через два дня вышла газета, как раз освещавшая пребывание в Далласе «Машины» и присуждение ей звезды.

Большая статья с фотографией группы на первой странице начиналась словами:

«Макс Капитановский — саундинженер «Машины времени», держа в руке стакан с водкой, сказал: «Да, это капитализм».

Я как прочитал, чуть в обморок не грохнулся. Во-первых, от лживости и продажности американской прессы, во-вторых, от страха, что в Москве узнают. Шёл 1988 год, а тут «стакан с водкой». Хорошо помню, что пил из рюмки, а они, гады, что написали?!!

Да еще Директор на меня долго и выразительно смотрел — прямо мороз по коже. Я решил при случае с этим «щелкопером и бумагомаракой» отношения выяснить.

Случай представился на третий день, во время концерта Рода Стюарта. Нам раздали такие значки «Очень важная персона», дающие возможность ходить за кулисы и в буфет. И вот моя персона увидела в буфете того журналиста, подходит к нему и говорит заготовленную речь, в смысле «ай-ай-ай».

Уж как он смеялся!

— Я тебе, — говорит, — только хорошего хотел. Твоя фамилия в центре газеты появилась, у нас за это люди знаешь какие деньги платят, а тебе — на халяву...

Моя «очень важная персона» все поняла и больше с глупостями не приставала.

Директор меня в Москве не выдал, а руководство почему-то прошляпило.

Концерт Рода Стюарта. Мы впервые присутствовали на настоящем рок-концерте такого масштаба. Огромный полуоткрытый зал, отличная аппаратура, шикарные музыканты, бесподобный Род Стюарт.

Мы, как «очень важные персоны», располагаемся близко от сцены. Билет стоит \$18.50, дешевле, чем на «Машину» в «Кафе», но и зал больше раз в десять.

Слева огромный экран, показывающий всякие мелкие детали: выражение лица, пальцы гитариста или клавишника — великолепное шоу.

В проходах дежурят квадратные мальчики в чёрных майках — охрана. Зрители беснуются, но в рамках; курят марихуану, но понемногу; пьют виски, но по чуть-чуть — полный кайф.

Хрупкая девушка, профессионально сбив с ног тренированного громилу, прорывается на сцену, и Стюарт допевает песню с ней на руках.

Я сидел, разинув рот, смотрел и слушал, а вокруг сорокалетние мальчишки и девчонки пели, танцевали, целовались. У меня зрело неосознанное чувство протеста советского человека, не привыкшего, чтобы было так хорошо.

Одним словом, я собрался УЙТИ. Будучи уже очень известным в Америке человеком, фамилией которого уж полгода как пестрели центральные газеты (стакан водки и т. д.), я представил себе завтрашние сенсационные заголовки: «Капитановский УШЕЛ с

концерта Стюарта», «МАКСУ такая музыка не нужна» и т. п.

Пока я смаковал несостоявшееся будущее, концерт незаметно закончился, и мы отправились на банкет-приём, которым Стюарт каждый раз удостаивал сугубо избранных.

Сугубо избранных в Далласе оказалось человек восемьсот. Закуски, напитки, легкая музыка — большой праздник.

Между прочим, я заметил ту девушку, которая охрану прорвала, она как раз с тем охранником и отдыхала — подсадная уточка-то!

Часа через два появился САМ и в уголке ужинал со своими детьми. Он явно устал и несколько тяготился шумным обществом. Я-то на всякий случай прошёлся мимо пару раз таким гоголем, чтоб он понял, КТО с него хотел уйти, но сильного впечатления это не произвело.

В результате Андрей был в конце вечера представлен Стюарту, поговорил с ним немного, и они вместе сфотографировались. У Макара фото хранится — РОДИК и АНДРИК.

Но мы с Директором этого уже не видели: у него мечта была у Стюарта на коленях посидеть — не вышло, и мы заплакали и пошли домой в скромную гостиницу «Анатоль» (двести баксов в сутки).

Почти перед самым отъездом посетили один плантаторский дом. С белыми колоннами, расположенный на живописном пригорке среди цветов и деревьев, дом производил впечатление форпоста рабовладения. В воздухе слышались звон кандалов и крики угнетаемых негров. Своеобразное очарование старины не портила даже циклопическая спутниковая антенна, стоявшая на лужайке перед крыльцом.

После обеда, о котором даже говорить не хочется, хозяева предложили освежиться в бассейне. Мы уже привыкли, что бассейны есть почти у всех, а лето в Калифорнии очень жаркое, поэтому с благодарностью предложение приняли.

Бассейн находился метрах в ста от дома и был, наверное, устроен из естественного пруда, настолько хорошо он вписывался в окружающий ландшафт.

Я направился к бассейну и уже издали увидел, что там кто-то плавает. Раздавался плеск и, как от кита, взлетали фонтанчики воды. Ничего удивительного в этом не было — это мог резвиться дельфин или любое другое морское существо: бассейн был достаточно велик, а американцам никакой закон не писан.

«Дельфином» оказался хорошенький желто-зелёный водяной пылесос длиной около метра. Перебирая маленькими лапками, он ползал по дну и по подводным стенкам бассейна, всасывал частички ила и несуществующего мусора, потом всплывал и радостно выпускал фонтанчик воды.

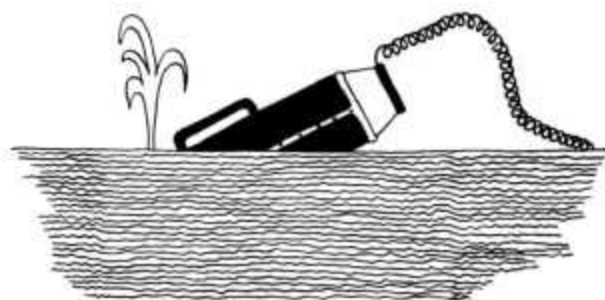
Мы зачарованно смотрели на его работу.

— Сосёт, как бог, — сказал кто-то рядом.

Я, наверное, сноб, жлоб и «вещист», потому что когда меня спрашивают, что мне запомнилось в Америке больше всего, я вспоминаю не небоскрёбы, не «Хард-рок кафе», не Голливуд, а вот этот маленький трудолюбивый водяной пылесос как олицетворение рациональности, пользы и комфорта американской жизни.

Наши эмигранты, которых в Америке уже предостаточно, многочисленных родственников, хлынувших в Штаты за магнитофонами, телевизорами и тряпками, полупрезрительно называют «пылесосами».

Если бы эмигранты с самого начала познакомились с очисткой американских бассейнов, они бы придумали для родственников другое название.

Новый год под пальмами

Сколько ни говори «халва», во рту сладко не станет.

Ходжа Насреддин

Самым распространённым словом в мозамбикском варианте португальского языка является слово «проблема». По счастливой случайности по-русски оно означает то же самое, поэтому, обладая даже таким минимумом лингвистических познаний, можно запросто обходиться без словаря и многолетнего изучения.

— Ты почему, чёртов сын, на полтора часа опоздал? — спрашиваешь у чернокожего водителя микроавтобуса. Причём по-русски.

Он печально закатывает глаза, разводит худыми руками:

— Проблема, сеньор, проблема.

— Какие проблемы, когда у нас концерт через час?

При слове «концерт», которое он вроде бы понимает, шофёр несколько оживляется:

— О, музыкь! — Поднимает вверх большой палец, затем опускает и, тяжело вздохнув, заканчивает: — Проблема.

Опытному советскому человеку сразу становится ясно, что у водителя неожиданно заболел сменщик, а сам он сидел с младшеньким, когда за ним прибежали, и понадобилось время, пока он договорился с сестрой, живущей вообще в пригороде.

Но слово «проблема» было повторено два раза. Значит, по дороге у него еще спустило колесо, а запаску он на той неделе отдал вулканизировать, а у них вулканизатор «полетел», потому что советского производства, а уж сколько они просят купить «Бош», как у счастлильца Мбого Раен Того, но они жадничают, а в принципе он музыку очень даже любит.

А вот когда ты еще только договариваешься, чтоб он завтра во столько-то подъехал, тогда пожалуйста — у него улыбка до ушей и: «Ноу проблема!» Зато уж завтра: «Проблема, сеньор, проблема!»

В первый день в столице Мозамбика Мапуту — картина: идет по улице «негра»-мозамбиянка. Сзади, вместо рюкзака, мозамбиёнок прикручен — выполняет обязанности зеркала заднего вида (если что, то орет), спереди второй ребёнок висит, равновесие осуществляет. В левой руке женщины баул с добром, в

правой — сетка с красивыми бутылками из-под пива, при этом мамаша что-то жуёт, курит, разговаривает с передним малышом, а на голове у нее сорокалитровый бак с водой. В трёх шагах сзади налегке гордо плетётся муж, сокрушённо повторяя на ходу: «Проблема, ох, проблема!»

Так что не только у нас женщины по жизни главные.

Одна из самых больших опасностей для приехавших в Мозамбик — заболеть малярией. Нам в Союзе должны были прививки сделать специальные, но уж перестройка вовсю шла, и прививки почему-то отменили. Уже там, в Мапуту, узнали, что всё равно было бы бесполезно: вакцина наша для африканской малярии — тьфу. Директор не растерялся и собрание собрал, в смысле ходить всем по струнке, а то вот один наш лётчик по струнке не ходил и это... дал дуба, а другой наш моряк не оберёгся и приказал всем очень долго жить, а ещё третий кто-то о себе много возомнил и отбросил какие-то предметы, кажется, на которых по льду катаются.

Правда, сотрудники посольства быстро точки над «і» расставили. Оказывается, малярию в основном комары специальные вызывают. По внешнему виду ничем от обычных не отличающиеся, зато по повадкам — очень.

Когда кусают, то заднюю свою часть, так сказать, корму, поднимают, и очень похожи в этот момент на приготовившегося стартовать бегуна.

Поэтому как почувствуете, что в Африке вас комар кусает, то не торопитесь его прихлопывать. Надо сначала посмотреть, как он попку держит, а потом уж с лёгкой (или с тяжёлой) душой размазать гада.

Тут Маргулис как раз приходит бледный как полотно, показывает на своей белой европейской руке пятнышко — видно, ткнул кто то. Все в ужасе. Но посольские товарищи сказали, что у них на всякий

случай есть и профилактическое средство, выработанное московской сноровкой и нашей любимой российской смекалкой, — джин. Причем употреблять рекомендуется и до, и после укуса, а если у нас при себе нет, то вот, пожалуйста, пара ящичков.

Женьку вообще приятно лечить, а тут такое дело. Одним словом, с ним всё в порядке оказалось, дай ему бог здоровья.

Впоследствии выяснилось, что комары и водку с коньяком ненавидят, но это было уже наше собственное открытие.

Лучше всех, конечно, на улицах и в других общественных местах смотрелся Петр Иванович. В солидной обширной майке и необъятных шортах он являл собой прямо-таки оплот колониализма в лучшем смысле этого слова. Прохожие и зрители на концертах так и рвались получить от него какие-нибудь указания, чтобы сломя голову их выполнить, но Петя, помня о том, что Мозамбик — свободная страна, людей не загружал, а подношения принимал креветками и омарами.

Мы жили в многоэтажной гостинице в довольно приличных номерах, то есть номера были приличными до 1974 года, а сейчас электричество подавалось с перебоями, кондиционер не работал, а лифт функционировал вечером, но через день.

Андрей как руководитель занимал престижный номер на двенадцатом этаже и просто поразил меня тем, что уже на третий день в сорокаградусную жару бодро взбегал к себе по лестнице, не теряя ни дыхания, ни хорошего настроения. Я же однажды поднялся к нему в гости, так думал, сейчас умру. Правда, я был с вещами. С бутылкой пепси.

Нет, там действительно потолки очень высокие, поэтому пролеты лестничные гораздо длиннее, чем мы привыкли. Вот и получалось: их четыре этажа равнялись нашим шести.

Мы однажды решили проверить. Сидим с Маргулисом и Кутиковым у них в номере на шестом этаже, жрём здоровущих креветок, которыми нас наши морячки угостили. Причём Женька ещё и кочевряжится:

— Не привык, — говорит, — я к креветкам и другим морским делам. Не моя это пища.

И выбросил недоеденное чудовище в окно. Стали считать: «Раз, два, три...» — чтоб прикинуть высоту нашего номера, на какой счет она об землю грохнется.

Вы только не думайте, что мы так уж мусорить за границей привыкли, просто окна на задний двор выходили, а там была такая помойка, что будь здоров и не кашляй.

Так вот, считаем, считаем, как до двухсот дошли — чувствуем: что-то не так. Пришлось ещё одну креветку жирную бросить. Уж как она об землю вдарится — за милю должно было быть слышно. До трёхсот досчитали, опять ничего. Потом всю оставшуюся жратву выкинули, тарелку и много чего другого — никаких результатов, только, когда уже к вечеру на улицу вышли, на концерт собираясь, увидали: ребятня со всего района с открытыми ртами вверх смотрит: они, оказывается, на лету всё пожирали.

Побывав перед поездкой в Ленинской библиотеке и покопавшись в справочниках, я выяснил, что в Африке «горы вот такой вышины», а также «крокодилы, бегемоты, обезьяны, кашалоты и зеленый попугай» и вообще там очень и очень жарко в любое время года. Поэтому я решил как следует подготовиться и по старой гастрольной привычке создавать максимум комфорта взял из Москвы небольшой вентилятор, которым, когда бывало электричество, мы с Валерой, поставив прибор точно между кроватями, спасались от жары как могли. Интересно, что если направить в Африке себе в лицо струю воздуха из московского вентилятора, то создается на секундочку ощущение

просто очень жаркого российского лета, а если выключить, то тут же бросает в африканский пот. Желая как можно честнее поделиться с Валериком «вентиком», я наладил в нём (в вентике) режим поворотного обслуживания, так что нас кидало в африканский пот каждые десять секунд. За две недели пребывания мой организм, так и ждущий, куда ему перестроиться, радостно перестроился на этот интересный ритм, и в Москве зимой поражал врачей и меня самого ежедесятисекундным вспотеванием. Пришлось выбрать время и вылечиться двухнедельным десятисекундным вставлением головы в духовку.

Рубли в Мозамбике называются метикалами, и, когда нам раздали там первые суточные, я шелестел огромными тысячами, не зная пока, куда их девать. Они были изготовлены из ещё более гнилого «дерева», чем наши. Купить в местных магазинчиках было особенно нечего, а хранить метикалы было удобно только в банке. Из-под пива.

В общем, проблема. Правда, Директор авторитетно заявил, что можно поменять мозамбикские «деревянные» на какие-нибудь доллары, но на чёрном рынке. Сказано — сделано. Я знал поблизости от гостиницы пару рынков. Пришёл на первый — ну, чернее не бывает. Прямо так черно, что ужас. Самым светлым пятном был я сам. И ни фига: никто ничего не меняет.

Хотел вообще-то один со мной на часы мои испанские поменяться, но мне не показались те два банана, которые он предложил: я этот сорт не перевариваю.

Ладно, пошёл на второй рынок. Он ещё чернее выглядел. У некоторых морды аж в фиолет отсвечивают, и хотя с удовольствием они готовы были метикалы эти у меня взять, но вот насчет того, чтобы что-нибудь порядочное взамен дать, — тут уж дудки.

Однажды разыскал я одного местного жителя, который кроме «проблемы» знал еще много разных слов, даже по-английски. Он мне вкратце поведал, как дошли они до жизни такой. Рассказал в трёх словах историю страны и советско-мозамбикских отношений. Я рассказ его, интересный во всех отношениях, здесь и привожу.

«До 1974 года страна наша была колонией Португалии. Португальцы нахально заасфальтировали в городах дороги, провели электричество, обустроили телефонную сеть и понастроили на океанском побережье роскошные туристические отели — видел, наверное, сейчас от них одни коробки бетонные остались.

Народ в деревнях да джунглях бедно жил, но справлялись. А в городах совсем нормально — при домиках и при работе.

Потом ваши «врачи», которые «по зову сердца» приехали с эпидемиями бороться, стали при каждом удобном случае народу объяснять, что нельзя рабами жить и надо бы социализму подбавить. И так они к 1974 году народ затюкали, что тот расправил плечи, сорвал многовековые оковы и уволил пожимающих плечами португальцев без всякого содержания.

Первые три дня хорошо было. Приятно, конечно, оковы сбросить, но вот потом лажа началась: то на электростанции винтик открутился, то в каком-нибудь отеле унитаз забился — нужен португальский специалист. А их-то народ прогнал. Ваших, естественно, понаехало видимо-невидимо, но всё больше «врачей», а они в «электрических» винтиках не особо рубили — всё норовили растить национальные кадры да политзанятия проводить.

Хорошо, что народ наш от природы смекалистый, сразу правильную линию выбрал: как что-нибудь сломается — тут же на помойку, как в отеле

канализация забарахлит — бросай его к нашей чертовой мозамбикской матери. Пусть стоит немым памятником колониализму, эдаким укором проклятому прошлому.

Через некоторое время нечто вроде голода наметилось. Ваши-то продуктов и машин нам много подкидывали, но нашлись и у нас нечестные люди, стали это всё присваивать. А ООНы и ЮНЕСКи всякие не могли спокойно на наши успехи смотреть и тоже стали продовольствие и другую гуманитарную помощь присылать. Ты уж извини, но тут ваши прокололись немножко. Сбросят, бывало, с вертолетов мешки. Мешки как мешки. С макаронами. И написано на них: «ГОСТ № 2093/176.2320». Только очень знающие колдуны в джунглях могли разобраться, что это помощь от братского советского народа. А вот ушлые да подлые капиталистические коршуны на каждом своём мешке нахально выпечатывали: «Подарок мозамбикским братьям от жителей ЮАР» или «Дорогому народу Мозамбика от США», а то и «Людям доброй воли от людей очень доброй воли».

Где уж нашим во всем этом разобраться, и случилась война. Вялая такая, продовольственная. Как прослышат кому положено в какую деревню гуманитарную помощь подбросили, так пойдут туда и отберут, а те потом у них.

Правительство тоже качается. Позвонят в ваше посольство: «Срочно нам пять «газиков», шесть «уазиков» и тридцать чёрных «Волг». А то к американцам пойдем».

Ваши испугаются, с Москвой свяжутся — и «пожалуйста бритесь»: в тот же день летит самолёт «Антей».

Но, конечно, и Мозамбик в долгу не остается: каждый год по несколько тонн орехов кешью вам отправляем, как в прорву. Что вы там с ними делаете? Едите, что ли?

И ещё мы вам разрешаем у наших берегов креветок ловить, а то развелось их, тварей, — никакого спасу нет. Сколько у тебя времени до концерта осталось? Пойдём, кое-какие достопримечательности покажу».

Мы пошли с ним вдоль океана в сторону бывшей курортной зоны. Он показывал американское посольство, красивые дома состоятельных граждан и даже резиденцию президента, но, конечно, издали.

— Раньше у нас для белых прямо рай был, — продолжал он, покуривая, — как увидит наш на улице белую компанию из ресторана, на другую сторону вежливо переходит. Те тоже не забирали: пройдут — как бы не заметят. А какой народ был честный! Страшно честный был народ. Оставишь, к примеру, на улице сумку с деньгами — никто пальцем не тронет, правда, только некоторое время. Ну, а уж если кого черт попутал, то будь любезен вон к тому столбу.

Я посмотрел в ту сторону, куда он указывал. Там посреди пляжа красовался крепкий деревянный столб, с одной стороны полуохватываемый чем-то вроде развалившихся трибун для зрителей.

— Вот за любой проступок — на сутки к столбу.

— Что, и за убийство тоже? — поразился я.

— Убийства раньше редко случались, но и за убийство — всё равно к столбу.

— А если жена мужу изменила?

— К столбу!

— А если?..

— К столбу, к столбу, к вот этому позорному столбу.

Я прямо восхитился демократичностью и гуманностью бывших мозамбикских законов и представил себе, как провинившегося преступника привязывают с утра к столбу, как собираются зрители, позорят его как могут и как ему делается нестерпимо стыдно, как прячет он от соплеменников свои бегающие глаза, и уже больше никогда-никогда...

Вот насчет «никогда-никогда» — тут я оказался совершенно прав, потому что через несколько часов начинался прилив, океан доходил несчастному привязанному к столбу аж до шеи, а зрители кровожадно следили за выражением его лица в то время, как его под водой заживо пожирали морские рачки и моллюски.

Да, пожалуй, тогда и деньги можно было оставить где ни попадя.

Мы уже вернулись назад к гостинице.

— Вот так и живём — не тужим, — сказал, вздохнув, мой проводник, — совсем богов позабыли, обычаи предков не чтим, а вообще мой дед, царствие ему небесное, к вашей стране хорошо относился. Занятный был старикашка, всё песенки пел. Ну, давай прощаться, а то твой автобус вон стоит.

— Счастливо, — говорю, — спасибо большое. Как же зовут тебя, хороший человек?

— Зовут? А так же, как всех и зовут: Хорст Майер Диего эль Мокамбо.

И он удалился, бормоча: «Проблема, ох и проблема же».

Подумаешь, Хорст Майер Диего! И покруче бывали варианты.

Вот однажды в столице одной солнечной среднеазиатской республики сидим между концертами в раздевалке Дворца спорта. Жара страшная, кондиционеров, конечно, никаких, ребята устали, сняли душные концертные одежды и отдыхают, пардон, в одних трусах.

Заходит местный деятель в строгом чёрном костюме.

— Тут, — говорит, — наш самый главный комсомолец республики желает с «Машиной времени» познакомиться. Это ничего, что вы в таком виде, мы не чурки какие-нибудь, все понимаем.

Желает так желает. Ребята говорят: «Просите!»

В сопровождении ещё шестерых «костюмов» заходит невысокий, худенький, тянет узкую ладошку: ЗАВГАР.

Ну что ты будешь делать! Тут даже самые выдержанные отрекомендовались: ГЛАВВРАЧ, СОВДЕП, ЗАМПРЕД и т. п.

Новый год мы справили в буквальном смысле слова под пальмами. Толпы народа, гуляющие по набережной без пяти двенадцать, развлекались тем, что бросали друг другу под ноги маленькие бомбочки, взрывающиеся безопасно, но громко, У нас был концерт в одном из дорогих клубов на набережной, и во время частых перерывов я выскакивал в толпу повеселиться и напугаться бомбочками. Страшно не хватало снега. К счастью, дня через три мы уже уезжали.

Сидим в аэропорту, собираемся домой. Мы с Валерой от нечего делать наблюдаем через огромное окно за прилетающими и отлетающими самолётами. Много мелькает маленьких нарядных реактивных частных самолётиков, на которых бизнесмены из ЮАР и соседней Зимбабве прилетали в Мапуту по делам.

Прямо перед нами только что приземлился изящный красно-жёлтый лайнерчик. Не успели аэродромные рабочие подложить ему под колеса стопорные башмаки, как откинулась дверь, являющаяся одновременно и трапом, и двое стройных мужичков в белых рубашках и с портфелями «атташе» сбежали на раскалённый асфальт.

Вместо них в самолётик тут же взошли два других пассажира, люк закрылся, и раздался рёв заработавших двигателей. Он явно собирался взлетать.

— Смотри, Максик, они стопоры из-под колес убрать забыли, — сказал наблюдательный Валера, — боюсь, со взлётом — без шансов.

Действительно, пилоту из кабины же не видать, что под самолётом делается, а аэродромные деятели, отвечающие за башмаки-стопоры, наверное, ушли есть бананы.

Я побежал, позвал всех наших, чтоб полюбовались, как сейчас тупые иностранцы облажаются. Все уселись перед окном, как перед экраном, ждём, веселимся.

Самолётик подергался, разогрел двигатели, напрягся и... поехал аккуратно назад. Потом красиво развернулся и дал роскошную «свечу» по направлению к Королевству Лесото.

Спектакль, к сожалению, не состоялся, но мы летели домой, и там нас ожидали наверняка какие-нибудь чудесные дела, каковые и не снились тем двум «башмачникам», которые, кстати, сразу же после отлёта самолётика появились, забрали стопоры и подложили их под другой самолёт.

Ястребы Тель-Авива

Где-то в 70-х не то в Ирландии, не то в Шотландии происходил финальный поединок профессиональных боксёров-тяжеловесов.

За первое место полагался необыкновенной красоты почётный позолоченный кубок, а за второе — всего лишь десять тысяч фунтов стерлингов.

Естественно, каждый из боксёров из чистого человеколюбия и благородства хотел оставить первый приз сопернику, и на этой почве у них разгорелся странный поединок.

В первом раунде боксёры продемонстрировали великолепную работу ног, так сказать, бой с тенью, и поразили зрителей шикарными хуками и апперкотами, но каждый в своём углу, так как подойти друг к другу ближе чем на три метра они боялись по выше обозначенным причинам.

Зрители быстро въехали в ситуацию и наградили смельчаков в перерыве свистом и топотом. Во втором раунде более слабонервный боксёр, выведенный из себя протестующими и улюлюкающими зрителями, сделал всё-таки небольшой шаг вперёд, чем поверг противника в глубокий нокаут.

Похоже, судьба кубка была решена. Рефери медленно считал до десяти, прекрасно понимая, что считай он хоть целый час — поверженный боксер в себя не придёт, а «победитель» в отчаянии рвал на себе короткие боксёрские волосы, будучи уверен, что ни на одном базаре больше пятидесяти фунтов за кубок не получишь.

Наконец в последнем припадке безысходного горя он пнул ногой нахально подсматривающего из «нокаута» более удачливого конкурента, за что был

моментально дисквалифицирован строгим судьёй, присудившим ему за неспортивное поведение второе место.

Вскочивший на ноги при этом известии второй спортсмен, считавший, что десять тысяч у него уже в кармане, пытаюсь хоть как-то поправить ситуацию, красивым ударом положил судью в настоящий нокаут, но всё было тщетно.

На улице Бен-Иегуда в Тель-Авиве днём очень интенсивное движение. Мелькают «Мерседесы» последних марок, «Тойоты» и даже полуразложившиеся «Жигули». Как во всех жарких странах, в Израиле правила дорожного движения соблюдаются чисто формально; вот и сейчас потертый «Фиат» въехал в лакированный бок какой-то американской «красавицы», движение остановилось, пешеходы и остальные повывлезавшие водители окружили место происшествия.

Владельцы столкнувшихся машин, находящиеся в разных углах этого импровизированного ринга, размахивали руками, доказывая свою правоту и поливали друг друга такими словами и выражениями, что я, хотя и не понимал ни слова, все же стал озираться по сторонам в поисках потенциальных секундантов для, казалось бы, неминуемого поединка.

Словесная перепалка продолжалась минут десять, но в рукоприкладство так и не перешла. Противники очень профессионально сохраняли дистанцию, и если один из них делал шаг вперёд, то второй тут же делал шаг назад, а вместе с ним дисциплинированно отодвигались и зрители.

Со стороны всё это напоминало хорошо отрепетированный спектакль.

Наконец, Максим Леонидов, бывший лидер питерской группы «Секрет», а в тот момент —

популярный израильский певец и наш добровольный гид в Тель-Авиве, объяснил, в чём тут дело.

Оказывается, по местным законам человек, ударивший кого-либо на улице или в любой другой драке, подвергается автоматическому штрафу в тысячу шекелей (400 долларов), а если этот кто-либо при этом упадёт, то штраф удваивается. Деньги за незначительным вычетом налогов доставались потерпевшему, и вполне понятно, что любой гражданин, умеющий умножать на два, от простого щелчка по носу тут же падал наземь и в конвульсиях бился там до прибытия блюстителей порядка.

Ну как тут было не вспомнить ту потрясающую боксёрскую ирландско-шотландскую историю?!

Наши бывшие соотечественники, по эсэнгэшной привычке дающие в «табло» ближнему по любому поводу, переехав в Израиль, быстро от этого обычая избавлялись, а некоторые, пока ещё не нашедшие работу по душе, с удовольствием подставляли свою «вывеску» неопытным вновь прибывшим, обзывая их нехорошими словами. Ведь правда приятно объяснить человеку, что ты о нем думаешь, и получить вместе с легкой пощёчиной (конечно, сбивающей тебя с ног) 800 баксов?

Рассказывали, что один бывший харьковчанин, решивший таким образом подработать, приехал в аэропорт и напоролся там на бывшего одессита, промышлявшего тем же способом. Не будучи знакомы, они сначала долго и изощрённо ругались, а потом расколотили друг другу морды, причём совершенно бесплатно.

После африкано-mozамбикской жары знойное солнце Израиля не показалось таким уж страшным, правда, в это время года существовала опасность обезвоживания организма, поэтому нам объяснили, что, находясь под солнцем, положено пить как можно

больше жидкости. А то какие-то два солдата не пили и засохли насмерть.

Что ж, пить так пить. Жаль, что не уточнили что именно. Ну, не важно, главное, что никто из нас не засох.

Принимали «Машину» на концертах очень хорошо, ведь в Израиле к этому моменту скопилось уже довольно большое количество понимающих по-русски граждан. Не совсем, правда, задалось с рекламой, но это не наша вина была, а принимающей стороны.

Для того чтобы расклеить на афишных тумбах рекламные плакаты, надо было немного заплатить, а организаторами концертов были наши бывшие соотечественники, не избавившиеся пока ещё от своих чудных киевских привычек. Они рассудили так: зачем платить за афишные тумбы, когда можно на стенах бесплатно развесить. А в стране специальная служба существовала, которая ночью всю лишнюю бумагу, размещённую в неположенных местах, срывала. Вот и вышел казус.

Мы с Директором сидим на пляже и этот животрепещущий рекламный вопрос обсуждаем, я говорю:

— Неужели как-то заранее проконтролировать это дело с рекламой нельзя было?

— А как тут проконтролируешь, — он отвечает, — мы — там, они — здесь. Вот скоро София Ротару должна приехать, у нее, наверное, тоже так будет. Ведь настоящая, сильная реклама знаешь каких денег стоит?!

В это время на горизонте над морем показался крошечный самолёт. На длинном тропе он тащил циклопических размеров плакат, на котором было что-то написано, но из-за дальности не разобрать что.

— Вон они как изощряются, — сказал Директор, — небось «Кока-кола» какая-нибудь. Тысяч пятьдесят

долларов ухлопали, не меньше.

Самолёт, как нарочно, сделал небольшой вираж, чтобы протащить рекламу прямо мимо нас.

Уже можно было прочесть четырехметровые буквы «ROTARY».

Мы с ним разинули рты, смотрим друг на друга, он меня щиплет, я его: не спим ли?

Казалось, прошла целая вечность, пока самолёт не подлетел ещё ближе, и я с неимоверным облегчением прочитал маленькие буковки «club». Боже мой! Всего-навсего «РОТАРИ клуб», а мы-то напугались. Надо всегда надеяться на лучшее.

Но, конечно, самое потрясающее в Израиле — это достопримечательности, святые места.

Приятные, знающие, хорошо говорящие по-русски экскурсоводы — естественно, бывшие ленинградцы и москвичи — показывали в Иерусалиме памятные места, связанные по преданию с житием и деяниями Христа.

Вот улочка, по которой жарким полднем 33-го года Иисус нёс на Голгофу крест. Она размечена специальными плитками: именно в этих местах земля обагрилась кровью Спасителя.

Вот Гефсиманский сад, где он был арестован стражниками Пилата, а вон там — Голгофа, место распятия.

Даже нерелигиозных людей, но людей с воображением при виде Гроба Господня начинало трясти. А что говорить о тысячах верующих, прибывающих сюда со всего мира поклониться Святыням!

Наши артисты, которые стали все чаще посещать Святую землю, тоже с большим интересом осматривали храмы разных религий, соседствующие друг с другом, знаменитую Стену Плача и, наконец, сам Гроб Господень, за обладание которым воевали несколько поколений крестоносцев.

Экскурсоводы детально останавливались на исторических подробностях, на датах крестовых походов, а наши тоже в грязь лицом не ударяли и на радость экскурсоводам задавали разные вопросы, показывающие нашу твердую позицию если не в религиозной, то в исторической культуре. Так, например, один наш молодой популярный певец, женившийся{В 2006 году уже благополучно разведшийся} на королеве советской эстрады, проявил к Гробу неподдельный интерес, сбив гида с ног вопросом: «А что, правда, ОН до сих пор там лежит?»

У нас, как всегда, к сожалению, времени не хватало, чтобы все осмотреть. Пробежались по-быстренькому по основным местам, и осталось около часа — побывать у Стены Плача.

Уже на подходе стали попадаться солдаты с оружием, и вскоре выяснилось, что к Стене не пройти, так как на площади должно было состояться принятие присяги молодыми израильскими воинами.

Человек восемьсот новобранцев в аккуратной форме расположились строем перед трибуной, на которую вскоре должны были подняться старшие офицеры; говорили, что ожидают министра обороны.

Играла торжественная музыка, толпились с цветами взволнованные родители.

Надо сказать, что в Израиле отношение к армии особенное. Военная служба считается почётной не на словах, а на деле. Часто на улице можно видеть «голосующих» солдатиков (кстати, ходят они с оружием), и больше минуты, как правило, им ждать не приходится: первая же машина останавливается, любой почитает за честь подвезти своего защитника.

Солдаты и офицеры в Израиле питаются одинаково и носят одну и ту же форму — красивую и практичную. Разница только в знаках различия. И ещё: устав израильской армии не предусматривает сохранение

тайны. Военнослужащий, попавший в плен, имеет право рассказать все военные секреты, если от этого зависит его жизнь. Главная его обязанность — сохранить себя для страны. С нашей точки зрения, постулат просто поразительный.

Кстати, о точке зрения. Есть такая изящная притча:

«Приходит на приём к врачу человек. В высоком колпаке. Доктор спрашивает: «Ну-с, какие у нас проблемы? Что беспокоит?»»

Больной печально снимает колпак, и доктор видит, что на его абсолютно лысом черепе сидит большая лягушка. Причём она как будто приросла к коже головы пациента.

— Боже мой! Как же это произошло? — спрашивает поражённый врач, — с чего началось?

— Сначала у меня появилась небольшая бородавка на задней лапке, — вежливо поясняет лягушка».

Церемония принятия присяги обещала быть очень интересной, жаль, что времени у нас не было, но всё-таки протолкались поближе, в первый ряд.

Я стоял и, глядя на солдат, думал: «Вот они — «ястребы Тель-Авива».

С детства меня пугали Америкой, бундесвером, а уж слово «Израиль» имело прямо-таки неприличный оттенок. Что-то вроде чёрта или страшного дядьки с мешком, но сейчас, конечно, время другое, поэтому я не очень-то и забоялся.

Пора было уходить. В этот момент раздался сигнал трубы, призывающий к вниманию, и на трибуну поднялись офицеры.

Строй замер, но всё-таки сразу было видно, что солдаты эти — молодые, необученные, потому что многие из них продолжали ещё вертеться, разговаривать и озираться на вытирающих слёзы умиления родителей, а когда несколько «ястребов» заорали: «Эй, — «Машина времени»! Макаревич, эй!» —

стало ясно, что до настоящей дисциплины им ещё далековато.

А так вообще ничего себе страна.

Сочи — темные ночи

Тёмная южная ночь. Вязкая темнота, никакой разницы между открытыми и закрытыми глазами. Я стою на узеньком карнизе, уцепившись за стену всеми

своими мурашками. Правой рукой держусь за ржавый штырь, забытый каким-то альпинистом, левой — за майку. Пальцы моих ног свисают над бездной. От свежего ночного ветерка довольно прохладно, далеко внизу мелькают огоньки редких машин, а в голове — мысли о прикованном Прометее. Время остановилось, но вот-вот прилетят орлы клевать печень. Очень страшно, решаю глаза всё-таки закрыть...

И начинался-то этот день в Сочи довольно необычно — не с пляжа. С утра пошёл небольшой дождь, потом прояснилось, и я отправился вместо моря в зал, где мы работали, посмотреть, что да как.

Аппаратура наша уже стояла, но сцена была занята: заканчивалась генеральная репетиция какого-то смотра, фестиваля или еще чего-то.

В зале маялись человек сто отдыхающих, забредших на громовые звуки тяжёлого металла. Звуки издавали бойкие ребята в атласных костюмах.

Потом вышел конференсье и стал что-то настойчиво спрашивать у зрителей. Тут я отвлекся, потому что музыканты за спиной ведущего стали совершать какие-то молодецкие выпады, садиться на полушпагат, а гитарист даже довольно сносно лягнул басиста.

— Вы, глядя на ребят, ничего не замечаете, — напирал конференсье, — ничего? А?

Сам он, естественно, думал о чём-то своём, наболевшем, и на своих вопросах не концентрировался.

— Ну, ничего не замечаете? — в третий раз пристал он к равнодушным зрителям.

Те в свою очередь присмотрелись повнимательнее, и наконец дядька в третьем ряду громко сказал:

— Да они же все бухие!

— Да нет же, нет! — испуганно закричал ведущий. — Я хотел сказать, какие они стройные и ловкие, а всё потому, что занимаются карате, и вот как раз сейчас и песня будет о карате.

Прослушав, как «бухие» поют самопальную песню о силе и духе, я вышел покурить.

Когда вернулся, похоже было, что все зрители из зала переместились на сцену и, держа в руках меню, довольно стройно под руководством того дядьки пели кантату «Ленину слава».

«Ленину слава, слава в веках, слава, слава, слава, — пел хор, не балуя разнообразием, и наконец последним мощным аккордом, от которого задрожали древние стены филармонии, закончил: — Сла-а-а-а-ва!»

— Слава, снимай софиты, — раздался из осветительной ложи простуженный бас.

Я вышел на улицу и мимо красивого транспаранта «Деньги в кассу — искусство в массу» направился всё таки к морю.

Встретил Андрея, обрадовались оба: ну конечно, аж всю ночь не виделись. Он говорит:

— Давай погуляем, потом сожрем что-нибудь, а там и концерт.

— Смотри, Хриня, аппаратуры сколько! Наверняка под фонограмму концерт ставить будут.

— Да не, — Гриня отвечает (и правильно отвечает), — «Машина» под фанеру не работает.

Я на этот разговор внимания особого не обращаю. Уж сколько раз умные зрители пытались меня уличить, что, дескать, под фонограмму.

Мне-то эти дела как профессионалу только приятны. Значит, работаю я, как студийный магнитофон.

Но тут тот, с тонким голосом, опять возражает:

— А я тебе ховорю — сейчас усё под фанеру. Давай вон у Робин Худа спросим. Слышь ты, Робин Худ!

Это он на мою причёску с хвостом намекает, но я на такую дешевку не покупаюсь, продолжаю своими делами заниматься.

— Слышь ты, Робин Худ членов, оглох, что ли, в натуре? Фанера или нет?

Ну, скажу я вам, я прямо весь закипел. Кто такой он и кто такой — я! Надуваюсь, как колбаса, думаю: ну, сейчас порву на фашистские знаки. Оборачиваюсь и вижу: сидит парниша на трёх креслах, грудь у него такой ширины, что на майке десятисантиметровыми буквами легко уместается лозунг «Учиться упорно военному искусству!». Причём в слове «упорно» буква «у» написана вроде бы отдельно, что несколько меняет цитату.

Он опять переспрашивает:

— Фанера или нет?

Я, как хороший компьютер, за доли секунды перебрал возможные варианты ответа и остановился на смелом «нет».

— Ну вот видишь, — это Гриня. — Я же тебе говорил.

Начинается концерт. Хотя это мой уже где-то полуторатысячный, работы много: в этой песне надо особенно собраться — трудна для разборчивости, вот здесь можно и расслабиться, а вот несколько любимых песен, тут все в кайф.

Двое основных шоуменов группы Маргулис и Подгородецкий стараются вовсю. Саша Кутиков, сначала не одобрявший балагана на сцене, впоследствии несколько смягчился и сейчас с удовольствием подыгрывает в мизансценах. Андрей сдержанно улыбается.

Как все добрые жизнерадостные люди, он очень смешлив. Его может рассмешить буквально всё: и стоящая за кулисами с открытым ртом собака, и чересчур пьяный, обманувший охрану зритель, отплясывающий гопака на сцене в медленной песне, и, конечно, Петькины искромётные фортели.

В этих случаях Андрюша бросает петь, и инструментальная часть композиции удлиняется.

Редко ли, часто ли, но хохотали на сцене все, а как известно, особенно трудно одновременно хохотать и петь (это в опере легко), поэтому наши пытались использовать различные народные способы, чтобы прекратить безобразие. Например, щипать себя до синяков, бить по щекам и т. д.

Ведь чтобы предотвратить чихание, достаточно погладить себя по переносице (так во всяком случае утверждают).

Наконец Андрей решил пресечь этот некоторый волюнтаризм и как раз в этот день перед концертом авторитетно обучил остальных единственно верному и безотказному способу — нужно перекрыть доступ информации. Для этого необходимо всего-навсего на секундочку закрыть глаза и заткнуть уши.

Я тут же попробовал, и действительно стало очень грустно. Но Петька сказал, что все это ерунда, и обещался на концерте скакать таким козлом, что ничего не поможет.

Андрей вышел полный решимости и до контрольной «козлиной» песни держался просто-таки молодцом.

Пётр Иванович сделал цыганский заход и выкатился клубком к ногам Макара, затем, превратившись в располневшего кенгуру, пошел вприсядку.

Андрей улыбнулся один раз, потом на первую улыбку набежала вторая, затем третья. Он бросил играть, перестал петь, закрыл глаза, заткнул уши и последующие двадцать минут хохотал уже AD LIBITUM (без сопровождения).

Тем временем под громовые аплодисменты концерт закончился, Ко мне подошли несколько зрителей с вопросами и претензиями. Опять дурацкие понты про фонограмму, правда, один умник с Украины пошёл ещё дальше и ошеломил меня вопросом:

— А вот ваш ударник палочки крутит взаправду чи это видеозапись?

Только я от него отбился, разъяснив, что это компьютерная графика, как еще трое подваливают.

Дело в том, что в одной из песен «Она мечтает свалить из СССР» уже в конце Маргулис в своей негритянской манере пел некие подпевки без слов. Потом выяснилось, что для этого места шикарно подходят стишки: «Эне бене раба, квинтер, финтер жаба». Так Женька время от времени и пел, а на этом концерте, увлечённый Петькиным шоу, спел обычный вокализ — без слов.

Вот и подходит ко мне какой-то тип с носом и дружками и с шашлычным акцентом говорит:

— Здравствуйте, я жаба.

Я посмотрел на него — не очень похож. Хотя...

— Почему сегодня про меня не спели? Я вчера был на концерте — пели, а сегодня привёл старших братьев — так нет. Они, кстати, тоже жабы.

Я посмотрел на старших жаб. Да нет — обыкновенные козлы.

Ну, я человек вежливый:

— Извините, — говорю, — граждане жабы, такого больше не повторится.

— Да не жабы, а Джаба — это наша фамилия.

— Тем более. — Я посмотрел задумчиво на всё ещё хохочущего на пустой сцене Андрея и пошёл к выходу.

Тут всё и случилось.

Прохожу ещё мимо гримерной комнаты, а там к Кутикову подлетает какой-то ухарь и орёт:

— Ты, что ли, бас-гитара?!

Саша посмотрел на него, как на пустое место, и ответил с достоинством:

— Я человек!

Тот:

— А, спасибо, — и убежал.

А ко мне девушка с цветами подходит. Ну, не то чтобы мне на концертах вообще цветов не дарили, но

не так уж и часто. Поэтому я к ней особенное внимание проявил и даже спросил, что она вечером делает и не хочет ли пройтись со мной в гостиницу и поговорить там о поэзии и литературе.

А она просто так отвечает, зачем, мол, в гостиницу, если у неё квартира есть, и вообще она на меня весь концерт смотрела, только выпить у неё дома ничего нет.

А я красивый тогда был и загорелый, как свинья, — ну чистый Робин Гуд. Побежал в буфет к Людке и хапнул две последние бутылки шампанского.

— Далеко, — спрашиваю, — идти-то?

— Да нет, — отвечает, — только в гору всё, а так — прогуляемся.

Идём, луны нет, темно как... Сразу вспомнил: «В городе Сочи — темные ночи».

Через полчаса я уже всё проклял. По моим подсчетам, мы уже давно вышли из города и должны вот-вот перевалить через Кавказский хребет.

Наконец впереди замаячила какая-то темная громада с редкими светлыми окнами — пятиэтажный дом, стоящий на крутейшей горе.

На первом этаже было что-то вроде магазина, так что пролеты длинные, и к третьему этажу я уже подполз по-пластунски.

Ну, ничего: квартирka однокомнатная, просторная, чуть больше шкафа; девушка весёлая, красивая; шампанское цело: я по дороге и нарты бросил, и собак, и продовольствие, а шампанское оставил.

Я девицу-то ещё на горе успел два раза поцеловать, сделав вид, что споткнулся, поэтому мы с нею уже как родные сидим, выпиваем.

— Тут туалет-то хоть есть? — спрашиваю.

— Есть, конечно, — смеётся, а потом с подозрением: — Фу, какой вы развратный.

Короче, в самый разгар алкогольно-сексуальной оргии раздаётся звонок в дверь.

Ну, кто бы вы думали? Точно! Муж из рейса вернулся пораньше.

У меня фантазия богатая: я тут же представил штангиста-мужа и себя, вылетающего с третьего этажа с продетой в рукавах шваброй.

Вот тут-то она и показала мне настоящее бабское хладнокровие.

— Миш, ты?! — кричит. — Я ща, я в ванной (там, оказывается, даже ванная была), — а мне на окно показывает.

Меня, конечно, уже пару раз мужья из шкафов вытаскивали, но вот с третьего этажа «клюдвандаммом» выскакивать еще не приходилось.

Она говорит:

— Давай, давай, там карниз есть, — да так уверенно, что ничего другого мне и не остается.

Выбрасываю ноги, нащупываю карниз, а она говорит, чтоб сделал шаг влево — она окно закроет. Я делаю шаг, нащупываю какой-то штырь, вцепляюсь, слышу, как через форточку вылетает мой «рибок», и абзац.

Если бы всё не произошло так быстро, я бы никогда, я бы ни за что...

И вот стою. Упираюсь щекой в шершавый бетон. В квартире ни звука.

Как бы я поступил на её месте: заманил бы муженька в ванную (помойся, милый, с дорожки) и выпустил Максика через дверь. Ни фиги!

Наконец, хлопнуло что-то. Нет, не то. Это у них вторая «Шампань» пошла, потом погас свет, короткая возня, и опять абзац.

Сколько времени — я не знаю, темень — хоть глаз выколи (не мне, конечно, а мужу), — вот тебе, бабушка, и новый поворот.

Делаю ещё маленький шаг влево, карниз кончается, дело — труба.

О том, что надо прыгать, да ещё спиной, даже думать не хочется. Наконец кое-как перевернулся.

Темная южная ночь. Вязкая темнота. Нет никакой разницы между открытыми и закрытыми глазами. Пальцы моих ног свисают над бездной. Справа, далеко внизу мелькают огоньки. Ноги и правую руку уже сводит, пощипываю и растираю их левой.

Очень холодно.

Постепенно низменные мысли о бабах и их крестинах-мужьях отступают, хочется думать о глобальном и вечном — о завтрашнем концерте. Где-то в глубине сознания вспыхивает опасение, что Андрею так и забыли сказать об окончании концерта и мы находимся примерно в одинаковом положении; начинаю нервно похохатывать.

Проходит недели три, и вот в необозримой дали, в толстой осязаемой гуще темноты возникает серая полоска, даже не полоска, а какой-то дрожащий блик. Неужели рассвет?

Закрываю глаза, считаю про себя до сорока семи, открываю — да, начинается рассвет, никаких сомнений. Но внизу по-прежнему темно. Что ждет меня там: острые камни, шипы искореженной металлической арматуры, просто голый асфальт — это важно, это жизненно важно.

Еще раз закрываю глаза, чтобы, выждав, увидеть все сразу. Страшно, ох как страшно их открывать. Потом, испугавшись, что могут пройти ещё сутки и будет опять темнота, поднимаю веки.

Прямо подо мною ровненько стоят десятиметровые кроссовки «рибок», а рядом уложен гигантский макет бутылки из-под портвейна.

Моргаю, фокус изменяется, и я отчетливо вижу, что нахожусь в полуметре от земли.

Теперь проблема слезть. Ноги и туловище окостенели. Отталкиваюсь левой рукой от стены и оказываюсь через мгновение стоящим на земле и обутым в собственные кроссовки. Шнурки болтаются, но нагнуться нет никакой возможности.

После гигантского усилия переставляю левую ногу сантиметров на тридцать, затем подтягиваю к ней правую, потом ещё и ещё, и через некоторое время оказываюсь перед подъездом с другой стороны.

Без всякого удивления, но с отвращением понимаю, что дом, стоящий на очень крутой горе, имеет с одной стороны пять этажей, а с другой — неполных три. И да наплевать на них на всех.

Местность вокруг напоминает украинскую деревеньку, только дом уродливым зубом торчит на пригорке.

Переставляя «подставки», как Роботек, двигаюсь вниз в направлении далекого моря.

Пейзаж совершенно деревенский: слева одноэтажный покосившийся продовольственный магазин «Мираж» с примерзшей к нему пригорбачёвской очередью, справа глинобитные гоголевские мазанки, украшенные антеннами спутникового телевидения.

Способ, которым я передвигаюсь, напоминает краба или движение иглой у швейной машинки «оверлок».

Со стороны я, наверное, кажусь девушкой, оставившей свою невинность пяти-шести мужикам сразу, или наездником-новичком, проскакавшим миль четыреста по горам.

Наконец останавливаюсь в тенёчке около раскидистой палки с бельевой верёвкой, хватаюсь левой рукой за верёвку, отдыхаю.

Надо же, думаю, как может один и тот же человек быть похожим на всё сразу, потому что сейчас я похож на небольшую опору линии высоковольтной передачи.

Внизу под моими ажурными пролётами лежит человеческое существо мужского пола лет четырех-пяти. И по недвусмысленной позе, сильному запаху и хамскому выражению на недетском лице безошибочно определяю, что он — «в хлам», хотя издали похож на мёртвого.

Судя по загадочному названию продмага — «Мираж», где-то рядом должен находиться и детсадовский вытрезвитель «Детский лепет», куда, наверное, его можно выгодно сдать.

— Ты что это, хлопчик, с ероплана упал? Идешь, как лётчик Маресьев с переломанными ногами?

Поворачиваю голову: рядом стоит полная румяная тетка с добрым лицом, смотрит участливо.

— Да вроде того, мамаша, я же советский человек.

Тётка на старом мужнином галстуке держит небольшую козу — или купила только что, или, наоборот, убивать ведет. Коза как коза, только я этих животных уже давно ненавижу.

А то меня как-то в Киеве пригласили сфотографироваться верхом на настоящем горном козле. Я-то, конечно, всегда с радостью, но козёл-то уж шибко бойкий. Я пока на него усаживался, двое его за рога держали, а то он всё норовил рогом мне под ребро сунуть. Наконец сел, держу крепко обеими руками. Рога острые, здоровые, как руль у мотоцикла «Харлей-Дэвидсон-750». Ну, сделали они пару снимков и пошли курить. «Догоняй», — говорят. А я, если одну руку отпущу, второй уже не справляюсь: козёл прямо в сердце ткнуть хочет, а уж о том, чтобы два рога бросить, и речи нет. Потом уже узнал, что это у них шутка такая, а так два дня просидел, начал уж от скуки кругами гонять, то рысью, то галопом, объездил как следует и прямо на нем в Москву прискакал.

Всё бы ничего, только разгорячился козёл, и пахнуть от него стало как... как... ну натурально козлом.

Меня подруга моя в Москве встретила, поцеловала, потом принялась, глаза заблестели:

— Пойдем, — шепчет, — скорее сексом заниматься. Ты настоящий зверь.

В общем, тётка с козой говорит:

— Ты, товарищ лётчик, насчёт ребенка не сумлевайся. Он соседский, а они вчерась на свадьбе вишневку самодельную хлестали, вот он пьяной вишни и нажрался. Я сейчас ему опохмелиться принесу, а ты времени не теряй, иди получай свою звезду героя.

В это время бутуз приоткрыл правый глаз и пробормотал хриплым человеческим голосом:

— А ну-ка пасса, а ну-ка исса.

Как ни странно, я сразу понял, что это он так говорит: «Поди сюда» или «Иди сюда», — но обращается к тётке, наверное, по поводу опохмелки.

Поплюхал я дальше и думаю: чем же она его опохмелять будет? Чем обычно детей опохмеляют? «ПеддиГрипал» — это вроде для собак, «Вискас» — для кошек. А есть ли вообще универсальный рецепт опохмелки, кроме как не пить совсем? Видимо, у каждого свой. Где-то я читал, что рецепт знаменитого американского саксофониста Чарли Паркера начинался словами «возьмите две пинты виски»... Ну да ладно, тётке видней. Не впервой, видимо, да и лицо у нее хорошее.

Около филармонии стоят трое жаб, меня поджидают, видно, вопросы ещё кое-какие остались. Только зачем вопросы с дубинами в руках задавать.

Я остановился, опешил.

Правда, они как меня увидели — тут же упрыгали кто-куда. Мне уже в Москве таэквондист знакомый всё разобъяснил. Он раньше на соседа злой был, так поехал в Корею на десять лет таэквондо изучать, потом приехал и расколотил соседу всю морду лица.

— Покажи, как ты стоял, — говорит.

— Как-как, — показываю, — я и сейчас точно так стою.

Он вокруг меня обошёл, бормочет:

— Так, значит, ноги чуть шире плеч, сильно напряжены, глаза пустые, левая рука полусогнута, в правой полуметровый стальной штырь. Так-так. Ну что ж, типичное «Чехиро-сиу-хо» — концепция нападения.

Я говорю:

— Ну, это совсем другое дело.

Я про штырь-то совсем забыл сказать, а надо бы, потому что и пишу я сейчас все это левой рукой. В правой-то штырь от той стены так и остался. Я потом его свободный конец отхромировал — просто загляденье.

Одним словом, приплёлся я в гостиницу к трем, позвонил Макаревичу. Он трубку снимает: «Алё».

«Слава богу, — думаю, — со сцены уже ушёл». И рухнул спать.

Вокально-инструментальный жанр (1978)

Вот девушка сидит в седьмом ряду.
И в душной полутьме наполненного зала
Ее лицо передо мной мерцало —
Никак свои глаза не отведу.

Да, кожа свежая, на носике веснушки,
Ну, в общем, видно, что мила.
А туфли новые и кофту у подружки
Она, наверное, взяла.

Я знаю наперед уже, что будет:
Она мечтает, чтоб я сам
К ней подошёл, когда повалят люди,
Спеша с концерта по домам.

И чёртик похоти тоскливой
Склонил бодливые рога,
И подхожу неторопливо,
Минутной прихоти слуга.

Дежурной фразой о погоде
Я открываю диалог
И предлагаю в этом роде
Пройти с собою в номерок.

Она пытается, кивая,
Про маму что-то говорить,
А я пока соображаю,
Где можно кир еще купить.

Потом привычно смело с ходу

Даю обзор о том о сём.
Про ГДР, где не был сроду,
Про Пьеху, с кем я не знаком.

И мне всё это так знакомо,
Всё повторяется подчас
За много миль вдали от дома
Одно и то же, каждый раз.

Хотя закрыты рестораны,
Такси любое торможу
И вот в пакетике «Montana»
Горилку с перцем я держу.

Вот мы дошли уж между делом,
Продрогла девушка совсем
И соглашается несмело
Зайти послушать «Boney M».

Всё это здорово, конечно.
Но дверь закрыта — вот те раз!
Откройте парочке безгрешной —
Придётся дать швейцару «бакс».

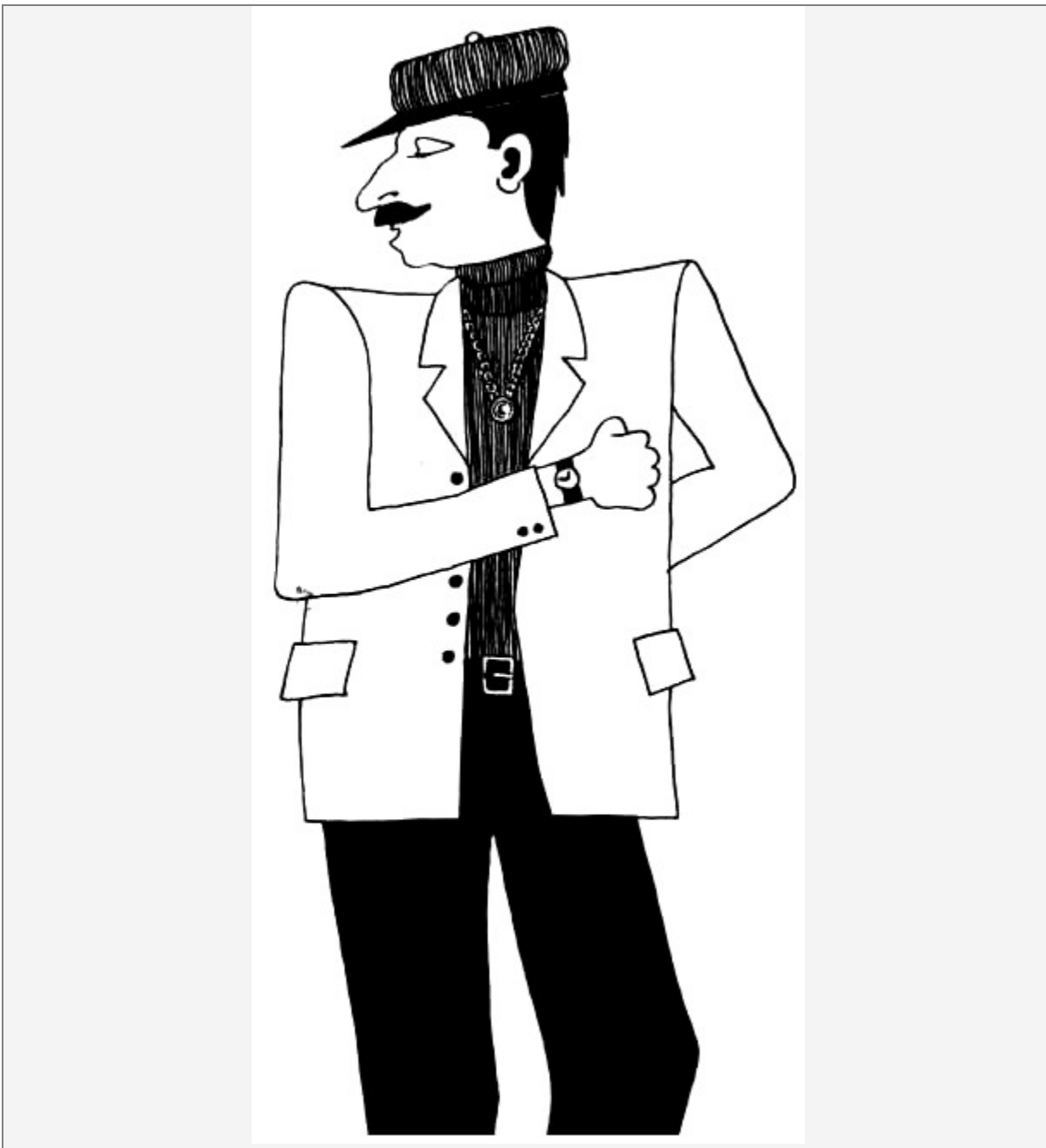
Ну что ж: «Заслонов», водка с перцем,
Любовь поспешная, перед дежурной страх,
Хмельная ночь, оскомина на сердце —
И плачет девушка наутро в номерах.

И не одна она рыдает —
У музыкантов в сердце лёд —
Пусть плачут женщины — состав наш уезжает,
Афиши сорваны, давно автобус ждёт.

Нас снова ждут гостиницы плохие.
Площадки тесные, удобства во дворе,

Томатный сок, пирожные сухие,
И нет воды горячей в январе...

Нанайская

Как-то на генеральной репетиции большого сборного представления в московском Дворце спорта я

наступил на хвост замечательному артисту Махмуду Эсамбаеву. Наступил в буквальном смысле. Спускаясь в полутьме с высокой сцены.

Эсамбаев только что оттанцевал феерический «Танец павлина». В соответствующем костюме, тяжело дыша и поддерживая двумя руками почти полуметровый хвост, он направился к краю сцены, где сбоку притулилась пятиступенная лестничка, ведущая за кулисы. На сцене уже погас свет для подготовки выхода следующего артиста, и Махмуд остановился на первой ступеньке, неуверенно нащупывая правой ногой следующую... Я же — напротив: тусовался во дворце уже три дня, бегал по этой лестнице раз сто и легко мог бы пробежать в сто первый с закрытыми глазами и в полной темноте. Короче говоря, заглядевшись на великолепный разноцветный гребень, сделанный из натуральных павлиньих перьев и торчащий из затылка и спины «павлина», я не успел притормозить, наступил на волочащийся хвост и выдрал из мездры или подшёрстка (чёрт их знает, как это у них называется) два длинных пера.

Эсамбаев закричал так, как если бы это был живой хвост. Однажды по телевидению я слышал, как он рассказывал, что, готовя «павлиний номер», неделями наблюдал за поведением настоящих птиц в зоопарке и на воле, перенимая их повадки и особые движения во время брачных игр. Судя по натуральному раздирающему сердце тембру крика оскорбленного павлина, оставшегося на глазах у нескольких самок (или самцов) без своего главного украшения, в зоопарке Эсамбаев времени зря не потерял.

По его словам, костюм стоил что-то около трех тысяч долларов — по ценам тех лет неподъёмные деньги. Мне лично на мои извинения пострадавший не сказал ни слова. Просто спросил у окруживших его

сочувствующих крупным пернатым зевак, кто этот мерзкий червяк, готовый обидеть любую пичугу, занесённую в Красную книгу. Получив ответ, что червяк — барабанщик из «Лейся, песня!» (и будущий великий публицист и кинорежиссёр), Махмуд пошёл прямо к новому руководителю «ЛП» (Шуфутинский уже уехал) Виталию Кретюку и потребовал триста долларов — цену за два рулевых пера (так, оказалось, называются самые длинные перья в павлиньем хвосте). Кретюка история с рулевыми перьями почему-то не повергла в шок, а позабавила, потому что он спросил: «А вы что, еще летать собираетесь?!»

Положение спас, как потом оказалось, старый знакомый Эсамбаева (и, как ни странно, мой, вернее — моего отца) — Михалыч. Фамилия у него какая-то загогулистая — что-то вроде Ризеншнауцер или Штангенциркуль. Ему за пятьдесят, и он вроде бывший военный. В свое время Григорий Михайлович правдами и неправдами добился должности в МОМА — Московском объединении музыкальных ансамблей — и вот уже шесть лет проверяет репертуар и качество оркестров в ресторанах, великодушно принимая подношения деньгами, заграничным алкоголем и икрой.

Как его занесло во Дворец спорта, непонятно — епархия была явно не его. Видно, судьба смилостивилась надо мной. Ведь потеря трёхсот гринов тогда привела бы к тому, что покупку автомобиля ВАЗ-2106 МКЛ 92-94 белого цвета пришлось бы отложить как минимум на месяц. Тогда бы я точно не познакомился с Надькой, не написал бы вовремя свой первый рассказ, не был бы при помощи разгромной статьи в «Советской культуре» изгнан из «Лейся, песня!» и не попал бы (уже в качестве звукорежиссёра) по второму разу в «Машину времени», чего допускать уж ни в коем случае было нельзя.

Григорий Михайлович похлопал меня по плечу, Эсамбаева погладил по перьям, затем как заправский ветеринар-орнитолог заглянул ему под хвост и поставил диагноз: перья лишь надломлены. Если взять две тонкие стальные спицы, просунуть их в полые стволы перьев да аккуратно прогладить утюгом... В общем, через двадцать минут мы втроём поднимали немосковской красоты рюмки из фиолетового стекла, которые вместе с каким-то совсем уже не поддающимся описанию коньяком приволок повсюду сопровождающий Эсамбаева личный повар. Махмуд Алисултанович переоделся в гражданское (живописный халат) и, пригубляя волшебный напиток, еще раз снисходительно выслушал мои сбивчивые извинения. И простил. Я даже был готов сам, пользуясь предложенной технологией, ликвидировать повреждения, но великий танцор сказал, что у него на примете имеется один из лучших в Европе специалистов по павлиньим хвостам, готовый за уважение отремонтировать что хочешь. Мы все пожали друг другу руки, Григорий Михайлович передал привет отцу и пригласил меня через пару дней на приёмку программы в один из лучших ресторанов Москвы.

Холодильник дома был пуст, Ленка-повариха вот уже две недели как предпочла меня милиционеру, а за окнами начиналась Пасха, поэтому только дурак бы не согласился. Уж кем-кем, а дураком в такой степени я не был.

И вот стою в душном прокуренном коридоре МОМА — организации, которая присматривает за ресторанными музыкантами.

Жду. Сегодня как раз четверг, день прослушивания. Я жду даже не Григория Михайловича, а Лёшку, который, как оказалось, тоже входит в комиссию по прослушиванию. Лёшка — мой друг, сам бывший

ресторанный саксофонист, — так же, как и Михалыч, кормится около ресторанов.

В самый разгар борьбы с деньгами для музыкантов он прославился тем, что съел десять рублей, которые ему дал мужик в кожаной куртке, якобы чтобы насладиться купеческой песней «Конфетки-бараночки». Лёшка деньги взял, а мужик объявился сотрудником органов, но доказать так ничего и не смог, потому что, как я уже упоминал, Лёшка улику съел, запив вином с ближайшего стола.

Состав полномочной комиссии обычно насчитывал от трёх до восьми человек. Численность зависела от того, какое количество друзей и собутыльников комиссия приглашала с собой пожрать и выпить на халяву.

В этот раз по случаю Пасхи набралось девять персон. Я лично два дня готовился, даже не завтракал.

Времени было около пяти часов, ресторан закрыли на санитарный час: официанты и уборщицы активно готовились к вечернему удару. На маленькой уютной эстрадке, приткнувшейся к бару, топтались взволнованные музыканты.

Перед эстрадкой стоял стол для комиссии, на столе теснился коньяк, изредка перебиваемый фантой и мясорыбными закусками. В общем, были созданы все условия для того, чтобы правильно оценить мастерство и идейную выдержанность музыкантов.

Лёшка, ещё не садясь, ухитрился всем налить. Михалыч достал из «дипломата» несколько листов бумаги (я тоже попросил один), а остальные достали ручки.

Руководитель ансамбля — бас-гитарист, лицо которого мне показалось смутно знакомым, — принёс отпечатанный на машинке репертуар, начинающийся знаменитой «ресторанной» песней «Полюшко-поле» и другими бебешками, и акция началась.

Этот ресторан издавна славился разухабистыми махровыми белоэмигрантскими песнями, а также запрещённой к исполнению страшной композицией «Новый поворот», но их официальный репертуар, одобренный (а лучше — удобренный) Министерством культуры, сделал бы честь любому военному ансамблю.

Рядом с эстрадой стоял красавец бармен, облокотившись на небесной красоты венгерскую кофеварку, он лениво протирал стаканы и пиалы.

Ресторан был старый и китайский, построен ещё во времена великой и нерушимой дружбы. Раньше там подавали грибы сян-гу и молодой пророщенный бамбук, а теперь только сомнительные помидоры.

Но оформление в стиле китайского вокзала средней руки осталось почти без изменений.

В свое время над тем местом, где сейчас находились оркестр и бар, борзый художник изобразил десяти метровую фреску о русско-китайской дружбе. Фреска была написана щедрыми красками с использованием яичных желтков и в местах, не подвергнувшихся изменению, так и светилась яркой палитрой.

По приказу партии и по собственному вдохновению безымянный микеланджело изобразил громадный праздничный стол, ломящийся от яств, в стиле модного тогда фильма «Кубанские казаки». За одним концом сидело человек пятнадцать (видимо, по количеству республик) — русских, узбеков, татар, евреев и т. д., за другим — такое же количество китайцев.

В центре стола великий кормчий и правофланговый культуры и науки, председатель Мао Цзэдун застенчиво и подобострастно через стол пожимал руку отцу народов, другу детей и физкультурников, знатоку языкознания, гениальному учителю товарищу И.В. Сталину.

Причём стол был такой ширины, что, если соблюсти все пропорции, великие люди, чтобы дотянуться друг

до друга, должны были бы очень сильно наклониться или вообще частично прилечь на стол. По вполне понятным соображениям (желание остаться на свободе да и вообще в живых) художник наклонить вождей не посмел, а просто впал в некоторый импрессионизм, удлинив их руки до соединения, при этом рука товарища Сталина была, естественно, несколько длиннее руки великого кормчего, что и дало возможность народу перефразировать известную песню:

Будет людям счастье, счастье на века: —
У советской власти длинная рука.

Несколько лет посетители любовались и радовались на дружбу и качественное питание вождей и их приближённых, но потом грянули XX и XXII съезды, Н.С. Хрущёв разоблачил культ личности, и Сталин стал сильно непопулярен. Союз художников прислал профессора (общепит никогда бы сам не догадался), который закрасил характерное лицо вождя, нарисовав на этом месте обыкновенную русскую морду.

Шли годы, людские дела и поступки закономерно отражались на фреске, как на портрете Дориана Грея.

Мао Цзэдун, начавший поругивать из Китая советскую власть, был заменён на простого китайца с честным и раскосым лицом.

Таким образом, простой русский, горячо пожимающий длинной рукой руку простому китайцу, прекрасно вписывался в известную тогда формулу «Русский с китайцем — братья навек», но китайцы, по-видимому, мало заботящиеся о фреске, устроили известную провокацию на острове Даманском, и разгневанная бригада патриотически настроенных художников быстро замалевала их румяными русскими

комсомольцами, но виду напоминавшими бывших детдомовцев, а ныне бригаду коммунистического труда. Причём закрашены были только сидящие, и диковато косили глазом представители разных национальностей на то, как их бравый русский предводитель жмёт руку явно бригадиру приятных комсомольцев, почему-то китайцу.

Чтобы не отрывать настоящих художников от их соцреализма, местный ресторанный мазила встал на стремянку и, не мудрствуя лукаво, пририсовал последнему китайцу паниковские темные очки, моментально превратив его в слепого.

Ещё ранее, во время борьбы с алкоголем, фужеры, находящиеся в руках у некоторых участников этой потрясающей пьянки, были заменены на национальные флажки, а бутылки на столе — на блюда с теми же помидорами.

Последний штрих внес новый директор ресторана, узнавший из газет о предстоящем отделении некоторых республик. Он приказал удалить все национальные признаки, а на флажках нарисовать нейтральные олимпийские кольца.

В результате на фреске оказались изображены тридцать сидящих в бесформенной одежде человек, видимо, имевших какое-то отношение к спорту, плюс один стройный симпатичный слепой, напрягший длинную руку, чтобы как репку выдернуть своего визави на другую сторону.

Все они нагло улыбаются и жадно поедают помидоры за громадным правительственным столом.

Поглядывая на фреску и оркестр, комиссия мощно «в два горла» жрала халявный коньяк, не забывая с глубокомысленным видом рисовать на листках чёртиков и многозначительно переглядываться.

Бойкий высокий бас-гитарист, кривясь от отвращения, объявил следующую композицию:

композитор Мишель Легран, «Шербурские зонтики».

И тут, еще раз мельком взглянув на слепого с длинной рукой, я мгновенно вспомнил, где и когда я видел этого интересного басиста.

Было это четыре года назад. Не знаю, уж каким ветром меня тогда занесло в кабак гостиницы «Ленинградская», кажется, изнашивал новые джинсы или ещё что.

Одним словом, сижу в огромном зале, заказал что-то коричневое, ковыряюсь. Времени около семи часов. Опытным взглядом окинув подготовленную сцену, чувствую: сейчас появятся музыканты. Народ уже почти готов. Слева пристроилась компания лиц кавказской национальности с тремя пышными блондинками. Мужчины — ничего себе, средних лет, но вполне симпатичные. У всех троих на обеих руках надеты часы «Ролекс» величиной с кулак.

Я прямо позавидовал, но вспомнил, как однажды приехали мы в Тбилиси на гастроли. Тбилиси весной — просто заглядение. Кругом шашлыки, вино, знаменитое кавказское гостеприимство. Каждый второй — князь; у меня до сих пор штук десять визиток лежит; князь ...адзе, князь ...швили. В общем, гастроли прошли великолепно. А в последний день я отправился коньяк покупать.

Мой непьющий отец просил привезти в подарок его другу. Ну, выяснил я у местных знакомых, где погребок винный поколоритнее, и пошёл.

Действительно, подвальчик — как с картины Пиросмани: из стен старые бочки торчат, на полках старинные бутылки, а за прилавком дядька стоит с такими усами, что Семён Михайлович Будённый мог бы у него служить разве только ординарцем.

Я коньяк не очень люблю и плохо в нём разбираюсь, поэтому решил купить самый дорогой. Шарю глазами по

наклейкам: ага, вот он — KB (аж 28 рублей).

Подаю деньги, а продавец спрашивает:

— Тэбэ сам пит или в подарок?

— В подарок, — говорю.

— Тогда давай тридцать три рубля.

Ну, думаю, здесь законы свои (чай, не у себя в Москве), покорно добавил еще пятёрку.

Продавец достаёт из-под прилавка тазик с водой и тряпку, в три секунды смывает старую этикетку и, вынув жестом фокусника из своей огромной кепки новую, приклеивает её на ничего не подозревающую бутылку.

Я читаю: KBKBVKBV, то есть марочный-распромарочный, пулеводонепроницаемый, противозачаточный.

Этот отцов друг у меня потом в ногах валялся, все благодарил и пятьсот рублей всучить собирался.

— Не надо, — говорю, — это ж подарок.

Так вот и часы те, наверное, из того же подвальчика. Но бабы-то точно настоящие — наши, наравне с мужиками коньяк хлещут и в спор с ними вступают, у кого золотых зубов больше. Одним словом, для музыкантов уже пора.

Наконец появляется группа людей в строгих чёрных костюмах и очень тёмных очках. Они выходят из-за сцены гуськом, аккуратно придерживая друг друга за одежду и другие части тела.

Музыканты на ощупь расползлись по сцене, недолго поиграли в жмурки с микрофонами, вперед выдвинулся высокий ладный слепец с бас-гитарой и глубоким, свойственным, наверное, только людям, лишённым зрения, голосом сказал мимо микрофона: «Раз, два».

Потом гомеровским величественным жестом всё-таки проверил наличие микрофона около своих разговорных органов и с потрясающим душу и карманы трагизмом обратился к благородной публике:

— Добрый вечер, уважаемые москвичи, а также гости столицы! Для вас выступает вокально-инструментальный ансамбль Всероссийского общества слепых, — затем немного помедлил, не решаясь объявить название.

Я мысленно объявил среди себя конкурс на хорошее название типа «Светлячок», «Горизонт», «Рассвет» и т. д., но басист, решивший не искушать судьбу, продолжал:

— Желаю вам приятного вечера, мы выполним все ваши пожелания, но обратите внимание: вот вы здесь сейчас сидите, едите, пьёте, вам хорошо. Для вас сейчас светлый день, а для нас... — он сделал трагическую паузу, щелкнул пальцами, и оркестр грустно грянул: «Тёмная ночь, только пули свистят по степи...»

Это было так неожиданно, что по залу прокатился стук попадавших приборов, некоторые посетители, вытирая слёзы, полезли за деньгами.

Пели музыканты очень жалостливо, но достаточно стройно и артистично: на словах «как я люблю глубину твоих ласковых глаз» они сделали паузу и, для того, чтобы не оставалось никаких сомнений, одновременно показали на то место, где у зрячих бывают глаза.

Последующий репертуар группы представлял собой просто-таки справочник окулиста: «У любви глаза зелёные», «Посмотри в глаза», «Ах, эти чёрные глаза», «Очи чёрные» и даже окулистическо-арифметическая песня «Три миллиона людей замечательных — шесть миллионов задумчивых глаз».

Через некоторое время внимание посетителей было привлечено странной процессией.

Двое неопратно одетых представителей мужского пола, сильно напрягаясь, тащили крепкий канцелярский стул. На стуле с будничным выражением лица восседал крупный молодой мужчина в ярко-синем костюме и унтах. Он, видимо, был очень тяжёлым, потому что носильщики громко кряхтели и с шумом и свистом вдыхали и выдыхали сигаретный воздух ресторана.

Правда, возможно, дыхание им затрудняли крупные денежные купюры, торчащие изо рта.

Мужчина на стуле бровями указывал повороты, выбирая удобный столик. Немного позади шли ещё пятеро тоже неслабых хлопцев.

Драгоценный груз был отгружен недалеко от меня, и компания заняла два стола у окна, неподалёку от оркестра, а носильщики умчались в поисках нового седока.

Официанты бросили всех остальных клиентов, стремительно сорвали с обоих столов таблички «занято» вместе со скатертями, и в мгновение ока на новых белоснежных скатертях оказалось выставлено все лучшее и дорогое из арсенала и закровов заведения. Причём один стол был безалкогольным, и трое усевшихся за ним типажей по внешнему виду отличались от первых трёх мужиков, возглавляемых наездником в синем костюме.

Довольно быстро выяснилось, что троица за «пьющим» столом — это не то геологи, не то топографы из Якутии, не выезжавшие в отпуск лет тридцать и гуляющие теперь «от вольного». А за более скромным столом сидели таксисты, катавшие этих орлов по столице, каждого на отдельной машине, чтобы тесно не было.

В этот момент после небольшого перерыва на сцене, на ходу дожёвывая и вытирая губы, вновь появились музыканты. Вели себя они на этот раз более уверенно и бойко постреливали из-под очков по сторонам пустыми глазницами. Кавказско-блондиночная компания тут же заказала «Тбилисо», причём басист-руководитель легко, видимо на ощупь, отличил чирик, который ему под видом четвертака пытался втюхать ушлый потомок витязя в тигровой шкуре.

Говорят, что у незрячих людей сильно обостряются другие чувства: осязание и особенно слух. Только этим

можно объяснить поспешность, с которой ловкий басист кинулся, вытянув руки вперед, к «якутскому» столу, гениально расслышав во всём этом шуме, как главарь геологов-топографов негромко щёлкнул пальцами.

Один из секундантов «синего костюма» сунул басисту комок денежных знаков и что-то сказал. Тот, подобострастно изогнувшись и приставив ладонь к уху, как это делают не слепые, а глухие, внимательно выслушал заказ.

После короткого совещания оркестр заиграл нечто невообразимое: гитара издавала какие-то мяукающие звуки, синтезатор умело ей вторил, — и хотелось, схватив ритуальный бубен, пойти вприсядку вокруг чума.

Танцевать под эту музыку с партнёршей можно было, только будучи сильно пьяным, а южане, плотно обхватившие перекисно-водородных красоток, настоящей формы еще не набрали. Поэтому, потоптавшись по инерции ещё пару тактов, они отошли в сторону и заказали «Тбилисо». Почти сразу же басист ещё раз сбегал к апологетам таёжной музыки и, получив комок и пожелание «нанайскую!», прервал «Тбилисо» на самом интересном месте.

Далее события развивались во всё убыстряющемся темпе. «Нанайскую» сменяла «Тбилисо», «Тбилисо» — «нанайская».

Один из приближённых унтоногого встал рядом с оркестром с большим комком денег и всё время отщипывал от него порции, тут же перебиваемые южанами таким образом, что пока половина музыкантов еще доигрывала «Тбилисо», другая половина уже распрягалась в нанайской теме, и наоборот.

Оркестр вошёл во вкус, и с каждым новым заходом «нанайская» звучала всё увесистее, хотя ясно было с самого начала, что топографов удовлетворило бы любое качество, лишь бы не слышать «Тбилисо».

Музыканты разгорячились и, похоже, начали прозреть один за другим, — а ещё говорят, что чудес не бывает.

А потом случилось невероятное: у сынов юга вроде бы кончились деньги, они отказались от борьбы с северным коэффициентом, и впервые за сегодняшний вечер «нанайскую» доиграли до конца, хотя конец и не отличался ничем от начала или середины.

Представитель геологов сходил за новым комком и, чтобы не рисковать, заказал «нанайскую» семь раз подряд. К этому моменту весь зал, закатив глаза от шампанского, раскачивался из стороны в сторону, включая и любителей «Тбилисо».

Тут-то и появился вежливый милиционер, пожелавший узнать, что здесь происходит, и обратился с этим вопросом к виновникам таёжного торжества.

— Володь! Пойди выясни, — сказал главшпан одному из своих, и тот дал милиционеру увести себя в неприметную дверь в дальнем конце зала.

Весь кабак праздновал падение наглых пришельцев. Грузины (им уже прислали деньги из дому) тотчас же заказали «Тбилисо», «Сулико», «Лезгинку», «Кабардинку», «Грузинку» и грудинку и лихо плясали всё это парами и сольно. К ним радостно присоединились остальные посетители.

Веселье длилось не очень долго. Минут через пять в зал на стуле въехал Володя, и в леденящей тишине прозвучал его звонкий, окрепший на таёжных просторах голос: «Нанайскую!»

Жизнерадостный басист-руководитель уже не просто играл, он пел сложнейшую национальную мелодию с уместным использованием горлового пения и имитацией крика диких нанайских зайцев. Не обделила все-таки природа слепых другими талантами...

Тут мои воспоминания прервал Лешка, сунувший мне под нос для ознакомления свой листок с чёртиками. Я честно подрисовал туда еще одного и вернул.

— Полностью согласен, — сказал Лёшка, — но есть некоторые нюансы.

Басист выглядел почти точно так же, как и в нанайскую эпопею, только волосы немного отрастил да был без темных очков. Видимо, те бешеные геолого-кавказские деньги, которые он заработал тогда за каких-то полтора часа, позволили ему сделать дорогостоящую глазную операцию где-нибудь в Лондоне или в Кейптауне, возглавить коллектив зрячих музыкантов и поглядывать теперь орлом то на комиссию, то на часы.

За неполные четыре песни комиссия полностью очистила подарочный стол, а дозаказывать за свои деньги не позволяла профессиональная этика — что ж, пора было закрывать лавочку.

Григорий Михайлович жестом остановил музыку.

— Ну, достаточно пока. Какие будут мнения, товарищи? — И, вспомнив марочный армянский коньяк, добавил: — По-моему, убедительно.

Комиссия закивала, но Трофим Николаевич Лукомцев, человек опытный, наевший живот не на одном поколении ресторанных исполнителей, встал и, достаточно сурово глядя на уже начавших было улыбаться музыкантов, сказал:

— Есть несколько замечаний.

Трофим Лукомцев был бойцом 1-й Конной, точнее ветеринаром, почётным пожарным, а нынче заместителем директора по организационной части. Кроме того, пожилым и почти совершенно глухим человеком, но замечания высказывал каждый раз, чтоб служба мёдом не казалась и для подготовки почвы для следующих прослушиваний.

Из музыкантской культуры он знал только слово «фортепиано», делил его на две равные части и довольно сносно ими оперировал.

— У меня пожелание к вашему органисту, — сказал Трофим, поглядывая на своих неряшливых и каких-то уж особенно уродливых чёртиков. — На вашем месте во 2-й композиции, где-нибудь такте в 16-м, я бы всё-таки сыграл эдак, знаете, «форте», а вот уж в 3-й, после 20-го такта, там, пожалуйста, «пьяно»!

Гитаристы начали в ужасе озираться в поисках органа, которого в их составе не было.

Лукомцев, рассердившись, повысил голос:

— Ну, что вы молчите, я же к вам обращаюсь, — почти крикнул он не обращавшему никакого внимания на происходящее бармену, красивую кофейную машину которого он принял за электрический орган, а спокойные движения по протиранию стаканов за искромётные клавишные пассажи.

Гитаристы, ещё не пришедшие в себя, попытались было что-то сказать:

— А мы... а у нас орга-а...

И вот эта последняя «а» получилась какой-то сдавленной, потому что глазастый басист ухитрился одновременно наступить им на ногу.

— Я ему, Трофим Николаевич, сам всё время это говорю. Он у нас такой болван непонятливый. Разберёмся, в крайнем случае уволим.

— Ну зачем же так круто, — смягчился Трофим, — парень-то способный. А в общем и целом прилично.

— Я вот тут вам пакетик собрал на дорожку, — сказал басист.

— Достойная программа, — сказал Лёшка.

— Желаю творческих успехов, — сказал Михалыч.

— Растёт молодежь, — сказал Трофим Николаевич Лукомцев.

— Ах вы, мерзкие твари, слякоть отвратная, — сказал я шёпотом, имея в виду и себя.

— А ну, пошли все к чёртовой матери, убратся не дадут, — сказала уборщица с ведром, — и ходють, и ходють, и топчуть, а некоторые напокупают машин и на них ездивают.

Крепче за шоферку держись, баран!

«В нашем парке вы можете покататься верхом, на тройках, четверках, «пятерках» или «шестерках» с «одиннадцатым» двигателем».

Объявление

Все знают, что приобрести в советское время машину честным путём мог или жулик, или академик. Я, не будучи ни тем, ни другим, насобирав денег в долг, все-таки совершил этот мужественный поступок. Следующим действием была поездка на станцию ТЕХобслуживания, чтобы втереться к ним в доверие и пролезть в вожделенную категорию ТЕХ, кого действительно обслуживают. Несколько дней я курил со всеми работниками снизу доверху, подавал инструменты, бешено ругался матом, весь измазался, обедал, играл в подвале в настольный теннис, но лишь на девятый день удостоился полного доверия и был послан мастерами за водкой. Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем автовладельцу — в царствие слесарное.

С тех пор мастера станции присутствовали на моих днях рождения, сидели на лучших местах на наших концертах, и я думал, что если соберусь крестить своих будущих детей, то крёстным отцом будет приёмщик или начальник арматурного цеха.

Расслабляться нельзя ни на день. Даже если ваша машина ездит и пока ещё всё в порядке, нужно позванивать на станцию или домой к мастеру, заезжать «по дороге» или не «по дороге», баловать свежими

анекдотами, продуктами, сигаретами, пивом и воблой, то есть всячески напоминать о себе. Тогда не исключена возможность, что в случае какой-либо поломки автомобиль всё-таки починят, а не заставят ждать своей очереди на ужасных ОБЩИХ основаниях.

Добротный, но не обладающий большими средствами автолюбитель выдаёт своих дочерей замуж за работников автосервиса, переселяется на одну с ними лестничную площадку, а в идеальном случае к концу жизни сам устраивается работать на станцию, хотя бы на полставки.

Сегодня 14 марта. Неделю назад я отволок на сервис свою колымагу, в ней сломалось ВСЕ. Не само собой, конечно, сломалось, а я сильно помог.

Ехал как-то поздно вечером в районе развилки по Варшавке, там, где трамвай петлю делает. Находился в глубокой-глубокой задумчивости — всё думал: стоит выпивать за рулем или нет? И не заметил, как врезался в трамвай. Не очень сильно врезался, но испугался и стал «убегать». Повернул налево, затем направо и опять врезался в трамвай: там их как собак нерезаных. Но оказалось, что в тот же самый: он там петлю делает. Тут уж остановился совсем, а из трамвая вагоновожатая вылезает, чуть не плача: «Я что, — говорит, — вас чем-то обидела?!»

Короче, дальше неинтересно, но машину пришлось на серьёзный ремонт ставить.

А вчера вечером позвонили: «Слышь, Кошелёк, — так они меня любовно называют, — приезжай завтра с утра забирать».

И вот сегодня в 8 утра я остановил такси, плюхнулся на сиденье, вытянул ноги и начал: «Вот там, где вы меня посадили...» — это у меня сработал условный рефлекс, приобретённый ещё много лет назад.

Когда я слышу на улице «Такси, эй, такси!», я непроизвольно поворачиваю голову: очень похоже на «Максим». С ранних детских лет этот вид транспорта у меня ассоциировался с красивой жизнью и каким-то запретным плодом. Поучась в институте, я хорошо запомнил комсомольское собрание, на котором разбирали двух студентов, уличённых в частых поездках на такси. Их сильно ругали за превышение необходимой крутизны, они лениво отбрёхивались и обещали исправиться, то есть впредь выходить из машины не перед самым институтом, а за два квартала. Я тоже был крайне возмущён их безобразным поведением, но, будучи человеком свободолюбивым, решил в порядке протеста поехать домой на такси, правда, отойдя от здания института на безопасное расстояние.

Водителем оказался молодой широкоплечий парень, я на него всё время поглядывал с симпатией: очень меня рапирало желание рассказать ему, какой смелый и принципиальный пассажир сейчас с ним едет. Но он, похоже, сам был смелый и принципиальный и в разговоры праздные вступать со мной не очень торопился.

Машина у него была как машина: на торпедке две гэдээровские переводные картинки красивых баб, стандартная пластмассовая голова Буратино, в которой при торможении загоралась лампочка, но вместо обязательной милицейской фуражки или жезла под задним стеклом красовались три мотоциклетных шлема — два больших и один маленький. Только я собрался про шлемы спросить (в смысле, может, фуражка — это уже прошедший день), как он говорит:

— Видишь эти шлемы? У меня мотоцикл с коляской есть, жену с ребенком вожу по субботам за город. Ну, а в обычные дни езжу на нем на работу в наш орденор Ленина и Александра Невского краснознаменный

таксопарк имени Калинина. Мотоцикл в парке оставляю, а шлемы, чтоб не сперли, — с собой. Помнишь, позавчера жара какая была — за тридцать. Вот, значит, беру во Внуково трёх бабаев — за коврами приехали. Они жениться собираются, а ковров положенных нет. А без ковра ни одна порядочная не пойдёт — вот они и приехали на один день. Ну, везу их, они спрашивают: зачем тут шлемы? Я говорю, что новый закон в Москве вышел: пассажиры обязательно в шлемах. Пошутил, значит, — это я от жары всегда шучу.

Короче, через минутку смотрю, а они уже все трое в шлемах, даже детский ухитрились натянуть. Я, конечно, сразу по тормозам, к обочине подрулил, выскочил до ближайших кустов, упал и уже там давай хохотать.

Вернулся минут через пятнадцать, они сидят как ни в чём не бывало. «Что, — говорят, — шеф, приспичило?» «Ага, — отвечаю, — приспичило, да ещё как!» В общем, на план пришлось плюнуть, и пока на всех заправках и стоянках наши на них не нагляделись, я в ковровый магазин свадебных товаров всё никак не мог доехать — сам понимаешь. С ними вообще умора, — продолжал весёлый водитель, не давая мне опомниться. — У меня сосед Витька — официант. Вот приходят к нему в кабак двое, заказ сделали и спрашивают про салфетки крахмальные, что на тарелках стоят пирамидками: что, мол, это такое? Витька, не будь дурак, отвечает: «Это шапочки специальные. Когда пора уже горячее нести, надеть нужно», — тоже, значит, пошутил и пошёл на кухню. Минут через двадцать выходит, а они в салфетках сидят, морды — ящиком. И не одни они, а ползала.

Тут уж я не выдержал и говорю:

— По-моему, кто-то из вас двоих врёт: или ты, или твой Витька.

— Да ты что?! — он загорячился. — Вон у нас в прошлом году Сашку милиция заприкалывала, что уже три месяца не работает. Мы с ребятами его гидом-экскурсоводом устроили, знаешь, там, «...справа от нашего автобуса дорогие гости столицы могут видеть Красную площадь. С нее начинается история нашей родины, с нее начинается и мой рассказ».

Очень Сашке поначалу эта работа понравилась. На людях, как говорится, и вообще. Но уже через месяц заскучал он. Приезжих-то в основном колбаса интересовала, а не Красная площадь. И вот привёз он однажды обедать группу из Средней Азии в какой-то ресторан, посадил в отдельном зале жрать, а сам ходит, мается. У них уже до чая дело дошло, и тут его аксакал один спрашивает: «Скажи, уважаемый экскурсовод-ака, что это за пакетики к чаю и как ими пользоваться?»

Сашка ему растолковал доходчиво, что пакетики в рот кладут и водой горячей запивают, а левой рукой за веревочку придерживают, чтобы в горло не проскочило. Так все и стали делать, только один умник в очках вскочил и закричал: «Товарищи! Он над вами издевается. Опомнитесь. Совсем не так надо. Надо за веревочку не левой рукой держаться, а правой». Но туристов за колбасой так просто с панталыку не собьешь: «Будем, — говорят, — так делать, как товарищ экскурсовод сказал».

Сашка начал метаться по ресторану в поисках зрителей, но, вот беда, никого из знакомых нет, пришлось самому любоваться. Через три дня вызвали его в отдел кадров — увольнять по их собственному желанию (очкарик тот накатав телегу всё-таки). Уволили, а на прощание пожилой начальник спрашивает: «Как же вам, молодой человек, даже мысль могла прийти так над людьми измываться?»

Сашка уже из дверей ответил: «На моём месте так поступил бы каждый».

Мы уже давно стояли около моего дома, и последняя часть истории стоила мне лишнего рубля, но таксист всё никак не мог остановиться и бежал за мной до самого лифта: видно, предыдущие пассажиры были глухонемыми, а рассказывать сладкие макли буратиновой голове он не привык. С того памятного дня я заболел «таксомоторной» болезнью: стал ездить на такси, когда надо и не надо. Дело доходило до маразма. Если у меня, к примеру, объявлялось пять рублей, а ехать было далеко, я ехал несколько остановок на метро и же потом до места пересаживался в такси. Очень быстро я разобрался, что таксисты — люди общительные, знают массу интересных историй («А вот мне сменщик рассказывал...»), и нужно только дать затравку. Я придумал такую затравочную историю, не совсем придумал, а просто сместил время и место действия. Звучала она так:

— Вот как раз, где вы меня посадили, шёл я вчера (позавчера, три дня назад) вечером (днем, ночью) и вижу — парень (девушка, мужик) лежит (сидит) с портфелем (сумкой, авоськой). Все думали: пьяный (пьяная), а оказалось — шпана заточенной спицей пырнула. В общем, «скорую» вызвали, еле спасли. Вот сволочи!

Водитель легко соглашался, как говорится, «брал со старта», и остальные двадцать минут можно было наслаждаться леденящими кровь историями о сменщике, бабах, милиции и жуликах.

Конечно, иногда попадались люди хмурые, разговаривать не расположенные. Однажды сел к такому, он на меня посмотрел зверем, губы поджал, желваками поиграл, даже куда ехать не спросил — с места как рванул, у меня чуть голова не оторвалась. В общем, молчит он, вздыхает тяжело — ну, мало ли, может, случилось у него что. Я же сижу, соображаю, на какой козе к нему с разговорами подъехать.

Наконец он как закричит:

— Да знаешь ли ты, что там, где я тебя посадил, на днях девочку двенадцатилетнюю пьяные хулиганы, как ежа, всю вязальными спицами истыкали — еле откачали!

Я говорю:

— Вот сволочи!

Он обрадовался:

— Ага, — говорит, — мне сменщик точно рассказывал. Кстати, слышал анекдот таксистский о том, как девушка три раза замужем была, а так девкой и осталась?

Тут он вдруг увидел далеко впереди крадущийся справа у обочины «Запорожец», вся задача которого состояла в том, чтобы хоть как-нибудь доплестись до места назначения, резко прибавил скорость и заорал:

— Ну я тебя, бля, ща сделаю! А вот я ты, бля, ща подрежу!

Если бы несчастный владелец «запора» услышал эти грозные клики, он бы выскочил и сдался, но он продолжал медленно ехать и даже не заметил, как мы на страшной скорости пронеслись мимо.

Потешив свое самолюбие, таксист почти успокоился и, схватив меня правой рукой за грудки, опять крикнул с непонятным торжеством:

— Ну, так как? Три раза замужем — и целка, а?!

Я выразил свое неподдельное изумление этой биологической аномалией, а он докричал анекдот до конца — неожиданно смешного.

— В общем, первый раз она за онаниста вышла, понятно? Второй раз — за пидараса, а третий — за таксиста! — И он торжествующе посмотрел на меня.

Видимо, на моём лице было написано разочарование тем, что он поставил железных brutальных ребят-таксистов в один ряд с такими малопопулярными персонажами. Потому что снисходительно разъяснил:

— Вот и её спрашивают: как же так? А она отвечает, что первые дни после свадьбы муж-таксист вообще дома отсутствовал — работал, а потом заявляется в час ночи и с порога, не снимая пальто, приказывает ей нагнуться. Она думает, что сейчас-то всё и произойдет, а он — прыг ей на спину: «За рублишко до постели отвези!»

И он начал так ржать, что переднее стекло чуть не выскочило, не иначе как про себя рассказывал...

— Ты заснул, что ли? Кого, говоришь, там у тебя посадили? — вернул меня в 14 марта звонкий голос. — Ко-манди-ир! Куда поедем?

— К тебе, милый, — сказал я мысленно, а вслух: — На сервис, на наш родной автосервис.

И, уж конечно, не стал я ему рассказывать все эти истории пятнадцатилетней давности про спицы и т. д. Таксист он ненастоящий. Хозрасчетник — что возьмёшь? Меня «командиром» называет, а не «шефом», как раньше было положено, вместо добротной гэдээровской наклейки у него «TURBO». Где же сделанная из воткнуток копеечек полочка для спичек и папирос? А где, я вас спрашиваю, приятная буратиновая голова? Как я теперь могу узнать, едем мы или тормозим? Где ты, честь таксистская, обгаженная кооператорами и леваками?! Эхе-хе.

Вот я, например, через три дня после покупки машины подрезал случайно, по неумению, одного таксиста. Было это около Киевского вокзала. Таксист от злости чуть руль не съел. Я остановился на светофоре, вижу в зеркале, как он в потоке, всех распахивая, ко мне пробирается. Поровнялся слева, через пассажира перегнулся, окно открывает, а у самого аж искры из глаз сыплются. Я тоже окно открыл и, только он воздух побольше набрал, говорю: «Извини, брат, ради бога: третий день за рулём».

Уже давно загорелся зелёный свет, все машины тронулись, а он всё ещё стоял на светофоре с разинутым ртом, не реагируя на возмущённые гудки объезжавших автомобилей.

Вот какие были железные люди! Гвозди бы делать из этих людей! А этого, я посмотрел вкось на водилу, даже тремя извинениями подряд в обморок не уложишь. Попривыкли, пообтерлись, острота пропала, свежесть души.

А когда нас по параллельной улице обогнал нахальный «Запорожец» с бабой за рулём, а мой водитель даже не заметил, — тут уж я окончательно заткнулся до конца поездки.

Когда подъехали к зданию сервиса, пошел снег с дождём. Работники меня увидели, высыпали наружу, водят хоровод и поют: «К нам приехал, к нам приехал наш любимый Кошелёк».

Провели Кошелька под руки внутрь и предложили ему всякие доступные развлечения: матом поругаться, измазаться вдрызг, пообедать или, что уже вообще сугубо для своих (категория люкс), сбегать за водкой.

Главный мастер стоит, раскрыл объятия: «Сколько можно тебя ждать, у меня чуть джинсы не вышли из моды?! — он всегда так вычурно выражался, — к счастью, ТВОЯ еще не готова, как насчёт хорошенькой партии в настольный теннис в подвале?»

— Нет, — говорю, — спасибочки огромные, я лучше к мужикам пойду, посмотрю там что да как.

В большом светлом помещении среди кучи автомобилей с растревоженными кишочками маялись неприкаянные владельцы, иногда гордо поглядывающие друг на друга: присутствовать при ремонте собственной машины — это уже была большая привилегия. По правилам, изобретенным администрацией, хозяева должны ожидать в приятном прокуренном накопителе, а наблюдать процесс им не

позволено, так как мастера, видимо, пользуются космическими, секретными технологиями и особыми, почерпнутыми из народной автомудрости приемами (кажется, кувалдой). Зато такой порядок давал распрекрасную возможность заменить втихую на новом автомобиле какую-нибудь деталь — нет, не на сломанную, боже упаси, а просто на б.у., а также применить еще множество маленьких чудных хитростей («б.у.», кстати, можно свободно читать как сокращенное «боже упаси»).

Время от времени счастливые обладатели индивидуальных транспортных средств группировались вокруг ближайшего автомобиля с открытым капотом.

Странное дело: даже если на улице открыть капот, то возле тебя моментально собирается толпа, всё-таки велико в народе любопытство к двигателю внутреннего сгорания.

И тут я с ужасом обнаружил, что меня самого со страшной силой влечёт к разинутой пасти автомобиля, как кролика к удаву. Посопротивлялся для виду секунд десять и подошёл, размечтавшись увидеть как минимум перпетуум-мобиле четвертого поколения. Но нет, смотреть было в буквальном смысле не на что: двигатель отсутствовал. Остальные владельцы тупо уставились на масленную тряпку, лежащую в подмоторном пространстве. Я тоже поглядел: действительно, прелесть что такое.

Между прочим, это был мой собственный носок, купленный в Италии и потерянный в прошлом году на пикнике. А машина тоже была моя, это я её до такого состояния довёл. Теперь ясно стало, почему меня так к ней влекло: преступников всегда тянет на место их преступления.

Подошли с обеда (у них всё время обед) веселые арматурщики с ракетками: «Сейчас твой движок с

профилактики привезут, установим в момент. Все ништяк».

Вдруг на этой печальной сцене жизни появилось новое действующее лицо — правильно, кавказской национальности. Лицо заехало прямо с улицы в цех, что говорило о его высокой кредитоспособности и завидном клиентском статусе.

Определить марку и модель его сверкающего авто не представлялось возможным из-за огромного количества всяких автомобильных украшений и приспособлений. Вся буйная фантазия малограмотных кооператоров была воплощена в этой машине-концепции. Всякого рода крылья, антикрылья, сверхкрылья приятно оттеняли укреплённые снаружи и внутри пепельницы самых причудливых форм и расцветок. Щитки защищали, козырьки козыряли, шторы зашторивали и без того затемненные стёкла, а количество антенн равнялось количеству кепок, приписываемому благодарным народом известной статуе вождя (то есть трём). Судя по некоторым надписям, марка машины была «Адидас», а модель — «Супер», хотя «Лада» все равно выпирала из всех щелей.

Работники, отбросив (на время) стаканы и ракетки, плотным кольцом окружили еле выбравшегося из норок и соболей, которыми был обит салон, полного лысоватого человека, пытавшегося переорать громовую музыку, несущуюся из-под соболей.

Вскоре выяснилось, что у него «взад слева при торможении что-то гремит». Остальные работы на станции были приостановлены, а весь интеллектуальный потенциал брошен на устранение кавказского недостатка.

Я готов был побиться об заклад, что это антикрылья стучат по пепельницам, причём не «взад слева», а по

всему периметру, но бойкие арматурщики уже сняли заднее левое колесо и чегой-то там шуровали.

Толпа оторопевших владельцев, как ущербная стайка наших туристов в Лувре, покорно следовала за шустрым южанином, покровительственно указывающим шариковой ручкой на особенно уродливые приспособления своего механического «чуда».

Когда я подошёл, он как раз демонстрировал оригинальную двухступенчатую охранную сигнализацию, для чего разгрёб мездру у «бардачка» и что-то там включил.

Машина покряхтела и неприятным высоким голосом с сильным кавказским акцентом провозгласила: «Ай, нэхороший чэло-вэк! Зачэм в мэна лэзешь, э?!» Оказывается, уже двое известных автоворов слегли с инфарктом после знакомства с этим тольяттинским Франкенштейном из Сухуми.

Если первая ступень не срабатывала, в ход шёл шприц, укреплённый под передним сиденьем. Шприц содержал жидкость, за которую легко продали бы душу своему африканскому дьяволу бегемотоловы далёкой Кении.

Здесь я хочу сделать небольшое лирическое отступление, дать немного передохнуть себе и другим, а то уж больно круто действие развивается. Отступление минут на пять, не больше, типа РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА.

Мне эта косноязыкая сигнализация идею интересную подала, которую я потом осуществил, а сейчас дарю всем владельцам машин и магнитол, читающим это эссе.

Вы приглашаете знакомую девушку с приятным голосом и просите ее начитать на кассету заранее приготовленный текст с паузами для ответов (чем вы будете заниматься с девушкой после записи, не

интересует никого). Далее вы вставляете кассету в автомобильный магнитофон, незаметно его включаете и... остальное зависит от вашего артистизма и изобретательности. Но главное — правильно рассчитать паузы. У меня это выглядело приблизительно так.

Я сажусь в машину с двумя друзьями, которым предварительно желательно наврать, что машина с компьютером, и на которых и рассчитан весь спектакль. Специально неплотно прикрываю водительскую дверцу, вставляю и поворачиваю ключ (одновременно включается магнитофон), и машина как бы говорит:

— Здравствуйте, дорогой Максим Владимирович! Ваша машина МКЛ 92-94 сердечно вас приветствует на своем борту. Московское время...

Я (злобно). Не твое дело.

ОНА. Ну вот, вечно вы ругаетесь, хоть друзей бы постеснялись.

Друзья, предупрежденные, что машина якобы с компьютером, в шоке.

Я. Ты бы вместо того, чтобы ворчать, лучше бы за маслом присматривала.

ОНА. Масло-то маслом, а вот вы левую дверцу неплотно прикрыли.

Я (со злобой, закрывая дверцу). На, на! Ты совсем меня уже достала. Мы поедем сегодня или нет?

Друзья все ещё в шоке.

ОНА. Конечно, поедем. А кто поведет? Вы или я?

Я. Ясное дело — ты. Я устал.

Друзья в шоке разинули рты.

ОНА. Какую музыку на дорожку предпочитаете, как всегда, Битлов?

Я. Нет, давай сегодня блюз «Шанхай».

ОНА. Слушаю и повинуюсь. Для вас поёт Е. Маргулис (звучит заранее записанный «Шанхай»). Счастливого пути!

Друзья в шоке выпрыгивают из машины.

Занавес (так обычно пишут в конце пьесы).

Вот видите, как замечательно! А сценарий можете придумать сами. Главное — хорошая идея. Побольше фантазии — и ваша машина заговорит, а не очень нужные в этот момент друзья выпрыгнут.

Пока мы с вами с приколами разбирались, работа на станции шла своим чередом, то есть чинилась кавказская машина. Я плюнул и пошёл с главным мастером в подвал играть в теннис. Я уныло перебрасывал мячик, следя за тем, чтобы, избави бог, не выиграть. Это было трудно: мастер играл очень плохо.

Время от времени к нему, как к Наполеону в разгар Бородинского сражения, подбегали нарочные и сообщали последние новости с поля битвы. Новости были неутешительные: уже два раза безрезультатно снималось заднее левое колесо, потом подозрение падало на всякие другие части, но грохот при торможении не исчезал. Я знал хороший способ навсегда избавиться от любых посторонних звуков в машине: увеличить в два раза громкость магнитофона, но из вредности подсказывать не стал: пусть сами разбираются.

Лицо главного всё мрачнело и мрачнело, он даже два раза подряд удачно подал подачу: «Неужели придётся Комта звать», — бормотал он, пересчитывая имевшиеся при нем деньги.

Наконец, последний запыхавшийся гонец, по-военному отрубая слова, сообщил: «Плохо дело, мастер: бунт на корабле. Надо Комта. Иначе — пиздец».

Выяснилось, что потерявшие всякое терпение клиенты грозятся выкинуть ЛИЦО со станции вместе с его кулибинским дивом, а потом разобраться с элитой авторемонта.

— Спокойно, Франтишек, без пены, — попытался охладить пыл гонца мастер, но сам вдруг затрясся, как

отбойный молоток, и заорал ужасным голосом: — Аврал, свистать всех наверх, Комта звать!!! — и, бросив ракетку на стол, побежал по лестнице. И уже откуда-то сверху прозвучало: — Счет 12:8 — в мою.

Вслед за ним я вышел в цех. Плотная толпа возбуждённых мужчин обступила новенькую «шестёрку». Без своих украшений она выглядела какой-то голой, босой. Ее хозяин бегал вокруг и восстанавливал роскошные аксессуары, снятые, видимо, для проверки «на стук».

Откуда-то из внутренних покоев привели невысокого парня с бородкой и в ватнике. На голове у него красовалась кепочка с козырьком, как у американского теннисиста Андре Огасси. Она сидела на нём совершенно нормально, но он всё равно беспрерывно поправлял её правой рукой. Парень мельком взглянул на машину, выслушал краткую

подобострастную информацию, где стучит, лениво улыбнулся, правой рукой поправил шапочку, а левую засунул за обшивку багажника и вытащил оттуда громадную ледяную глыбу, которую и бросил к ногам изумлённых зрителей. Затем он скромно отошёл в сторонку и стал как можно шире держать карман, в который главный мастер что-то виртуозно сунул — по моему, бабки.

Остальные «стахановцы» стояли, виновато потупившись, и ковыряли кафель своими «адидасами». Мне даже думать не хотелось, сколько шкур они сдерут с незадачливого владельца передвижного мехового салона.

Парень тем временем достал сигареты, ловко прикурил левой рукой, а правой опять поправил кепочку. Это был Пионер.

Я узнал его почти сразу. Его знаменитая рука по-прежнему находилась в положении общего салюта, он и шапочку-то, наверное, завёл, чтобы руку занять, когда вышел из «пионерского» возраста.

Я бросился к нему, облил слезами и сдавил в своих могучих объятиях.

— Пионер! — кричал я. — Пионерище, какими судьбами, здорово!

— Хай, Капитан, — с достоинством проговорил он, мягко высвобождаясь, — вообще-то я теперь Комт. Ну что тут непонятного? Время-то идет: сначала был Пионером, потом — Комсомольцем, а сейчас — Коммунист, сокращённо — Комт. Да и ты, наверное, уже не Капитан, а какой-нибудь там Генерал или Адмирал.

— Да какое там! Ну ты-то как? Как рука? Гипс-то снял?

— Гипс снял. Но недавно — всё времени не было. А рука подсохла, видишь, не гнётся, но пальцы хорошо шевелятся. — И он пошевелил своими худыми

пальцами, в которых мне почудился обрывок верёвочного аксельбанта.

— Боже мой, Пионер, — я всё никак не мог опомниться, — но что такое отвратительное место, как это, делает вокруг такого потрясающего фрукта, как ты?

— Ну, ну уж! Отвратительное, — передразнил он меня, — ты приезжай ко мне на дачу в субботу, я тебе телефончик оставлю. Кстати, нет ли у тебя знакомых — пару шкур медвежьих достать. Мне на третий этаж — в каминную, только белых, а то у меня от бурых аллергия.

Пионер поправил кепочку и оглянулся — за его спиной уже минуты три топтался какой-то вахлак, безуспешно стараясь привлечь к себе внимание.

— Там, это, как ево... — Он пошмыгал носом.

Новоявленный Комт вздохнул и поманил меня к стоявшему неподалёку «жигуленку», около которого маячили растерянные электрики. Там нужно было подключить выпавший провод, для чего в силу особенно удачной конструкторской компоновки пришлось бы разбирать полдвигателя. Пионер лег под машину и ловко, нахрапом взял проводок, внутрь его пропустил тонкой рукой в один-два этапа и быстро, надёжно закрепил.

— А так вам полдня бы пришлось проработать, мозги б встали раком у вас в голове, всегда вы на помощь зовёте кого-то, — он их поучал, принимая лаве. — Понимаешь, — говорил мне Пионер, — я здесь основной по всем вопросам. Последняя инстанция. Ты правда приезжай ко мне в субботу. Анашу покурим — помнишь Пшикера? А то девчонок возьмём, у меня есть.

— Ах ты мой дорогой Пионерчик, — у меня прямо язык не поднимался этим противным и гадким словом «Комт» его называть, он для меня был и навсегда останется Пионером, — да бог с ними, с девчонками. Вон у тебя уже борода сесть начала. Так посидим.

— При чём тут борода, — сказал он и правой рукой приподнял козырек, чтобы я мог видеть его хитрые глаза, а левой жестом фокусника достал из-за пазухи два рентгеновских снимка.

Похоже, что это была пионерская грудная клетка. Снимки просто поражали шикарным качеством, и мучительно хотелось воспользоваться старинной полузабытой технологией и записать на них «Twist again» или «Rock around o'clock».

Я посмотрел их на просвет: с правой стороны из третьего ребра сверху высывался хорошо различимый бес.

— Комтик, милый, выручай, — наперебой загнусавили новые просители, — четвертый час холостые обороты убавить не можем, винт — до отказа, а он ревет, как чёрт.

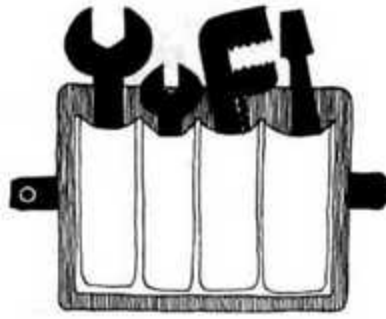
— Коврики поменяйте, уроды, — задумчиво сказал Пионер, пряча деньги. — Видишь, Капитан, как поскакали! Они, идиоты, машину помыли перед ремонтом, а потом коврики перепутали: левый с правым, а правый с левым, — вот резина на педаль газа и давит.

Я только руками развёл, а в каждой руке по снимку. Тут за мной прибегают: «Кошелёк, твоя лайба готова».

— Ладно, — Пионер потянулся, как кот, поправил кепочку и забрал у меня снимки. — устал я сегодня. Давай, до субботы. Вот тебе мои телефоны, — он подал мне визитную карточку с золотым обрезом, — третий — это в машину, а хочешь — я за тобой тачку пришлю.

Совершенно оглушённый, я поплюхал домой, всё ещё не веря, что машина у меня едет и работает. Было уже совсем темно. Недалеко от дома, под фонарём, стоял какой-то автомобиль с открытым капотом. Я остановился, вылез и полчаса стоял, тупо глядя в покрытые ржавчиной железки.

В общем, «Взвейтесь кострами, синие ночи!...»

Обознатушки-перепрятушки

После ухода двух монтёров, чинивших в детском саду электричество, дети начали жутко ругаться матом. Устроили дознание. Монтёры категорически отрицали какое-либо ругание при детях.

— Я держал стремянку, на которой тов. Петров паял электропроводку, — писал один из них в объяснительной записке, — и тов. Петров ненарочно всё время лил мне на голову раскалённое олово, а я говорил: «Товарищ Петров! Перестаньте, пожалуйста, лить мне на голову раскалённое олово»

Анекдот

Это место на Гарден-ринг называется Туф-сквер. Когда-то очень давно посередине проезжей части были высажены деревья, образовавшие со временем тенистую аллею, где горожане, работавшие в деловом центре, любили отдыхать во время обеденного перерыва. Большинство офисов находилось не далее

пяти минут ходьбы, и служащие со своими бутербродами и термосами с удовольствием устраивались на старинных чугунных скамейках в тени больших деревьев.

Политические и военные бури уже отшумели, в стране царила стабильность. Внешняя и внутренняя угроза еще только начинала вызревать в приграничных районах и на кухнях при плотно закрытых дверях.

Тогдашний глава государства пользовался любовью и уважением народа и имел крепкий международный авторитет.

Однажды усталый президент проезжал по Гарденринг в лимузине с задёрнутыми шторками. Следуя на очередное утомительное совещание, он изредка поглядывал в щёлочку на беспокойную жизнь, кипящую вокруг. Машина шла без спецсопровождения, избегая лишнего внимания. Кроме самого президента в ней находились его личный секретарь и два референта, один из которых по совместительству являлся сотрудником Министерства безопасности и отвечал за охрану.

Лимузин остановился на перекрёстке. Президент рассеянно посмотрел в окно: «Вот уже и осень, еще одна моя осень, — думал он, глядя в щёлочку на детскую коляску, прислонённую к сухому дереву, — что-то рано в этом году, хотя на других деревьях листья еще зелёные».

— Сухие деревья надо бы убирать, — пробормотал президент и со вздохом переключился на текущие проблемы.

Референт привычно сделал пометку в блокноте и приготовился открыть дверцу: лимузин уже подъезжал.

На следующее утро старший советник администрации забрал в секретариате уже распечатанные распоряжения и передал их по команде. Одно из них гласило: «В целях улучшения пропускной

способности одной из основных транспортных магистралей города очистить её от посадок и тем самым расширить и благоустроить проезжую часть Гарден-ринг...»

Заканчивалась первая половина уик-энда. Большинство автомобилей покинуло нагретый июньским полуденным зноем город. Редкие прохожие спешили пересечь открытое пространство Гарден-ринг и углубиться в прохладу узких переулков.

Полицейская машина стояла прямо посередине широкого асфальтового поля, над которым плавало плоское марево. Блюститель порядка, увешанный всеми необходимыми для поддержания авторитета и удобства причиндалами, поигрывая рацией, прогуливался перед своей машиной и контролировал движение сразу в обе стороны. Ему было очень, очень скучно.

Я двигался со стороны Крим-бридж и был замечен полицейским еще издали. Я бы благополучно так и проехал мимо, но опрометчиво взглянул на маячившую фигуру, и он меня остановил.

Никогда не смотрите из машины в глаза полицейскому: у него непроизвольно сократятся мышцы рук, и он вас остановит.

Итак, он лениво козырнул и, следя за птичкой, мелькавшей в развратном голубом небе, сказал: «Пожалуйста, ваши документы, сэр...»

Так бы я начал эту главу, если бы писал её тогда, когда и произошли описываемые в ней события и встречи. Я бы перенёс действие в какую-либо безликую, но обязательно западную страну и далее уже с удовольствием очернял её действительность и порядки. В охотку и без зазрения совести.

Разумеется, я бы так поступил только в том случае, если бы очень хотел быть изданным.

Опытный читатель, конечно же, разобрался, что пресловутая Гарден-ринг — это Садовое кольцо в Москве, вырубленное по недоразумению в тридцатые годы, что Крим-бридж — это Крымский мост, а Туф-сквер — Зубовская площадь. И конечно, ясно, что полицейский — это инспектор ГАИ, ну а уж «я» — это я, с какой стороны ни посмотри.

Сейчас, в эпоху развитой гласности и общего хамства, нет нужды маскировать наши сладкие дела под проклятый Запад, поэтому вернёмся в 80-е годы на Зубовскую площадь.

...Итак, он лениво козырнул и, следя за птичкой, мелькавшей в низком сером небе, сказал: «Документы!»

Документы у меня были в порядке, машина работала как часы (я ехал из автосервиса), в кармане лежало около двадцати рублей и, самое главное, до четырёх я был свободен как ветер. Правила игры были известны нам обоим, и комедия началась.

Младший лейтенант двумя пальцами, словно противную жабу, взял за уголок мои документы, понюхал и, видимо, удовлетворившись запахом (а у меня нет привычки хранить права на помойке), с ужасным подозрением воззрился на фотографию. Судя по выражению его лица, там был изображён по крайней мере семиглазый пришелец с ногой вместо носа.

— Чьи это права? — так грозно спросил инспектор, что я почувствовал, как пять рублей зашевелились в моем кармане, просясь наружу.

Я согнул ногу и прижался джинсами к дверце, а левую руку, полезшую было за деньгами, остановил гигантским усилием воли, пообещав ей купить новые часы.

— До сегодняшнего дня были мои, — справившись с первым испугом, ответил я нагло.

— А где работаете, товарищ водитель? — осторожно осведомился инспектор, явно обескураженный моей

независимостью.

Вот это уже загадка века. Почему одним из первых остановленному водителю задаётся вопрос о его месте работы? Какое это имеет отношение к допущенному нарушению (какового чаще всего и не было)?

И ведь наврать можно что угодно. Один мой знакомый говорил, что он директор пивного бара «Жигули», и в доказательство хлопал себя по довольно толстому животу. Сотрудников ГАИ трудно заподозрить в легковерии — чего им только не приходится выслушивать, но почему-то именно в этом случае они легко «покупались», и страшно представить, какое их количество в штатском ломилось вечерами без очереди в эти «Жигули» с требованием позвать директора.

Конечно, милиционеру приятнее разговаривать на своем языке с директором пивбара или с заведующим складом. Из них можно спокойно душу вынуть, а вот какой-нибудь депутат или человек с предполагаемыми связями сам может нервы порядочно помотать.

Вообще люди с короткой причёской всегда внушали гаишникам настороженность: никогда не знаешь, на кого нарвёшься, — поэтому я отрастил себе артистический «хвост», чтоб сразу было видно, с кем имеешь дело, а с нашего брата взятки не отличаются шероховатостью.

И дело тут не совсем во внешности — в поведении тоже. Другой мой знакомый, что-нибудь нарушив, выпучивал свои и без того базедные глаза и застывал за рулём с чириком в зубах. Уже известный вам толстый «директор пивбара» иногда взъерошивал волосы и выкатывался к ногам изумлённого инспектора с криком: «Ну, ёбни, ёбни меня своей палкой по башке!» И пока тот, пряча жезл, дохохатывал, спокойно уезжал. Но тогда на Зубовской площади мы с лейтенантом играли в совсем другие игры.

— Так где вы, говорите, работаете? — переспросил он, хотя я еще ничего не сказал.

— В «Машине времени», музыкант, — поведал я ему, опуская «звукорежиссёрские» подробности, взмахнул для убедительности «хвостом» и приготовился выслушать обычные в таких случаях вопросы: «Когда новая пластинка выйдет и правда ли, что Лещенко на Ротару женился?»

Реакция была неадекватная.

— А, проклятая «Машина»! Я вашего Директора поймал без прав, дык он мне через двадцать минут обещал билеты на ваш концерт привезти. Третий месяц уже стою жду!

Я-то, конечно, знал, что это запросто мог быть наш Директор, но какого чёрта?! Получалось 1:0 в пользу милиции.

— Это высокий такой, светленький, на «Запорожце» ездит?

— Да нет, низкий, черный, на «Мерседесе».

— Ну что вы, — говорю, — это вас обманули.

Мы некоторое время смотрели друг на друга, раскрыв рты, потом он продолжил:

— Ладно, а почему у тебя машина такая грязная? (Уже на «ты» — вот что «хвост» делает.)

— Да где же она грязная, когда чистая. Я только что с мойки еду.

— А я говорю: грязная — вот и вот. — И он указал на два небольших пятнышка.

— Я за то, что по дороге случилось, не отвечаю, а с мойки у меня даже квитанция сохранилась, видите, сегодняшним числом помечена.

Он повертел квитанцию так и сяк, поглядел ее на просвет и, не найдя там водяных знаков, кроме нескольких капель грязной воды, в сердцах выбросил. Потом, засмеявшись от какой-то своей потаённой мысли, просиял и, чуть не пустившись в пляс, выложил,

как мне показалось (о, как я плохо о нем думал!), свой главный козырь:

— А огнетушитель у тебя есть?

— Есть. Вот, огнетушитель немецкий, автомобильный. Гасит все что ни попадя. Работает как зверь. Показать? — спросил я у него, направив огнетушитель чуть повыше портупей.

— Не надо, не надо, и так верю, а вот скажи-ка мне, друг любезный, где у тебя знак аварийной остановки, а?

В это время за его спиной со страшным грохотом столкнулись два огромных «Камаза». Водители выскочили и, пользуясь техникой кунг-фу, начали наносить друг другу по черепным коробкам тяжкие телесные повреждения. Приехали «скорая», пожарные и ассенизаторы. А также проплыл океанский лайнер, прошли пионеры и пролетел космический корабль «Восток-2» с летчиком-космонавтом на борту.

Мой оппонент, естественно, на них на всех не отвлекался. Он правильно был приучен не распыляться по пустякам, а, начав одно дело, довести его до конца и уж потом браться за другое. Поэтому, посмотрев знак аварийной остановки и проверив его на устойчивость в различных погодных условиях, он предложил мне продемонстрировать работу электрооборудования. Я с радостью согласился, тем более что уже была глубокая ночь. Я в обе руки моргал всеми фарами и лампочками, и моя «шестёрка» была, наверное, издали похожа на новогоднюю ёлку, а он, как Снегурочка, бегал вокруг неё, приговаривая: «Вот, мать твою, работает, вот, мать твою!»

Не надо думать, что ГАИ существует только для того, чтобы пить кровь у несчастных водителей. Среди сотрудников попадаются милейшие люди, готовые войти в любое положение и не ранить при этом ни свою, ни чужую нежную душу.

Однажды наш барабанщик Валера Ефремов, человек серьёзный и обстоятельный, попытался подъехать на своей машине к концертному залу «Россия», где мы тогда работали. Обилие «кирпичей» и других запрещающих знаков совершенно исключало возможность сделать это без нарушений. Конечно, Валера нарушил. Из-за угла вышел румяный, улыбающийся солнцу и всему белому свету милиционер и, засмеявшись, спросил: «Как настроение?»

Валерик тоже скупой улыбнулся и ответил: «Отличное!»

Милиционер засмеялся ещё сильнее и поинтересовался: «Знак видели?»

Валерик, коротко хохотнув, кивнул головой. Милиционер зашёлся и прокричал: «Какие будут предложения?»

Валерик захохотал в голос и показал пять рублей. Милиционер упал и, забившись в гомерическом хохоте, прохрипел: «Предложение принимается».

Тем временем мой лейтенант успел заглянуть под капот, проверить сигнал, бензин в баке, метрику, «пирке», количество пломб на зубах, разрешение на провоз бесплатного багажа и направление на курсы повышения квалификации по всем вопросам.

Я, правда, частично отбилась от него тем, что потребовал предъявить документ на право вечернего и ночного ментования и сделал в нём гвоздиком просечку. Наконец, он вцепился в руль и стал его крутить в разные стороны и расшатывать.

— А-а-а-а-а-о-а, — вдруг закричал младшой с диким торжеством, — да у тебя ЛЮФТ рулевого управления.

— Правильно, — попытался я остудить его пыл, доставая техническое описание, — вот написано: «Допускается отклонение до семи градусов». А я только что со станции — ровно семь градусов.

— Да у тебя все одиннадцать!

— Нет, семь!

— Нет, одиннадцать!

— Нет, семь!

— Нет, одиннадцать, а ТРАНСПОРТИР у тебя есть?!

Я стал с ужасом вспоминать, что такое транспортир. Вспомнил! Это такая серенькая штучка — градусы мерить. Мы в школе ими здоровско кидались. Но он прав: с собой у меня его нет. Я поднял руки вверх и сдался на милость победителя.

— Будьте повнимательней, осуществляя движение! — злорадно крикнул он мне вслед, пряча в крагу мою пятёрку.

Ну, где вы еще получите такое удовольствие за пять рублей? Цирк отдыхает (по первому варианту).

Этот день вообще начался у меня по-уродски — со ссоры с хорошим человеком. Как началось, так дальше и покатило. Никогда не начинайте ваш день по-уродски — со ссоры с хорошим человеком.

Я с утра должен был заскочить в одно место к одному приятелю по одному делу. Только я уже собрался выходить, чтобы начать заскакивать, как он мне перезванивает:

— Ты ещё не вышел? Хорошо. Тут вот какое дело... — и стал мне долго-долго и очень подробно объяснять простейшую, в сущности, ситуацию.

Я забыл сказать, что приятель этот — известный неологист. У него прямо-таки природный дар к образованию новых слов — как пирожки печет: «Он повернулся и АДМИНИСТРАТИВНО ушёл», «Ты в ЕТИ ДЕРБИ-то не лезь», «Она ВВЕРГНУЛА его в ПЕПЛО разврата», «Тайны туманного АЛЬБИНОСА» и т. д.

Парень он хороший и водит дружбу с самыми знаменитыми людьми — с Аллой Пугачёвой, Юрием Антоновым, Андреем Макаревичем и со мной.

Когда я выпутался из его многочисленных междометий и шквала слов, которых нет ни в одном словаре, выяснилось, что приехал Михаил Боярский, и я с вокзала должен его подхватить и доставить к тому же приятелю.

— Миша тебе сейчас наберёт, я твой телефон дал. Вы стрелку по дороге забейте — и ко мне. Миша на съёмки приехал, это явится ТРЕУГОЛЬНЫМ камнем в его творчестве.

Я, конечно, знал Боярского по фильмам, но лично знаком не был. Поэтому с нетерпением присел у телефона и принялся ждать, предвкушая интересное знакомство.

Буквально через две минуты в трубке раздался бархатный мужской голос:

— Здравствуйте, я сейчас на Трёх вокзалах. Дойду пешочком до Садового кольца. Сколько это у меня займёт времени? Минут, значит, пятнадцать. Так. Вы проедете метро «Лермонтовская», и метров через тридцать у вас справа будет милицейский «стакан», но сразу за ним останавливаться нельзя, тогда вы проедете ещё метров двадцать пять...

Он говорил очень напористо, с этакой мушкетёрской энергией, сам спрашивал и сам же отвечал. Я безуспешно пытался вставить хоть слово — поприветствовать Мишу на московской земле, но инструкции продолжались.

— Сколько от вас ехать до Кольца? Минут двадцать, итого... Какая у вас машина? Мне сказали, белая. Так. Все. Вы меня будете ждать на этом месте в... в... в десять сорок семь.

Ей-богу, без всякой задней мысли я у него спросил:

— А как я вас узнаю?

Возникла тяжёлая ленинградская пауза, голос сник и стал объяснять:

— Ну, я в таком чёрном костюме, в чёрной водолазке, в чёрной шляпе, с усами. Сверху чёрное кожаное пальто... да, чёрт возьми! Найду-ка я лучше такси. — И телефон умолк.

Я так расстроился, что решил никуда не ездить. Тупо просидел сорок минут, глядя на телефон, потом решил всё-таки поехать заправиться.

Так начался этот тягучий и странный день.

У бензоколонки выстроилась длинная очередь. Она двигалась очень медленно. То тут, то там возникали скандалы: большинство желало пролезть вперед. Вокруг шуровали шустрые хлопцы, предлагающие бензин без очереди, но по невероятным ценам. Сразу за моей машиной пристроились две симпатичные девушки на аккуратной красной «пятёрке». Презирая пожарные правила, своими ярко-красными ртами они беспрерывно курили длинные коричневые сигареты и нарочито громко хохотали. Судя по униформе, очень коротким черным платьям в обтяжку, их поведение можно было определить как не очень тяжёлое. Девушки стреляли глазками, без крайней нужды высовывали из машины длинные ноги, но без очереди их всё равно не пустили.

Где-то через час дошло дело и до меня. Я держал в правой руке шланг, по которому то жидкой струйкой, то со страшным напором подавался бензин. Лавируя между машинами, подшаркал какой-то мужик в домашних тапочках «ни шагу назад», видимо из соседнего дома.

— Друг, порскни мне чуть-чуть — жена послала, — сказал он сиплым голосом, подавая майонезную баночку.

Я не сразу сообразил, что он имеет в виду бензин: меня сначала-то сбили с толку слово «порскни» и майонезная баночка, но всё же джинсы расстегнуть я еще не успел.

Что ж, мне не жалко. Отжал рычаг, остановил струйку, перенес шланг в баночку и нажал снова.

Наверное, все насосы окрестных бензоколонок подключились в эту секунду к моему шлангу, потому что напор был такой, что меня окатило с ног до головы. Бензин попал в глаза, в рот, в нос, на одежду. Даже если бы я часа полтора нырял и плавал в чистом бензине, то не вымок бы сильнее. Единственное место, куда бензин не попал, так это в баночку.

Во рту стоял отвратительный привкус, глаза я просто не мог открыть: их жгло как огнем. Если бы наши нефтеперерабатывающие заводы делали более чистый бензин, хотя бы как дешёвый заграничный, мне бы так глаза не резало. Так что ко всем и без того болезненным и неприятным ощущениям у меня примешивалась за державу обида, поэтому я печально растопырился в полном отчаянии и со стороны, наверное, представлял собой жалкое зрелище.

Всё-таки наш народ в глубине души самый отзывчивый и сердобольный в мире. Почти никто не остался в стороне от моей беды: одни повыскакивали из машин и окружили меня, другие хохотали прямо из окон автомобилей — сволочи.

Только развесёлые путаны из красной «пятёрки» предприняли какие-то пусть и примитивные, но реальные действия: одна сунула мне в рот коричневую сигаретку, а другая все чиркала зажигалкой, которая почему-то не зажглась. Зажигалка была, правда, иностранная, но заправлена, видимо, советским газом, пропади оно всё пропадом.

Наконец из здания заправки вышла тётка с тряпкой (на ощупь — половой) и протерла мне гляделки так, что я смог увидеть свою избавительницу. Ничего особенно хорошего она собой не представляла.

— Да сплюнь ты его, сплюнь — чего во рту держать? — говорила тетка, угадав мое подспудное

желание.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — расплевался я с удовольствием. И пока на всех на них не наплевал, домой не отправился.

У себя в ванной я измылил семь кусков мыла и исчистил три тюбика пасты, израсходовал две зубные щётки, измочалил четыре мочалки и дотёрся до татуировки, которую сделал по молодой глупости в четырёхлетнем возрасте.

Одежду пришлось выбросить, правда, рубашку и куртку мне месяцев через семь вернула милиция — отняли у местных токсикоманов, которые на ножах дрались, кому первому мою рубашку на бестолковку намотать и вдыхать, вдыхать...

Короче, сам-то я более или менее отмылся, а вот в машине запах держался стойкий, тяжёлый. Решил я все окна открыть да прокатиться за городом с ветерком — пусть продует.

Выехал на Волоколамское шоссе, еду, радуюсь — ветерок прохладный обдувает, солнце клонится к закату и вообще. Просвистел мимо одного поста ГАИ, да там все заняты были: кровь у какого-то «Мерседеса» пили, потом на горизонте еще один пост показался. Тут уж я решил судьбу не испытывать, а то деньги все в «бензиновых» штанах остались, налицо только шесть рублей. Крадусь, как свинья, в правом крайнем ряду — 60 км в час, а ОН все равно выходит.

Невысокий такой лейтенант, лицо улыбочное, на щеках ямочки, около рта родинка, в общем, по всем приметам жуткий гад, должно быть.

— Как же это вы ТАК ездите? — говорит он с таким осуждением, будто я мимо него на метле промчался.

Интересно, как это я ТАК езжу? Хотел было раздуться, как колбаса, да закричать ужасным голосом, но вспомнил Зубовскую площадь.

— Извини, командир, — говорю, — бес попутал. — И подаю ему шесть рублей.

Очень такое моё уважительное отношение лейтенанту понравилось, он к деньгам потянулся, но сразу не взял, а родинку пощупал и заблеял:

— А кем рабо?..

Я говорю:

— Музыкантом, музыкантом — все в порядке.

— Ладно, будь поосторожней, а го у нас дорога контролируется радарам и скрытыми вертолётми. В следующий раз так легко не отделаешься!

Еду я и думаю: «Ага, щас — радары, скрытые вертолётмы! Я гаишный вертолёт только по телику и видел, а в жизни — никогда. Хотя, может, и не видел потому, что они скрытые. Во всяком случае что-то тут не так. Первый раз такое от инспектора слышу, надо будет держать ушки на макушке или по крайней мере одно ухо, но востро».

Проезжаю ещё три километра, уже почти разворачиваться собрался — опять пост. И что самое невероятное — тот же лейтенант стоит, всеми своими ямочками лыбится. Меня никто по шоссе не обгонял, объехать он не мог, неужели верхом на каком-нибудь скрытом радаре или вертолёте? В общем, я в полной растерянности, можно голыми руками брать.

— Я же тебя предупреждал, а ты опять ТАК едешь! Что делать будем?

Он уже приготовил правую руку, но тут я кое-что заметил (все-таки есть во мне божья искра) и говорю:

— Что-то я вас не совсем понимаю, я же в первый раз вас вижу, представьтесь-ка по форме.

И не оттого я таким смелым был, что ушлый, а потому, что без денег. А он, правда, совсем, как говорят китайцы, «лицо потерял». Топчется, бормочет:

— Как же так?! Что такое?! Машина — белая «шестёрка», ты как ты...

— Это вы, наверное, моего брата останавливали, он сзади едет. Мы с ним близнецы, и машины одинаковые.

Некоторое время мы молчали, потом он хмуро изрёк:

— Ну будет, хватит уже — как догадался?

Я ни слова ему не сказал, только на щёку показываю.

— Ах ты черт, черт, черт! Говорил же мне Лёха: нарисуй, нарисуй...

И так он, бедный, расстроился. Так уж мне его жалко стало, принялся утешать как мог:

— Не горюй, в следующий раз обязательно выйдет, а сейчас всё одно, денег у меня нет. Обознатушки-перепрятушки.

— Ну, ты хоть кассету мне какую дай, вон у тебя музыка орёт, а то Лёха с меня живого не слезет.

Дал я ему кассету «Здравствуйте, дорогой Максим Владимирович...» — пусть обслушается со своим Лёхой, а он еще канючит:

— Больше ничего не дашь?

— Могу дать тебе карт-бланш.

— А вот насчёт бланша мы ещё посмотрим.

Я потом с ними подружился — неплохие ребята оказались. Вы уже поняли, наверное? Да, братья-близнецы. И оба лейтенанты: Вовка и Лёшка. Пост одного находился в 12 км от другого. И делали они так: если из Москвы кто-то ехал, то Лёшка его останавливал, штрафовал за что-нибудь (обычно за превышение скорости), пугал радарам и вертолётами и серьезно предупреждал о расплате за рецидив. Далее он говорил в рацию: «Операция БРАТ», — и сообщал Вовке приметы автомобиля и краткое содержание разговора. Через 12 км Вовка чёртиком выскакивал на дорогу и глушил изумлённого водителя по полной программе. Денежки они делили пополам — не чужие ведь.

Если кто-то ехал, наоборот, в Москву, то первым его останавливал Вовка. Как видите, вариант

беспроницательный. А расколол я их из-за родинки, которой у Вовки не было.

Обратно я поехал другой дорогой и подъезжал к Москве уже ночью. На въезде меня опять остановили — нет, не мой сегодня был день. Инспектор посветил фонариком мне в лицо и спросил:

— Сколько сегодня выпили?

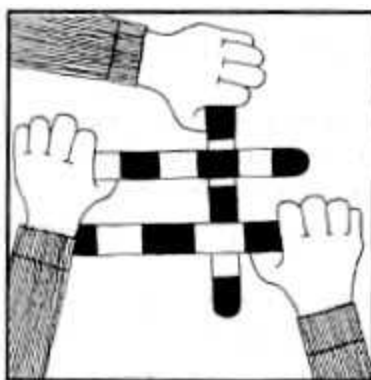
Я возмутился:

— Да не пил я!

— А дыхнуть можете?

— Могу. — И я дунул на него, как Голова из «Руслана и Людмилы».

— Вот сволочи, — восхитился гаишник, — бензин начали жрать!

Разговор с гаишником

Прости меня за рядность, командир,
Я ехал, ни о чём плохом не думал.
Как ладно на тебе сидит мундир,
Примерно как на мне кроссовки «пума».

Зачем писать собрался протокол.
Не стою я такого наказания.
И спрячь назад свой страшный дырокол —
Не доводи клиента до отчаянья.

Товарищ главный милиционер!
У вас, конечно, дома плачут детки.
И старший уж, наверно, пионер.
Хорошие несёт отцу отметки.

А бабе нужно новое пальто,
И младшенькому что-нибудь от сыпи,
И дочери к зиме справлять МЕНТО,
И самому в ГАИ с друзьями выпить.

Мы с вами оба люди, командир,
Прими пятьсот в знак нашей вечной дружбы.
Пусть между нами воцарится мир,
В восторге я от вашей трудной службы.

Ну что же это! Как же это так!
Ведь я во многом с вами солидарен.
Не нужно номерной снимать мне знак,
Тем паче что он намертво приварен.

Зачем смотреть доверенность мою.
Конечно, у меня она в порядке,

Давайте я вам что-нибудь спою
Или вокруг поста пройду в присядке.

Да я на вас нажалуюсь, сержант,
Тебя со службы выгонят с позором,
Я никакой тебе не спекулянт,
Я — честный труженик, работаю лифтьёром.

И перестань совать мне трубку в рот,
И так признаюсь, что сегодня пьяный,
Я б в жисть не сделал этот поворот,
К посту, где есть такой работник рьяный.

Оставь в покое ты багажник мой,
Что тут сказать, открыл его ты ловко,
Сейчас он, к сожаленью, не пустой,
Ну что ты, что ты роешься в коробках!

Но-но — пожалуйста, без рук!
Чего вообще ко мне ты привязался?
Зачем кассет так много? Триста штук?
Подкладывать под шкаф, чтоб не шатался.

А джинсов разве много — сорок пар?
Себе с большим трудом достал на вырост,
Тут носу не подточит и комар,
Ну, я уже погнал? Договорились?

Короче, вот часы — себе купил,
А ты всё до сих пор с пустой рукою,
Умерь теперь по-быстренькому пыл,
И разойдёмся тихо мы с тобою.

Не раз судьба ещё сводила нас,
Но я теперь уже в своей тарелке:
Привет, мужик, *который нынче час?*

Ну, будь, а то на Ленинском две стрелки.

Не победа, а участие

«ХУНВЭЙБИНЫ — участники созданных во время «культурной революции» в Китае отрядов из учащихся средних школ и студентов для расправы с неугодными политическими деятелями».

*Малый энциклопедический
словарь*

Он стоит, стоит за спиной — десять минут, пятнадцать минут, потом замахивается, но не бьёт (а лучше бы ударил).

— Это не работа, Хунвэйбин, а мудовые рыдания. У тебя под что руки заточены?!

Потом он обычно отбирал напильник, давал вместо него другой, побольше.

— Вот тебе напильник «стахановский» по руке и хуяр, а то знаешь как оно бывает?!

Так говорил красавец-бригадир Пузырёв своему молодому ученику слесарю Хунвэйбину.

Хунвэйбин работал на «почтовом ящике», каким-то боком связанном с космическим производством, но не напрямую, а косвенно, и еще учился на вечернем отделении юридического факультета МГУ.

На работе он скрывал по возможности, что «на мента учится», в университете не афишировал, что работает слесарем, а не в милиции или в суде. Да и работал он только для того, чтобы не забрали в армию, потому как «ящик» давал бронь.

Хунвэйбин носил сравнительно длинную причёску, на которую неодобрительно посматривали преподаватели, но ничего не говорили, возможно считая, что это один из секретов его службы. Зато на заводе реагировали не так демократично.

Относясь с извечной пролетарской ненавистью и подозрительностью к учащимся в институтах «волосатикам», администрация «ящика» чинила им всяческие препятствия: загружала сверхурочной работой и не отпускала на экзамены и зачёты, пускаясь в долгие демагогические рассуждения о том, что будущее принадлежит рабочему классу.

В доказательство приводилась выдержка из доклада Брежнева: «На ближайшие 60 лет будущее будет принадлежать рабочему классу».

Как ни странно, находились индивидуумы, которые смотрели вперёд дальше, чем на шестьдесят лет, и, собираясь всё-таки шестьдесят лет проработать рабочими, на шестьдесят первом перед смертью хотели побыть инженерами, адвокатами и другими малопочитаемыми людьми.

Хунвэйбин, похоже, относился к их числу и мало осознавал, что, работая вот уже полгода, имеет

впереди пятьдесят девять с половиной лет для того, чтобы проверить правоту Леонида Ильича.

На заводе волевым решением какого-то козла был принят порядок не выдавать молодёжи зарплату, если длина их волос превышала четыре сантиметра, а у нашего героя было аж шесть. Стричься он никак не хотел и вот уже седьмой месяц денег не получал, видимо собираясь в один прекрасный день побриться наголо, забрать с «депонента» все свои бабки и стать мультимиллионером.

Остальные рабочие его бригады, во главе с бригадиром Пузырёвым, считали его чокнутым бессребреником и за предполагаемую бедность прозвали китайским Хунвэйбином, или сокращенно — Бином.

На самом деле единственное, что связывало Бина с Китаем, — это дорогой китайский халат, в котором в свободное от пролетарского самоусовершенствования время он разгуливал по своей убогой четырёхкомнатной квартирке.

За рутиной и ежедневными заданиями все быстро забыли настоящие его имя и фамилию, и полковники в отделе кадров перенесли ударение в слове Хунвэйбин на букву «э», моментально превратив этого светловолосого и голубоглазого парня в татарина.

У себя в бригаде Бин намекнул, что учится в строительном институте, а по мнению работяг, строители если и ушли от рабочих, то очень недалеко. Поэтому откровенной ненависти к нему никто не испытывал и Бину удавалось пока сохранять своё странное инкогнито, тем более что отдел кадров, где всё-таки о нем кое-что знали, находился совсем в другом районе Москвы.

Кроме того, что будущее принадлежит рабочему классу, Бин узнал на заводе ещё очень много нового.

Так, например, обыкновенную резку уплотняющей резины бригадир Пузырёв с нездоровым бригадирским пафосом именовал «резонансом», а стряхивание металлической стружки с рабочего верстака — «стряхнином».

Работа самого Пузырёва называлась «стахановской», а неумелого Бина — «мудовыми рыданиями» или «хуем груш околачиванием». Короче, век живи — век учись.

Несмотря на короткий стаж и потенциальное высшее образование, Хунвэйбин в цеховых кругах пользовался некоторым уважением как изучающий иностранный язык и разные другие науки, поэтому в качестве третейского судьи часто привлекался как последняя инстанция в самых невероятных спорах.

Слесари вели жизнь насыщенную, диапазон их интересов был широк, а предмет спора мог варьироваться от счёта в завтрашнем хоккейном матче до точной формулы рибонуклеиновой кислоты.

Однажды после полуторачасовых криков, включающих в себя упоминания родственников и щедрые обещания исправить при помощи железного кулака ошибку матери-природы, к верстаку Бина подошли в сопровождении сочувствующих пятеро спорщиков.

— Слышь, Хунвэйбин, ты ж в языках образованный.

После долгого сумбурного объяснения, чуть было не перешедшего в исправление ошибок природы, выяснилось, что двое из пятерых готовы поклясться на напильниках, что испанский лозунг «Но пасаран» переводится как «Родина или смерть!». Трое же других знатоков республиканского движения с молоком матери впитали, что «Но пасаран» — это «Все — на баррикады!».

Причём более удачливые испановеды получали в награду хорошую бутылку водки, которую проигравшая

команда должна была купить во время приближающегося уже обеда.

Бин был смущён. Ещё со школы он помнил, что смелый лозунг «Но пасаран» означает «Они не пройдут» — так говорили, подняв кулак, республиканцы в 1937 году, имея в виду фашистов. О чём он и сообщил изумлённой и растерянной публике.

Но обед был близок, а выпить хотелось очень, поэтому, немного посоветовавшись, обе партии приступили к Хунвэйбину с требованием отдать предпочтение одной из версий.

— Нам выпить-то надо, — говорили они с надрывом, — к чему всё-таки ближе: к «баррикадам» или к «смерть Родине»?

И те, и другие при этом делали Бину доверительные знаки, косвенно обещавшие в случае именно их победы присоединить судью к призовой бутылке.

Бин и вообще-то был далеко не дурак, а выпить особенно, поэтому надо ли объяснять, что после недолгих подсчётов лозунг «Родина или смерть» показался ему наиболее точной интерпретацией оригинала.

В другой раз предметом спора стало изготовление новогоднего номера стенной газеты.

Уже лет семь по крайней мере мастер Тепляков рассказывал направо и налево о том, какую шикарную и остроумную стенгазету он сделал в свое время в пионерлагере.

Наконец бригадир Пузырёв не выдержал и при всех объявил, что он тоже как-то был в лагере и поэтому забьёт Теплякова по всем статьям, включая стенгазету.

Шел декабрь, и было решено, что спорщики удалятся в две разные комнаты на три часа и вынесут оттуда по готовому экземпляру новогодней газеты, после чего все тот же Бин определит, чья наиболее новогодняя.

Наградой в соревновании должна была стать... ну да вы сами понимаете.

Через три часа конкурсанты представили на суд свои готовые работы.

И у того, и у другого передовица была от руки неграмотно переписана из «Правды», зато отдел юмора и сатиры был решён в разном ключе.

Первым защищал свой проект Тепляков.

— Я долго думал в смысле юмора, — объяснял он зрителям. — и решил поместить как бы кому что на Новый год снится, только, боюсь, не слишком ли оригинально.

1. Иванову снится, как бы в столовой очутиться, — декламировал Тепляков, имея в виду известного обжору Иванова.

2. Кулакову снится, как бы в магазине очутиться, — намек на пьянство Кулакова, радостно принятый окружающими, для которых слово «магазин» имело только одно значение.

3. Фонарёву снится, как бы со своей женой очутиться (от него недавно ушла жена).

4. Пузырёву снится, — тут Тепляков сделал эффектную райкинскую паузу, поклонился в сторону Пузырёва и с сардонической ухмылкой закончил, — как бы без своих кальсонов очутиться (Пузырёв собирался закаляться).

Пока Тепляков пожимал руки и принимал поздравления от своих сторонников, уверенных в его убедительной победе, Пузырёв, несколько не обескураженный эпатажем мастера, произнес небольшую речь, в которой коснулся пошлости жизненной позиции Теплякова и беспочвенности его литературных амбиций.

— Идея о снах на Новый год, конечно, хороша. Мне она самому в голову пришла, но исполнение... — Пузырёв безысходно развел руками, как бы показывая,

что рождённый ползать, летать не может, затем поглядел уничтожающе на всех и прочитал свой вариант:

- 1. Иванову снится сон, будто в столовой он.
- 2. Кулакову снится сон, будто в магазине он.
- 3. Фонарёву снится сон, будто с женой он.
- 4. Теплякову снится сон: всю зиму ходит без кальсон (а здесь он имел в виду, что Тепляков — просто осёл.)

Бин только диву давался, глядя на разбитных стенгазетчиков. В очередной раз он был поставлен перед трудным выбором. Оба шедевра были чудо как хороши, но Пузырёв был вот он, а Тепляков, как мастер, обретался где-то в верхах, и Бин отдал победу Пузырёву. Тем более что его последний опус про кальсоны был действительно значительно лучше. С точки зрения большой поэзии.

Пузырёв расчувствовался и временно перевёл арбитра на легкий, но в принципе очень ответственный участок труда.

И вот уже третий день Хунвэйбин «сидел на резонансе». Работа была несложная, и Бин, совершив очередной «стряхнин» готовых резиновых полосок в специальный ящик, размечал и надрезал следующий кусок.

Глядя на ровную резиновую ленту, выходящую из-под его ножа, он думал, что, наверное, скоро это его нехитрое изделие полетит в космос и какой-нибудь бровастый космонавт помянет его крепким космонавтским словом. И ещё, будучи человеком спокойным и разумным, он тихо радовался, что «резонанс» с работами по металлу тесно не связан, потому что потребовал бы привлечения работников сварочного цеха, а это была бы уже сугубая специфика, свойственная только этой отдельно взятой стране.

Сварочный цех, находящийся на первом этаже, трудился по давно уже устоявшемуся странному графику, узнав о котором, любой японский рабочий, задавленный капиталистическим гнетом, сразу же сделал бы себе харакири, забыв даже принять сакэ.

Дело было в том, что сварщики во время обеденного перерыва имели пагубную привычку тешить свои вкусовые сосочки в ротовой полости резиновым клеем, применяемым для уплотнения стыковочных узлов прецизных вакуумных трубопроводов, служащих для рефрижерирования и постепенной тепловой отдачи реакторных блоков народно-хозяйственного, а может быть, и тактико-стратегического значения, направленного на улучшение общей экологической ситуации и разрешение межнациональных и административно-территориальных конфликтов, развязанных продажными политиками вопреки здоровой воле всего прогрессивного человечества, ввергнутого силами реакции во все продолжающееся глобальное сокращение рождаемости, о коем еще в XIX веке писал выдающийся, далеко опередивший свое время Колумб эль Мокамбо — предок в третьем колене знаменитого Мануэля Родригеса Мокамбо, по вполне проверенным данным, никогда не употреблявшего резиновый клей.

Одним словом, после обеда трудоспособность сварочного цеха бывала несколько подорвана той мутной спиртообразной жидкостью, которая оставалась после взбалтывания и процеживания через марлю вышеупомянутого спецклея.

А другим словом, после обеда сварщики просто спали на ватниках в верстаках, и добудиться их не было никакой возможности, так как тонкий расчёт потребления (на один килограмм живого веса), сделанный умельцами, позволял продлять мертвый сварочный сон до самого конца рабочего дня.

Года три назад «ящик» получил госзаказ на партию вакуумных трубопроводов, служащих для рефрижерирования и постепенной тепловой отдачи и прочая, и прочая...

Заказ потом, как водится, отдали другому предприятию, но кошмарное количество клея, завезённое ретивыми военными снабженцами, так и осело на складе, ожидая своего «сварочного» часа.

Далее один сварщик, забредший в гости к своему другу-кладовщику, по достоинству оценил великолепные вкусооздоровительные качества клея и от души порекомендовал своим друзьям для приёма перорально.

Слесари, работающие на четвёртом, слесарном, этаже, были вынуждены ставить свой технологический процесс в зависимость от начала работы склада № 2, где, собственно, и хранился клей.

Склад открывался в двенадцать часов, и даже страшно подумать, что бы было, если б клей выдавался с самого утра. Все, что нужно было сварить, надо было делать только ДО обеда. Таким образом, между первым и четвертым этажами существовала как бы разница во времени — четыре часа, как между Москвой и Ташкентом.

Довольно быстро выяснилось, что потребление клея ведёт к прогрессирующей слепоте. Сварщик Ларионов, бывший во время службы в армии фельдшером и считающийся по этому поводу непререкаемым медицинским авторитетом в сварочных кругах, послал в Международную организацию здравоохранения образец клея и запрос на предмет полезности его для организма. Ответ пришёл однозначный: слепота в скором времени действительно накроет сварочный цех, как Оле Лукойе своим пестрым зонтиком — детские кровати. Сварщики собрали собрание (до обеда), результатом которого стала организация в цеху

дообеденного самодеятельного кружка слепого чтения по методу Брайля и изготовление на будущее легких и изящных тросточек для «слепохождения».

Также была проведена скрупулезная инвентаризация клея на складе и точный подсчёт его запасов. К всеобщей радости, выяснилось, что при умеренном расходе клея должно хватить примерно на те самые шестьдесят лет, о которых так тепло отзывался Леонид Ильич. Правда, ходили упорные слухи, что, наоборот, опираясь именно на «клеевые» цифры, референты Брежнева подготовили его знаменитый доклад о будущем.

А по большому счету для народа было совершенно не важно, где причина, а где следствие. Главное в таком деле — результаты. А результаты были отличные!

И уж само собой, организация кружка и изготовление тросточек тут же заставили прикусить языки некоторых безответственных сварочных жён, огульно обвинявших своих мужей в том, что они не заботятся о завтрашнем дне.

И вообще не надо думать, что сварщики во время обеда просто так брали и хлестали клей. Нет! Считая себя элитой рабочего класса и хорошо осознавая, что на ближайшие шестьдесят лет будущее за ними, они придали потреблению клея ритуальный характер, пышно обставив процесс спецатрибутикой и сопровождая его виртуозной игрой в домино.

В качестве доминошного стола использовалась трехметровая труба квадратного сечения, любовно сваренная в коммунистический субботник специально для игры (склад № 2 был закрыт).

Косточки домино, изготовленные из космической стали в другой субботник, вколачивались в поверхность стола с таким грохотом, что слесари на четвёртом этаже, поражённые в который раз акустическими

особенностями доминошного стола, дружно давились жениными бутербродами.

Проигравшая пара с кряхтением опускалась на колени и, зажимая уши, лезла в трубу, а радостные зрители изо всех сил колотили по ней обрезками космических кораблей и специально приготовленными кувалдами.

Сварщики играли великолепно, у них был огромный опыт — лишь только ощутив в руках пупырышки, сделанные на косточках в расчёте на будущую слепоту, они, моментально прикинув шансы, объявляли «козлов». «Козлы» покорно лезли в трубу, а за стол уже усаживалась новая пара.

Таким образом, проходимость трубы была такова, что за один обед сквозь «глушилку» пролезали все 26 сварщиков, а некоторые аж по два раза.

Каждым новоиспечённым «козлам» тут же подносили по стаканчику свежего и ароматного клея, а ко второй половине обеда трубу подвигали, приноравливая каждый раз к очередному верстаку таким образом, что проигравшие из трубы попадали прямо на своё спальное место, где и укладывались усталые, но довольные.

Представить себе слуховые ощущения человека, пролезающего враскоряку через трубу, по которой молотят железом два с лишним десятка идиотов, очень трудно, но было доподлинно известно, что многие сварщики всерьёз подумывали об организации кружка по изучению глухо-немецкого языка.

А в общем, сварочный цех был удивительно просторным и светлым, а что касается чистоты, то после обеда, когда сами сварщики, являющиеся тут основной и единственной грязью, уже уютно похрапывали в верстаках, цех можно было фотографировать для рекламных проспектов по научной организации труда.

Большие окна, опрятные рабочие места, аккуратно расставленные вдоль стен порожние бидоны из-под клея иногда привлекали делегации начальства с параллельных предприятий.

Хорошо изолируемые ватниками верстаки поглощали храп сварщиков, и возникала полная иллюзия безлюдности, вызвавшая как-то у одного из посетителей резонный вопрос: «А где же люди?»

Короткий ответ «на работе» его полностью удовлетворил.

— Как много, друг Горацио, на свете вещей, во что мы не врубаемся ваще! — думал образованный Бин, вспоминая историю с клеем.

В это время через его верстак, как на другой берег Синая, перевесился сливообразный нос.

Это был Мишка Гранович — может быть, единственный в мире еврей-слесарь. Он был сыном известного кинорежиссёра и популярной актрисы, вот уже два года аккуратно заваливал экзамены во ВГИК и так же, как и сам Бин, скрывался тут от армии. Тем не менее работали оба на совесть, но Мишкин конфликт с окружающей действительностью выражался в слишком КОРОТКОЙ причёске, и он, зная о кампании, развязанной администрацией против длинных волос, серьёзно подумывал, не пойти ли в местком оформить дополнительную компенсацию за короткие. Одним словом, Мишка в отличие от Бина деньги получал, и получал их с удовольствием.

Ребята быстро подружились и находили в общении друг с другом отдушину, через которую, правда, вылетала часть производительности труда, хотя и небольшая.

У них было много общего, в частности: возраст, автомобили одной и той же марки, на которых они никогда не приезжали на работу, а также любимая

группа «Битлз», о которой они знали всё, что только можно узнать, работая на военном заводе.

Сейчас Мишка как раз и явился для общения и обмена новостями.

— Слышал последнюю хохму? Мать после спектакля рассказала, — говорил он, жуя резинку. — Знаешь, кто такой невротик? Ха-ха-ха!

— Мужчина, не признающий оральный секс, — буркнул Бин.

— То-очно. Ты, наверное, знал, — разочарованно протянул Мишка и стал уговаривать пойти покурить, левой рукой размахивая «Примой», а правой показывая из-под халата красно-белый краешек «Мальборо».

И Мишка, и Бин со свойственной двадцатитрехлетним слесарям мудростью прикидывались на работе «вещмешками» и избегали травмировать пролетарское самосознание окружающих дорогой одеждой и чистыми шеями. Мишка даже наврал, что его отец — бедный часовой мастер, и слесари четвёртого и пятого разрядов жалели его, любовно называя «наш перековавшийся француз».

Мишка с Бином прошли подлинному коридору к курилке. Там в густых, осязаемых клубках почти чёрного дыма уже отдыхали человек двадцать ударников коммунистического труда. По громкому крику, каким обычно разговаривают глухие, опытный Мишка определил в тумане присутствие пары гостящих сварщиков, околачивающихся в ожидании открытия склада. Им не терпелось объединиться в единое целое с двумя-тремя комками чудо-клея.

Из особенно густого облака торчала худая голова электрика Гены, прозванного, естественно, Крокодилом. Он погружал голову в дым, делал несколько больших хлебков, и снова его ушастый череп торчал над средним уровнем задымлённости. Как всегда, Крокодил экономил на сигаретах.

Он вообще-то был пришлым и, работая на третьем — «электрическом» — этаже, приходил сюда проводить своего закадычного друга Фонарёва — Фонаря, с которым дружил вот уже двенадцать лет.

Всё своё рабочее время друзья тратили на розыгрыши друг друга, коим велся внимательный счёт, наподобие баскетбольного. Компетентное жюри, составленное из особо уважаемых людей, учитывало качество розыгрыша, его последствия, другие важные факторы и присуждало нужное количество баллов за артистизм, технику и т. д.

Долгое время по очкам лидировал Фонарь, но Крокодил предпринял смелую атаку и наврал ему, что в столовой торгуют вразвес сардельками, между прочим, любимым лакомством Фонаря.

Сопровождаемый улюлюканьем трудящихся, свесившихся из окон, несчастный Фонарь под проливным дождём поскакал через обширный двор занимать очередь, а важный Крокодил принимал поздравления зрителей.

Учитывая беспрецедентный по задумке и из ряда вон выходящий по юмору номер с сардельками, жюри единодушно присудило Крокодилу сразу двенадцать очков, чем вывело его вперед. Счет стал 236 на 232 в пользу электрика.

Фонарёв недолго ходил в аутсайдерах. Сбегав в малярный цех, он разжился там некоторым количеством чёрной несмываемой маркировочной краски и густо намазал ею трубку одного из этажных телефонов. Затем, разыскав Крокодила в курилке, наплёл бедняге, что только что звонила его жена и будет перезванивать через пять минут по такому-то телефону. Крокодил свою крокодилиху уважал и боялся, поэтому сейчас же встал на страже у аппарата в полутёмной комнате, где предусмотрительный Фонарь заменил яркую лампочку на тусклую.

Фонарёв позвонил из соседней комнаты, и взволнованный Крокодил сразу же схватил трубку.

— Але, ктой-та? Ничего не слышу!

— Бу-бу-бу, — сказал Фонарь. — Послушай лучше другим ухом.

Крокодил послушно измазал другое ухо и другую руку, внезапно «врубился в тюлю» и заорал:

— Ах ты чёртов Фонарь! Ты где?!

— В туалете, на манде! — последовал резонный ответ.

Слегка ошалевший земноводный, не оценив ситуации, ломанулся в туалет через курилку, на ходу разгоняя дым черными ушами.

В туалете занятой оказалась только одна кабинка, и Крокодил вцепился в ручку дверцы своей страшной чёрной рукой. Шпингалеты, ранее установленные на внутренних сторонах дверец, давно уже «отдыхали», осев на кухнях и в ваннах трудящихся, и то, что Крокодилу не удалось с налёту открыть дверь, говорило о том, что с той стороны её кто-то крепко держит.

Черноухий надёжно упёрся левой ногой в косяк, добавил к первой руке вторую, сильно напрягся и выдернул, как репку, на осклизлый кафельный пол начальника цеха Горелова.

Горелов, как говорится, пришёл на четыре точки, и со своими спущенными штанами являл собой роскошную иллюстрацию к классической коленно-локтевой позе, не раз воспетой в древнеиндийских трактатах о любви.

Вбежавшие вместе с Фонарём хозяева ближайшего будущего обступили невольного поклонника «Камасутры» и предались горячему спору о том, засчитывать Фонарёву номер с Гореловым или нет. Ведь совершенно ясно, что Фонарь не мог так точно всё рассчитать, и надо начислить ему очки только за чёрные уши и руки Крокодила. Другая половина

требовала приравнять происшедшее к случайному шару на бильярде, а такой шар в народе зовется «дураком». Но обычно бильярдисты перед игрой договариваются: считать «дураков» или нет, а вылет начальника цеха из кабинки не подходит под категорию запланированного «дурака», поэтому...

Горелов тупо стоял на карачках и никак не мог понять, какой он дурак: запланированный или просто так, по жизни, — когда возбуждённый нахальными претензиями Фонаря на лишние очки Крокодил протянул начальнику чёрную руку, предлагая подняться. Их рукопожатие так и просилось на плакат, направленный против расовой сегрегации.

В общем, жюри не зачло Фонарю «дурака Горелова», но всё-таки присудило шестнадцать баллов. Счет стал 248 на 236.

Всё это случилось около двух недель назад. Почивший на лаврах Фонарь решил не искушать судьбу и взял под видом бюллетеня тайм-аут, бесчестно бросив неотомщенного Крокодила переживать поражение. И напрасно тот чуть не каждый день звонил Фонарю домой, пытаясь подделывать начальственный или милицкий голос: Фонарь неизменно его разоблачал и безжалостно сыпал соль на чёрные уши.

Как Белый Клык, брошенный хозяином. Крокодил уныло слонялся по курилке и туалету в поисках Фонаря, и вот сегодня прошёл верный слух, что его кореша видели на этаже и он вот-вот должен появиться на своем рабочем месте, то есть в курилке или в туалете.

Уверенно ориентируясь в табачном тумане по отбитым плиткам, Мишка с Бином, задержав дыхание, вынырнули на светлый простор туалета. Здесь работяги курить почему-то не любили, и можно было спокойно насладиться американскими сигаретами, не боясь, что застукают.

Очень давно на месте современного туалета была какая-то лаборатория, впоследствии заброшенная, и рабочие с удовольствием ходили туда, так сказать, до ветра, предпочитая бывшую лабораторию маленькому, тесному туалетнику, расположенному вообще в другом крыле.

Но лет шесть назад Горелов, будучи еще простым бригадиром, угодил в составе рабочей делегации в Румынию, где с большой пользой провел две с половиной недели. Приехал он поздоровевший, румяный от обмена опытом и был переполнен самыми фантастическими идеями и проектами. Он так был раскален собственным энтузиазмом, что от него можно было прикуривать.

— У них ведь в Бухаресте как? — говорил Горелов, размахивая руками. — Около нового дома газон засеют, потом осенью посмотрят, где народ тропинки протоптал, и только в тех местах дорожки асфальтированные и прокладывают. Все для народа, Европа! Ну, ничего, мы у себя тоже так сделаем.

От Горелова веяло свежим ветром перемен, и только законченный дурак мог не назначить его тут же начальником цеха.

Дураков в тот момент, к сожалению, не нашлось, и Горелов был моментально назначен начальником вместо выпертого срочно на пенсию Клокова, который в Румынии никогда не был.

Первым, последним и поэтому самым любимым детищем нового начальника цеха стало обустройство туалета по румынскому принципу.

Не важно, что помещение бывшей лаборатории было слишком велико — государство никогда не жалело средств на нужды народа, а тем более на нужды в буквальном смысле этого слова. Да и тропинка была протоптана — и работа закипела.

За каких-то семь месяцев силами работников слесарного цеха и добровольцев с других этажей, выговоривших себе заранее возможность будущих посещений, был отремонтирован зал и возведены кабинки. Просторно раскинулся (особая гордость Горелова) красавец латунный жёлоб, сверкающий в лучах ярчайших галогеновых ламп, без которых на время задержался запуск орбитальной станции «Родина-243», что не принесло ощутимого вреда, поскольку и так в течение семи месяцев вся космическая программа была заморожена по вышеупомянутой причине.

Писсуарный желоб мягко охватывал три стены Дворца отправлений и имел сложнейший готический профиль, рассчитанный на электронно-вычислительной машине и позволяющий чувствовать себя вольготно мужчинам любого роста и телосложения. При непосредственном использовании желоб издавал нежнейший серебряный звук, ласкавший даже отсутствующий слух иногда забредавших сюда сварщиков. Правда, сами они способствовать появлению звука не могли, ибо все естественные жидкости их организма уже давно превратились в вязкую клееобразную массу, поэтому они делали вид, что наслаждаются звуком, и то издали.

А в общем и целом туалет напоминал вестибюль станции метро «Маяковская».

Бин с «французом» стояли посреди «вестибюля», когда туда скользящей походкой вошли Крокодил и почти сразу за ним Фонарь и Горелов.

Раньше Бин, увидев тут начальника, сильно удивлялся: ведь у того в кабинете было роскошное отхожее место с мощным, специально изготовленным шпингалетом, но, узнав историю румыно-туалетного проекта, понял, что преступника всегда тянет на место преступления.

Тем временем Крокодил, обменявшись с Фонарём безразличным приветствием (как будто не он, Крокодил, лил здесь две недели свои крокодиловы слёзы), подошел к желобу и расстегнул халат, как бы приглашая последовать его примеру.

Горелов, ни в чьем приглашении не нуждаясь — начальник все-таки, — пристроился к желобу, поднял глаза к потолку, и раздался характерный колокольчиковый звук:

— Дзи-и-и-и-н-н-нь!

— И-и-и-и-ю-ю-ю-у-у-у, — а это пищал, выпучив глаза, уже сам Горелов.

— О-о-е-э-э-ё-о-о-о, — почти пел, дергаясь рядом с ним, Фонарёв.

— А-о-а-а! Едрёна мать, едрёна мать! — вопил, приплясывая в восторге, электрик Крокодил.

Он не зря околачивался в туалете почти две недели, не зря, проявив чудеса фантазии и смекалки, подключил к желобу 12 вольт самого постоянного в мире тока и не зря в тоскливые дни без Фонаря монтировал и маскировал выключатель, чтобы всё это устройство врубить.

Приятный вокальный дуэт Горелов — Фонарёв тешил обострённый двухнедельным ожиданием слух Крокодила ещё секунд десять — двенадцать и наконец умолк на раскатистом «до» второй октавы.

Крокодил удовлетворенно улыбнулся, потому что основным достижением его технической мысли было гениальное предположение о том, что экзекуцию невозможно будет прервать самовольно. Процесс мог закончиться только естественным путём: вместе с последней каплей лишней жидкости.

Жюри только руками разводило. Как известно, снаряд в одну воронку два раза не падает. И если Горелов два раза подряд встрял в розыгрыш (не важно, на чьей стороне), то «дураком» его считать могли

только особенно бесчестные и беспринципные люди. Поэтому единодушное присуждение Крокодилу двадцати очков было встречено коллективом с энтузиазмом и одобрением.

Надо сказать, что и Горелов повел себя как настоящий мужчина. Вместо того чтобы расколотить Крокодилу или хотя бы тому же Фонарю всю морду, он за двадцать минут виртуозно отремонтировал неработающий уже три года автомат для газированной воды, далее с помощью этих же двух орлов установил его перед самой курилкой и насильно подносил всем и каждому по два-три стакана, и из туалета беспрерывно несло:

— А-а-а-а-о-о-е-е-е-ё-ё-ё-ббббббббть!

Счёт стал 256 на 248. Крокодил мощным рывком вырвался вперёд. Но не в этом была суть, потому что даже сварщики знают: главное — не победа, а участие.

«Битлз», джинсы и будущее России

То, что вы сейчас собираетесь читать, от той части книги, которую только что закончили, отделяет ровно десять лет. День в день. Много всего за это время

произошло и грустного, и забавного. В общем, как у всех.

Судьба книжки «Всё очень непросто», вышедшей прямо к двадцатипятилетию «Машины времени» в 1994 году, получилась и впрямь очень непростой. А точнее, и судьбы-то никакой не было. Как потенциального литератора и просто весёлого человека меня знали только мои друзья и знакомые — широкому кругу читателей моя фамилия ничего не говорила (но сейчас, конечно, всё изменится). Книжка провалялась на прилавках какое-то время, пока её не списали на склад, где тираж пылился ещё несколько лет. Потом владелец склада проиграл его в карты человеку, которому нужен был не склад, а помещение под офисы. Тираж перевезли в какой-то сарай, который в 1997 году благополучно сгорел вместе со всем содержимым.

Но ещё Булгаков заметил, что рукописи не горят, — я разыскал одно место, где по недосмотру осталось триста экземпляров, один из которых в уже другом оформлении вы только что прочитали, перевёз книжки домой и составил из них библиотеку. Не каждый писатель может похвастаться тем, что библиотека у него состоит исключительно из собственных произведений.

С тех пор мне случилось побыть главным редактором многотиражного журнала, муниципальным советником районного собрания, редактором на четвёртом канале телевидения и прокрутиться годика три, давая объявления в газете «Из рук в руки» — «Интеллектуальная помощь по всем вопросам».

После книжки «Всё очень непросто», которая была написана в пару книге Андрея Макаревича «Всё очень просто», я сделал вывод, что описывать ситуации, где кроме тебя самого присутствуют люди известные и самолюбивые, следует очень осторожно. Не раз потом ко мне подходили некоторые персонажи и указывали на

всякие неточности типа: а вот в восемьдесят шестом я не в зелёном пиджаке за столом сидел, а в синем. Я извинялся — память ведь не капкан — и обещал в следующем издании дать развёрнутые опровержения.

Были и хорошие отзывы. Один мой приятель рассказал, что как-то ночью проснулся часа в четыре от странных звуков на кухне. Когда он в трусах и ужасе туда прибежал, то застал за столом свою семидесятичетырёхлетнюю маму, которая в очках и халате, тоненько хихикая, читала главу «Обознатушки-перепятушки».

Даже небольшой успех развращает, и в 95-м я сел за следующую книгу, которую, чтобы никто за локти не держал, решил полностью выдумать. Так родился роман «Будни волшебника» — очень, на мой взгляд, интересная тема: живёт в современной Москве молодой человек, по сути являющийся волшебником. Типа «Гарри Поттера», только для взрослых. Готовый роман очень быстро приняло к печати одно крупное издательство — в уме я уже начал считать себя известным и состоятельным литератором, но грянул чёрный 98-й, издательство рухнуло, а рукопись пополнила мою домашнюю библиотеку моих же произведений (299 тех книжек + «Будни»), Правда, ещё не вечер! Ну, посмотрим.

А то, что вы сейчас начнёте читать, есть продукт удивительных фортелей непредсказуемой судьбы, которая опять по непонятной доброте душевной предоставила мне, неблагодарному, шанс. На этот раз на ниве кинематографии. А разработка этой нивы сопровождалась такими любопытными событиями и встречами, что не отразить это дело на бумаге было бы преступлением против человечества.

И ещё одно. Просматривая в начале работы первые страницы этой книги, я обратил внимание, что автоматически продолжал почти везде писать букву

«ё», хотя в современной печати она давно уже не встречается. Я привык доверять своим рукам, поэтому ничего менять не буду. Кто-то ведь её придумал, эту букву. А то читаешь «еж»! А он вовсе даже «ёж»! Как-то неприятно.

Автор

Во всём виноваты «Битлз»

22 мая 2003 года около 16 часов личный самолёт Пола Маккартни приземлился в питерском аэропорту Пулково. С молодой женой Хизер сэр Пол разместился в комфортабельном президентском номере 152 гостиницы «Европа», а в 18 часов в Государственной консерватории Санкт-Петербурга состоялось торжественное вручение гостю почётного диплома профессора музыки. Диплом Полу Маккартни вручила полномочный представитель президента в Петербурге Валентина Матвиенко. На следующий день сэр Пол участвовал в торжественном открытии Детского благотворительного фонда, а вечером в сопровождении директора Эрмитажа М.Б. Пиотровского осматривал сокровища Зимнего дворца, после чего вылетел в Москву.

Что знаменитый музыкант делал с 20 часов до полуночи 22 мая, не знает никто. Многочисленные журналисты и хозяева города потеряли сэра Пола на целых четыре часа. Всё это время миссис Маккартни спокойно провела в номере. Есть основания полагать, что она знает больше, чем говорит.

Скорее всего посвящены в эту тайну были только сами супруги...

*Интернет-сайт, освещавший
пребывание Пола Маккартни в
России.*

24 мая 2003 года

На самом деле в эту «жуткую» тайну был посвящен и личный телохранитель Пола Маккартни темнокожий здоровяк Чарлз Бэйфилд. И ещё одна очень пожилая ленинградка Ольга Станиславовна Белецкая, чудом удержавшаяся в смутные времена в громадной старинной квартире на Васильевском острове. И ещё один бывший питерец (а ныне москвич) — писатель-неписатель, которому здорово повезло.

Всё началось, как у какого-нибудь Пушкина, — на балу. В декабре 2001 года в московском заведении «Форте» группа товарищей устроила приватную вечеринку под условным названием «Бал пятидесятилетних».

Играли хорошие музыканты, водка лилась рекой, молодые люди среднего возраста трясли седоватыми причёсками и вспоминали танцы и моду семидесятых.

Я подошёл к столику, где сидели двое моих старых знакомых — ныне очень известные и влиятельные люди. В неофициальной полутьме, в обществе своих ровесников — пусть не достигших таких впечатляющих успехов, — Банкир и Композитор расслабились по крайней мере по возрастному признаку. Одеты были просто и удобно, как уже давно не одевались. Оба с жёнами: Банкир со своей, а Композитор тоже со своей, но бывшей. Нет, ничего такого — она приехала на несколько дней из-за границы, и экс, которому его нынешняя супруга позволила показать бывшей жене вечернюю Москву, привёл её сюда.

Мы обменялись комплиментами типа «ты что, законсервировался?!» и обсудили нагулянную с годами

полноту веселящихся знакомых, отметив неизменную молодёжную стройность дам за нашим столом. Потом пошло-поехало: «А помнишь то, а помнишь это? А джинсы-шмынсы! А диски-миски?!»

— Короче, Макс, надо снимать документальный телесериал о семидесятых, давай пиши, а мы поможем, — сказал Банкир, блестя глазами, — а то скоро будет не для кого!

И я бросился писать. В смысле домой, за компьютер.

В общем и целом сценарий был написан за семь-восемь месяцев. Начались бесконечные хождения и звонения. Я показывал и рассказывал о проекте всем знакомым и незнакомым, которые по возрасту могли быть современниками и участниками тех событий. Даже тем, от кого будущее фильма уж никак не могло зависеть. И удивительное дело: как, оказывается, могут растрогать народ воспоминания о джинсовости и волосатости, о фарцовке и бизнесе (тогда говорили: «спекуляция»), о герлах, френдах, хипповости и, конечно же, о битловости.

И Володя Матецкий, и Андрей Макаревич, и Коля Расторгуев, и множество других людей, ставших кто финансистами, кто правительственными чиновниками, а кто просто счастливыми или не очень жителями, с удовольствием пополнили своими воспоминаниями создававшиеся хроники тех удивительных лет.

По поводу телевизионных потенций удалось даже поговорить с самим Константином Львовичем Эрнстом. Результат был более чем положительный. Появились надежды, что кино, может быть, покажут по Первому каналу. Только вдруг загвоздка обозначилась. Стандартная — деньги. То есть все были согласны дать средства: и банки, и телевидение, — только никак не могли определиться, кто первый.

В сценарии выдвигалась смелая, но подтверждённая (как мне кажется) рядом веских доказательств гипотеза о том, что в конце шестидесятых — начале семидесятых существование английской группы «Битлз» серьёзно повлияло на развитие культуры, а значит, и на всю жизнь в Советском Союзе. С гипотезой целиком или частично были согласны почти все возможные спонсоры, но денег на всякий случай пока не давали.

Тогда у творческой группы (ко мне к тому времени примкнули ещё два симпатичных киношных человека) возникла идея реанимировать как-то уже озвученное предложение наградить Битлов каким-нибудь российским орденом. За вклад в отечественную культуру.

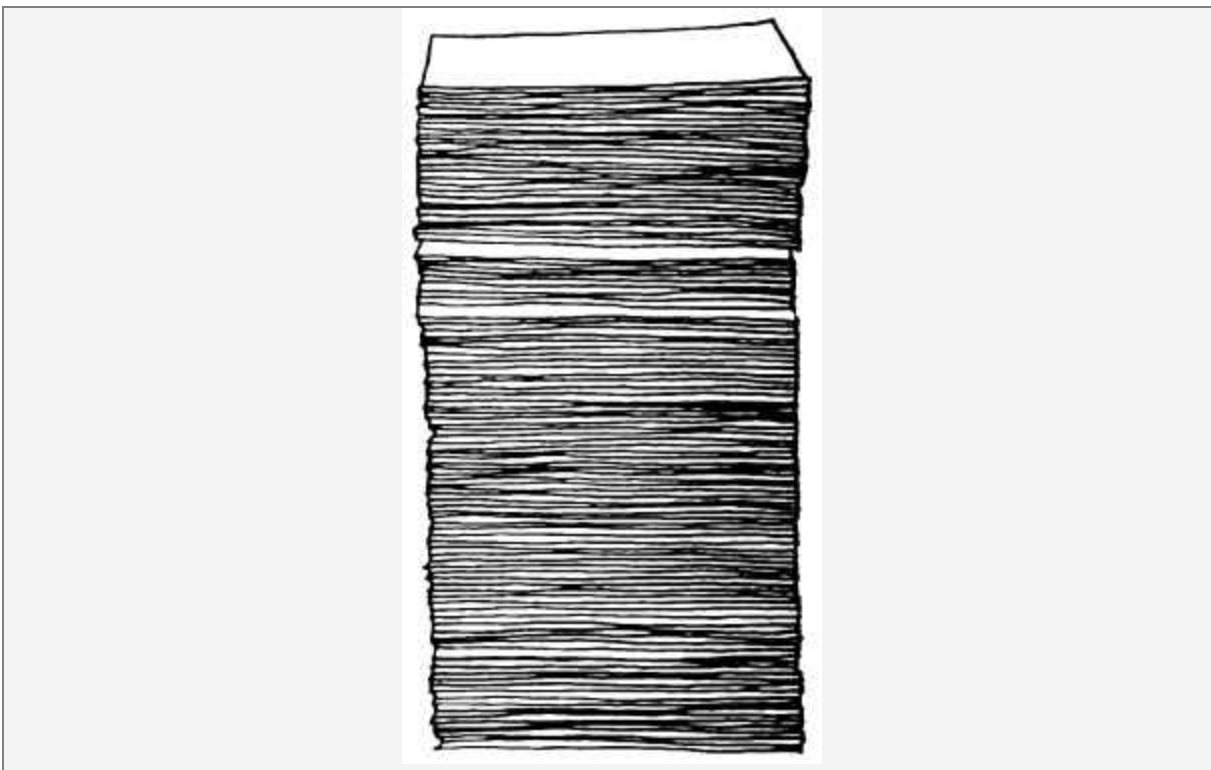
В предвыборный период для власти это могло бы стать достаточно сильным политическим ходом, и проект автоматически бы въехал в производство, как на лыжах. Но история с награждением как-то быстро заглохла, затерявшись в бюрократических коридорах, освежив, впрочем, интерес к единственному масштабно концертирующему ныне Битлу — Полу Маккартни. Результатом чего (процентов на пять) и стал состоявшийся 24 мая 2003 года на Красной площади шикарный концерт, которого тысячи людей ждали почти сорок лет.

Месяца за два до приезда сэра Пола я начал носиться с сумасшедшей идеей перевести сценарий на английский и как-нибудь подсунуть Маккартни, чтобы он прознал, как у нас его любили и любят и как мы вообще жили в те времена. Что произойдёт по еле этого, я представлял себе плохо. То ли на Красной площади Пол объявит принародно, что я хороший человек, то ли выдернет потом как репку в Англию, — не знаю. Но продвижению проекта это как-то должно было способствовать. Короче, темпераментный

гундосый человек Лёня шикарно перевёл весь текст, а я распечатал его дома на принтере на роскошной жёлтой бумаге. Вопрос был в том, как передать идолу.

Где-то 20 мая Банк вдруг предложил сделать маленький видеофильм о пребывании Маккартни в России. По слухам, перед Москвой Пол должен был на пару дней заехать в Петербург, готовящийся к своему трёхсотлетию, и двадцать первого поздно вечером мы с моим молодым партнёром, сценарием сериала и разумной суммой денег выехали в Питер на встречу с событием, которое сильно изменило мою жизнь.

Как я читал сценарий (первая серия)

— Пятидесятилетними огромными усилиями нашей чудесной партии и правительства в Советском Союзе идея бога была почти полностью вытеснена из сознания масс трудовым энтузиазмом и верой в светлое будущее. Закрылись церкви, под знаменем атеизма многонациональный советский народ освободился от религиозных пут и направил все свои усилия на строительство нового общества. К концу пятидесятих годов под словом «духовность» могла подразумеваться лишь верность принципам марксизма-ленинизма. Вряд ли кто мог себе представить, что в это же время в портовом Ливерпуле в лице четырёх ещё не знакомых друг с другом мальчиков вызревала новая, доселе не

известная религия для всех. Религия, способная объединить христиан и иудеев, мусульман и буддистов. Светлая любовь, не насаждаемая извне, ничего взамен не требующая, а потому радостно принятая миллионами людей, чьи души и сердца, опустошённые пропагандой, были широко открыты для этого.

Тут я поймал себя на мысли, что от волнения крою прямо какими-то высокопарными штампами — помесью «Правды» с листовками адвентистов седьмого дня. Взглянул на гостей — надо же, сидят и слушают внимательно, как своего продюсера лет сорок назад. Потом дошло до меня — Ольга Станиславовна! Она синхронно выкладывала по-английски мои русские слова, бесстрастно придавая им красивую литературную форму. У меня при себе был и печатный английский вариант, который я намеревался дать Маккартни с собой, но очное выступление (с моей выразительной мимикой) есть очное выступление.

С Ольгой, закадычной подругой моей бабушки, я созвонился сегодня часа в три. Напугался сначала долгих длинных гудков (даме-то, по моим подсчётам, сейчас должно быть далеко за восемьдесят), уже хотел трубку класть, но наконец услышал энергичное старопитерское «У аппарата!», С облегчением поздоровался, передал привет от мамы, сказал, что приехал по душу одного англичанина. Не был уверен, что Ольга знает Битлов.

— Маккартни, что ли?! — насмешничала дама. — Так он будет у Юры жить.

Юрий Сергеевич — это младший сын Белецкой. Ему за полтинник, и он почти что олигарх. Теневой совладелец двух гостиниц в центре Питера.

Расчёт был на авантюрный склад характера Пола, и против всех ожиданий расчёт этот оправдался. Для встречи Ольга предложила свою квартиру, в которой я в

последний раз был лет тридцать назад. Она помнилась мне просто огромной. Такой, как оказалось, и осталась.

Хозяйка, когда мы договаривались, задала только один вопрос: «С чем печь пирожки?»

— С вегетарианством, — ответил я.

И сейчас, слушая её безукоризненное произношение и изысканные формулировки, я против воли ловил умопомрачительный полузабытый запах из-под вышитой салфетки, накрывавшей старинное блюдо в центре стола. И от аромата этого совсем успокоился и продолжил уже без особых красот.

— В чём была загадка «Битлз»? — Я солидно встал и начал расхаживать по ковру. — Чем до сих пор ваша музыка так цепляет? Не знаю, как объяснить, но вы в корне изменили жизнь целого поколения или даже пары поколений, пустив реку нашей истории по совершенно другому руслу. Сейчас это хорошо видно из нового века, в котором мы уже все живём, но давайте я вам расскажу поподробнее, вернёмся лет на тридцать с лишним назад.

Я опять прервался, но на этот раз взглянул сразу на Ольгу. Она поощрила меня кивком головы: мол, давай, давай, — всё равно это вроде как торжественная часть — вступление.

Я поехал дальше и прямо почти видел то, о чём говорил.

— К тому времени на Западе битломания уже несколько лет бушевала в полный рост. Как ураган, пронеслись ваши гастроли по Америке. Визжали на концертах девушки Европы и Азии, но наша страна внешне, как всегда, оставалась таким неприступным бастионом традиционной музыкальной культуры и оплотом насажденной сверху лубочной эстетики.

В идеологическом смысле времена тогда определялись как довольно тяжёлые, но свежий

ветерок перемен уже давно витал в умах и в кухонных разговорах продвинутой части общества.

Короче говоря, почва была благодатная, и ливерпульские семена, попавшие в неё волей случая, быстро пустили корни и дали всходы, заметно прогнувшие уже давно начавший ржаветь железный занавес. На фоне постоянных запретов и почти полного отсутствия информации создавалась уникальная ситуация, при которой у нас в СССР образовалась многомиллионная армия поклонников «Beatles», ни разу не видевших своих кумиров ни живьём, ни на экране в действии. И, судя по железобетонной крепости устоев советского строя, шансов, когда-либо побывать на концерте и увидеть вашу команду живьём, у отечественных поклонников не было никаких.

Эта удивительная безответная любовь на расстоянии, переросшая у людей в желание перестать выглядеть как положено, перестать быть такими, как все, взволновала власть, заставила её бороться с новой напастью всеми возможными средствами. Тягаться с основным источником зла — извините, с самими вами — было невозможно, а вот потрепать собственных граждан, поставить их на место казалось легче лёгкого. Да и опыт в этом плане имелся вполне приличный.

А вообще по-человечески, реакция Совка (я опять напугался, что Ольга переведёт в буквальном смысле как совок для мусора — «scoop», — но она ограничилась «reaction of our government») напоминала самую настоящую ревность. Как это так? — обхаживали-обхаживали народ, как невесту, — то карточки отменяют, то светлое будущее посулят, а невеста эта, продолжая равнодушно лузгать семечки, вдруг изменила и стала оказывать знаки внимания совершенно заезжему молодцу. И не какому-то там родному славянскому чеху или на самый худой конец югославу, а вовсе чужеродному туманному альбионцу, после которого по

вредности могли идти только поклонники жёлтого дьявола — американцы. Причём альбионец этот о возникшем чувстве не знал и пышными формами невесты совершенно не интересовался. На Руси такие вопросы всегда решали с помощью кольев или дубины, а для этого конкретного случая из огромного арсенала дубин была выбрана самая подходящая — сатирическая. Не можешь добраться с колом до соперника — надо обсмеять его на всю деревню.

В очередной раз наша страна начала доказывать себе и всему миру, что идёт она особым путём, и умом её не объять.

Пол сходил на кухню и вернулся с каким-то особенным соком, который привёз с собой. Потом взял пирожок с морковью и прикусил, а его телохранитель достал сигару, но не закурил, а продолжал держать в руках, время от времени нюхая. При виде такой замечательной картины я забился от страсти, как холодильник «Юрюзань», имея в виду невозможность их сфотографировать, но уговор дороже денег (моих по крайней мере). И продолжил.

— В течение трёх-четырёх лет в прессе и по телевидению ваше название категорически не упоминалось. Будто бы такого ансамбля и не существует. Вас попросту обмолчали. Потом стали появляться редкие публикации, но исключительно в сатирическом ключе. В них «Битлз» называли «колорадскими жуками» или ещё более остроумно — навозными. Карикатуристы изображали вас на помойке, а куплетисты предлагали морить дустом: «В Новогодней их программе весь экран забит жуками, вот бы им подсыпать дуста, чтобы выправить искусство!». Активно эксплуатировались сочетания типа: «Битлз» — быдлз.

Я не расслышал, как старушка перевела последнюю, на мой взгляд, непереводимую фразу, но гости

переглянулись и весело рассмеялись. Похоже было, что Ольга вышла на настоящий рабочий режим. Переводчики старой закалки веников не вяжут.

— Потом по стране стали раскатывать артисты, под музыку этих самых «Быдлос» с едкой сатирой демонстрирующие, до какой степени эстетического падения можно порой дойти, не имея под собой твёрдой идеологической почвы. Но чаще всего такие выступления давали обратный эффект.

В мае 1970 года неудавшаяся цирковая гимнастка Оля Твердянкина, выступавшая тогда в некоем дамском дуэте, по оплошности забеременела от нижнего акробата и уехала рожать к матери в родной Ростов-на-Дону.

Эта романтическая история нанесла непоправимый вред и привела к полному развалу большой концертной программы, в составе которой Ольга с партнёршей с неизменным успехом бомбила Дворцы спорта больших и средних городов Советского Союза.

Вы знаете, господа, у меня тут есть интервью с Сергеем Валентиновичем Макаровым, министром медицинской промышленности, тогда просто студентом. Он в Саранске в те времена посещал именно такой концерт.

И я зачитал:

«Где-то в середине первого отделения между одноколёсными велосипедистами и актуальными куплетами разбитной конферансье, кривясь от отвращения, объявлял: «А вот сейчас к нам приехали «Битлы», а вернее — «Патлы». На сцену выскакивали две женщины в лохматых париках и клёшах. Они размахивали фанерными гитарами и пародировали манеры западных артистов.

Но при этом из динамиков неслась хотя и некачественная, но достаточно громкая фонограмма песни «Beatles» «Хад дэйз найт». Мы с друзьями были

уже не на одной такой программе, по этому специально садились далеко, где-то в пятидесятом ряду, чтобы, прищурив глаза, представить себя на настоящем концерте «Beatles». С такой громкостью и в большом зале их музыку тогда больше нигде нельзя было послушать».

Короче, ходил народ на двух с половиной часовое представление исключительно ради номера «Патлы».

— А что, эти дамы были действительно на них похожи? — спросил ради вежливости Чарлз.

— Ну, бутлег, понимаешь? — перебил его нетерпеливо Пол, — таких потом много было!

— Так что же они, прямо под вашу песню?!

— Да это же Россия, причём тогда. Всё равно приятно. Я-то вообще в то время считал, что СССР на другом полушарии находится.

Я понял почти всё, что они говорили, но не стал объяснять тонкости про эффект присутствия якобы на настоящем их концерте, а начал просто вслух вспоминать об их бешеной популярности, несмотря на дефицит информации.

— В молодёжных массах не знать о «Битлз» считалось очень позорным. Когда кто-то в компании, слушая на тогдашнем триумфе отечественного магнитофоностроения «Айдасе» некую музыку, например малоизвестный израильский дуэт «Сёстры Бери», и желая проверить своего приятеля, спрашивал: «Кто это?» — ответ «Beatles» удовлетворял всех. Важно было, что человек просто знал о существовании вашей группы.

В течение какого-то времени в большинстве своём никто у нас даже толком не представлял, как вы выглядите. Позже с затёртых вырезок из иностранных журналов умельцы стали ретушировать и увеличивать ваши портреты. Самодельно многократно переснятые, они вешались на стенки квартир, школьники украшали

изображениями «ливерпульской четвёрки» дневники и учебники, а юные счастливицы, имевшие свою комнату, в красном её углу оборудовали настоящие иконостасы с фотками и пластилиновыми фигурками музыкантов. Народ посolidнее украшал собственную кожу замысловатыми татуировками, варьирующими название группы, или простой аббревиатурой ДПДР — «Джон, Пол, Джордж, Ринго», вызывавшей у правоохранительных органов нездоровые ассоциации с подпольными запрещёнными партиями, а значит, и с опасностью для существующего строя. «Дэпэдээрников» активно хомутали.

Тут Ольга как-то слегка заплуталась с переводом, и я не поленился в качестве иллюстрации изобразить ДПДР у себя на руке синей шариковой ручкой. Оба гостя долго смотрели на мою руку, но, по-моему, не очень поняли, почему из-за безобидной татуировки полиция задерживала модную молодёжь.

— По столице ходили слухи, что какой-то студент МГУ привёз с заграничной практики узкоплёночную бобину с фильмом, где «Beatles» играют аж четыре главные роли. Студент вроде бы установил у себя дома проектор и за пару литров портвейна устраивал просмотры. Милиция очень расспрашивала длинноволосых, а городские продвинутые девушки на всякий случай стали оказывать повышенное внимание всем студентам МГУ. Через несколько лет по советским кинотеатрам прокатил документальный фильм «Спорт, спорт!» или «Спорт, спорт, спорт!» — в общем, о спорте, где секунд шесть-семь показывали вашу команду. В какой связи, сейчас уже никто не помнит, но ходил народ на этот документальный шедевр раз по десять-пятнадцать исключительно из-за вас, причём с каждым разом эпизодик становился всё короче и короче — видимо, киномеханик вырезал кадрики, делал из них фотографии и продавал. А уж когда пошёл мультитик

«Yellow submarine», то люди начинали верить своему счастью, только уже сидя в зале и видя первые кадры. А до последнего момента всё думали, что обман, что ничего не будет, что просто совпадение названия. Но всё это было значительно позже.

А вообще, играя замечательную музыку, вы наделяли поклонников не только виртуальным счастьем. В течение десяти лет всем молодым людям до тридцати мода на «Битлз» приносила вполне ощутимую материальную пользу: народ имел возможность экономить на пиджаках! Достаточно было взять старый папин лапсердак, отрезать у него воротник, отгладить лацканы, пришить ещё одну пуговицу и... получалась вполне сносная битловка. Ну, как у вас на пластинке «Meet the Beatles». А если ещё у мамы или бабушки модника хватало времени и мастерства, чтобы оторочить воротник бархатом или сатином, то человек становился центром компании на период от нескольких часов до нескольких лет. Но это было уже наше родное ноу-хау. Менты, кстати, называли такие пиджачки быдловками, с высоты своего интеллекта имея в виду, что носить их может только быдло. А брюки... кстати, когда у вас начали носить расклёшенные брюки?

— Ну, начинали-то мы, конечно, не в клёшах, — Пол покровительственно взглянул на Чарли и продолжал с мечтательным выражением, — а в узких таких коротковатых брючках, открывавших остроносые сапожки на скошенных каблучках.

— Ой, знаю, у нас их ещё называли «битловскими». А на Западе, кажется, такую форму обуви и тогда, и сейчас именуют «козак». Ведь и аттракцион с рельсовыми спусками у нас зовётся «американскими горками», а в Штатах — «русскими».

— Так вот, брюки-клёш мы, как и весь мир, надели где-то в середине шестидесятых.

— Надо же! А у нас первые ваши изображения в широких штанах появились только с пластинками «Клуб одиноких сердец Сержанта Пеппера» и «Эби роуд». Наши все сразу оделись в клёши, или, как говорили с пафосом — «клеша». Но что для русских умельцев какие-то каноны! Гражданами тут же были распороты старые (да и новые!) брюки, туда вставлены бархатные (ситцевые, атласные и т. д.) клинья, образовывавшие так называемые байтовые складки. Для укрепления носкости получившиеся брюки отделявались на концах молниями или согнутыми копеечками, а для освещения тёмных танцплощадок в «байтовые» складки помещались цветные лампочки. Плоские батарейки КБС держали в карманах. Там же находились и выключатели. Компактных автоматических размыкателей китайцы ещё не изобрели, и руки танцующих, засунутые в карманы, были постоянно заняты включением-выключением «иллюминации». Драк на танцах стало значительно меньше.

Вот про вас говорят, что это вы придумали длинные причёски. Говорят, ваш первый продюсер Брайан Эпштейн разработал такой запоминающийся и шокирующий поначалу имидж.

— Астрид Кир... Киршнер ту девицу-фотографа звали. Это в Гамбурге было, она дружила с нашим другом и придумала причёсывать нам волосы от макушки вперёд. Но они вовсе не были такими уж длинными.

— Вот-вот, а у нас в СССР ваши в общем-то пристойные по нынешним меркам чёлки с гневом называли патлами. В этих причёсках начальству виделась чуждая идеология, некий протест, и власть начала бороться с ними всеми возможными и невозможными средствами.

Кажущаяся сейчас даже нам чудовищной система отлова на улицах длинноволосых юнцов с последующей

насильственной стрижкой в милиции — в семидесятые годы в Союзе была обычной практикой.

И, как всегда в России случалось, на местах палку многократно перегибали. По улицам районных центров специальные люди гонялись с ножницами для металла за длинными галстуками и остроносыми ботинками, превращая их в тупоносые босоножки. Румяные комсомольские оперотрядовцы с удовольствием раздирали по швам широкие штаны всем встречным и поперечным за исключением действующих матросов.

Пока Ольга объясняла английским мужчинам, что такое комсомол и почему надо было его бояться, я вспомнил о своей заводской юности.

— На многих предприятиях руководство не выплачивало молодым рабочим зарплату, если длина их волос превышала 4–5 сантиметров. Прямо от кассы заворачивали и отсылали в парикмахерскую. Находились, правда, ребята, отказывавшиеся стричься в порядке протеста. Их деньги бухгалтерия откладывала на депонент, как это делалось с тяжелобольными, месяцами бюллетенящими трудящимися.

Поступить в институт, имея «битловскую» причёску, было нереально, разве что в ПТУ. Нельзя также было быть длинноволосым комсомольцем, если у тебя причёска не «вверх», а «вниз». Везло, знаете ли, только молодым людям с курчавыми жёсткими волосами — нестрижение в течение шести месяцев делало их похожими на международную страдалицу Анжелу Дэвис, что не поощрялось, но уж по крайней мере и не запрещалось, как пресловутые «волосы вниз». Помните, кстати, Анжелу? Нет? Ну ладно, проехали. Находились также битлоподобные орлы, отбивавшиеся от комсомольских собраний липовыми справками: мол, снимаются на «Мосфильме» в исторической эпопее. Им все завидовали. В общем, волосы не отращивали только ленивые. Даже лишённые воображения и

незамысловатые солдаты, готовясь к «неминуемому, как крах международного империализма, дембелю», мечтательно говорили друг другу: «Вот приеду домой, в оброст пойду!».

Ни милиция с ножницами, ни комсомол, ни партийная политика не могли убить в человеке тягу к прекрасному.

Сначала послушать вашу музыку можно было только по приёмнику. Причём даже не на коротких волнах, на которых активно работали разные клеветущие «голоса», а на длинных и средних. Вас много крутили чехи, поляки и наши братья-болгары. Позже тонкими струйками такая музыка стала просачиваться в дырочки, образованные тогдашними скандальными радиопередачами типа «Запишите на ваши магнитофоны». Ночной бархатный голос Виктора Татарского до сих пор с замиранием сердца вспоминают наши меломаны семидесятых.

С появлением во всесоюзной продаже коротковолновых «Спидол» и «Туристов», где-то на двадцати пяти метрах любой мог поймать склеенную в кольцо вашу песню «Любовь за деньги не купишь» — я имею в виду «Мани кэнт бай ми лав». Говорили, что это радиомаяк не то для самолётов, не то ещё для чего. В магазине при покупке приёмника спрашивали: «Маяк берёт?» — и это имелась в виду вовсе не широко известная московская радиостанция.

Во дворах и подъездах русскоязычный вариант «маяка» звучал так: «В ливерпульском ресторане шум и тарарах, там четыре мальчика с гитарами в руках. Кэнт бай ми лов — любят нас, Битлов».

Ещё одной прорехой, в которую раз или два в год всякие растлевающие мелодии устремлялись к нам в Союз, было «Интервидение», а конкретно какие-нибудь масштабные соревнования по фигурному катанию. Народ задолго до трансляции подготавливал

магнитофоны и писал подряд музыкальное сопровождение всех иностранных фигуристов. Причём большинство телевизоров не имело специального выхода для записи. Умельцы телики вскрывали и с риском для жизни подсоединяли проводки, идущие на вход магнитофона. Так вот, в музсопровождении к танцам на льду легко могла попасться ваша свежая песня или тех же «Rolling Stones» — цензурировать не решались даже самые оголтелые сторонники телевизионной нравственной чистоты. Лишь несколько раз, когда какая-нибудь Габи Зайферт или Патрик Пера во время показательных выступлений отрывались в совсем уже искромётном рок-н-ролле, передачу просто прерывали — «Просим извинить за технические помехи за пределами Советского Союза!».

Кстати, очень показательна в этом смысле история первого и единственного на протяжении многих лет появления на наших голубых экранах настоящей бит-группы — английского трио «Кристи». Среди медовых песенок Сопотского фестиваля где-то между монстрами социалистической эстрады Карелом Готтом и Лили Ивановой на сцену вдруг выскочила троица длинноволосых пареньков и грянула нечто совсем уже фестивалю неподобающее. Это была в общем-то совершенно невинная песнюшка «Yellow river» («Желтая река»), впоследствии прославившаяся у нас как «Толстый Карлсон».

Элеонора Беляева — симпатичная ведущая единственной в своём роде на телевидении программы «Музыкальный киоск», комментировавшая в Сопоте прямую трансляцию, в ужасе от происходящего попыталась громким текстом забить звук лихих «Кристи». Поставленная в безвыходное положение, она бормотала о неаккуратном внешнем виде исполнителей, нескромных движениях, нечёсанных волосах, накладывая этот комментарий прямо на

несчастную «Жёлтую реку», лишь бы телезрители не слышали самих музыкантов. Получился локальный телевизионный скандал, только добавивший будущей популярности незамысловатой «Жёлтой реке».

А телезрителям, находящимся в культурном шоке оттого, что им дали всё-таки хоть что-то подсмотреть, и в голову не пришло звонить или писать злобные письма. Все понимали: спасибо и на этом.

Вот так на советском телеэкране впервые появилась живая группа, а вас, вас я лично в первый раз увидел с унитазами кругами на шее — спасибо им. Кругам в смысле. А то б вообще не показали.

— Я тоже тогда смотрела, — скромно добавила Ольга, — но я понимаю. Надо было эпатировать, да?

Гости кивнули, а Чарлик сказал: «А я никого из ваших даже с кругами никогда не видел!».

— Ты и по-русски не знаешь ни слова!

— А ты сам-то знаешь?!

— А вот и знаю, — из шестидесятилетнего солидного дяди Пола как будто высунулся семнадцатилетний паренёк, — *priviet, spasibo, na zdorovie*. Мы с Джоном даже намеревались один куплет написать по-русски.

Очень мне хотелось им сказать: «Не надо ссориться, горячие английские головы!» Но я интеллигентно продолжил, следуя этой новой теме:

— А у нас, в смысле языкознания, повальное увлечение «Beatles» неожиданно породило интерес к английскому языку как к таковому. Все ходили со словарями, старались переводить любимые песни и, пародируя Маяковского, говорили так: «Я английский бы выучил только за то, что им разговаривал Леннон!».

Самодеятельные музыканты, с некачественных плёнок разучивавшие ваши песни на слух, через некоторое время с изумлением начинали понимать, что

они уже могут почти свободно объясняться на этом доселе не знакомом им языке.

Проникло ваше творчество и в разговорный язык. И, если до поры до времени бойких, не чуравшихся продвинутого отдыха девиц именовали подругами или чувихами, то после выхода известной песни «Гёрл» все они в одночасье стали называться герлами.

«Давай побитлуем!» — говорили в компаниях, и это означало приятное времяпрепровождение герлов с френдами при разумном употреблении некрепких алкогольных напитков. Под музыку сами понимаете чью. Под ваши песни заводились знакомства, начинались дети, и нет, наверное, ни одного человека среднего возраста, которому та или иная ваша композиция не напоминает какую-нибудь романтическую историю. С вашей группой ассоциировались только положительные эмоции: «Заебитлз!» — говорили про что-то очень хорошее, и это была высшая оценка.

Ольга покосилась на меня по поводу «заебитлз», — и я махнул рукой, соглашаясь, что это непере译имая игра слов. Но Пол, уловив заминку, переспросил: «What did you mean, «They are Beatles»?»

Я сначала показал большой палец, а потом, соединив его с указательным, воспроизвёл всем понятный знак «о кей». Пол удовлетворённо кивнул.

— В какой-то момент у нас появилась ваша пластинка «Клуб одиноких сердец Сержанта Пеппера», или просто «Сержант», как её называли посвящённые. Пластинка была оформлена в невиданном доселе у нас хипповом стиле, так же как и вышедший позже мультфильм «Жёлтая подводная лодка». Помните? Там на развороте диска вы надели красивые разноцветные мундиры, ещё более отрастили волосы и все четверо украсились вислыми украинскими усами. Мы потом узнали, что вы упали с велосипеда (Пол поправил: «С

мопеда!») ...повредили губу и, чтобы замаскировать шрамчик, отрастили усы. Глядя на вас, обзавёлся усами и Джон. А затем и остальные. Но это узналось потом. А тогда, после выхода «Сержанта», советский народ от любви мгновенно также оброс усищами, с которыми заинтересованные организации тотчас повели непримиримую борьбу. В проходных заводов висели плакаты типа: «Отрастил усы — поменяй фотографию на пропуске!» — трудящиеся не утруждались перефотографированием, а по-ретушёрски научились подрисовывать усы на фотографиях простым карандашом. После сбривания настоящих нарисованные стирались ластиком.

— А какими слухами оброс тот ваш знаменитый единственный концерт в Москве?! Ну, когда ваша группа летела не то в Японию, не то, наоборот, из Индии домой. Якобы по неведомым причинам самолёт посадили в Шереметьево, и в Театре эстрады в обстановке строжайшей секретности вы дали концерт для всей нашей партийной верхушки во главе с самим Политбюро. Вроде бы здравомыслящие люди, которые, по идее, могут найтись в любой — даже коммунистической — партии, убедили Брежнева посмотреть группу.

И суток трое молодежь дежурила у всех входо-выходов запертого театра, где в те дни действительно не было объявлено официальных мероприятий, что только подкрепляло предположения фанатов. Все мечтали уж если не послушать, то по крайней мере хоть одним глазком взглянуть на выходящих из служебного входа легендарных «Битлз». Правда, вскоре осаду пришлось снять. Безликие люди в штатском, проявив небывалый демократизм, вежливо объяснили, что вас уже давно увезли через подземный ход «дома на набережной» — ну, того правительственного дома, где этот театр. В народе говорили также что Леониду

Ильичу и другим функционерам концерт понравился, и кто-то очень крутой — кажется, Подгорный — вроде бы сказал: «Вот видите! И ничего страшного!».

У всех появилась почва для радужных надежд на культурное обновление.

До сих пор у нас можно найти людей, которые если уж сами тогда в зале не присутствовали, то имеют близких друзей, побывавших, лицезревших, аплодировавших. А есть и такие, кто лично был и даже брал автографы. Недаром же вы песню потом выпустили «Back in the USSR»! Значит, было дело, лёд тронулся и должно было бы потом всё стать очень хорошо, но опять некие сволочи подгадили. Так для кого вы тогда всё-таки играли, для партийцев или для целинников?

Последние несколько фраз я проговорил на подъёме и довольно быстро. Да ещё и руками махал, как вратарь в гандболе: разволновался, вспомнил, как сам к Театру эстрады ходил, но на концерт, конечно, не попал. Ольга за мной явно не поспевала и тормознулась где-то на Подгорном, объясняя, кто это и что это. Я ждал ответа, а у сэра Пола глаза заблестели, он склонил голову набок и говорит этак проникновенно: «Эх, как жаль, что я до сих пор так и не побывал в вашей замечательной стране!».

(Что такое?! Значит, не было никакого концерта?! А чего же я к Театру эстрады ходил?!)

— А уж как нам всем жаль! Вы ведь. Пол, из группы у нас всегда были самым популярным...

— После Ричарда Старки, — вроде как пошутил Чарли, видимо знающий нечто мне недоступное.

— Это само собой, но про него таких слухов не было, — я заторопился, — а про Пола... Сразу после проникновения к нам «Сержанта» всех советских битломанов постигла кошмарная сердечная утрата: якобы после автокатастрофы или после тяжёлой

скоротечной наркотической болезни скончался самый весёлый и симпатичный «жучок» — Пол Маккартни.

Продажные западные средства массовой информации молчали, да и сами музыканты, по-видимому, «по рукам и ногам связанные античеловеческими контрактами», также вынуждены были скрывать от мировой общественности смерть своего бас-гитариста — соавтора музыки и слов почти всех их известных песен. Но обмануть они могли кого угодно — только не нас, советских людей!

Ведь каждый школьник у нас знал, что рука, простёртая над головой несчастного Пола на фотографии с пластинки «Сержант», по шотландскому обычаю означала смерть. А нашивка на рукаве «OPD»? Разве это не аббревиатура надписи «Officially Pronounced Dead» («Официально признан мёртвым»). И сколько бы официальная пресса ни утверждала, что это нашивка Онтарийского полицейского департамента, поднаторевший на официальном вранье народ не верил ни в какую. Печальный факт подтверждала и ваша босоноготь на пластинке «Эби Роуд». А номер на «Фольксвагене» с этой же пластинки — «28-IF»? (IF ведь по-английски — «если»). Разве не означало это, что, если бы Пол не погиб, ему тогда как раз бы было 28?! И наконец, если правильно потереть одно из ваших изображений на той же пластинке вазелином, то вполне мог обнаружиться предмет, также не особенно совместимый с жизнью, — череп. Вазелин тогда исчез из аптек, и страшно подумать — какое количество редких пластинок было тогда подпорчено.

На англичанах лица не было. Оба переглянулись, а поражённая Ольга осенила себя крестным знамением.

— Почему вазелином-то? — тихо спросила она у меня.

— А согласно технологий и взглядов того времени!!! (Что ещё я мог ей сказать?!)

— Тогда мало кто знал, что вы левша. Поэтому предъявлявшаяся заинтересованными лицами нечёткая фотка с какого-то концерта также неоспоримо свидетельствовала об ужасной правде: мол, где-то в типографии Пола специально вывернули справа налево, давая, значит, всем понять. А чтобы не потерять имидж дружной четвёрки, ансамбль якобы нашёл двойника — какого-то продавца рыбы или фруктов из Лондона. Наши грамотные любители, посмеиваясь, объясняли простакам: мол, лажа, посмотрите на эту форму носа, а уши-то! уши! — в общем, не-по-хож!

Ну а уж коли находились совсем дубоголовые скептики, не доверявшие даже таким убойным фактам, то они могли легко развеять все свои сомнения, прослушав задом наперёд «Revolution number 9», где некий мужской голос (скорее всего ваш) чётко провозглашает: «Ай эм дэд!», то есть «Я умер». Кстати, вы же знаете, что по-американски «дэд» означает ещё и «отец», каковым вы, Пол, впоследствии делались не раз и не два. Уже двое из четверых покинули этот мир, а вы, сэр Пол Маккартни, наоборот, недавно женились на модели и отпраздновали своё шестидесятилетие, дай Бог вам здоровья! Вот уж воистину: похороненный молвой — дважды живёт! А похороненный советской молвой, наверное, аж трижды.

Я взял тайм-аут на глоток минералки. А Ольга с гостями переговаривались с такой скоростью, что я вычленил только два слова: произнесённое с порицанием «superstition» (суеверие) и обозначенное с одобрением «alive» (живой).

— Знаете, очень нас всех удручало, что вот есть такая группа «The Beatles», гастролирует по всему миру, объявляет себя более популярной, чем Иисус Христос, а ни про наши родные берёзки, ни про красавицу Москву-столицу, ни про другие успехи на поприщах не поёт. И знать нас вроде бы даже не очень-то и хочет.

Нет, была, конечно, песня «Революшн», которую при желании с известным натягом можно было трактовать как призыв к Великой Октябрьской социалистической революции во всём мире. Была также и уже упоминавшаяся песня «Назад в СССР». Про неё сначала говорили, что вот, мол, побывали Битлы у нас тайно, да так прикололись, что только и мечтают вернуться, чтоб осесть. Когда стали доступны точные слова, текст «Back in the USSR» был со словарём буквально разложен нашими битломанами на запчасти. Ничем там таким и не пахло. И от этого всем какое-то время было очень грустно.

Но всё же раз вы нашу национальную гордость потешили, не забыли! В песенке «Жёлтая подводная лодка», если прислушаться, можно чётко расслышать фразу на нашем «великом и могучем» — «Русские, на пересадку!». Куда собирались «Beatles» нас пересадить, да и собирались ли, — непонятно, зато хорошо известно, что ни марокканцев, ни исландцев, ни бушменов вы в своих песнях не упоминали вообще, так что мы радовались и этому!

— ?!

— Ну, конечно, я иронизирую, но в этой песне действительно есть кусочек, похожий на русскую фразу. Желаящий услышать — да услышит!

Широко обсуждалась у нас национальная принадлежность группы. Живя в нерушимом союзе республик свободных, представить себе, что только одна маленькая страна могла породить таких гениев, было невозможно. Все знали, что вы — шотландец; Харрисон — англичанин; у Леннона (особенно после женитьбы на Йоко Оно) — азиатские корни, а Ринго, — прости господи, — чуть ли не еврей. С годок бытовала версия, что привычная впоследствии подпись под песнями — «Леннон — Маккартни» обозначает одного человека — самородного музыкально

неграмотного одинокого пастуха Леннона Маккартни, которого Битлы раскопали в шотландских горах, аранжировали и исполняют к всеобщему удовольствию. Наших очень грела тема, что вы как творческий коллектив не отрываетесь от исторических корней и альбионской фольклорности.

Продвинутая молодёжь говорила: пол-Маккартни и пол-Леннона составляют одно целое — «Битлз».

А в самых средних школах Союза все были уверены в том, что «Битлз» — это четыре брата, рано оставшиеся без отца и матери.

Спорили только о том, как в условиях капиталистического гнёта сироты смогли пробиться на музыкальный Олимп.

Позже мы все ревновали Джона к разлучнице Йоко Оно. Звучало так: пол у Маккартни — мужской, а у Леннона — онский.

Ольга Станиславовна после короткой заминки последнюю фразу опустила. Опять непереводаемость!

— Очень всех наших интересовало, как Битлы живут в быту.

Сначала-то в прессе об этом совсем мало писали. Неизвестно было, как у вас дела обстоят на семейном фронте. Что вы едите, что пьёте. Немного нам глаза приоткрыл фильм «Help!». Там вы все вместе единой коммуной в одном доме проживаете, только двери разные. Нам такое общежитское житьё по сердцу. Вон какие богатые да известные, а живут скромно, как мы. Ничто человеческое им не чуждо: и пьют, и курят, и вообще... С наркотиками, правда, неясность присутствовала, но только до песни «Lucy in the Sky with Diamonds». И ежу было понятно, что Люси, Скай, Даймондз образуют аббревиатуру ЛСД.

Все знали, что ЛСД — это вообще-то сильный галлюциногенный наркотик, — в СССР вас полюбили еще больше.

Любовь и всеобъемлющая вера в гениальность «Битлз» заставляли любителей каждый удачный проект приписывать только вам. Когда до советской страны дошли слухи о состоявшемся в Вудстоке фестивале, наши, привычные к тому, что если уж есть фестиваль, то на нём обязательно должны распределяться места, долго считали, что команда Леннона (увидев дёрнувшуюся щёку Пола, я тут же добавил: «Маккартни»)… стала лауреатом самой первой премии.

Выстрелившая, как первомайский салют, опера «Jesus Christ Superstar» какое-то время давала почву для ожесточённых споров — кто из Битлов поёт арию Иуды, а кто Марию Магдалину.

Первые серьёзные произведения Роллингов также долго считались удачными экзерсисами «Битлз», как известно активно экспериментировавшими с новыми ритмами и текстами.

Что же касается настоящих ваших родных песен, то об официальном исполнении их на эстраде и речи быть не могло. В те времена вообще играть на концертах можно было только опусы советских композиторов. Если какой «запад» и проскакивал, то исключительно под соусом пародий или «песен протеста». И приходилось доходчиво объяснять чиновникам от культуры про ужасную жизнь леди Мадонны, отягощённой большим количеством детей и еле-еле сводящей концы с концами. «Вы «про тесто» что поёте?» — спрашивали официальные эстрадные музыканты друг у друга. — «Да про налоговый гнёт, про тяжёлое бремя!» И все понимали, что в виду имеется «Тэксмэн» — ваша песенка о сборщике налогов. Кстати, лет десять народ думал, что песня эта про шофёра такси.

Заезжие польские и югославские ансамбли порой позволяли себе подкинуть советскому зрителю какую-нибудь битловскую или роллинговскую свежую клубничку — тогда в программке просто писали

искажённый перевод названия без указания авторства, например: «Вчерашние хлопоты» или «Ночь после тяжёлого рабочего дня», а увесистая песня Роллингов «Сатисфэкшн» в исполнении польского ВИА «Сине-чёрные» в Театре эстрады однажды была стыдливо проименована «Быстрый танец».

Иногда хорошие музыканты, будучи не в силах бороться с чиновниками от культуры и выдумывать песни про это самое «тесто», аранжировали отечественные произведения, виртуозно вставляя туда битловские цитаты. Так сделали, например, на своём большом концерте питерские «Поющие гитары». Красивую советскую песню «Летите, голуби, летите!» они закончили цитатой из начала вашей известной композиции «Something». Тот концерт транслировали по Центральному телевидению, и битломаны по всей стране несколько дней обсуждали это удивительное событие.

Официально на всесоюзный простор Битлы вырвались сначала одной песенкой на сборной пластинке, а потом гибким голубым квадратиком — приложением к журналу «Кругозор». Это была песня «Гёрл» — английская народная, как там было написано.

А по советскому радио впервые нам дали послушать «Битлз» только 3 января 1971 года. Уже после того, как группа перестала существовать. Это была смелая для своего времени радиопередача «Запишите на ваши магнитофоны». А песня — «Let it be». На радио пришли несколько сотен тысяч благодарственных писем. Народ подумал, что, если уж «Битлз» стали крутить по радио, значит, в стране действительно что-то кардинально изменилось. Но рано обрадовались!

Конечно, ваше существование, новые песни и разные проблемы волновали не всех в Союзе. Всего лишь четыре-пять процентов советских людей, но вы ведь слышали про теорию единого информационного

поля? Так вот, одновременное излучение положительных флюидов каких-то десяти-двенадцати миллионов из двухсоттридцатимиллионного населения страны, вне всякого сомнения, оказало сильное влияние на рождение ваших ста девяноста двух песен, официально вышедших на больших пластинках. Плюс ещё около сотни — записанных, но не обнародованных.

Жаль, что вы сами тогда об этом не знали. Но ещё не вечер! Теперь знаете!

Двое мужчин и седая дама глядели на меня, разинув рты. Потом, не сговариваясь, посмотрели на часы: Чарлз на левую руку. Пол на правую, а Ольга Станиславовна на напольные «Roi de Paris» в углу. Было без двадцати трёх двенадцать ночи.

Все засобирались. Ольга с кухни принесла в коробочке ещё штук десять пирожков. Сверкнув своими выразительными глазами, их забрал Чарлз. Пол кивнул на оставшуюся стопку жёлтых страниц на столе, о которой я, честно говоря, забыл: «А это про что?!»

— Про нашу последующую интересную жизнь.

— Thanks a lot, they are Beatles (заебитлз)! We must go to my regret. Can I get it? — И, не дожидаясь ответа, подхватил пачку, на ходу пробуя на вкус незнакомые буквы заглавия, продублированные потом по-английски, прочитал название следующей серии:

Джинсы (вторая серия)

За всю многовековую историю человечества ни в одной стране мира ни один предмет одежды не был таким вожаденным и труднодоступным, как грубые американские рабочие штаны в семидесятые годы в Советском Союзе.

Когда 20 мая 1874 года американский коммерсант с семитскими корнями Леви Страусс выпустил в продажу первую партию синих проклёпанных ковбойско-старательских брюк из плотной ткани «деним», ему и в голову не могло прийти, что в будущем здоровое желание советских людей приобщиться к хипповому заджинсованному стилю приведёт к развитию новых рыночных отношений. А потом и к формированию современной экономики в далёкой от Штатов заснеженной России.

Было бы преувеличением утверждать, что именно «Битлз» познакомили нашу молодежь с джинсовой модой. Но так уж исторически сложилось, что пацифистские идеи, идеи хиппи, проповедуемые «ливерпульской четвёркой», отождествлялись у нас с определённым имиджем, основу которого составляли джинсы.

Джинсы в семидесятые годы стали символом, опознавательным знаком, неким паролем, по которому можно было легко узнать своих. «Левые» люди джинсов не носят!» — так констатировали ситуацию на «Психодроме» (в садике перед старым зданием МГУ на Манежной), на «Маяке» (площади Маяковского) и в метрошном переходе станции «Проспект Маркса», то есть в «трубе».

Впервые тоненькие джинсовые ручейки стали собираться в ощутимый поток при помощи наших

польских братьев. Поляки всегда славились своей предприимчивостью, вот и потянулись из Польши по железной дороге с проводниками или со специальными гонцами, которых лет через двадцать назовут челноками, тючки и упаковочки с поддельными и «родными» джинсовыми красотами. На границе вопросы решались легко: пара блоков сигарет, бутылка виски — и джинсам присваивалась категория рабочей одежды, так необходимой на всесоюзных ударных стройках. Но «недолго музыка играла»: очень скоро ежесуточный приход польского экспресса «Полонез» превратился в персональный профессиональный праздник правоохранительных органов. Бывали случаи, когда милиция снимала на вокзале более тысячи штук штанов с одного поезда. Гонцов даже не задерживали — просто всё отбирали.

В свободной продаже конфискованные джинсы в то время ни разу не появились. Сбирать отобранное в кучи и сжигать наподобие наркотиков компетентные органы ещё не додумались, и что милиция делала с польским конфискатом — уму непостижимо!

До сих пор точно не установлено, по какой причине скорый поезд Варшава — Москва особенно замедлял свой ход как раз в этом месте — за 2–3 километра до Белорусского вокзала. Может быть, на это порой влияли некие незначительные денежные суммы, стимулирующие машинистов, но скорее всего состав просто планово снижал скорость в черте города на подходе к вокзалу. Факт остаётся фактом: до конкретного перрона Белорусского вокзала джинсы доезжать перестали. Всё выбрасывалось из вагонных окон в районе платформы «Беговая».

Наряду с ещё новой тогда профессией «гонец» появилась не менее уникальная — «ловец».

Тюки со штанами ещё в Варшаве стали паковать в соответствии с так называемым беговым стандартом:

ширина до метра, длина значения не имела, а вот толщина не должна была превышать 24 см — иначе тюки не проходили в вагонную форточку.

В тюк обычно укладывали 10-15 пар штанов среднего размера, оборачивали толстой коричневой почтовой бумагой и очень плотно завязывали. К каждому тюку приделывался прицеп — отдельная пачка с одной парой джинсов ходового размера. Это был сувенир для куратора из МВД. Почти каждый ловец имел куратора, который являлся к приходу скорого Варшава — Москва как на работу.

Ловцы располагались вдоль железнодорожного полотна, каждый знал нужный ему вагон и сам имел опознавательный знак, если лично не был знаком с гонцом. Зимой, когда рано темнело, иногда происходили инциденты — ловцы ловили не своё. Но очень скоро три мощных прожектора, не горевших чуть ли не с войны, осветили тёмный участок «джинсового перегона».

Железнодорожное начальство терялось в догадках.

Чтобы не возить далеко и не таскаться по Москве с товаром, предприниматели начали снимать квартиры и комнаты для хранения вещей в непосредственной близости от места сброса. Туда же позже стали подтягиваться и перекупщики. Так образовался «всесоюзный джинсовый магазин» — Беговая.

Но в таком, можно сказать, промышленном масштабе джинсовые поступления наладились уже позже. Сначала Россию одевала фарцовка. Как ни странно, но общий язык с интуристами в этом смысле первыми нашли не представители сильной половины советского человечества, а продвинутые городские девчонки, мечтавшие приодеться и быстро выучившие одну и ту же фразу на разных наречиях.

Иле то коштуе? Кванте косто? Комбьен са? Ви дас костен? Хау мач? Наконец — сколько стоит? —

спрашивали у пшеков (поляков), алюр (итальянцев), френчей (французов), бундесов (немцев), бритаишей (англичан), турмолаев (финнов) и стейтсов (редко попадавшихся американцев).

Чаще всего вопрос носил формальный характер — денег у девчонок не было, да и, коли нашлись бы, фирмачам совершенно не на что было бы их потратить. Заграничные шмотки менялись на разную русскую экзотику — чаще на безобидную икру, матрёшек, пуховые платки, ушанки, хохлому; реже — на более криминальный русский антиквариат или на иконы, прочно вошедшие в моду на Западе. Предлагать в качестве продукта обмена свои молодые крепкие тела девчонки ещё не решались: дело это в те годы было трудоёмкое, связанное с проходом в интуристовские гостиницы, тогда как поменять баночку икры на двадцать шёлковых платков можно было и на улице.

К середине 1970-х годов в Москве функционировало несколько основных мест, около которых можно было приобрести нафарцованные или привезённые джинсы и другие товары заграничного потребления: комиссионный (или, как говорили, комок) у Планетария, комок на Комсомольском проспекте, на самой Беговой, а также какое-то количество так называемых точек вроде Уголка — пятачка перед музыкальным магазином на Неглинной.

Уголок этот начинался как единственное в Москве место, где можно было купить приличные музыкальные инструменты и аппаратуру. Позже предлагаемый ассортимент расширился до того, что там стало возможным купить ВСЁ. С утра до вечера перед магазином клубилась небольшая толпа продавцов и покупателей. Рядом находился удобный тёплый подъезд, где принесённый на продажу товар можно было рассмотреть и опробовать. Контингент продавцов на Уголке отличался завидным постоянством, чужаков

не очень-то пускали, все знали друг друга в лицо. Знали в лицо и постоянных кураторов от милиции. И те, и другие нагуливали благосостояние от своей взаимности, мирно сосуществовали и старились вместе на Уголке на протяжении лет двадцати. Иногда, правда, какой-нибудь зарвавшийся продавец выпадал из процесса годика на полтора, но неизменно возвращался на точку, поумневший и с восстановленным чувством почтения к кураторам.

Канули в Лету времена дефицита, и надобность в точках отпала, но люди с памятью, проходя иногда мимо Уголка, могут наблюдать пару-тройку постаревших спекулянтов, забредающих на старое место работы постоять и обменяться новостями.

Говорили так: «Уголок напоит, Уголок накормит!»

Ещё одна знаменитая точка — женский общественный туалет на углу той же Неглинной и Кузнецкого моста, где в основном продавались вещи сугубо нафарцованные, ещё с утра украшавшие тела заезжих иностранцев.

Одна из шестнадцати кабинок — четвёртая от входа — на протяжении лет двенадцати ни разу не была использована по своему прямому назначению. Около неё постоянно толпилась очередь из желающих примерить на себя какую-нибудь из предлагаемых ушлыми девицами-фарцовщицами шмоток.

Девушки обычно подъезжали к крупным интуристовским гостиницам часам к восьми утра, когда туристы после завтрака выходили к «Икарусам», чтобы податься по достопримечательностям, присматривали ходовые фасоны и размеры и «снимали» вещи с фирмачей в час дня, когда тех привозили обедать. Говорили так: «Чтобы продать джинсы с рук, их надо снять с ног!». Успеть с ворохом одежды домой — постирать, подлатать, прогладить, перешить лэйблы и вернуться в туалет к самому торговому времени —

часам к шести — было невозможно. Но успевали. Это точно.

Туалет этот в семидесятых так и называли — Туалет (с большой буквы). Девчонки договаривались между собой или с ребятами: «завтра в три в Туалете или около», — и никто ни разу не разминулся.

Примерить вещь в кабинке, кстати, удобно оснащённой зеркалом и вешалкой, можно было, вручив пятьдесят копеек бабе Гале, проработавшей там безвылазно уборщицей лет пятнадцать. А за рубль баба Галя пускала девчонок в кладовку, где они могли комфортабельно пересидеть облаву. Учитывая высокую проходимость клиенток и умение бабы Гали ладить с правоохранительными органами, её благосостоянию мог бы позавидовать любой завскладом или цеховик-теневи́к того времени.

В каком-то семьдесят первом году отечественные производители спохватились или указание такое вышло от начальства — надо бы противопоставить безыдейным заграничным штанам что-нибудь родное, близкое советскому человеку. Так родились брюки-техасы. Чёрного цвета и под названием «Ну, погоди!», правда, воспроизведённые не из знаменитой джинсовой ткани «деним», а чёрт знает из чего. Успеха не имели.

К чести нашей сказать, первые американские чёрные джинсы в больших количествах (да и то изготовленные по новой тогда японской технологии «stonewash») появились на прилавках Америки только в середине восьмидесятых.

Неожиданно на станки и вооружение, отсылаемое Советским Союзом в далёкую и загадочную Индию, последняя откликнулась не только обычными орехами кешью, но и огромной партией весьма похожих на джинсы штанов «Miltons», естественно тут же окрещённых у нас «Мильтонами». «Мильтоны» были не

так плохи, но заменить в сознании поколений какие-нибудь «Левис» или «Ранглер» никак не могли.

Сильные мира того, правда, попытались отвлечь внимание самой передовой части советской молодёжи — студентов от западных штучек устойчивым слухом о планируемой в самое ближайшее время раздаче студенческой целинной формы (якобы очень похожей на джинсовую). Форма оказалась любимого защитного цвета и с предметом нашего разговора ничего общего не имела. Чуда не произошло.

Конечно, вместе с джинсами в страну проникли и другие модные предметы одежды (клоуза) и аксессуары: рубашки «батн-даун» и «снапдап», майки «тишорт», шузы типа «плейбой» или «инспектор с разговорами», брюки «трузера» с косыми «хулиганскими» карманами, ремни — белты. Цвета назывались также с английским уклоном: рэдовый, блэковый, вайтовый, а нечто полосатое — страйповым. В большом ходу тогда же были недорогие броские бусы, которые носили и ребята, и девушки, а также значки величиной с десертную тарелку с антивоенными или забавными надписями типа «I am an alcoholic — in a case of emergency, buy me a beer!» (Я алкоголик — в крайнем случае, купите мне пива!).

Кстати, рубашку «батн-даун» (воротничок на пуговках) не надо путать с батником. У последнего воротник был намного длиннее и образовывал так называемые сопли, которые в свою очередь делились на острые и круглые. На груди и на спине присутствовала кокетка, а штуки четыре вытачки по бокам придавали фигуре бешеную приталенность. В Штатах батники носили театральные ковбои, к нам в оригинальном виде они практически не попадали и воспроизводились самопально на бабушкиных «зингерах», пока постепенно не стали чисто дамской прерогативой.

Кстати, о пуговках: пуговицы на иностранной одежде почти всегда были с четырьмя дырочками, а наши — с двумя. Особенные модники и модницы ездили со всех концов Москвы в Сокольники в мастерскую к «пуговичнику» Селиванову. Этот Селиванов не делал пуговицы, нет. Просто он соорудил некое приспособление, позволяющее аккуратно зажимать пуговицы любого размера в тиски и через опять же сконструированные им шаблоны досверливать на отечественной пуговице недостающие два отверстия. Что моментально превращало её в закордонную. Далее, какую бы кривую дрянь вы ни сшили, четырёхдырочные пуговицы просто-таки кричали о заграничном происхождении вещи. По тем же самым причинам фирменные пуговицы и лэйблы никогда не выбрасывались. Их аккуратно спарывали с превратившейся в ветошь иностранной рубашки и перешивали на отечественную, мгновенно повышая её стоимость раз в пять.

В солнечное время, да и ночами молодёжь носила тёмные очки. Достать этот аксессуар было ОЧЕНЬ трудно. Признавались ведь только две модели: круглые очки типа «Джон Леннон» и каплевидные более солидного разлива — «Макнамара».

Короче говоря, существовало множество тонкостей в прикиде, по которым «системного психодромного» гая — парня (не пугать с геєм) или герлу отличали от лоховидной урлы.

Любопытно было понаблюдать и послушать, как в каком-нибудь подъезде двое центровых понимающих людей лениво обсуждали продающиеся джинсы.

Продавец говорил: «Лукни, какой катон уматной, стоячий! А зипер — родной зиповый! За сотку — просто даром!»

Покупатель: «А чего строчка на шлёнках кривая? Я тебе таких самопалов за тэнок пять штук настрокаю!»

Продавец: «Да какой самоострок, у стейтса вчера брал! Вон, каскад лэйболов!»

Покупатель: «Чувачок! Лэйбола не греют!»

И расходились довольные друг другом.

Власти с фарцовкой боролись довольно вяло. Экономического вреда она не приносила, но в идеологическом смысле постоянно доказывала, что нафарцованные товары заграничного потребления намного лучше и качественнее не только наших отечественных, но и редкого официального импорта, поступавшего, как правило, из стран народной демократии. Хотя об этом и так все знали, и никакие «знаки качества» и лозунги типа «Советское — значит отличное!» потребителя переубедить не могли.

В народе говорили так: «Загнивает сильно Запад, но какой приятный запах!»

Кроме всего прочего, с точки зрения закона обмен матрёшек, например, на джинсы ничего криминального не содержал. Конечно, придумана была какая-то мутная, ничего общего со статьёй не имевшая тема — «Приставание к иностранцам». По идее, за это могли упечь на 15 суток. И упекали. Но очень редко. Когда наверху кто-то спохватывался, то проводилась блицкампания по отлавливанию — как они сами себя называли — фарц-мажоров. В результате таких мероприятий в милицию обычно доставлялись несколько пьяниц. Настоящих, случайно задержанных фарцовщиков теряли где-то по дороге к отделению, после чего сами оперативники и их жёны щеголяли перед знакомыми в самых шикарных западных шмотках. «А чего?! Муж с работы принёс! Так все делают!»

Столь нынче популярный в политическом смысле Петербург, будучи тогда ещё Ленинградом, сильно обскакал по фарцовой теме и Москву, и многие другие

города. Сказывалось преимущество географического положения: у питерцев под боком были финны.

О финнах особо: называли их у нас турмолаями (в переводе с финского — лесорубы). Если и существует в мире какая-нибудь нация, способная хотя бы приблизиться к русским по здоровому хлебанию водки, то это те самые лесорубы. А в тогдашние годы у них был вообще сухой закон, ещё покруче, чем позже у нас в горбачёвские времена. Ленинградские власти не могли спокойно смотреть на мучения в общем-то довольно безобидных финнов, вот и открыли границы области. Но в одностороннем, конечно, порядке.

В выходные город заполняли сотни автобусов с мучимыми понятно!! жаждой лесорубами. Причем ввозить на обратном пути алкоголь в Лесорубию им родные таможенники не позволяли, приходилось отпиваться на месте и про запас. Короче, если в воскресенье вечером вам было совершенно нечего делать, вы могли подойти к какой-нибудь интуристовской гостинице поприсутствовать при обратной погрузке турмолаев в автобусы. Было, ох было на что посмотреть!

Оборотистые ленинградские ребята останавливали автобусы с финнами прямо на шоссе между Выборгом и Питером. Устраивали на обочине летучий пикничок минут на тридцать с водкой и шашлыками и потрошили иностранцев но самое покорнейше благодарю. Те охотно меняли привезённый товар (плащи-болоньи, мохеровые свитера и кримпленовые брюки) на традиционную жидкую валюту. Принимались турмолаями и деревянные — ведь на них тоже можно было купить водку.

Так что, пока московская фарца ещё ходила в коротких штанишках и выпрашивала у заграничных дяденек жвачку в обмен на значок с Лениным, питерцы уже полностью владели вопросом и бомбили лесорубов

по-взрослому. С дальним прицелом закладывая фундамент нынешней популярности бывшей колыбели революции.

Безусловно, в семидесятых существовал ещё один источник отоварки, к которому при сильном желании мог припасть советский человек. Но желание должно было быть достаточно сильным, потому что речь идёт опять-таки о махинациях.

Валюта на территории Союза, конечно, не ходила. Даже за её хранение можно было надолго загреметь куда положено. Тем счастливым, кому удавалось поработать за границей, государство обменивало их валюту на специальные чеки (сертификаты). А отоварить эти чеки было возможно опять-таки только в специальных магазинах с фирменным названием «Берёзка» — народ говорил: «Берёза». «Берёзки» делились на промтоварные, продуктовые и аппаратурные. Существовали ещё и запредельные валютные, но к ним не иностранец даже близко подойти не мог.

Товары, продающиеся в «Берёзах», были по-настоящему заграничные: никаких тебе Болгарий (кроме дублёнок) и никаких Чехословакии (кроме богемского стекла). А так всё Бельгия да ФРГ. В общем, очень привлекательно.

И, конечно же, чеками начали приторговывать оборотистые люди. Цена и покупательская способность чека зависела от цвета и наличия полосы: так себе, не очень — с жёлтой полосой, боль-мень нормальные — с синей, а уж совсем мечта, отвал башки — вообще без полосы. Бесполосые! Некоторые вещи можно было приобрести ТОЛЬКО на чеки какой-то одной категории, поэтому и покупал народ эту странную валюту под определённый, по явившийся недавно в продаже товар. Например, под дублёнку особого фасона, продающуюся

только за «жёлтую полосу» или под магнитофон — за «синюю». Кстати, логики в этом не было никакой.

А приобретались чеки у спекулянтов, оттирающихся около «Берёз». Назывались они чекистами или подберёзовиками — кому как больше нравилось.

Появились девушки, одаривающие своим вниманием только за чеки, — чекистки. Как завещал Феликс Эдмундович, головы у них были холодные, сердца горячие, а руки и ноги — относительно чистые.

Позволить себе полностью — с ног до головы одеться в вышеперечисленный клоуз, кроме профессиональных фарцовщиков, не мог практически никто, поэтому молодёжь, исповедовавшая хипповый пацифизм и битловскую музыку, чаще всего ограничивалась длинными волосами, джинсами да маечкой, купленной по случаю. Кстати, красивую майку с броской непереводимой надписью надыбать было ещё сложнее, чем штаны. Поэтому майки берегли, стирали аккуратно, а то и вовсе не стирали, штопали, подшивали, и они служили годами, надолго, а то и на всю жизнь давая клички своим хозяевам. По Психодрому лет пять шлялся Вовка Омнибус, на майке которого когда-то было изображено нечто вроде высокого двухэтажного автобуса, а по Калининскому гордо разгуливал Серёга Дебил, года три демонстрируя майку с канадской выставки деревообрабатывающих станков «De Bille».

Сильный фурор однажды произвела джинсовая рубашка, на изнанке которой кто-то внимательный разглядел маленькую этикетку с надписью «prison № 34» (тюрьма № 34). То ли действительно к нам неведомыми путями попала рубашка американского заключённого, то ли пошита она была в этой тюрьме, только поглядеть на раритет на Психодром приезжали из отдалённых районов.

Конечно, молодёжь не постоянно думающая о строительстве коммунизма, а отвлекающаяся на всяких там Битлов-Роллингов очень раздражала власти. Длинноволосые заджинсованные юнцы настолько выбивались из румяного плакатного ряда мордастых бамовских комсомольцев, что только законченный ангел вроде матери Терезы не начал бы их тут же хомутать по полной программе. Но матери Терезы в семидесятых в Союзе водились в очень ограниченном количестве.

«Хомутать» — это тоже слово из тех времён. Преступника или хулигана милиция могла задержать, арестовать или в крайнем случае повязать, но уж никак не захомутать. Ведь хомутали обычно не менты, а какие-то мутные структуры вроде комсомольских оперотрядов, сросшихся со спецотделами КГБ по делам молодёжи.

Для самих хомутов «захомутать» означало под любым предлогом забрать несколько волосатиков в опорный пункт народной дружины, поиздеваться там над ними всласть, при удаче избить, а при санкции подстричь тупыми ножницами для металла.

В какой-то момент в самодеятельной продаже на точках вдруг появились штаны с американским флажком на заднем кармане. Как ни странно — «made in Югославия». Джинсы были качественные и шли нарасхват, но наличие на них символики в лице флага самого махрового антикоммунистического государства делало попавшихся хомутам носителей очень уязвимыми для обвинения в пропаганде капиталистического образа жизни.

Самые умные и хитрые серьёзно отбрёхивались: «Так ведь это же на жопе!»

Порой это выручало.

В любом случае захомутанные, как правило, за отсутствием состава настоящего преступления к вечеру отпускались и плелись домой под одеяло зализывать раны и отращивать волосы до следующего раза.

Ну никак ребята, уделявшие своей внешности такое внимание, государство устроить не могли. А зря! Из волосатиков потом много хороших людей повыврастало, да и Пушкин в своё время писал: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».

Для девчонок, у которых был физический недостаток — косолапие, настал звёздный час. Держать ступни под углом сорок-сорок пять градусов стало так же модно, как носить короткие юбки **ВООБЩЕ**. Трудно сказать, откуда взялась такая манера, — наверное, её выдумали девицы со слегка кривоватыми ножками. То, что раньше маскировалось юбками средней длины, с вхождением в моду «супермини» стало невозможным. Пришлось прибегать к особенным ухищрениям. И заинтересованные молодые дамы к подобному ухищрению прибежали. Конечно, с модным косолапием большие проблемы возникали у юных балерин, но, с другой стороны, кривоногих танцовщиц не так уж часто берут в балет.

Белые короткие носочки, также мгновенно вошедшие в моду вкупе с косолапием, придавали девчонкам небывалую сексуальность, с успехом накладывавшуюся на общий принцип свободной любви под лозунгом «Make love, not war!» — буквально «Делайте любовь, а не войну!»

Естественно, войну у нас никто делать не хотел, зато любовь делали с удовольствием и совершенно замечательно.

Официально джинсы считались одеждой антисоциальной. На первом, втором и третьем этапе в них не пускали в кафе и рестораны. Тем не менее все, кому было положено настаивать на идеологическом

вреде джинсовости, после работы с удовольствием напяливали американские штаны и отдыхали в них от чёрных глухих костюмов.

Как ни странно, первые шаги по публичному признанию джинсов выходной одеждой сделал комсомол. Комсомольские деятели средней руки стали появляться на молодёжных мероприятиях в джинсах и... пиджаках с галстуками. Таким образом, верх функционера с неременной кожаной папочкой олицетворял официальность мероприятия, а низ — крайний демократизм и близость к народу.

Жаль, что об этом не знали Роллинги — Джаггер и Ричард, через несколько лет наповал убившие публику, появившись на светском приёме в джинсах и гражданских пиджаках.

Правда, надеть ещё и галстуки им на ум не пришло.

Цитата из БСЭ: «Международный день защиты детей (1 июня) — день мобилизации межд. общественного мнения па борьбу и защиту детей от угрозы войны, за сохранение здоровья детей, за осуществление их воспитания и образования...

Установлен в 1949 г. Проводится с 1950...»

Когда 2-й Московский конгресс Международной федерации женщин в нечеловеческих муках родил этот праздник, предполагалось, что всё последующее время уж кто-кто, а советские дети будут надёжно защищены и всяко-разно обеспечены. Но провидению в лице определённых структур было угодно, чтобы тысячи детей, родившихся именно в год первого проведения Дня их защиты, через двадцать лет возненавидели эту дату, перевернувшую и исковеркавшую их молодые жизни.

30 мая 1971 года на Психодром, где вечерами на скамейках собиралась джинсовая молодёжь, негромко пела под гитару битловские песни и обменивалась новостями, пришли два молодых человека. Их внешность и манеры разительно отличались от хипповых образцов. Больше того, почти одинаковые стереотипные костюмы и причёски навевали подозрения... да нет, не вызывали сомнений в их причастности к Конторе. К вящему ужасу в общем-то совершенно безобидных «детей цветов», молодцы предъявили удостоверения сотрудников КГБ и завели с обалдевшими хиппи специальные разговоры. Содержание беседы было такое: «...вот, мол, вы наверняка все хорошие ребята, настроены за мир против войн, жалко, правда, что не комсомольцы, но это дело поправимое. Короче, вместо того чтобы коптить небо и нервировать и так загруженные по самые уши органы, почему бы не принести ощутимую политическую пользу и не продемонстрировать своё отношение к грязной войне, развязанной американцами во Вьетнаме. В общем, послезавтра, в День защиты детей, все дружно с плакатами и убеждениями собираемся здесь и на Пушкинской в двенадцать. И вперёд к американскому посольству — гнезду и рассаднику сами знаете чего. Автобусы предоставим!»

Постоянные посетители Психодрома, неоднократно уже битые дружинниками и стриженные оперотрядами, впервые видя такую открытость и благожелательность, в себя не могли прийти от радости. Неужели государство наконец перестало видеть в них скрытых врагов и тунеядцев и, наоборот, разглядело здоровые молодые силы, способные содействовать мирным инициативам? И все сразу бросились звонить друзьям и знакомым. Благородный порыв не смогли омрачить даже несколько матёрых комсомольцев, побывавших на следующий день в местах скопления молодёжи.

Комсомольцы, видимо, владели какой-то секретной информацией, потому что в один голос отговаривали «системных» выходить первого числа на демонстрацию.

— Мудаки, всех повяжут, мы точно знаем! — у них, похоже, проснулось нечто вроде совести.

Но, как в известной истории про мальчика, который после неоднократных лживых призывов «волки, волки!» попытался поднять настоящую тревогу, комсомольцам никто не поверил. А зря!

1 июня в садике собрались около полутысячи противников войны. Над толпой возвышалось несколько самодельных плакатов с «куриной лапкой» — пацифистской эмблемой и пара надписей на английском, утверждавших приоритет любви перед войной. Настроение у всех было праздничное, как у мирной демонстрации под предводительством попа Гапона в 1905-м. Наконец распахнулись никогда не открывавшиеся ранее двое чугунных ворот — это въехали обещанные автобусы. Ворота закрылись, но закрылись и обе калитки, выходившие на Манежную площадь. Народ под присмотром плечистых комсомольских ребят стал организованно садиться в автобусы. У нескольких автобусов возникли заминки: человек десять студентов юрфака МГУ, пришедших сдавать зачёты и приостановившихся покурить и посмотреть, что происходит, почему-то никак не соглашались садиться в предоставленный транспорт. Разными способами их убедили. Одним из этих убеждённых студентов был я.

То же самое происходило на Пушкинской площади и на Маяке — площади Маяковского.

Далеко автобусы не поехали, распределив «пассажиров» в штаб оперотряда «Берёзка» на площади Свободы (!) и по обезьянникам ближайших отделений милиции. Там их уже ждали как участников

самой массовой за всю московскую историю антисоветской демонстрации.

Милицейские допросы шли весь день и всю ночь. Особенно возились с теми, у кого были с собой документы. Чем больше справок с места работы, комсомольских билетов, паспортов люди с собой в этот раз прихватили, тем дольше их держали и подробнее допрашивали. Тема была такая: хорошо же ты, гад, замаскировался!

В руке я держал портфель, половина которого была занята разными документами. Кроме перечисленных там находились: зачётка, студбилет, членбилет стройотряда, удостоверение донора, проездной и ещё какие-то — уж не упомню — справки. А одет и причёсан я был скромнее рядового провинциального комсомольца, мечтающего пролезть в бюро. Каждый элемент моего имиджа и экипировки только что не кричал: я свой, позитивный, надёжный, советский! Это и было самым подозрительным.

Наконец отсняв всех в фас и профиль, запугав по самое некуда, вызвав пролетарских родителей с ремнями, большинство участников «антисоветской» демонстрации органы всё-таки отпустили по домам. Но самых «отъявленных и замаскировавшихся» после ночного, уже кагэбэшного допроса, виртуозно проведённого специально подъехавшими сотрудниками, направили поутру в суд по обвинению «в умышленном препятствовании движению пассажирского транспорта на площади 50-летия Октября». Мне лично немного повезло: при помощи — как-никак юрфак — юридических «условностей» типа: нет в садике дома № 18 никакого движения — всё-таки отбился. Они не настаивали: извините, ошибка вышла — фотки сожжём, протоколы порвём. Не ударили, правда, ни разу. Даже пальцем не тронули.

А многие пошли на пятнадцать суток с последующим выгоном с работы и т. д. и т. п.

Через полгода вызывают в ментуру: «Являетесь ли действительным членом организации так называемых ХИ-ПИ (в их бумаге так и было написано: через чёрточку и с одной буквой «п») и разделяете ли их взгляды?!»

— Какого чёрта?!

— Да или нет?

— Нет, конечно...

— Вот форменная бумага: не являюсь, не разделяю — фамилию свою впишите и подпишитесь.

— Какого чёрта?!

— Так вы являетесь?!

— Нет!

— Значит, разделяете?

— Да нет же!

— Так подпишите!!!

И так сорок минут. Не выдержал, подписал.

В мае вызвали в военкомат. Несмотря на вечерний МГУ и «почтовый ящик», где за бронь слесарем работал, поздравили и призвали.

Подёргался немножко, попытался правду найти — куда там! Опомнился уже в Ил-18, летевшем к китайцам на Дальний Восток. Со мной в лайнере ещё 168 человек москвичей. Почти все знакомы друг с другом. Многих забрали вчера, а ещё позавчера они гуляли на проводах своих несчастных внезапно призванных друзей. В самолёте встретились.

Оказывается, скоро должен был приехать президент Никсон, а неформальный предводитель московских хиппи Юрка Бураков по прозвищу Солнышко, агентами подслушанный, якобы заявил: «Мы докажем господину Никсону, что мы есть!» Вот и запихали всех, кто был так или иначе замазан в прошлогодней «антисоветской» демонстрации (не то он украл, не то у него украли), —

кого в тюрьму, кого в дурдом, а кого и в Советскую армию и Военно-морской флот.

Меня-то как раз в армию.

Я и до этого не шибко думал о защите международных детей, а уж после совсем в целесообразности разуверился.

Не так давно выяснилось, что в память о той печально знаменитой «вязке» 71-го, каждый год 1 июня в Царицынском парке Москвы собирается молодёжь. Поют, танцуют, играют на гитарах и тамбуринах. Пьют пиво или лёгкое винцо. Я побывал. Удивился количеству народа и тому, что сборище очень лояльно охраняет милиция.

Но это молодежь. Беспамятная. На вопросы, почему собираются именно 1 июня, отвечают, что по случаю первого дня лета. Или: «А хрен его знает!» Или: «Кого-то защищать. Детей вроде!»

Но, если отойти в сторонку — к лавочкам, то можно заметить человек двадцать «старичков». Они всё помнят. И каждый год, встретившись, после слова «Здравствуй!» обмениваются печальными новостями: «Гусь умер! Тишорт умер! Умер Миша-красноштанник!»

Для будущего фильма я попытался разыскать тех людей, которые попались в лапы дезориентированной милиции именно тогда, в 71-м. Первого июня на Психодроме. Но даже с помощью всезнающих завсегдатаев Царицынского парка (плюс их многочисленных знакомых) нашлось только пять человек. Да и из этих пяти только трое согласились дать интервью! Два человека наотрез отказались. Не хотят вспоминать. Вычеркнули тот проклятый день из памяти.

Пять человек! А что ж так мало-то? Где остальные? Канули!

Конечно, люди уходят. Возраст и болезни берут своё. Но не смогли проверить этот постулат на себе

ошельмованные, выгнанные из института и доведённые до самоубийства Света Барабаш (Офелия), Володя Некрасов, Костя Норкин. Покинули этот мир замученные аминазином в психушках Алик Савицкий, Миша Дымшиц и десятки ребят, фамилии которых не удалось установить. Отдали на горячей китайской границе свои молодые студенческие жизни Толик Грачевский и Серёжа Мазун.

И все, все они родились примерно в годы первого проведения Дня защиты детей.

Но самое главное: мы — и те, кто случайно попал и кто действительно (пусть наивно, но от чистого сердца) хотел вьетнамских детей защитить, — сделать этого не смогли. Ни чужих уберечь, ни себя! Кому это всё было надо?!

Этот кусочек я приписал 8 июня 2005 года. После посещения и разговоров в Царицыно. Так что в «маккартниевскую» рукопись 2003-го он, естественно, не вошёл. Ну и хорошо, это ведь наши внутренние дела. Простите, что испортил вам и себе настроение, но тут уж ничего не поделаешь.

Группы (третья серия)

К началу семидесятых годов битломания в СССР перешла в иную фазу. Нашлись смельчаки, которые не только заслушивались любимыми песнями, но и стали подбирать их на гитарах и пробовать непривычные к английскому тексту голоса.

Появились новые, ранее небывалые социально-бытовые структуры — рок-группы. Ведь это подумать только! В стране развитого социализма возникают некие устойчивые объединения по интересам. Четверо-пятеро совсем молодых людей с разными характерами, образованием и материальным достатком, четверть своей проходящей жизни вдруг начинают проводить вместе. Они, как в браке, делят поровну радости и печали, иногда тянут в разные стороны, ссорятся «навсегда», но тем не менее сохраняют друг другу музыкальную верность по десять, двадцать, а некоторые и по тридцать лет. В отечественной истории дело небывалое! Феномен! И это при полном отсутствии материально-технической базы.

К появлению в стране любительских групп отечественная промышленность, как всегда, оказалась не готова. Не было буквально ничего — ни инструментов, ни аппаратуры. Любителям приходилось изыскивать внутренние резервы.

Модельный ряд производимых тогда заводами усилителей был представлен всего двумя чудовищными порождениями электронной мысли: УМ-50 и ТУ-100 — соответственно усилитель мощности пятидесятиваттный и стоваттный. Предназначенные для сельских клубов, они подключались к «колокольчику», висящему на столбе. Ни о каких таких

частотах или тонкой коррекции звука и речи не было. На передней панели кроме тумблера включения присутствовала всего пара ручек. Если звук оказывался плохой, то при помощи этих ручек с некоторым трудом можно было добиться звука ужасного.

Тем не менее долгое время качество ансамбля определялось количеством имевшихся у него на вооружении усилителей.

Говорили так:

— Вот завтра «Миражи» играют, идёшь?

— А сколько у них уэмов? Пять?! Ну нормально, пойдём!

Максимальная мощность динамиков, продававшихся тогда в радиомагазинах, не превышала четырёх ватт — для того, чтобы хоть как-то загрузить всё тот же УМ-50, их требовалось не меньше двенадцати — четырнадцати штук. Колонки делались самими музыкантами и любой старый рокер до сих пор с ужасом вспоминает процесс прорезывания в пятнадцатимиллиметровой авиационной фанере четырнадцати круглых отверстий величиной с чайное блюдце.

Гораздо проще было решить вопрос с басовой колонкой. Для баса отлично подходили большие динамики А-32, использовавшиеся в кинотеатрах. Нередки стали случаи ночного проникновения в кинозалы с последующим вырыванием из стен искомых динамиков. Но такая практика была скорее исключением, чем правилом. Большинство законопослушных любителей старались всё-таки договориться с киномехаником.

Зрители недоумевали, почему звук в кино стал значительно тише, — раздобревшие кинщики лениво ссылались на новый ГОСТ.

Сейчас уже невозможно установить, кому пришла в голову мысль производить совершенно непригодную для своего прямого назначения вещь —

четырнадцатирублёвую подставку для вывешивания ученических схем и карт, но этому гениальному человеку отечественная рок-музыка обязана почти так же, как и родоначальникам жанра — Битлам.

Подставки эти продавались в специальных скучных магазинах «Учколлектор». Продавались вместе с досками, мелом, партами, тетрадками и т. д. Но повезло только подставкам: небольшое усилие — изгиб, — и в умелых самодеятельных руках получалась приличная стойка для микрофона. «Учколлекторы» переживали небывалый бум. Магазины перевыполняли план по подставкам, и производители, не задумываясь, увеличили производство этих незамысловатых устройств в несколько раз. Предложение уже значительно превысило спрос, количество подставок перевалило за всё мыслимое количество карт и схем, зато сотни групп при помощи синей изоляции уже аккуратно развесили на них ортодоксальные трамвайно-троллейбусные микрофоны МД-44 (типа следующая остановка — «Никитские ворота»).

Микрофоны эти выдавали такой скрипучий характерный звук, что только после 1989 года ведущие мировые фирмы, специализирующиеся на космических музыкальных нюансах, смогли добиться похожего качества всего по семьсот долларов за отдельно взятый блок эффектов.

Но это были МД-44! А вот более, казалось бы, подходящая для сцены модель МД-48 даже такого специфического звука издать не могла: просто выдавала ровный ватный первомайский звук на всём частотном диапазоне. Иностранные производители эффектов, пытаясь скопировать частоты МД-48, хватались за голову, пока окончательно не сели в лужу. Зато у нас музыкантская творческая мысль на месте не стояла. В те годы в большом ходу у населения, почувствовавшего вкус к западной эстраде, была

дешёвая магнитофонная приставка (56 рублей). Она представляла собой только механическую часть — моторчик и лентопротяжный механизм, подключалась для звука к какому-нибудь приёмнику или проигрывателю и получался полноценный магнитофон. Называлась приставка очень забористо и по-музыкальному — «Нота».

Так вот, с появлением на прилавках этой приставки групповики моментально приспособили её под голосовой спецэффект. Для этого достаточно было впаять в «Ноту» дополнительную головку, добавить пару проводов, переклеить в другом порядке пластмассовые букочки названия, и получался совершенно замечательный, почти фирменный ревербератор «Нато».

После произнесения в микрофон сакраментального «РАЗ», «Нато» на выходе послушно давал ласкающее слух затухающее «РАЗ, РАЗ, РАЗ, РАЗ...»

Более мирного применения для реакционного блока НАТО и придумать было нельзя.

Барабаны в те времена музыканты своими руками делать ещё не умели, поэтому при удачном стечении обстоятельств пользовались отечественными ударными установками. Производили их только в одном месте — на Рижском заводе имени Энгельса. Злые языки утверждали, что ранее это предприятие производило кастрюли и кровати. Поиграв на «Энгельсе» пять минут, с таким утверждением приходилось согласиться. На барабанах была натянута кожа неизвестного происхождения, реагирующая на влажную погоду полным обвисанием, и те же злые языки муссировали историю о том, как однажды на одном из барабанов была замечена татуировка в виде якоря и надпись «Не забуду мать родную и отца-духарика!».

Сказать по правде, в витрине главного музыкального магазина Москвы на углу Неглинной и

Кузнецкого моста (на Уголке) ещё с конца 60-х годов лет восемь подряд красовалась непонятно как туда попавшая английская ударная установка фирмы «Премьер». Время от времени начинающие барабанщики приезжали на Неглинку полюбоваться на это сверкающее чудо, но и только. Стоило оно совсем запредельных денег — 1150 рублей и было по карману разве что какой богатой организации. А ведь известно: чем богаче организация, тем меньше она испытывает жгучую потребность в приобретении английской установки «Премьер», — вот и пылились барабанчики года до семьдесят шестого, когда магазин наконец ограбили. Вместе с тридцатирублёвыми гитарами пропал и «Премьер».

А более или менее современные и доступные ударные появились в виде импорта из соцстран. Гэдээровские установки «Трона» (по прозвищу «дрова») и чешские барабаны «Амати», которые за сносное качество тут же стали предметом спекуляции на знаменитом Уголке. Правда, у «Амати» были очень слабые тарелки, и заинтересованные люди старались от них отделаться и подкупить какие-нибудь хорошие.

В любом случае среди первых советских рокеров находились такие самородки, в чьих руках вдруг начинали звучать и «Энгельс», и «дрова».

Говорили так: «Не имей «Амати», а умей играть!».

С гитарами дело обстояло более благополучно. В магазине с обратной стороны ГУМа долго продавались вполне вменяемые инструменты немецкой фирмы «Музима»: ритм-гитары «Элгита» (180 рэ) и соло-гитары «Этерна» (230 рэ), позже появились чешская «Торнадо» и болгарская «Орфей».

Но желание играть групповую музыку всё равно намного обгоняло материальные возможности, поэтому самопальные гитары в семидесятых не делал только ленивый. Многие достигли в этом неимоверно сложном

специфическом деле большого мастерства, и неказистые, плохо покрашенные «обрубки» порой звучали нисколько не хуже хваленых «Фрамусов» и «Фейдеров».

Со струнами, правда, была полная засада. Сначала в магазинах вообще нельзя было найти струн для электрогитар. Попадались наборы для классических семиструнок, тогда самая толстая струна выбрасывалась, а остальные устанавливались в том порядке, который предусматривался шестиструнным «электрическим» строем. Делать пальцами левой руки вибрато или подтягивать ноты, как это умудрялись выполнять Джимми Хендрикс и Джонни Винтер, на таких струнах было невозможно. Люди безуспешно рвали себе руки в кровь. Настали чёрные времена для авиамоделистов.

Тончайшая стальная проволока — корд, на которой они раскручивали свои трескучие модельки, напрочь пропала с прилавков магазина «Пионер». Корд стал первой струной вновь обновлённого гитарного строя. И хотя толстым шестым струнам опять не повезло — их снова выбросили, — хендриксовское и винтеровское «мяу» наконец полновесно зазвучало из-под заживших пальцев счастливых гитаристов.

Вдруг начали появляться фотографии западных музыкантов, судя по которым, за кордоном придумали какие-то совершенно замечательные провода к гитарах. Они были витые, как телефонные, удобно растягивались ровно настолько, насколько нужно, и не путались под ногами. Первой реакцией наших гитаристов было тут же оторвать провода у домашних телефонов и перепаять под гитары. Кое-кто попробовал, и сразу выяснилось, что: а) шнур получается короткий и б) дико фонит, так как не экранирован. Внешнее сходство не искупалось внутренним содержанием.

Тогда гитарным Кулибиным пришло на ум делать витые провода из обычных. Провод туго наматывался виток к витку на металлический стержень подходящего диаметра. Концы закреплялись, и конструкция помещалась в духовку на 1 — 10 часов.

Иногда выходило довольно похоже, только соседи с удивлением принохивались — кто это печёт пироги из пластмассы и резины.

Клавишные инструменты, конечно, сами не делали. Долго-долго в группах обретались единственные советские электроорганы «Юность» и «Юность-М». «М» в данном случае означало — модернизированный: чего-то там производители напридумали и добавили, чтобы стало ещё гаже. Обозначился такой мерзкий съезжающий звук, на основе которого обтяпана вся закадровая музыка к фильму «Человек-амфибия». Помните? «Ихтиандр, сын мой, ты где?» — аа — аа — аа (это как раз тот звук) — «Я здесь, отец!» — и поплыл по пологой амплитуде.

Кстати, в быту все клавишные назывались органолами или, что совсем уж непонятно, — иониками. Как бы то ни было, а композиции групп «Doors» и «Animals» у хороших музыкантов на органолах «Юность» звучали неплохо.

Не имей «Амати»...

Спрос рождает предложение, и, хотя уже появилась — нет, не в свободной, конечно, продаже, а на Уголке с рук — вполне ликвидная импортная аппаратура «Регент», «Вермона», «Биг», по всей стране умельцы начали клепать недорогой, но вполне прилично звучащий самопал. Называлась такая аппаратура заказной и обеспечивала звуком небогатые начинающие коллективы.

Власти сразу разглядели в этих делах непорядок и стали вяло сажать кустарей в тюрьму. То есть если ты

спаял себе усилитель и играешь на нём, то это ещё ничего, а вот уж когда отмучился и решил продать товарищу — частное предпринимательство со всеми вытекающими. Так пострадал в своё время известный и популярный ныне бард Александр Новиков. Много он что-то отсидел, чуть не десять лет, но до последнего времени в некоторых ресторанах Дальнего Востока ещё встречались его усилители. Музыканты говорили с гордостью: «Вот, ещё сам Новиков делал!».

Фирменные аппараты типа «Регент» попадали на музрынок через немецкий магазин «Лейпциг», что на Ленинском проспекте. Не было на Москве рабочего места слаще, чем место продавца (не говоря уже о заведующем) музыкального отдела «Лейпцига». За десять — пятнадцать лет тысячи комплектов аппаратуры отправила в Союз трудолюбивая Германия, и ни разу не лежал товар открыто на прилавках. В день продажи с утра выстраивалась небольшая очередь из своих, постоянных, заранее предупреждённых клиентов, и партия разбиралась влёт. Каждый брал по пять-десять комплектов, которые через несколько дней всплывали на Уголке почему-то значительно подорожавшие.

Продавцы «Лейпцига» жили очень хорошо, но довольно часто менялись. По разным причинам.

Рано или поздно в жизни каждой группы наступал такой этап, когда после бренчания дома на простых гитарах под портвейн она упаковывалась инструментами и обзаводилась более или менее постоянным составом. Пора было подыскивать репетиционную базу. Тут на передний план выходили начальники ЖЭКов, инженеры-эксплуатационники и другие, до этого мало востребованные персонажи. Обычная схема была такова: «Здрасте, мы будем у вас в агитпункте репетировать. Тихо-тихо (на самом деле ни

фига!). А за это на все праздники бесплатно играть для проживающих граждан. А это вот бутылка за беспокойство».

За счёт прознавшей молодёжи посещаемость жэковских мероприятий неизмеримо возрастала, и так продолжалось, пока оглохшие соседи не устраивали вооружённое восстание.

Редко кому из самодельных Битлов удавалось устроиться в настоящий клуб, где можно было греметь по полной программе. Клубы обычно волосатых чурались, а привечали, наоборот, каких-нибудь чтецов и народников, которые по большому счёту в таких условиях и не нуждались. Исключение представлял широко известный в узких кругах клуб «Энергетик», находящийся на другой стороне реки, напротив гостиницы «Россия». Там в своё время занимались несколько впоследствии ставших очень популярными групп. Был составлен определённый график, каждому коллективу выделено два раза в неделю по два-три часа. Но этого времени катастрофически не хватало. Аппаратура была дохлая, где-то час уходил на подключение и настройку, потом что-то обязательно ломалось, а в конце около часа надо было потратить, чтобы всё собрать и очистить помещение. Можно, по идее, было засидеться до поздней ночи, но являлась «баушка» со шваброй на предмет выгона. Баушки попадались разные, но непременно жутко коррумпированные. Кто за шоколадку, кто за стакан портвейна, а кто и просто за рубль — они откладывали момент выгона минут на сорок, и это было счастье.

Зато после репетиции, идя по набережной к метро, можно было остановиться, покурить, спокойно обсудить репертуар и строить грандиозные планы на будущее часов до двух ночи. И никакая баушка со шваброй уже ничего не могла предпринять.

Как-то после репетиции собрали мы с барабанщиком параллельной группы «Скоморохи» по семь рублей и пошли в ресторан «Балчуг». Взяли бутылку водки и поесть. Сидим разговариваем о музыке. Юра Фокин — колоритный: длинноволосый и пучеглазый, страстный фанат барабанов. Я говорю: «Юр! А вот если триоли играть через бочку с акцентом на открытый хэт?» Он посмотрел на меня своими «базедками»: «Чувак, давай возьмём ещё одну бутылку водки!»

Денег никто не считал. На общее дело давали кто сколько может, а уж из дому тащилось всё, что могло хоть как-то пригодиться для группы. Игровой энтузиазм был так высок, что порой не хватало времени на девушек. Зато в коллективе нежно любили друг друга так, что пользовались любой возможностью, чтобы встретиться даже без инструментов. Даже по телефону. Это были словесные репетиции, на которых рождались новые идеи, новые песни, новое будущее. Мечтали поехать куда-нибудь в далёкое безлюдное место и там репетировать полгода, а потом вернуться и всех убить качеством или съехаться и дружно жить вместе, как Битлы в фильме «Help!».

Сказать про кого-то: «Я его знаю, я с ним играл!» — считалось синонимом полной проверенности (типа «Я с ним сидел» или «Я с ним воевал»). В общем, очень, очень напоминали отношения в группах брак. И так же, как в браке, не всегда всё бывало безоблачно: и ссорились, и не разговаривали неделями, но любовь к музыке и к человечеству была сильнее — мирились со слезами, каялись и клялись в вечной дружбе.

Случались, конечно, и исключения из правил.

Подающая большие надежды группа «Затворники» разжилась как-то приличной аппаратурой. Ребята сидели и крепко обмывали приобретение. Кто-то сказал: «Если мы развалимся, я заберу голосовой усилитель!». Ему возразили. Он им. И они развалились.

Среди молодёжи популярность ребят, играющих на электрогитарах была огромна. Увидев на улице молодого человека с плоской гитарой в самодельном чехле, интересующиеся останавливались и долго провожали его взглядами. Вполне допустимо было подойти и спросить, в какой группе он лабает, когда концерт где? Или в крайнем случае напроситься на репетицию.

Ну а уж девушки торчали от рокеров покруче, чем от киноартистов. Очень престижно было иметь бойфренда музыканта. Девчонки вышивали на майках имена любимых гитаристов и со знанием дела обсуждали преимущества черепаховых медиаторов перед простыми пластмассовыми. Я вот был барабанщиком, так моя подруга везде носила с собой мои палочки. Перед концертом при всех гордо подходила и подавала с уважением. Ей так нравилось. Мне тоже.

Вообще за группами ходили толпы поклонников, помогали таскать аппаратуру, оказывали всякую посильную помощь по всем вопросам. Правда, и музыканты были более чем доступны — такого чванства, как сейчас, ещё неросло.

Государство в лице средств массовой информации упорно делало вид, что никакой такой рок-музыки в стране не существует. На телевидение групповиков не пускали, а если уж и отваживались в кои-то веки под Новый год, то не с основным репертуаром, а с какой-нибудь бесполой «влесуродиласьёлочкой». Уважающие себя рокеры на такое дело не шли из принципа. В народе говорили так: «Хорошую группу по телевизору не покажут!» А видеть-то хотелось, поэтому любые разговоры, новости или слухи, если они хоть как-то касались известных в то время групп или группменов,

вызывали повышенное внимание и даже некоторый ажиотаж.

Известная в семидесятых группа «Сокол» каким-то образом записала песенку к мультику «Фильм, фильм, фильм» — так вся Москва бегала по кинотеатрам, лишь бы только своими глазами увидеть в титрах любимое название.

А фильм «Афоня» (1975 г.)?! Несколько секунд живой «Машины времени»!!! Правда, с песней Юрия Шахназарова из «Скоморохов», но всё равно...

А «Романс о влюблённых» (1974 г.)?! Герой пел голосом А. Градского!

Все перечисленные фильмы были сами по себе хороши, но всё же процентов семьдесят молодёжи приходили на них исключительно для того, чтобы посмотреть да послушать так неожиданно пролезших в официальный советский кинематограф любимцев. Воспринималось это как чудо.

При здоровом желании создать группу не последнее место занимал выбор названия. Для этого существовало несколько технологий, к которым прибегали в том случае, если кто-то из участников будущего коллектива ещё с раннего детства не вынашивал какое-нибудь забористое, политое потом и кровью названьице типа «Лошади Пржевальского».

Чаще всего брали энциклопедический словарь и выписывали оттуда штук сто малопонятных, но броских слов типа «Конгломерат» или «Престижитация», спорили потом до хрипоты и через неделю-другую успокаивались на каком-нибудь «Альянсе» или «Форуме».

Названия делились на две категории: что-то значащие и ничего не значащие.

Что-то значащие обычно содержали некий намёк на:

а) самоценность, лихость, величие — «Атланты», «Соколы», «Удачное приобретение»;

б) временные категории — «Високосное лето», «Времена года», «Сентябрь» (причём сентябрь мог ещё и иметь цвет, например чёрный);

в) родоплеменную привязанность, посконность — «Скоморохи», «Славяне», «Русь»;

г) некоторую ущербность и мизераблеобразное — «Дрова», «Осколки Сикорского», «Затворники», «В пальто»;

д) колебания воздуха — «Второе дыхание», «Ветры перемен», «Бриз»;

е) скрытые фрейдистские подкомплексы — «Автоматические самоудовлетворители», «Нерукотворный оргазм»;

ж) родственно-юридические дела — «Братья», «Наследники», «Казус» и так далее и тому подобное.

Ничего не значащие — как правило, эксплуатировали неожиданные, но дивные сочетания вроде «Хрустальный кактус», «Рубиновая атака», «Деревянный пирог».

Была ещё в Москве загадочная группа «Бобры» — к какой категории отнести их, сказать трудно.

Едва появившись, группы одним своим существованием породили постоянный и нескончаемый конфликт с советской властью. Причем сами музыканты по поводу сложившейся ситуации пребывали в полном неведении. Но это до поры до времени.

В горкомах и обкомах схватились за головы. Откуда взялась эта напасть?! Ещё недавно всё было так хорошо: джазисты разогнаны по углам, стилиги высмеяны и уничтожены как класс. И тут — на тебе: и волосы, и джинсы, и музыка эта — «Сегодня он играет блюз, а завтра покинет Советский Союз!».

А группы?! Под какое определение их подвести? Художественная самодеятельность? Так она должна быть при предприятиях. А тут собираются кто откуда и несут в массы чёрт-те что без разрешения. Главное, что

без разрешения! И молодёжь вокруг них кучкуется, отвлекается от созидания и строительства светлого будущего. Надо бы постараться прихлопнуть.

Были и другие предложения — возглавить. Не вышло ни то, ни другое.

Тем не менее к середине семидесятых годов был уже выработан механизм, дающий возможность если не совсем разогнать конкретную группу, то создать ей в жизни значительные трудности.

Музыкант, как и любой человек искусства, не может существовать без аудитории. Он создан Богом для того, чтобы передавать своё мироощущение другим. Многомесячные репетиции, лишения, борьба с некачественной аппаратурой и баушками — все эти трудности преодолевались ради одной цели: публичного выступления. И власти ударили по самому больному месту — по возможности играть для зрителей.

Концерты как таковые для групп тогда были большой редкостью. В основном все играли на *вечерах*. Такие мероприятия устраивались в институтах и на предприятиях под многочисленные в те годы советские праздники. Студкомы и профкомы выделяли средства и приглашали какую-нибудь группу, которая после торжественной части играла в фойе на танцах.

Так вот, по всем крупным организациям Москвы распространили некий список ансамблей, приглашать которые на вечера не рекомендовалось. Где этот список родился — в недрах Министерства культуры или в трёх троллейбусных остановках — на площади Дзержинского — не важно, только самые продвинутые группы были лишены возможности выступать. Были попытки устраивать сейшены за пределами Москвы, где-нибудь в Тарасовке или Алабино. Фаны два часа добирались на перекладных в пургу и зной и... целовали закрытую дверь со свежей бумажкой «ремонт»: в последний

момент менты прознавали и прихлопывали вечеринку, как полиция маёвку в 1906 году.

Но худа без добра не бывает: «лишенцы» моментально приобретали статус групп подпольных, а лучшую рекламу, чем запрещённость, и за деньги не купишь.

Следующим шагом государства стало обвинение участников групп в частном предпринимательстве и нетрудовых доходах. Речь шла ни больше ни меньше как об уголовной статье.

Музыкантов начали таскать в ментуру и с пристрастием допрашивать о наворованных у народа деньгах.

На самом деле говорить о каких-то реальных заработках для групп в то время было просто смешно. Средняя цена полуторачасовой работы колебалась между пятьюдесятью и восьмьюдесятью рублями. Из которых тридцать уходило на доставку аппаратуры. Обычно приходилось заранее выходить на улицу и ловить крытый грузовик, а лучше автобусик рижского автозавода с азербайджанским названием «рафик». Водитель, как правило, не мог ждать, и после выгрузки уезжал. Часа через два процедуру ловли транспорта для обратной дороги приходилось повторять. В этой связи голубой мечтой всех функционирующих музыкантов было приобретение «рафика» для группы в постоянное пользование. Микроавтобусы в частные руки, конечно, не продавались, но мечтать об этом не могло запретить даже Министерство культуры.

Так что особое богатство музыкантам тогда не грозило — в лучшем случае удавалось оправдать расходы и выкроить по пятёрке на ночное такси домой. Зато эмоционального заряда от контакта со зрителями хватало надолго. Ради этого и работали, но объяснить такую позицию следователю, которому руководством

уже поставлена конкретная задача, бывало нелегко, а порой и просто невозможно.

Несколько известных музыкантов попали в тюрьму. В их числе замечательный Лёша Романов — лидер группы «Воскресенье».

Представить себе, что музыка может быть основным занятием человека, официальные органы не могли, и сакраментальный вопрос: «Вот вы поёте, там, играете, а работаете вы где?!» — преследовал рок-музыкантов аж до конца восьмидесятых годов.

Часто общая генеральная установка по искоренению такой вредной «самодеятельности» смыкалась с личным мнением маленьких начальников на местах. Завучи и директора школ, клубные работники, комсомольские боги среднего звена могли запросто самолично прекратить «безобразие», выдернув центральный силовой шнур из розетки прямо посреди песни.

Милиция также время от времени позволяла себе приходить на концерт и арестовывать аппаратуру по подозрению, что она «ворованная». Причем молодые милиционеры, у которых при другом раскладе не бывало возможности послушать данную группу, часто шли на служебные проступки; давая музыкантам закончить программу, и набрасывались с арестом уже после последней песни и собственных бурных и продолжительных аплодисментов.

А описывая оборудование, могли одновременно и попросить автограф.

Ещё одной возможностью попрактиковаться в музыке вдали от Минкульта для групп были выезды на пару летних месяцев в студенческие лагеря или в молодёжные дома отдыха. Желательно в черноморской стороне. Денег там не платили, просто давали помещение для сна и ставили на пищевое довольствие на общих основаниях. Называлась такая работа — «за

будку и корыто». Не бог весть что, но практика получалась замечательная, а уж такую благодарную аудиторию, как студенты на отдыхе, надо было поискать.

Ежевечерне на танцах приходилось играть всё: от разухабистой лезгинки до нежнейших блюзов Джонни Винтера. Нарбатывалась бешеная техника, которая потом в Москве давала возможность полностью реализовать известнейшую схему музыкантского совершенствования — «от простого к сложному, от сложного к простому!».

Так что игра на танцах была великолепной школой.

Кстати, о танцах. В семидесятые годы, кроме популярных среди молодёжи твиста и некоего упрощённого рок-н-ролла, танцевали ещё и более продвинутые джайв, джерк, «гоу-гоу». Но всё же королём танцплощадок был шейк.

Существовали три разновидности шейка:

1. Собственно шейк (попеременное двойное касание пола носком то левой, то правой ноги),

2. Медленный шейк (любой небыстрый танец с обжиманием партнёрши). Так прямо и говорили: «Ребята, сыграйте медленный шейк!»

3. Шейк «с гвоздями» (то же, что и № 1, но гораздо более экспрессивный, желательнее в пьяном виде, с подключением каблучков и выламыванием паркетных досок из пола).

Твист, конечно, тоже был популярен, но в заводских клубах его не жаловали. Может, потому, что сильно портился пол?! Во всяком случае в других городах во дворцах культуры частенько можно было увидеть строгое объявление: «Твистунов — на мороз!» И выкидывали. За милую душу. А вслед летело пальто с шапкой, чтобы уж не замёрз. Вот не знаю, что с твистунами делали летом.

Вообще в местах, где мог быть хоть какой-то контроль, например в школах на выпускных вечерах, все эти танцы танцевать запрещали. Чуть что — сразу летела толстая завуч: «Пр-р-рекратить обезьянничать!».

В противовес западным кривляниям в нашей стране активно создавались свои танцы — советские. И названия давали соответствующие, например, самопальный и довольно сложный для исполнения бальный танец, помесь летки-енки с вальсом, носил гордое название террикон. Если кто не знает, так террикон — это огромная куча пустой породы, шахтная отработка.

Придумано было также какое-то спортивное танцевание — тоже нечто среднее между спортом и танцами. Проводились по нему всероссийские конкурсы, но, слава Богу, быстро прошло.

Одна из двух единственных в стране женщин-композиторш — Людмила Лядова написала песню, в которой призывала «людей всей земли танцевать новый танец ай-люли».

Ай-люли, ай-люли — это новый танец,
Ай-люли, ай-люли — он не иностранец.
Пусть танцуют этот танец люди всей земли.
Так давай станцуем вместе танец ай-люли.

К счастью, кроме как в авторском исполнении по телевидению, больше нигде эти «ай-люли» не попадались и группам на танцах их играть не пришлось.

ВИА (четвёртая серия)

Феномен «Битлз» породил ещё одну любопытную форму музыкальной жизни — вокально-инструментальные ансамбли, ВИА. Разница между ВИА и группами заключалась в том, что виашники в отличие от групповой «самодеятельности» были структурой государственной, на иностранных языках не пели, собственных песен не сочиняли и стояли на крепкой идеологической платформе социалистических ценностей. И если уподобить ВИА кудрявому шаловливому ребёнку, то матерью, которая его признавать не хотела и не собиралась, несомненно, являлась группа «Битлз», а вот уж отцом... отцом — Союз композиторов СССР.

Состав стандартного ВИА колебался от восьми до четырнадцати-пятнадцати человек и включал в себя двух-трёх гитаристов, барабанщика, клавишника и духовую группу. В идеале все они должны были ещё и одновременно петь. Ежели, а чаще всего так оно и бывало, инструменталисты петь не умели, то для достижения полной вокально-инструментальности добавлялись три-четыре освобождённых вокалиста, разбавленных для убедительности певицей приятных форм и наружности, как правило женой руководителя.

С самого начала ВИ-ансамбли обязаны были петь только песни членов СК. Заполнялись специальные документы — рапортики, утверждалась худсоветом программа, и коллектив даже на гастролях в самых, как говорится, отдалённых уголках нашей необъятной не имел права отклониться от неё ни на йоту. Даже перестановка песен внутри программы не одобрялась. Даже если это было вызвано производственной необходимостью, например болезнью одного из

участников. Такая практика давала возможность композиторам чётко контролировать количество исполнений своих произведений, и авторские текли рекой. За ансамблями ездили инспекторы концертных организаций, растворялись среди местных зрителей, тайком сверяли соответствие и появлялись потом неожиданно, как контролёр в троллейбусе.

Конечно, не всё было тогда так плохо — большинство инспекторов всё-таки совести и профессионализма не теряли: прямо с поезда с утра вламывались в люкс к руководителю коллектива и объявляли марку своего любимого коньяка, предпочитаемый цвет икры и желаемую степень прожаренности второго блюда. В общем, инспекторские волки оказывались относительно сыты, а программные овцы более или менее целы.

Бороздили просторы Родины также несколько ансамблей с национальным колоритом типа «Добры молодцы», «Калинушка». «Рябинушка» и т. д. В концертных организациях их не очень-то долюбивали. Название обязывало такие коллективы иметь в программе хотя бы половину народных песен, а с народа, как известно, ни авторских, никаких других денег не получишь. А ведь на месте народных вполне могли присутствовать песни советских композиторов, о чём постоянно и пёкся их союз.

Постепенно под влиянием всех этих факторов процентное отношение фольклора к здоровой эстраде стало уменьшаться, пока окончательно не свелось к нулю.

А позже даже советских композиторов удалось объехать на цыганской козе. В коллектив принимался (часто формально) какой-нибудь настоящий цыган или удачно косящий под него чернявый молодец. Тут в репертуар можно было вставить несколько очень популярных тогда итальянских (Пупо, Челентано) или

французских (Джо Дасен, Миррей Матье) шлягеров, а назвать всё это «Песни цыган всего мира». Канало за милую душу.

Количество ВИА в семидесятые-восемидесятые превысило все мыслимые пределы. Каждая захудалая филармония имела пять-восемь коллективов разного качества. Безналичные деньги, которые государство скупно, но ассигновало на культуру, всё-таки позволяли музыкальным организациям закупать аппаратуру, так что в обеспечении техническим оснащением ВИА шли далеко впереди вечно нуждающихся групп.

Музыканты ВИА имели постоянную плановую работу и как следствие этого — вполне приличные заработки. Административные вопросы на гастролях решались специальными директорами, аппаратуру таскали штатные грузчики — о таких райских условиях группы, находящиеся в неофициальном статусе, могли только мечтать. А ещё вокально-инструментальников активно показывали по телевидению, чем поощряли и так неимоверную популярность на всю многомиллионную страну. Особенно у прекрасной половины человечества.

В 75-м я работал в «Добрых молодцах». Приезжаем, например, в Свердловск. Из аэропорта — в гостиницу. Получаю ключ, поднимаюсь на пятый этаж. Когда открываю дверь, уже слышу, как надывается в номере телефон. Прямо с чемоданом подбегаю, задыхаясь: «Слушаю! В трубке приятный женский голос: «Але, это добры молодцы?». Я гордо: «Да!». Она игриво: «А это красны девицы!». Дальше рассказывать?!

Однажды какая-то левая типография, будучи не в силах сделать нечто большее, изготовила для нас небольшое количество симпатичных наклейки с названием ансамбля. Трёх разных цветов. Красавец певец, всегда имевший у зрительниц колоссальный успех, надписывал на этих наклейках свой текущий

телефон и выдавал на концерте девушкам в обмен на букеты цветов, которые ему выносили на сцену почти после каждой песни. Если девушка попадалась очень симпатичная, он одаривал её зелёной наклейкой, если так себе, но ликвидная — голубой, а совсем уже бяка позорная получала наклейку оранжевую. Вечером после концерта, когда страдающие девицы обрывали его гостиничный телефон, он мягко интересовался, какого цвета у них наклейка. Если оранжевая — «Щас уезжаю в Москву!» Если голубая — «Перезвоните через полчаса!» А уж если зелёная — «Жду с нетерпением, открываю шампанское!».

Девушки дежурили у служебных входов, лазали в гостиницы по водосточной трубе, ездили за артистами по другим городам. Однажды в Даугавпилсе пришла записка: «У меня есть пластинка «Самоцветов» и ребёнок от «Лейся, песня!», через неделю схожу на «Весёлых ребят» и можно умирать!».

Всё это не значит, конечно, что фанатичные поклонницы как класс появились в природе одновременно с вокально-инструментальными ансамблями.

Знаете Муслима Магомаева? Его машину в своё время поклонницы зацеловывали так, что живого места не оставалось — одна сплошная губная помада. И это при полном отсутствии современных моющих средств. Вот водителю-то радость!

А питерцы очень старшего поколения рассказывали, что красивого оперного тенора Сергея Лемешева в каждый его приезд в колыбель революции после спектакля у служебного входа всегда ждали сотни две поклонниц. Просто ради того, чтобы посмотреть, как он бегом прыгает в машину. Потом расходились, оставив на площади огромную лужу глубиной в два сантиметра. От проникновенного понимания искусства не выдерживал мочевого пузыря.

Вот это был экстаз! А ВИА — так, семечки.

Вырваться после репетиций на гастроли было праздником. Праздником вдвойне, потому что перед этим ансамбль был вынужден пройти пренеприятнейшую процедуру — сдачу программы;

Специальная комиссия, в основном состоящая из пристроившихся дармоедов, должна была дать оценку эстетике, гармоничности и идейной выдержанности концерта.

Я тогда работал в Росконцерте, где большое внимание уделяли внешнему виду. Поэтому перед прослушиванием музыканты всегда налаживали скромность. У всех без исключения были довольно длинные волосы — их старались спрятать в первую очередь. Непосредственно на голове причёска закалывалась девчоночьими невидимками, а десяти-двадцати сантиметровой хвост убирался сзади под воротник. Причём для того, чтобы хвост не вылез, его приходилось держать напряжённой шеей, сильно втянув голову в плечи.

А теперь вы, читающий или читающая, напрягите шею, втяните голову в плечи и посмотритесь в зеркало. Вот-вот — на сцене и стояли двенадцать таких уродов в оранжевых кримпленовых пиджаках с вытканными на лацканах золотыми лирами. Зато головки аккуратненькие — просто загляденье!

В составе тогдашней комиссии присутствовал одноглазый шестидесятилетний дядька, которого во времена первых пионеров глупый кто-то на три месяца назначил барабанщиком. Потом судьба его круто мотала по разным местам, включая тюрьму, пока не бросила на культуру дожидаться пенсии. Дядька тем не менее считался специалистом именно по ударным инструментам, и его дребезжащий голосок уверенно звучал в хоре некомпетентных людей, имевших право в

одну секунду запретить гастроли и отправить коллектив на дополнительные репетиции.

Выслушивая от него в предыдущие прослушивания разные глупости по поводу громкости (мол, я так колочу, что забиваю весь ансамбль), в ЭТОТ заход я не играл вообще — так, махал палочками для красоты, но один раз всё же случайно задел тарелку. Дядька тут же всё остановил и сказал, что, пока этого раздолбая не призовут к порядку, ансамбль никуда не поедет. Я отложил палочки и «играл» руками, не забывая втягивать голову. На гастроли мы поехали.

За сытую, жирную жизнь и легко давшийся успех групповики виашников не любили, считая их продавшимися ренегатами (не путать с дегенератами). И совершенно напрасно. Практически каждый вокально-инструментальный музыкант мечтал сам начать писать песни, организовать в будущем свою группу и отмолить в её составе грехи перед искусством. Совершенствовались как могли: возили с собой свежие записи, репетировали на неопределённое будущее посторонний репертуар, даже селились в номерах по музыкальным интересам: духовик с духовиком, басист с барабанщиком (ритм-группа).

Ходил такой анекдот: жили-были басист с барабанщиком, но никак не могли на концертах синхронно попасть в сильную долю. Очень расстраивались. Как-то крепко выпили вечером в номере и от безысходности решили покончить жизнь самоубийством. Встали вместе на перила балкона, обнялись и так, обнявшись, и бросились. Но упали всё равно: шмяк, шмяк!

Вот так вот! Переживали люди за качество-го.

В общем, об искусстве тоже думали, да и жизнь у вечно гастролирующих музыкантов ВИА на поверку не была такой уж сытой и жирной. Наоборот, постоянные переезды, поезда, самолёты, холодные автобусы зимой

и душные летом, гостиницы с «удобствами во дворе», питание всухомятку — вся жизнь вне дома в обстановке ненавязчивого советского сервиса была не каждому по силам.

И произошло то, что должно было произойти. Количество гастрольных лишений перешло в новое человеческое качество. Закалило и породило небывалый тип советского музыканта — сверхчеловека, способного есть гвозди на завтрак, в два счёта бреющегося в темноте и на внезапное предложение выпить и оскотиниться колеблющегося не более трёх секунд.

Опытный гастролёр должен был быть готов к любым неожиданностям, вернее, к сожалению — к ожиданиям.

Давайте смоделируем ситуацию гастролей году так в 74-м прошлого века в городе N. тем более что по уровню потенциальной опасности N ничем практически не отличался от, скажем, M или R.

О некоторых гастрольных моментах вы уже прочитали в первой части книги, ну да ничего — ещё разок освежу. Вы уж потерпите, зато подробно расскажу о схемах по проводу девушек в гостиницу. Как и обещал.

Итак, прилетели или приехали, добрались до гостиницы, получили ключ, поднялись пешком на шестой, так как лифт не работает, зашли в номер, поставили чемодан и давай сразу спать? Ничего подобного! Смело проходим к окну, смотрим изнанку занавески на предмет прожжённой сигаретой дырки или грязного несмываемого пятна. Нету! Хорошо, идём к телевизору. Экран не разбит, телик работает. Хорошо! Телефон. Не расколот, работает. Ваза? Трещин нет! Хорошо! стакан, пепельница. Хорошо! Настольная лампа без лампочки. Порядок! На кривую картину

«Вечер на Оби» внимания не обращаем — её уже ничто испортить не может. Дальше что? Полотенце! Есть. Хорошо! Но где же, блин, подвох? Ах вот он, едрить твою налево! Под салфеткой на тумбочке прожжённый кипятильником кругляшок. Свистать всех наверх! Горничная, понятые, «прошу занести в протокол!»...

А когда уезжаем, полотенце сдаём внизу вместе с ключами, а то ведь сопрут. Непременно сопрут! И возьмут потом пять рублей. Ужас!

Вот так! А вы думали как?!

В промежутке между приездом и отъездом благоустраиваемся как можем. Открываем гастрольный чемодан с пионерской надписью, например — «Максик Капитановский — 4-й отряд». Где-то у нас тут был скотч. Вот он! Заклеиваем сантиметровые щели в окне, а то за бортом минус 22. Вот фен. Им при сноровке можно брюки погладить, носки высушить, скудное внебрачное ложе обогреть. Вот соль и перец из самолёта, вилка, ложка, ножик, суп-письмо, железнодорожный сахар. Вот внезапный кипятильник артиста — две половинки лезвия от опасной бритвы, две спички и нитка. Вот верная отвёртка для отрубания радио, а то в шесть утра: «А-а-а-а-а... Союз нерушимый...». Но главное — отвёртка для изготовления внезапного кипятильника артиста, то есть для отключения потребующегося шнура от настольной лампы. Вот дефицитный рулон московской туалетной бумаги — раковину заткнуть для постирушки и вообще (не забыть взять с собой на концерт, а то сопрут). Вот универсальный ключ «вездеход» — ну это для поезда: окно открыть, если что, или в закрытый вагон-ресторан проникнуть. Вот тапочки домашние «ни шагу назад» тридцать шестого размера и халат женский розовый 46-го — реквизит для реализации провода девушки по варианту «Павлик Морозов». Вот анальгин зачем-то. Вот будильник с разными часовыми поясами. Вот

антитараканий аэрозоль «Прима» (походный заменитель серно-ртутной мази). Вот складной стакан и рюмка (красиво жить не запретишь!). Носков две пары взял сдуру, можно и одной обойтись. Вот подушечка надувная — между башкой и стеклом в ночном автобусе проложить, чтоб подрушлять. Вот две зажигалки: в одной кремень, в другой газ. Вот табличка на дверь антибеспокоечная «Do not disturb» (не помню уж, где взял) — надо бы срочно выбросить, а то вломятся ночью — «Чевой-то там у вас написано?!» Ну, кажется, и всё. А гитара?! Эх, а гитару-то в Москве забыл (шутка).

Постоянные гастрольные переезды сделали из музыкантов профессиональных путешественников. Этот бесценный опыт позволял им по возможности сводить на нет дорожные неудобства, ограждать себя от опасности — словом, выживать в непростых условиях.

Гастролями наработано множество маленьких хитростей, которыми внимательный человек может пользоваться, дабы амортизировать столкновение с суровой отечественной действительностью.

В вагоне, например, следует устраиваться на полке не по, а против хода поезда. Тогда при резком торможении вы не слетите башкой об столик (бывали случаи). При поездной резке огурца втыкайте вилку точно в середину — после обрезания с двух концов на вилке останется кусочек, который сразу можно положить в рот. Вынимайте на ночь ложечку из стакана, а стакан из подстаканника, иначе будет звенеть, как сволочь. Зимой в аэропорту надо проходить паспортный контроль одним из последних — тогда не придётся минут сорок «продавать дрожжи» в неотапливаемом накопителе. Садитесь в самолётный автобус опять же последним, чтобы выскочить первым и им же сесть в лайнер. Выбирайте самолётное место у прохода, чтобы можно было вытянуть ноги. После набора крейсерской высоты не расслабляйтесь, не то пассажир, сидящий

впереди, откидывая спинку сиденья, отобьёт вам коленные чашечки. Если летите туда, где совершенно другая погода, не забудьте положить сменную одежду не в багаж, а в ручную кладь — тогда в ожидании багажа не придётся приплясывать в майке при минусовой температуре или париться в дублёнке при плюсовой. Для чтения в долгом полёте выбирайте книжку в твёрдом переплёте — мягкий на самолётном столике не держится. Тогда руки устанут. Имейте с собой свой стакан, иначе взлётные придётся пить из горла. В морском круизе выбирайте каюту в середине корабля — там значительно меньше килевая качка. Выучите наизусть паспортные данные.

И всегда, всегда имейте при себе туалетную бумагу!

Существовали также и определённые тонкости общения с официальными и полуофициальными лицами: проводниками, стюардессами, официантами, таксистами, швейцарами, дежурными в гостиницах. Каждый командировочный знает, как трудно бывало провести в номер «на рюмочку чая» понравившуюся барышню.

Музыканты наработали несколько способов. Первый — «Константин Заслонов»: часть коллектива плотно окружала швейцара, тащила его за рукава в разные стороны, задавала вопросы типа «который час?» или «работает ли лифт?». Тем временем девушки быстро проходили. Но их ждал ещё один почти неприступный бастион — дежурная на этаже. На этом этапе хорошо срабатывал «Павлик Морозов» — пока девушка ждала на лестнице, надо было принести ей из номера халат, тапочки и полотенце. Она переодевалась и под видом проживающей скромно проходила.

В больших гостиницах включался несложный вариант «Сергей Лазо»: девушка отдавала хозяину номера пальто, он вставлял ей в левую руку тарелку с хлебом, а в правую — ключ. Одна, помахивая ключом,

она нагло проходила. Бывали такие сложные ситуации, когда предполагаемую для вечера девушку дежурная хорошо знала в лицо. Об этом, оставив скромность в покое, должна была сообщить сама девушка. Тогда в силу вступала почти беспроектная схема «Зоя Космодемьянская» — ещё один музыкант с этого же этажа бежал вперёд и в своём номере обливал водой потолок в ванной. Потом он звал дежурную к себе показывать, как сверху вода протекает. И, пока её не было, девушка торопливо пробежала.

Ещё один вариант под названием «Петя Клыпа» заключался в том, что девушке на улице оставался чехол от гитары, а потом из номера в окно выбрасывался ключ. И по всем этапам она солидно проходила с «гитарой», предъявляя ключ, якобы она его не сдавала.

Все эти чудесные способы варьировались в зависимости от времени года, местечковости гостиницы, степени зверства швейцара и почти всегда срабатывали, а если уж совсем не получалось, то приходилось прибегать к самому нелюбимому музыкантами варианту — к «Андрею Рублёву». То есть дать денег. Осечек не бывало никогда.

Я сам пытался неоднократно понять, откуда взялись такие названия, но кроме «Заслонова» (заслон) и «Рублёва» (рубль), другие фамилии, овеянные военной героикой, гастрольных ассоциации не вызывали. Надеюсь, что в будущем эта проблема станет предметом исследования серьёзных учёных.

С появлением ВИА все другие виды искусства отошли не на второй, а, пожалуй, даже на третий план.

В течение нескольких лет директор Тульской филармонии, пользуясь старым личным знакомством, пытался заманить в город самоваров и оружейников великого пианиста Святослава Рихтера. Это было

трудно — пианист шёл нарасхват. Наконец в его годовом графике между поездками в США и Австралию наметилось трёхдневное «окно», в которое с трудом, но уместился один концерт в Туле.

Четыре месяца добросовестные туляки готовились к приезду великого маэстро: был отремонтирован восьмисотместный зал филармонии, в гостинице приготовлен соединённый из двух номеров четырёхкомнатный суперлюкс, отпечатаны атласные билеты с красивой лирой в верхнем правом уголке, был даже с предосторожностями доставлен из Москвы достойный мастера роскошный рояль «Стейнвей».

В день долгожданного концерта, к ужасу устроителей, оказалось, что продано всего 24 билета. Директор филармонии позвонил своему другу — начальнику Тульского военного округа, и после поднятия занавеса гениального музыканта встретил шквал аплодисментов, порождённый обещаниями: увольнительных, с одной стороны, и нарядов вне очереди — с другой.

Зал был переполнен молодыми любителями классической музыки мужского пола, одетыми в праздничные рубашки и пиджаки. Правда, причёсаны они были одинаково и снизу сохраняли военный «статус-кво» — штаны хаки с сапогами, но пианист заглядывать зрителю ниже пояса не привык и провёл концерт на большом подъёме, как обычно в какой-нибудь Японии. Был огромный успех.

Эстетически облагороженные воины вернулись в казармы, пиджаки и рубашки — на склад Центрального универмага, а Святослав Рихтер — к напряжённому гастрольному графику. Все службы сработали слаженно — вот бы так всегда и везде!

На следующий день проездом из Куйбышева в Калинин с утра к Туле подрулил запылённый автобус с вокально-инструментальным ансамблем «Бегущие за

солнцем» Заполярной филармонии, и даже командующему военным округом с женой, решившему оттянуться после вчерашнего концерта, пришлось подставлять стулья в проходе — других свободных мест не было.

С общим относительным улучшением качества аппаратуры в ансамблях появились *ЗВУКОВИКИ*. Называли их все звукооператорами, сами же они настаивали на красивом слове «звукорежиссёр».

Концертные звукорежиссёры в семидесятые (да и в восьмидесятые) были фигурами трагическими. Добиться качественного звука на примитивных тогда пультах и усилителях редко когда удавалось. Комиссиями и зрителями в первую очередь ценилась разборчивость слов, а с другой стороны, музыканты, «наснямавшие» с записей западных артистов всяких экстремальных приёмов, требовали расчистить ниву для своих творческих экзерсисов.

Никакие уверения несчастных звуковиков в том, что по проведённым исследованиям даже в классической опере зрителями физически воспринимается лишь двадцать процентов текста (такова человеческая природа), не помогали. Звуковиков упрекали в глухоте, в безрукости, их ругали артисты, комиссии и зрители. И хотя в основной своей массе звукорежиссёры были специалистами подкованными и все бешеные претензии пытались топить в море технической терминологии, резонно ссылаясь на сложнейшие частотные характеристики зала, наводки, время суток и атмосферное давление, — текучесть кадров в их цеху была велика. Злобные беспринципные люди даже сочинили такой анекдот: «Встретились как-то слепые удав и кролик. Удав сказал: «Сейчас я тебя ощупаю и скажу, кто ты! Так-так, сам пушистый, уши длинные —

ты ведь кролик?» Кролик говорит: «Верно, а теперь я тебя. Так-так, рук нет, ушей нет, ты — звукорежиссёр!»

Но были, конечно, и среди легко уязвимых звуковиков свои герои. Известный всей стране звукооператор ансамбля «Аракс» Сашка Слон в ответ на любые претензии по поводу звука молча сильно бил оппонента в живот. Со временем звучание «Аракса» даже стали хвалить.

Человек, родившийся в Советском Союзе, давно смирился с тем, что наша Родина — страна парадоксов. Развитие вокально-инструментального жанра породило ещё один парадокс — ограничение трудовой деятельности. ВИА оказались такими востребованными, что теоретически могли работать каждый день и круглосуточно: зрителей бы хватило.

Можно было, например, взять художественный свист, группу карликов на самокатах, чтеца-декламатора, сатирический дуэт, трёх-четырёх пожилых акробатов, а во второе отделение поставить относительно популярный ВИА, и успех такому концерту был обеспечен. Кстати, так и делали. Карлики, дуэты и так далее назывались *прицепом*, и под крышей виашников годами с треском окультуривали города и сёла огромной страны.

Говорили так: «Деньги в кассы — искусство в массы!»

Казалось бы, надо радоваться, но, по мнению начальства, музыканты могли начать зарабатывать слишком большие деньги, а это у нас почему-то всегда было нельзя.

Рассказывали, что тогдашнего министра культуры Екатерину Алексеевну Фурцеву сообщили о том, что некие популярные молодые артисты Лещенко и Вуячич за последний месяц заработали аж по 900 рублей. Их тотчас же вызвали на министерский ковёр.

— Я вот — МИНИСТР КУЛЬТУРЫ, — кричала Екатерина Алексеевна, — получаю 790 рублей в месяц, а вы зарабатываете по 900!

— Дело в том, — ответил от двери один из певцов, — что мы-то *зарабатываем*, а вы — *получаете*...

— Вон отсюда!

Для вокально-инструментальников была установлена некая норма — восемнадцать концертов в месяц. Таким образом, имея, например, первую категорию профтарификации (9 руб. 50 коп. за отделение), средний артист ВИА мог заработать не более 171 (минус бездетность) рубля в месяц. Находились, конечно, и обходные пути — фондовые концерты. Это когда какая-нибудь крупная организация вроде Уралмаш-завода приглашала ансамбль на свои неизрасходованные культурные фонды. Тогда-то, конечно, наступал чёс — полунеофициальная работа по несколько концертов в день — в административном плане система мутная, с легким налётом уголовного кодекса. Рядовым музыкантам, правда, возможной кары можно было не опасаться, а вот администраторы попадали в тюрьму с частотой, достойной лучшего применения. Возвращаясь из мест отдалённых, они, как правило, забирали деньги из тайников и валили за бугор к лучшей жизни. Так что к концу семидесятых твёрдых профессионалов в этом деле почти не осталось.

Официальная норма действовала довольно долго, и создалась уникальная ситуация, когда в стране, где коммунистические идеалы и передовой труд ставились во главу угла, какие-нибудь «Голубые гитары» не могли вызвать на социалистическое соревнование каких-нибудь других «Гитар», например «Поющих».

Весёлые музыканты для развлечения часто мучили парткомы концертных организаций предложениями выше поднять знамя социалистического соревнования,

значительно увеличивая среднее количество валидола, потребляемое на одно конкретное бюро.

Во второй половине семидесятых понятие нормы как-то увяло. Связано это было с тем, что большинство ансамблей уподобились Ивану, родства не помнящему. ВИА начали работать не от родных городов, а от любых филармоний страны. К примеру, ленинградский ансамбль мог быть формально приписан к Свердловской филармонии, бывать там раз в год, а давать концерты вообще где-нибудь в Средней Азии или на Камчатке. Деньги — сколько положено — аккуратно перечислялись по безналу на счёт филармонии, а наличная разница регулировала отношения только двух людей: директора филармонии и руководителя ансамбля. Контролировать количество уже было невозможно, да и не нужно. Работали столько, сколько позволяло здоровье.

Особенно сильный чёс происходил во время фестивалей, которых развелось великое множество. Названия фестивалям обычно почему-то давала какая-нибудь часть суток: «Кузбасские зори», Дни сибирской культуры, «Подмосковные вечера», «Белые ночи». «Чесали» также и по многочисленным профессиональным праздникам типа День шахтёра. День строителя, машиностроителя, судостроителя и т. д. Работали по изобретённому каким-то неглупым человеком варианту «вертушка». Это когда в двух недалеко друг от друга находящихся дворцах культуры два ансамбля одновременно начинали концерты (например, в 12 часов дня), играли по отделению, затем в антракте прямо в костюмах прыгали в автобусы и менялись дворцами. Заканчивали примерно в одно время около двух часов (синхронность корректировалась по телефону). Далее где-то в полтретьего начинали там, где находятся, в антракте переезжали — и так до заката. Зрители обмануты не

были: им честно показывали концерт из двух отделений, зато каждый ансамбль за контрольное время концерта успевал сыграть дважды, и ему записывали по две палки (это такая счётная концертная единица). Выходило в день по четыре-шесть этих самых палок. У меня в составе ансамбля «Лейся, песня!» на третий подряд День шахтёра однажды вышло 12 (первый концерт начинался в 10).

Конечно, к концу такого дня артисты уже начинали терять ориентацию. Кто-то вместо того, чтобы садиться в автобус, дабы переехать в очередной раз в соседний клуб, собирал инструменты и переодевался в «гражданское», думая, что уже едет в гостиницу. Кто-то шёл на сцену проверять настройку, считая, что вот-вот начнётся концерт именно на этой площадке, а кто-то, как зомби, одевался в Москву. Говорить о выдающемся качестве таких выступлений не приходилось, но откровенной лажи не было ни разу.

Как-то подобным образом работали два композитора — Никита Богословский и Сигизмунд Кац. Они играли на фортепьяно свои популярные песни из кинофильмов, сопровождая всё это весёлыми байками из жизни артистов. Схема была такая же, как у ВИА. Одновременно начинали в разных местах, потом менялись площадками, отрабатывали каждый по второму отделению, там же по новой начинали первое, переезжали и т. д.

Богословский — между прочим, непревзойдённый мастер всяких розыгрышей, — зная досконально весь репертуар Каца, вышел однажды на сцену в первом отделении и начал концерт словами: «Здравствуйте! Я композитор Сигизмунд Кац...». Дальше со всеми шутками и репризами он отыграл отделение Каца и под гром оваций удалился в другой клуб. Через пятнадцать минут приехал Сигизмунд Абрамович. Вышел на сцену,

поклонился и сказал: «Здравствуйте, я композитор Сигизмунд Ка...»

Побить его не побили, но со сцены прогнали.

Самым любимым и долгожданным у музыкантов был, безусловно, последний концерт гастролей. После него обычно выдавалась зарплата, а впереди уже реально маячил родной город, где эту зарплату можно было с толком и с расстановкой потратить в обществе семьи, друзей или других друзей — в общем, так, как захочется. Поэтому по старой традиции последний концерт — кстати, он назывался зелёным — все старались превратить в праздник. На зелёном представлении музыканты шутили, разыгрывали друг друга самым невероятным образом — дозволено было почти всё, лишь бы по неписанным правилам зритель не догадался, что на сцене происходит что-то нештатное.

Одной из самых любимых шуток было привязать к микрофонной стойке тонкую верёвочку и, когда вокалист, приплясывая, пел, тянуть потихоньку из-за кулис. По замыслу шутников, певец должен был незаметно для себя смещаться за стойкой в сторону кулис, пока там и не оказывался. Шутка была такая бородатая, что все об этом знали, и певец, увидев малейшее поползновение стойки, просто снимал с неё микрофон, после чего она могла двигаться хоть на Северный полюс. Иногда вокалисты сами разыгрывали тех, кто хотел таким образом разыграть их. Улучив момент, они незаметно прибавляли свои стойки гвоздями. Тогда шутники тянули, тянули — верёвка обрывалась, и они или падали, или получали обрывком по носу, что тоже было очень смешно.

Поющим гитаристам подвели к микрофонам слабый ток, тогда между гитарой и микрофоном возникала «петля», и несчастных на радость всем заметно потряхивало за губы.

Очень уязвимыми для «зелёных» шуток были барабанщики. Модно было класть им в педаль булыжник — в этом случае они, чтобы не нарушать ритмический рисунок, какое-то время пинали большой барабан ногой. В хай-хэт (чарльстон) насыпалось граммов четыреста пудры, и при первом же нажатии на хэт над ударной установкой поднималось белое облако, оседавшее на концертном костюме нарядными пятнами. Ещё барабанщикам подкладывали сломанные и склеенные на живую нитку палочки, отпускали винт, регулирующий высоту стула, наливали в ведущий барабан воды — в общем, издевались как хотели.

Остроумным также считалось склеить пианисту нотные странички или залепить все клавиши прозрачным, невидимым скотчем — аккорд в таком случае звучал поистине полифонически.

У звукорежиссёров тоже были свои шутки. Например, в вокальной строке «я хотел бы вернуться назад» они могли «поймать на ревербератор» последний слог, и тогда в течение какого-то времени по залу разносилось — «зад, зад, зад, зад...». Длительность стёба определялась высотой эстетической планки шутника, но один раз что-то заклинило...

Хорошо, что слова «страхуй» нет ни в одной более или менее известной песне.

Я ни разу не видел из зала такую вакханалию музыкантского юмора, но если виртуально представить себе одновременное включение на сцене всех перечисленных выше остроумностей, то как-то не очень верится, что зелёный оттенок концерта оставался для искушённого зрителя большой тайной. Другой вопрос, что большинство зрителей о зелёных концертах знали и старались попасть именно на них. Как бы то ни было, жалоб не поступало.

Гастрольный ансамбль, спаянный общим бытом, творчеством и здоровой жаждой денег, — это нечто вроде армейского подразделения. Были там свои «старики», традиции, правила неписанные, и, если кто-то новый нахальничал и противопоставлял себя коллективу, надолго в нём не задерживался. Существовали способы. Не армейские, конечно, но довольно действенные.

Люди, от которых приходилось избавляться, как правило, бывали навязаны руководством. Называли их вставными зубами. Чей-нибудь племянник или дочка хороших знакомых директора филармонии.

Вот этими неисповедимыми филармоническими путями и прислали как-то в приказном порядке певицу совсем не в масть. Сами посудите — посреди какой-никакой здоровой попсы выходит вдруг бабища в народном сарафане и нечисто поёт три тужильные песни, а волосатые гастрольные волки, которые до настройки гитар-то не всегда снисходят, должны, значит, ей аккомпанировать. А ещё она матом ругаться и курить в автобусе запрещает и за пятнадцать минут до выхода полного покоя требует — в образ-де ей необходимо войти! Кошмарное дело!

Беседовали с ней, два раза презерватив на микрофон надевали — хоть бы хны. Тогда всем коллективом просверлили в сцене в том месте, где она вставала, дырочку, пошли в аптеку и купили большую спринцовку типа клизма. Водой наполнили, руководитель даже холодильник в своём «люксе» предоставил для хорошего дела.

На следующем концерте в момент воспроизведения самой высокой ноты два дюжих техника из-под сцены «дунули» ей под сарафан ледяной водой. Звук она издала при этом такой специфический, что подвинула верхнюю границу своей тесситуры ноты на три-четыре.

Больше певицу никто из заинтересованных лиц не видел. Переживали, правда, страшно — порвали два баяна.

А один раз скрипач приехал со скрипкой недешёвой и в бешеном классическом пафосе. Стал замечания делать, всех учить и «в нос» разговаривать — насморк у него всё время был. Да ещё в брюках неуставных на сцену выходил — концертные на него не налезали из-за ляжек жирных и толстой подзвучки (кальсон). В общем, раздражал дико! Сначала с ним по-хорошему: мол, скрипка — действительно замечательная краска, но лабать надо в соответствии с общей аранжировкой, а не еврействовать как попало. Как об стенку горох!

Тогда не сразу — всё-таки интеллигентные мы люди были, а через три дня намазали ему перед концертом в эфы (фигурные такие отверстия в скрипке) экскрементов. А у него как раз насморк случайно прошёл. Вот он вышел соло играть, поводил большим носом и уехал со сцены в родной Житомир.

А вот ещё! В 78-м году в Саратов во Дворец спорта приезжает певец из Москвы с бумагой: поставить его с четырьмя песнями в концерт, причём в конец программы. Бумага с печатями, «орлами и костями» — ослушаться как бы нельзя. Отрепетировали — ничего он так пел, но закрывать концерт в таком большом зале уж никак не годился. Побеседовали. Он ни в какую. Первый концерт закончился — успеха ноль. Со сцены ушли под стук собственных копыт. Тогда на следующем концерте подговорили звукорежиссёра, и он, когда «маэстро» на сцену вышел и свою песню стал объявлять, отрубил его от зала, а в основные динамики через свой микрофон поставленным голосом сказал: «Ну что ж, дорогие друзья, на этом наш концерт окончен. Спасибо, до будущих встреч!». Да ещё световик в зале свету поддал. Народ сразу в гардероб и ломанулся. Певец поёт на сцене, заливается, себя из сценических

мониторов отлично слышит, но до зала этот звук не доходит. А он-то об этом не знает, зато ему со сцены хорошо видно, что зрители на выход повалили.

Артист вечером с горя напился, пришёл к руководителю: «Можно я начинать буду, а то, похоже, вы не в моём формате!» Должен-то был сказать: «*Я не в вашем формате!*», — ну да пьяный — что возьмёшь?!

Оставшиеся два концерта начинал он, и, как ни странно, никто из зрителей раньше времени не ушёл.

Такие ситуации вообще-то нечасто случались. Обычно если кто молодой да новенький в коллектив приходил, то всё-таки с должным пиететом к аборигенам относился. Тогда и старшие товарищи в свою очередь его поддерживали, обучали, пестовали, но традиционную прописку всё равно устраивали. Таков уж был порядок. Так, неизбежное что-нибудь — проверка на чувство юмора, чтоб «служба мёдом не казалась».

Например, вводят старички молодого вокалиста в программу, готовят к ансамблевому пению. Сценические движения и всякие нюансы с ним репетируют. Объясняют: вот, мол, после слов «Сочинял сапожник песню целый день...» весь ансамбль делает шаг вперёд и громко в фа-мажоре провозглашает: «Хо-хо!» И рукой свободной ленинское указательное движение осуществляет. Надо добиться полной синхронности — от этого успех всего концерта зависит. Певец-то музыкальную часть дебютной песни уже как «дважды два» выдолбил, поэтому «хо-хо» и «руку» с удовольствием тренирует, чтобы глянец последний навести.

И вот гастроли, первый концерт. У волнующегося молодого все спрашивают, помнит ли про нюансы, не сломает ли «строй» в «Сапожнике». В контрольный концертный момент дебютант исправно вылетает на авансцену и орёт в нужной тональности «хо-хо!» и рукой делает.

Естественно, все остальные на месте стоят и на «выскочку», как на идиота, с большим удивлением смотрят.

Если после таких дел новичок не обижался — значит, — наш человек.

И, конечно же, всякие инциденты на концертах происходили. Порой очень даже неприятные. Из-за несовершенства аппаратуры и технического оснащения площадок артистов порой нещадно било током. И не так, как при розыгрышах, а по-взрослому — с опасностью для жизни. Сейчас любого известного музыканта спроси — припомнит массу случаев.

Толик Лукьянов (в девичестве Гурвиц), который сейчас в Нью-Джерси горе мыкает, скрываясь под личиной хозяина двадцати бензоколонок, вышел как-то к народу со своей любимой ленинградской песней «Невская заря». Было это в Москве в Центральном доме железнодорожника. Толик, значит, поёт: «Алеет зорька золотая над мирной Не...» — в этот момент его от микрофона дико шарашит блуждающая фаза, и он падает затылком на равнодушную железнодорожную сцену. Зрители вскочили, мы вокруг Тольки сгрудились. Даже саксофонист, который его всегда ненавидел, плюнул на принципы и через мундштук пытался искусственное дыхание делать. Минут через пять Толик захлопал глазами, поднялся, отряхнулся, подошёл к микрофону, опасливо его потрогал и в настороженной тишине внятно закончил фразу: «...вой!». Профессионал!

Однажды в театре во время предновогоднего концерта поддатый скрипач, ожидавший за кулисами своего выхода, опёрся крепким локтём на кнопку поворота сцены. Ощущение было такое, что это не мы поехали, а весь зал двинулся куда-то. Я чуть с ума не сошёл. Сцена намотала на ёлку провода вместе с усилителями. Ещё бы немножко, и всё полетело бы.

Догадливый скрипач нажал другую кнопку — поехали в другую сторону. Прибежал кто-то, наконец врубил «стоп». Опытные вокалисты развернули микрофоны и встали всё-таки лицом к зрителям, а я доигрывал почти что спиной.

Да, чего только не бывало! И в оркестровые ямы ребята с гитарами падали, и сцены временные на открытом воздухе под ними проваливались, и тенты на случай дождя раскинутые их порой накрывали.

Один раз в Новом Уренгое на очередном фестивале, проводившемся на футбольном поле, над помостом для ансамбля натянули большую водонепроницаемую ткань на четырёх мощных опорах. Лучше бы опоры были послабее! Пошёл ливень, и на ткани начала скапливаться вода. Прочный тент прогнулся, образовав огромную чашу, а вода всё прибывала, и, когда наконец одна из опор не выдержала, на музыкантов и аппаратуру обрушилось несколько тонн. Смертельных случаев, к счастью, не было, но поломанных рёбер и сильных ушибов — сколько угодно.

Заслуженный артист России Николай Вячеславович Расторгуев (тогда носивший прозвище Киллис) пел песню «Прикажи помиловать, прикажи казнить!». В ней после проигрыша обычно разыгрывалась некая мизансцена, в которой полный бородатый клавишник в палаческом балахоне гонялся за певцом с бутафорской огромной секирой. Номер проходил на стон, пока однажды «палач» не запнулся за микрофонную стойку и, падая, не разрубил своим топором силовой провод чуть не с руку толщиной. Секира, хоть и бутафорская, но, наверное, изготовителей забыли об этом предупредить, сделана оказалась на совесть — при всём ещё и в пол вошла почти на сантиметр. Если бы не быстрые ноги и не мои кроссовки, в которых Коля в тот день работал, не видать бы нам нынешнего «Любэ» как

своих ушей. Я кроссовки те до сих пор храню. Кстати, фамилия палача-клавишника была — Закон.

На гастролях в одном большом питерском Дворце культуры, в конце первого отделения, прошедшего как-то уж особенно хорошо, все наши вышли на авансцену кланяться. Я вместе с барабанами помещался на высоком постаменте, слезать с которого было трудно да и вообще лень. Поэтому под гром оваций я просто приветствовал зал движениями головы и улыбками прямо оттуда. Музыканты, которые прекрасно знали, как мне придётся корячиться, чтобы спуститься к ним, демонстративно «продавали» меня, указывая руками на барабаны. Радостные зрители усилили аплодисменты. Делать было нечего: я, кряхтя и ругаясь про себя, слез вниз и вышел на авансцену. В этот момент из-под колосников на барабанный стул, на котором я только что сидел, с грохотом упал стокилограммовый гипсовый герб Советского Союза. Стул — всмятку и барабаны разметало — как пишут в таких случаях в милицейских сводках: «восстановлению не подлежит».

Бог и зрители спасли, а то убило бы гербом, и было бы до отвращения символично. С тех пор я кланяться полюбил. Зрителям и читателям. И сейчас вам с удовольствием кланяюсь.

Чего греха таить, после удачно проведённого концерта музыканты вокально-инструментального жанра частенько садились выпивать, и не всегда водка приносила пользу здоровью, зато почти всегда первый тост звучал так: «Давайте выпьем за «Битлз» — такую хорошую работу придумали!»

Хорошо это или плохо, только так было!

Paul, we love you! The best wishes from Max Kapitanovsky.

Moscow. 22.05.2003.

Так заканчивалось сценарное послание.

Двадцать восьмого августа по ТВ в новостях показали, как Пол с супругой общаются с африканскими детьми. На прощание Маккартни с удовольствием пожал с десяток темнокожих ладошек. И сделал это левой рукой — не потому, что он, как известно, левша, а потому, что правая была занята прозрачной папкой с толстенькой пачкой подозрительно жёлтой бумаги. Я своими глазами видел (жена позвала из другой комнаты). Прочитал ли Пол до конца, не знаю. Он пока не звонил. Может быть, некогда: бегают скорее всего по друзьям — то Элтону покажет, то Ринго какому-нибудь. И все они радуются тому, как интересно было жить в советской стране, а сейчас ещё интереснее.

А фильм о приезде Пола в Россию мы сняли. Вы его уже, наверное, видели. Вроде ничего получилось. Забавно. Конечно, трудно было страшно. На концерте снимать нельзя! На приёмах снимать нельзя! Хорошо, что люди у нас прекрасные: помогали как могли на всех уровнях. А так — и съёмки, и то, что происходило после — всё это отдельная песня и вполне достойно специальной повести, которую я обязательно напишу.

Прошло семь месяцев

Я, если обещал, то всегда выполняю. Повесть не повесть, а кое-какие воспоминания есть.

Значит, числа 22 мая 2003 года приехали мы с Димой (мой соавтор, 31 год, вес — 95, рост — 190) в Питер с надеждой снять фильм о визите Пола Маккартни в Москву. Битл на самом деле почему-то сначала заехал на два дня в колыбель революции. Мы об этом узнали, и вот я после двадцатилетней разлуки снова в родном городе. Я же сам питерский (если кто не знает) — родился и тринадцать лет там прожил. Кстати, на горных лыжах катаюсь с семи лет и дзюдо маленько в школе занимался. Страшно боюсь, как бы Владимир Владимирович обо всём об этом не узнал. А то тут же заберёт на какую-нибудь руководящую должность, а мне ведь ещё мировое киноискусство поднимать.

Одним словом, разгуливаю я по городу, и очень мне всё нарядно и приятно. Питер к трёхсотлетию готовится: вокруг всё подкрашивают, подмазывают. Лампочки повсюду вкручены и, что самое интересное, — горят. В центре солдаты канализационные люки заваривают, чтобы какие террористы под землёй к официальным зданиям не подкрались. А направляемся мы на Ленинградскую студию документальных фильмов. На Крюков канал.

Слава Богу, быстро договорились насчёт камеры и всего остального и отправились двумя группами Пола караулить. По слухам, он должен был не то в «Астории» остановиться, не то в «Европе». Как я у Ольги Станиславовны побывал и чем это кончилось, я уже рассказывал, но помимо этого ведь ещё куча впечатлений. Люди в Питере — просто чума! То есть хорошие. Очень. Благожелательные, в беретах ходят.

Если алкаш, то обязательно в галстуке. Если бомж — то с портфелем. Дима на это посмотрел и начал серьёзно задумываться о перемене места жительства. А гостеприимство и покладистость на нас обрушились прямо с вокзала...

Таксист довёз до студии за разумную плату (на счётчике было 150 — взял 100). На студии тоже всё в порядке оказалось: никто больше чем на двадцать минут не опоздал, автобус завёлся сразу, народ в основном всё больше попадался не пьяный. В общем — ажур. И вот мы с аппаратурой и надеждами в центре города, рядом с Невским.

Напротив «Европы» здание ремонтируется, кран стоит до неба — немецкий красавец. «Либхер» называется. Я размечтался, вот бы туда забраться! Не мне, конечно, — оператору. Это какую же панораму можно снять! Но выясняется, что работы крановые закончились, более того, уже приехал огромный могучий автокран (тоже порядочный «Либхер») — разбирать наш башенный. И уже практически начал. Рабочие похвастались, что автокран стоит полторы тысячи баксов в час. Жалко, а то панораму можно было б снять. Но... Наш питерский директор Юра Кондаков пошёл к прорабу и в пять минут договорился. Работяги всё бросили, наплевали на тысячи, и оператор Коля Волков два часа героически ездил на самом кончике стрелы, добавив себе седых волос, но сняв такие виды, которые и со специального вертолёта не получишь. Потом Маккартни подтянулся, сняли и его. Юра позже рассказал, что прораб тот башенно-крановый от денег наотрез отказался, а сломался только на обещанной кассете с будущим фильмом. Очень было обидно за Москву.

Готовый фильм осенью честно привезли прорабу. С большой благодарностью. Так он даже не удивился. Уж очень было обидно за Москву.

Вечером этого же дня, уже после Ольги и дорогих гостей (около 24 часов) стою я на набережной, жду человека. А внутри себя состоявшуюся встречу переживаю. Кругом народ гуляет вовсю. Странно: день-то будний. Мимо компании подвыпившие проходят и посматривают внимательно: одет я не по-питерски. Ничего особенного, а как-то не по-питерски. А ребята все здоровенные, на корюшке взращённые. Неуютно от этого, а человек всё опаздывает. Наконец одна компания не выдержала. Подошли, окружили. «Не хочешь ли, друг, с нами бухнуть?» — спрашивают. Я бочком, бочком и в сторону. — «Улицы разбитых фонарей» ведь смотрю регулярно. Но тут другие подваливают — бабы с шампанским: «Не откроете ли нам бутылочку, а то пробка тугая!» Не открою!

Там небось клофелину до горлышка, а у меня часы, мобильник (в Питере говорят «труба») и вообще... Я стал сам прогуливаться, чтобы не маячить. Выпить хотелось страшно. И мысли грызли всякие.

«А вдруг, — думаю, — они все от чистого сердца? Да нет, не может быть!»

И так меня трусость собственная заела, что на «нерве» подошёл к трём бугаям — у них на парапете аж фужеры стоят, так они плотно устроились, — дайте, дайте, говорю, ребята, выпить. Из Москвы я, из Москвы!

Они говорят: «На! Мы так и подумали!»

Выпил. Стал анализировать.

Короче, за двенадцать минут мне, фигурально говоря, три раза предложили облагородиться. В Москве в 00.10 у метро за двенадцать минут три раза по репе могут настучать, а тут это. Опять стало обидно.

Утром с Димой перед съёмкой решили позавтракать. Время — 10.00. Перешли канал — на той стороне симпатичная блинная расположилась, но подошли ближе, а на дверях написано «с 11 до 20». Я решил, что ловить тут нечего, потому что у нас всего полчаса — до

открытия не дотянем. Но Дима — человек молодой, горячий. По морде получить тряпкой питерской не боится. Вот он и давай в дверь стучать: увидел в стекло внутри какие-то тени. Открывает типичная женщина, причём именно с тряпкой. Дима спрашивает вежливо — типа нельзя ли у вас тут пожрать. Баба тряпкой взмахнула, обернулась внутрь в темноту, да как закричит: «Нинка! Нинка! Подь сюда!». Я на всякий случай отодвинулся. Появилась мускулистая Нинка.

— Нин, у нас есть чего готовое?

— Ну... блины с грибами есть. И с мясом, заходите, ребята.

Мы робко зашли, ждём подвоха, посели. Нинка принесла две порции отличных блинов, салатки там всякие, а Дима разошёлся и даже пирожное заказал. А ведь мы вчера выпивали — по полтинничку очень не повредило бы, но в меню только одно пиво. Да и вообще мы тут на птичьих правах. Димке в состоянии крайней питерской эйфории такие сомнения чужды, он поэтому без столичных обиняков спрашивает: «Милая, а как у нас насчёт этого дела?» — и делает всем понятный жест. Нинка даже не ударила. Просто сказала с сожалением, что у них только пиво, а до ближайшей рюмочной всего пять минут ходу, а если бегом кинуться, то и две. Потом посмотрела на нас повнимательнее, сжалилась:

— Здесь за углом и магазин есть, сейчас работает, добежите, возьмите. Я вам здесь разрешу.

Мы ответили, что, мол, не местные, что, мол, ходить туда-сюда за незнакомый угол нам не след, — в общем, жалко очень. Она махнула рукой, достала из-под прилавка графинчик, две рюмки: только, излагает, есть у меня одно условие. Я радостно полез за деньгами. Она говорит: «Не бу-я-нить!» Что ж, никто и не собирался.

Вечером нам предстояло переночевать в комнате у Диминого товарища, который как раз сегодня уезжал в

Москву. Днём мы заехали к нему в старую коммунальную квартиру, подлежащую вскоре расселению. Комнат семь-девять, потолки — метров пять (ей-богу), общая площадь около 150. Скоро ремонт, а потом олигарх поселится со всеми вытекающими. А пока Димин друг нас с жильцами знакомит — мы вернуться должны часа в 2 ночи, потому что к Коле Васину собрались — главному битломану страны. Всю жизнь Коля собирает всякие битловские реликвии, его коллекции мог бы позавидовать музей «Битлз» в Ливерпуле. Преодолевая бесчисленные препятствия, неведомо где набирая деньги, Коля семь раз ездил в Англию, но, как говорится, — ни разу дома не застал. В общем, у Васина будет что посмотреть и о чём поговорить. Так что надолго затянуться может. Вот мы и тренируемся наружную дверь открывать. Замку лет сто, так что можно облажаться. А чтобы ночью к Серёгиной комнате в темноте по почти тридцатиметровому коридору проскользнуть и никого не потревожить, мы специальные учения проводим. Стараемся ни за велосипед на стене, ни за корыто, ни за многочисленные тумбочки не цепляться. Учения Анна Леонардовна проводит — строгая и очень ответственная квартиросъёмщица. Она до этого всех жильцов построила, Сергей нас представил, коротко про Маккартни упомянул, паспорта наши показал и т. д. Жильцы моментально перессорились: одни говорили, что нас гнать надо немедленно, другие — что стремглав прописать. Сергею даже пальцем грозили. Мы решили, что без крайней нужды туда ночевать не попрёмся. Хотя то, что они двери свои не запирают, а если запирают, то ключи кладут на кухне на видном месте, как-то по-хорошему порадовало.

Потом поехали в манеж. Туда (опять же по слухам) должен был скоро Маккартни приехать — открывать благотворительный фонд для музыкально одарённых

детей-сирот. Помещение оцеплено. Ни пройти, ни проехать. Говорят, что уже охранники Пола приезжали и стоящие в зале микрофоны специальными датчиками на присутствие яда проверили. Что же делать-то?!

У нас две камеры. Снимать, оказывается, нигде нельзя. Я стал метаться, искать какое-нибудь начальство. Наконец кто-то сказал, что хозяин манежа вон в том джипе на набережной сидит, сейчас уже уезжать собирается. Действительно, уже движок завёл и стёкла поднимает. Коротко стриженный, в цепурах и перстнях, посмотрел на меня, как на слякоть. Я к нему пристал на предмет снять. Он долго хохотал, изображая разработанными пальцами разные сложные фигуры, — короче, отказал наотрез.

— Да поймите вы, — давил я ему на сознание, — ну и что, что англичане сами снимают! Нам же они не продадут, а уж если сподобятся, то за такие сумасшедшие деньги, что никто не купит. Наши люди сорок лет ждали! Вы же русский человек?!

— Нет! — он говорит. — Меня Ринат зовут.

— Я ведь из Москвы притащился. А родился сам в Питере, Москва — дрянь городишко, и люди гнилые.

Он двигатель заглушил, на часы посмотрел:

— Пойдём со мной скорее.

И мы пошли вдоль длинного здания манежа, сверкающего свежей краской. Подошли к торцу. Торец, правда, по виду в последний раз в семнадцатом веке ремонтировался, но что ж я не понимаю? Про потёмкинские деревни не раз слышать приходилось. Ринат позвал какую-то голимую Ньюру, та притащила два ящика и пристроила их под слуховым оконцем, забитым ещё в сорок втором, блокадном.

— Да вы что?! Нипочём мы с «Бетакамом» в такую дырку не пролезем! Да и высоко!

Он меня не слушает, приказывает ещё и доски с окна оторвать. Я ещё какое-то время пораспинался,

потом подумал, а вдруг это окошко прямо в зал выходит. Тогда мы бы прямо с улицы могли снять. А Ринат меня уже в зал потащил.

— Вот кладовка за шторкой. Бери своих с аппаратурой и полезайте туда. Вылезете, когда всё начнётся. Я тебя не знаю, ты меня не знаешь. Если вас англичане поймают, говорите, что через то окно пробрались. — И звякнул браслетом в каменном монголо-татарском рукопожатии.

Сняли всё и даже больше.

Вечером поехали к Васину. Он сегодня впервые увидел Пола живьём, поцеловал ему руку и вручил письмо и медаль. С Колей разговаривали и снимали его как раз до тех самых двух часов ночи. В общем, много мы в этот день сделали полезного, вот только поесть забыли. Машина уже отпущена. Рядом с местом нашей ночёвки ничего ночного не просматривается. Плюнули и потащились по широкой лестнице наверх, в Серёгину коммуналку. Я злой и голодный как собака — наверное, ежа бы слопал — так жрать да пить хочется. Вода из-под крана невкусная, да и вообще сомнительная (я днём проверял), так что жажда ещё сильнее обуяла. В коридоре в темноте зацепили и велосипед, и корыто, и тумбочки. Даже сундук попался, которого вроде днём не было, — грохнуло, как при землетрясении. Соседи со свечами стали в ночнушках легкими тенями туда-сюда шастать, укоризненно в нашу сторону молчать, создавать вокруг нас атмосферу неприятия и враждебности. Но мне уже всё равно было — две мысли покоя не давали: есть у нас в комнате холодильник и есть ли что-нибудь в этом холодильнике. Наконец добрались до комнаты. Включили свет: там развал, как после обыска. Оставь надежды, всяк туда входящий! Димин друг — человек богемный, ждать от него холодильникового изобилия не приходилось. И точно: пусто. Нет, водка-то у нас с собой была, но даже глотка

воды к этой водке не было. Я огляделся: что-то в комнатном натюрморте диссонировало. Кажется, вот эта уж больно аккуратно топорщащаяся на столе салфетка. Сорвал я её дрожащей рукой, а там:

1) термос китайский литровый 1969 г. р. со сладким чаем с лимоном;

2) два бутерброда из ленинградской булки с маслом и дворянской колбасой:

3) шесть пирожков с рыбой и морковкой (смело, но очень вкусно);

4) три домашних солёных огурца на треснутом блюдецке с голубой каёмочкой;

5) внушительный кусок студня с ярко выраженными чесночными вкраплениями;

6) начатая бутылка хереса, заткнутая бумажкой.

Очевидно было, что руку к этому «пикнику на обочине» приложили не два и даже не три человека.

Нет, слабоват я на сравнения, не хватает всё-таки таланта описать наши ощущения. Из расплывчатого серого враждебного образа чужой квартиры вдруг мгновенно сформировалось доброе свежее личико, похожее на Анну Леонардовну. Личико кивало и лукаво улыбалось.

Ну и как вы думаете, за жителей какого города мы с Димой до пяти утра без устали выпивали?

В Петербурге Пола Маккартни ещё почётным профессором консерватории назначили, а Валентина Матвиенко книгу подарила с видами Питера. В фильме этот эпизод сопровождается текстом: «Наконец-то в единое целое объединились две половинки — Пол Маккартни и полпред президента В.И. Матвиенко!»

Всё это Дима виртуозно снял, гениально пронеся в помещение камеру. А мы, остальные, в тот момент осуществляли старинный проверенный вариант прикрытия под названием «Константин Заслонов».

Потом ночью Маккартни с молодой женой ещё где-то в музее побывал, красотами полюбовался и отбыл на своём самолёте в Москву на собственный концерт. Говорил потом журналистам, что в городе Санкт-Петербурге ему очень понравилось, показали много интересного. Нам тоже понравилось. Одним словом, нас с Полом в Питере отлично принимали. Его, правда, на его уровне, а нас, конечно, на нашем. Но на бумаге «нас с Полом» выглядит, мне кажется, очень увесисто.

Если бы в Москву я летел вместе с Маккартни на его самолёте, я бы обязательно успел на небольшую демонстрацию прокоммунистически настроенных бабушек, которые часов в 10 утра в день концерта со знаменем вышли на Красную площадь протестовать. Но я не летел с Полом на его самолёте, а ехал с Димой на поезде, поэтому не успел на эту небольшую демонстрацию прокоммунистически настроенных бабушек. Да-да, оказывается, были и такие, кто выступал против того, чтобы Маккартни поганил святое место своим кривлянием. ЛДПРники написали музыканту письмо, где, называя Красную площадь то мемориалом, то кладбищем, предлагали альтернативные варианты типа Митинского или Востряковского — это г-н Митрофанов по телику озвучил, а симпатичный и эрудированный Володя Соловьёв в своей высокопрофессиональной манере его на место поставил. Короче, снять бабушек с антибитловскими плакатами не удалось.

Перед концертом должна была состояться пресс-конференция. У меня на шее висела бумажка, объяснявшая всем и каждому, что я бешеный VIP и проход мне везде и всюду. Я выбрался на пустые покаряды и сел, чтобы не маячить. На сцене пока шла проверка звука (sound-check), а потом Пол должен был пройти от сцены к постаменту в центре площади. Вот я

и устроился с краю центрального ряда так, чтобы он как раз рядом со мной продефилировал. Мы ж теперь не чужие. Может, он ночью или в самолёте рукопись уже прочитал, а сейчас мне денег даст?! Через десять минут репетиция закончилась, и Пол в окружении четырёх-пяти человек как раз мимо меня прошествовал. Улыбнулся. Я хотел встать, но он рукой меня по плечу (левому) похлопал, не давая подняться, и пошёл дальше, упруго ступая чёрными кедами на «манной каше». Он ведь кожаных изделий не носит — «зелёный».

На пресс-конференции пара моих завуалированных наводящих вопросов про нашу тайну потонула в море наиглупейших (каковы ваши дальнейшие творческие планы?) реплик. Кто-то спросил, правда, настоящий он или двойник?

— It's a secret! — ответил Пол, а через полтора часа и сам концерт начался.

А ещё я перед началом Макаревича встретил. Он был с сыном и большим маккартниевским портретом, который Андрей сам написал. И, хотя сделал он это давно, ещё учась в девятом классе. Битл на картине смотрелся как живой. У Андрея с сыном неплохие места были — ряд, кажется, седьмой, примерно в середине, но позже компетентные лица попросили его от сына пересесть на первый после широкого прохода удобный ряд, а потом туда же и Путин с Лужковым подтянулись. А портрет Андрей после концерта всё-таки вручил тому, кто был на нём изображён.

Перед нами стояла задача каким-либо образом сиять реакцию зрителей на концерт. Сделать это не представлялось возможным. Компания ВВС (Би-би-си) снимала фильм о первом посещении Маккартни бывшей империи зла, соответственно привезла с собой человек семьдесят специальных охранников и заключила контракте нашими службами, чтобы никого

постороннего с камерами в пределах среднего разрешения телеобъектива и духу не было. На всех кордонах и контрольно-пропускных пунктах отбирали даже «мыльницы», а уж о том, чтобы пронести более или менее профессиональную камеру, и речи быть не могло.

Мы толпились между двумя служебными входами. Со стороны Васильевского спуска. В один вход нас уже с позором не пустили:

— Да вы что?! С аппаратурой, штативами и такими рожами?! Совсем мозгов нет?! Вас англичане застрелят!

Подтянулись ко второму входу. Бейджики на проход у нас были, и ещё я знал фамилию и номер мобильного начальника всей охраны. Поговорить с ним не удалось, потому что у него телефон (я думаю, преднамеренно) был всё время занят, и я решил пойти ва-банк.

— Позовите, пожалуйста, старшего. — говорю квадратному малому в чёрном костюме.

Пришёл старший. Ещё более квадратный. Я вступил с ним в переговоры:

— Вот мобильник, позвоните Валере, он в курсе. Мы — съёмочная группа самого Капитановского. Нам очень надо!

Старший пожал плечами, набрал — там занято. Ещё раз набрал — то же.

— Эти пусть пройдут, но без камер! — И ушёл.

— Оставьте аппаратуру в машине или в автобусе и идите!

— У нас нет ни машин, ни автобуса! (врём).

— Ваши проблемы!

— Ребят, — это я нашим, — сложите камеры вот на этот столик (там столик стоял). Господин охранник! Вот камеры, одна восемь стоит, другая двенадцать. Мы пошли, а после концерта заберём. Только вы уж смотрите, чтобы чего не вышло. Техника очень дорогая.

— А вы снимать случайно на концерте не собираетесь?

— Мы?! Да у нас уж плёнка вся кончилась. Просто так идём, посмотреть. Да и камеры убраны, вон одна в сумке, другая в куртку завернута. А это не вы уронили? — И показал ему зелёный уголок бумажки с Бенджамином Франклином.

Вдоль всего ГУМа со стороны площади тянется нечто вроде сорокасантиметрового парапета. На парапете чугунные столбики с цепями. В тот день за цепями стояли тоже цепью, но редкой, милиционеры. Человек триста. Между ними и ГУМом расхаживали парами английские бибисишные охранники. Лёша с маленькой камерой под мышкой ушёл пробовать поближе к сцене подобраться. Коля с камерой, завернутой в куртку, присел на парапет в ногах у ментов. А я метался мимо него вдоль цепей, мечтая хоть что-нибудь снять. Вернулся Лёша с обломками. Его засекли и ударили по аппарату. Камера упала, однако Лёшка успел подставить ногу. Объектив остался цел, но крышка отвалилась. Увидев, что камера на куски, охранники отбирать не стали. Просто ограничились тем, что прогнали. Мы потом починили (\$300). Минула уже треть концерта, и тут я увидел, что неподалёку среди других милиционеров стоят два матёрых полковника. В огромных фуражках с высокими и загнутыми, как у немецких офицеров, тульями, при полном параде и т. д. Один из них, блестя глазами, заметно шевелил губами и даже несколько раз попал в такт исполняющейся в этот момент на сцене песне «It's Getting better all the time». Я тут же подскочил к нему:

— Товарищ полковник, вы же русский человек... — сказал и напугался — нос великоват.

— Нет, нет, ни в коем случае!

— Ну пару кадров, а то мы ждали сорок лет, а англичанам на нас плевать с высокой колокольни...

— Давай, только быстро...

Коля мгновенно расчехлил камеру, вскочил на парапет к полканам, а я начал бегать вниз, осуществляя атас. Вот как раз и идут (они буквально обходы делали) не то наши, не то англичане. Одеты одинаково — не разберёшь. Я в ужасе обернулся и увидел, что Коля спокойно снимает, положив объектив одному из полковников на погон. Чуть позже полкаши позвали человек пятнадцать молодых милиционеров, которые, встав полукругом, полностью оградил оператора, по крайней мере от тех секьюрити, кто дежурил у ГУМа. Коля поставил штатив, и через какое-то время его полукамуфляжная одежда так намелькалась всем кому надо, что на него вообще перестали обращать внимание. Но это около полковников.

Где-то за полчаса до конца концерта Николай говорит:

— Макс, ничего с собой поделывать не могу. Пойду в народ.

Я, конечно, в истерику. Камера-то арендная. Мало нам одной разбитой?!

— У меня в Питере есть «Опель» в приличном состоянии. ПТС на руках.

— Ну давай!

И Коля кинулся в гущу событий. Никто его и пальцем не тронул. Во-первых, он действительно намелькался среди ментов, а во-вторых, к концу концерта даже официальные люди настолько размякли от полученного кайфа, что, наверное, готовы были разрешить что угодно. Так что грех было не воспользоваться.

P.S. Издательству, которое книгу выпускает, я обещал весь материал в последний раз перечитать и поправить. Что и сделал. Было это в начале июля 2006 года. Когда проверял, то вспомнил, что два года назад — 20 июня 2004-го мне довелось с Полом опять повстречаться. Причём именно в Питере. Там у него был концерт на Дворцовой площади. Мы ему ухитрились кассету с фильмом о его прошлом приезде передать. И произошло такое! Но уж об этом точно надо отдельно писать. Вы уже убедились, что моё слово твёрже алмаза. Давайте ждать следующую книгу.

А премьера нашего фильма «Пол Маккартни. 73 часа в России» прошла в московском Доме кино. Перед фильмом небольшой концерт был: известные московские музыканты распряглись в битловской теме, а зрителей поили портвейном «777» и кормили плавлеными сырками. Как в каком-нибудь подъезде в семидесятые годы. У администрации Дома кино сначала сомнения были. Типа у нас ведь такие люди собираются! Бомонд! А вы с пошлым портвейном.

А бомонд что, не человек?! За милую душу 166 бутылок выхлестал. И триста сырков «Дружба» срубал. Потом все восхищались: двадцать с лишним лет таких премьер не было! Со времён «Москва слезам не верит!». А то: бомонд!

За последние два года «Маккартни» проучаствовал в фестивалях документальных фильмов в Екатеринбурге, Сочи, Питере и Выборге. Получена куча призов и «Серебряный кентавр» за лучшую полнометражную документальную картину. Где бы ни показывали — везде аншлаг. Вот как у нас любят сэра Пола и хорошее кино!

Малый Декамерон

МАЛЫЙ ДЕКАМЕРОН

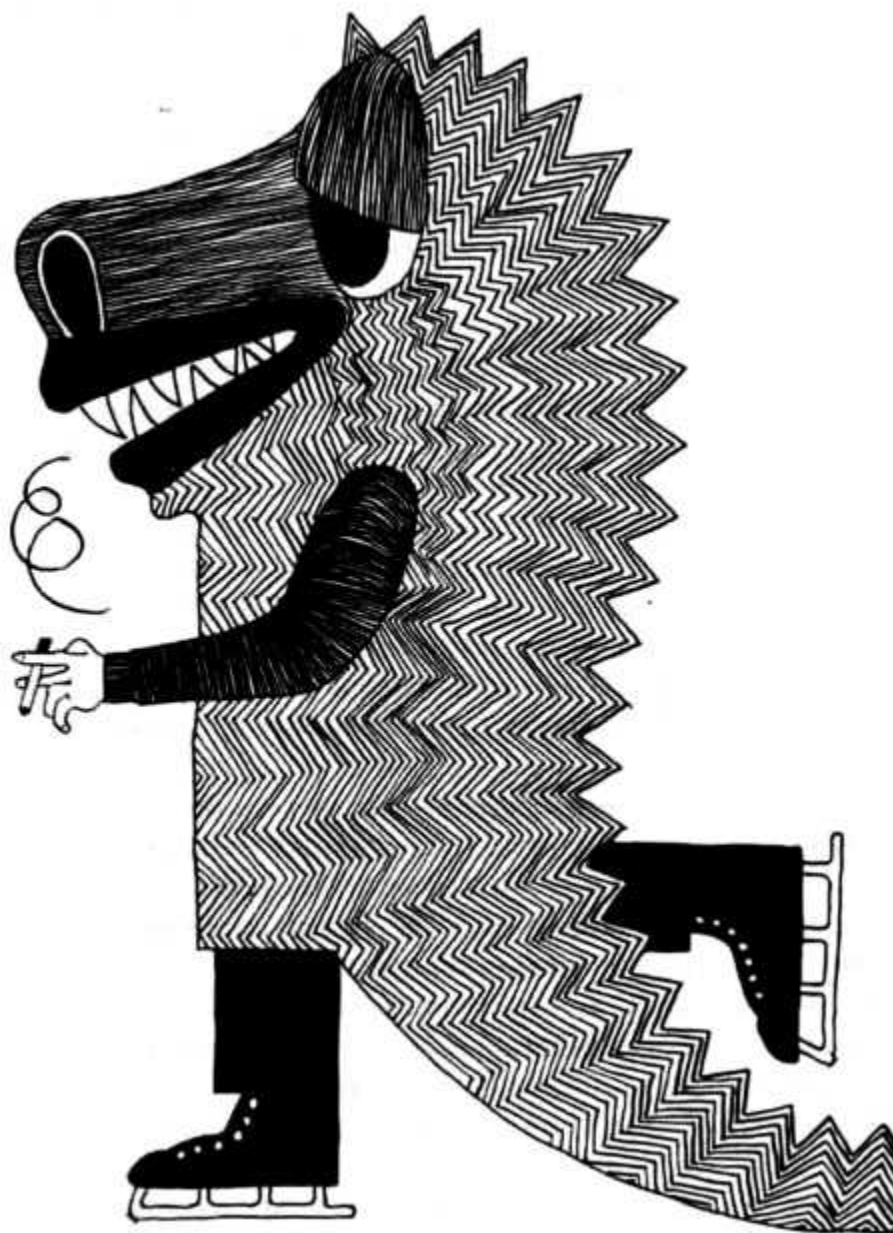

Рассказы

Волшебные спички

*Успех — это не то, чего ты добился
для себя самого, а то, что ты сделал для
других.*

Дэнни Томас

Как-то очень давно 1 января мы сидели с неким Володей внутри кита и пили на гуслях портвейн. Володя время от времени отвлекался, вставал со скамеечки и, вставив в отверстие над нашими головами большой пластмассовый насос, выдувал в окружающее кита пространство несколько литров воды. Потом мы с ним, оскальзываясь, передвигали кита на пару метров и возвращались к основному занятию. Иногда я приподнимался и глядел в смотровую щель на разворачивающееся на льду Дворца спорта новогоднее действо. Ноги в лаптях очень мёрзли.

Прийти 1 января на двенадцати часовую ёлку в Лужниках знакомые девчонки из эстрадного балета уговаривали меня уже несколько лет, и вот, воспользовавшись географической близостью ресторана, где мы тогда праздновали Новый год, я наконец сподобился. И не пожалел: посмотреть было на что!

В полдвенадцатого со служебного входа Ленка провела меня в гримёрную, где переодевались и готовились к выходу по большей части знакомые мне ребята. Ленка целиком была одета морковкой — свободными оставались только конечности, и каждый фужер с шампанским ей приходилось проталкивать в дырку для левой руки. Она его там подхватывала, потом вся Морковка легонько отклонялась назад, и в дырке, как в уличном автомате, показывался совершенно пустой фужер. Остальные овощи, пираты, пионеры и зайцы пили водку без особенных проблем.

Зашёл озабоченный хмурый режиссёр в толстом свитере. Зыркнув из-под кустистых бровей на компанию, он прошёл прямо к большому алюминиевому кофру для концертных костюмов, положенному на бок, на котором был на газетах сервирован новогодний артистический стол. Выпив и закусив чьим-то пирожком, спросил: «Карлсон в порядке?» Заяц в годах

вытер рот левым ухом и кивнул в угол: Карлсон с помятыми лопастями сидел там, жевал что-то и был вроде бы в порядке. «А Садко?!» Вместо ответа ему подали стакан. Режиссёр безнадёжно махнул рукой, выпил, обвёл глазами помещение. «А это чей?» — спросил он, заметив мою ладную фигуру среднего роста. «А это наш», — сказали в один голос Ленка, Галья и Наташка — статный грудастый Пионер-кибальчиш. Режиссёр взял меня за рукав и отвёл в сторону.

Я — человек, не склонный к авантюрам, никогда бы не согласился, если бы не два обстоятельства: подавленная бессонной ночью сила воли и бутылка армянского коньяка. Её, кривясь от любви к искусству, режиссёр пообещал мне за сорокаминутное пребывание в роли бородатого, но благородного Садко — купца второй, а чем чёрт не шутит, может, даже и первой гильдии.

Спектакль, как мне объяснили, шёл уже четвёртый Новый год подряд. Сценарий написал автор, «забывший» в прошлом году вернуться из творческой командировки в Румынию. Румыния — это ведь не какая-нибудь там Италия, поэтому представление совсем не сняли, а только вымарали из афиши имя автора. Он, я думаю, в претензии не был.

Суть представления заключалась в том, что труппа, как бы сказали в Америке, хороших парней (овощей, пионеров и т. д.) за каких-то два часа возвращала похищенные плохими ребятами (пиратами и разными плохишами) волшебные спички для зажигания ёлки. Садко с гуслими, в нужный момент вылезавший из пасти кита, был сторонником овощей и пел под гусли былинную балладу, в которой стыдил и обличал оппонентов, убеждая их взяться за ум и устроиться на работу.

Часть действия разворачивалась на сцене, а часть прямо на льду, где вечерами поигрывали на счёт ЦСКА с «Динамо». Было очень холодно, и именно эта версия спектакля особенно ценилась артистами за то, что предусматривала непрерывные, но безуспешные попытки Бабы-яги опоить хороших парней отравленными зельями. Причём плохие ребята самовольно изменили сценарий и стали для виду как бы пробовать зелье на себе. Простодушные хорошие парни им как бы верили и под протестующие предупреждения сжавшихся от холода немногочисленных детей с трибун всё-таки пили отраву. Спектакль шёл под фонограмму, где музыка и текст были записаны единым блоком, и артистам требовалось незаурядное мастерство, чтобы сценически обосновать пять-шесть лишних подходов к отраве. Под видом зелья пили они, конечно, водку.

Мне выдали весь фраерский купеческий набор, я облачился, тряхнул для пробы золотыми пластмассовыми кудрями, глянул в зеркало: чудо как хорош! — и на секунду позавидовал Морковке, которую для разнообразия собирался после всего забрать домой. Единственным изъяном были лапти. Я, как творческий человек, видел себя в красных сафьяновых сапожках с загнутыми носами. Но уж не до жиру.

Володя, который перебивал на представлениях и пиратом, и Снегурочкой, и вот сейчас «водителем» Кита (деньги всем платили одинаковые), посмотрел в щель и распечатал следующую бутылку: «У тебя ещё минут десять».

Новогодняя кампания считалась у артистов любого профиля единственным серьёзным подспорьем в не шибко богатой гастрольной жизни. Поэтому готовиться и «забивать» себе заранее новогодний график все начинали ещё с октября. Особенно ценились два числа — двадцать восьмое декабря и непосредственно тридцать первое. На двадцать восьмое праздничные

вечера обычно назначали крупные богатые организации, а работа в самый Новый год издавна оплачивалась заказчиками по двойному или даже тройному тарифу. Кроме этого, ещё десять-двенадцать первых январских дней можно было проучаствовать в многочисленных детских ёлочных представлениях и побыть буратинами, снеговиками, империалистами и ещё бог знает какими персонажами, рождёнными буйной фантазией авторов с труднопроизносимыми фамилиями.

Ленка, между прочим, в свои двадцать шесть была дважды или трижды лауреатом всяких там конкурсов, в том числе и заграничных. Тем не менее, так же как и все, поскакать два часа Морковкой за двадцатку зазорным не считала. Короче, артист среднего пошиба за новогодние две недели, работая не покладая ни рук, ни ног, мог подняться рублей на пятьсот-шестьсот и создать «жировую прослойку» аж до летних гастролей в Сочи. Так что детские ёлочные дела в артистической среде уважали и уважают до сих пор. Ходил даже такой анекдот про затюканного провинциального актёра, которому в конце декабря позвонил Стивен Спилберг и предложил полуторамиллионный контракт на главную роль, только выезжать на съемки нужно было послезавтра. «Да вы что?! — отверг нелепые притязания актёр, — у меня второго и третьего по две «ёлки»!»!»

— Макс, твой выход. Там два куплета, ты рот поразевай, до трибун далеко. — ободрил меня опытный Володя и распахнул пасть. Китовую, естественно.

Стряхнув крошки с бутафорских гуслей, я вылез на лёд под ослепляющие лучи прожекторов как раз в тот момент, когда из-под потолка грянул искажённый дряблыми динамиками фонограммный голос: «... Победный миг недалеко, на помощь к нам идёт Садко»». Я стал озираться в поисках персонажа,

который мог меня так тепло приветствовать, но, кроме нескольких овощей и Бабы-яги, вблизи никого не заметил. Глаза попривыкли к свету, и в необозримой дали стала видна высокая сцена с ёлкой, около которой метались два светлых пятнышка. Теоретически это могли быть Дед Мороз со Снегурочкой. Невдалеке, дробно поколачивая по льду хвостом, на коньках проехал Дракон со смышлёными глазками. Сделав красивый пируэт, Дракон отрубил двойной ригбергер с выходом в либелу. Как я потом выяснил. Дракон был приبلудным. Будучи дальним родственником билетёрши, он имел собственный костюм и, независимо от сюжетной линии, кочевал по любым представлениям на льду, так как единственный из всех умел кататься на коньках. Народ рептилию недолюбливал и бешено завидовал её возможности легально курить под длинно-мордой маской.

Дракон отвлёк, и первые свои аккорды я прозевал, а когда второпях всё-таки ударил по нарисованным струнам, «мой» голос из-под потолка уже пел: «Ой, да вы послушайте, да люди добрые, да песню звонкую, да из града, да из Новгорода...». Два куплета пролетели быстро, и меня окружили пристыженные пираты. Но вскоре выяснилось, что не все они встали на путь истинный: двое-трое размахивали устрашающими тесаками в непосредственной близости от моего лихо заломленного купеческого колпака. Я было вознамерился дать гусями в курятник ближайшему Бармалею, но в красивой ступе подоспела Баба-яга с зелёной треугольной бутылкой отравленного зелья. Отпихивая локтями дымящегося Дракона, все бросились травиться.

После портвейна водка показалась мне очень крепкой, и, заметив мою съехавшую от перекоса морды бороду, какой-то монстр — помесь папы Карло и Дуремара — подал мне сильно начатую бутылку с

«Дюшесом». Сделав большой глоток и частично притушив этим пожар в желудке, я с сожалением отдал бутылку назад, оставив там немного лимонада для кого-нибудь ещё. «Да ничего, — сказала помесь, — сейчас Карлсон ещё привезёт!»

Что ж, я допил до конца.

Из-под потолка доносилась стихотворная перебранка Айболита с кем-то из команды Бабы-яги, но такая мелочь процессу отравления помешать уже не могла.

Сверху, из самой гущи айболитовских разборок, съехал тонкий цирковой тросик с пустым болтающимся страховочным ремнём и скрипучим голосом Крокодила Гены угрожающе сказал: «А вот и я — Карлсон, который живёт на крыше!». Подоспевшая Снегурочка вступила с ремнём в длительный диалог по поводу волшебных спичек, потом потеряла к нему интерес и подошла к Яге облагородиться.

Незаметно подплыл Кит: «Ребят, дайте выпить, щас дуба дам, — кричал, скрипя пастью, одичавший Володя, — а то офонтаню всех на хер!». «Да подожди ты минут пять, — сказал нетвёрдым девичьим голоском голимый Мальчиш-плохиш, — пионеры уже побежали».

И правда, вдалеке показалась Наташка с ещё одной плотной бабой-пионером. Продвигая по льду скрюченные холодом ножки вдоль отодвинутого в сторону хоккейного борта они не скрываясь, несли увесистый полиэтиленовый пакет.

Потом произошло то, что рано или поздно случается на всех фонограммных концертах, — порвалась плёнка, и на огромный зал упала звонкая морозная тишина. Надо отдать людям должное: не всем было наплевать — кое-кто всё-таки обернулся и посмотрел в туманный торец помещения, где под потолком угадывалась узкая бойница радиорубки.

Я представил себе, как явно нетрезвый радист ищет среди бардака на рабочем столе ацетон и негнушшимися от холода пальцами пытается подцепить ломкие края свемовской плёнки «тип б», и понял, что пауза может затянуться очень надолго. Но оказался не прав, потому что минут через пять дворец огласился звуками популярной тогда песни, которой радист догадался заткнута дыру. «Не надо печалиться, вся жизнь впереди, надейся и жди!» — пели молодые задорные голоса, но из-за лёгкого несоответствия скорости воспроизведения звучало всё вяло и очень грустно.

На нетвёрдых шасси появился заспанный Карлсон, переквалифицировавшийся из вертолётки в аэросани. Он «подъехал» к Киту, вокруг которого последние двадцать минут разворачивалась вся основная битва за волшебные спички, остановился, задрал кудлатую голову вверх и стал делать потолку какие-то знаки. При этом сукин шведский сын воспроизводил некие булькающие звуки, которые в переводе со шведского должны были, наверное, означать «майна помалу!». И действительно, сверху съехал уже знакомый тросик, только на конце его болтался не пустой ремень, а увесистый мешок, украшенный новогодними звёздами и снежинками. В мешке приятно позвякивало.

Несмело начали подтягиваться первые родители. Четверо активных пап ухватили большой фрагмент хоккейного борта и при помощи трёх пиратов. Зайца и почти двухметрового Мальчика-с-пальчика взгромоздили на Кита. Китовая верхняя часть прогнулась (Володька еле успел выскочить) и образовала устойчивую плоскость, на которую деревянный бортовой щит встал как вкопанный.

Взрослые зрители, не чинясь, выставляли на этот импровизированный стол термосы и бутылки и раскладывали принесённую из дома снедь. А счастливые дети таскали за бутафорские пейсы Деда

Мороза и гурьбой гонялись за покрасневшейся от водки Снегурочкой, которая совершенно забыла, что она совсем не внучка Дедушки Мороза, а хмурый нижний акробат Сергей Рогов, серебряный лауреат циркового конкурса в Париже.

Никогда ещё искусство в ТАКОЙ степени не принадлежало народу, и, когда дурной голос из-под потолка вдруг снова заорал: «А ну-ка, ёлочка, зажгись!» — никто и ухом не повёл.

Домой я попал только к вечеру. Обутым в лапти. С переодетыми из овощей в очаровательных девушек Ленкой и Наташкой, но без коньяка, про который забыл. Да и чёрт с ним — холодильник был забит под завязку ещё тридцатого числа.

Настоящая новогодняя ночь ещё только начиналась.

Зелень

*Если вам довелось наблюдать
успешный бизнес, значит, кто-то когда-то
принял смелое решение.*

Питер Драккер

Обслуживание и питание в советских ресторанах в самом конце семидесятых годов не отличались большим разнообразием. Омары в шампанском и соте из соловьиных язычков ещё не подавали. Все изыски, на которые могли рассчитывать трудящиеся, — это котлеты по-киевски, цыплятки табака или уж совсем запредельное блюдо осетрина по-московски.

Хамство повсюду также процветало примерно одинаковое, поэтому граждане, собиравшиеся культурно отдохнуть, стали отдавать предпочтение тем заведениям, где пожирание пищи и алкоголя сопровождал более или менее приличный оркестр. Который за отдельные деньги мог бы сыграть если не всё, то почти всё, что может прийти в голову состоятельному клиенту.

В тот день я приехал на работу очень рано — часа в три. Была назначена «репа» (репетиция). Следовало навести блеск на два свежайших шлягера, которые вот уже полгода как беспрерывно заказывали посетители. Мы, конечно, играли, но неуверенно, на слух и, как говорится, на «глухо-немецком» языке. На этот раз руководитель Гриша должен был привезти фирменную запись и слова, списанные с плёнки его другом — хорошим переводчиком. Речь шла о песнях «Una paloma blanca» и «Lady bamp». А то до этого мы пели: «Унапалона бланкат шмар ди комтуре тапа», — что хавалось на ура, но у музыкантов же должна быть хоть какая-то совесть.

Я вышел из левой машины, которую поймал у метро «Тушинская», и поднялся на второй этаж низкого двухэтажного здания, где размещался один из немногих тогда загородных ресторанов — элитный кабак «Старый замок». С гордостью окинув взглядом уютный зал с богатой аппаратурой, я присел за столик к моим друзьям, которые за кофе коротали время в ожидании репетиции. Кто бы мот подумать, что это наш последний день в «Старом замке».

Раньше на первом этаже ресторанного здания была столовка, и окрестные работяги в ватниках и сапогах, распивавшие там портвешок под пельмени, при желании и наличии минимума средств после шести вечера беспрепятственно поднимались наверх и

автоматически облекались новым статусом крутых-деловых завсегдатаев почти ночного(!) загородного кабака.

Но так было до нас, и именно такую ситуацию полтора года назад мы и застали, впервые приехав в этот ресторан, чтобы рассмотреть предложение стать штатным ансамблем пока еще не раскрученной, но многообещающей новой точки.

В зале орала блатная магнитофонная музыка, воняло мокрой рабочей одеждой, плохими папиросами, вообще всё было в дыму — не курила только кудлатая собака, лежавшая у порога. Пьяные официанты, по внешнему виду ничем не отличавшиеся от посетителей, разносили некое подобие шашлыков (кухня там считалась кавказской) и танцевали с немногочисленными дамами — если их, конечно, можно было так назвать.

Но само помещение было свеженьким. Грузин-дилетант с труднопроизносимой фамилией, которому полгода назад отец на тридцатилетие подарил этот кабак, по слухам, вложил в ремонт и интерьер пятнадцать штук баксов — тогда они назывались гринами, а пятнадцать — это было много. Я никогда не бывал в грузинских замках, поэтому с большим интересом осматривал уродливую чеканку, мохнатые шкуры, цепи и топоры пожарного вида, которыми был щедро декорирован основной зал. Как бы то ни было, но ресторан находился всего в четырех километрах от МКАД по Волоколамке, имел удобную площадку для автомобилей потенциальных посетителей и крышу местного райпо. А пьяный официант с фингалом Костя поведал, что рядом есть удобная дорога, по которой на обратном пути можно объехать тушинский пост ГАИ, известный на всю Москву своими антиалкогольными зверствами.

Короче, тема была вроде бы стоящая, и после полутораминутного обсуждения мы взялись за дело. За какую-то неделю и три бутылки коньяка хозяина удалось убедить, что перед ним самая лучшая в Европе и широко известная в мире команда по раскрутке новых кабаков. Для этого было устроено несколько встреч и организована серия звонков типа: «А чё, правда, што ли, у вас Вишельский (фамилия руководителя) выступает? Круто!», или: «За сколько недель надо столик заказывать Вишельского послушать?», или: «А пятихатку грин в натуре хватит вдвоём с мочалкой посидеть?».

Одним словом, Тенгиз сказал: «Фас!»

Первым делом мы потребовали рассчитать большую часть старых официантов, взять несколько новых с нашей подачи и всем пошить одинаковую спецодежду. Так и было сделано, правда, где-то неделю мы отмазывали хозяина от сбившихся в организованную банду уволенных халдеев, пока двухметровый друг Гришки Марик — новый и единственный в мире еврей-швейцар-вышибала — их однажды не поймал и двоих не убил. Потом на второй этаж устроили отдельный вход, где за солидной дверью с глазком в умопомрачительном костюме и при чумовых часах окопался тот же сладкий Марик.

Чуть раньше мы перевезли аппаратуру и договорились с простодушным Тенгизом закрыть ресторан недели на две. За это время оркестр собирался отшлифовать специально для этого ресторана подобранную программу, кухня должна была научиться готовить несколько новых фирменных блюд в стиле Средневековья, а оставленные на работе за благообразность официанты из старого состава обязались под присмотром пришедших профессионалов освоить непринуждённое отнимание денег у будущих крутых клиентов.

Новое меню разрабатывал лично я. На тарелку с невразумительными биточками, подававшимися под видом люля, я предложил устанавливать изготовленную из четырёх хрустящих хлебцев башню. Горячим ножом в хлебцах проделывал ось окошко, внутрь вставлялась свеча, и «башня» подпиралась двумя свиными сардельками. Это небесной красоты блюдо я проименовал «жаркое по-рыцарски», а те же сардельки, только в отдельной подаче с горошком, стали называться колбасками из вепря «a la Brian de Buagilber» — я не поленился освежить «Айвенго».

Работа кипела. Выпускник Строгановки Гришка разработал проект скатертей и салфеток со средневековыми готическими надписями «Desdichado», а дважды лабух. Советского Союза незамысловатый гитарист Саха предложил подавать шашлык на оперённых робингудовских стрелах. Правда, Вншельский ему посоветовал лучше пойти подучить гармонию «АхОдессы-жемчужиныуморя». В общем, все эти две ноябрьские недели мы вечерами приезжали в ресторан, где каждый усиленно занимался своим фронтом работ. У окна сидела дежурная наблюдательница из посудомоек и внимательно следила за подходами к кабаку. Увидев фары заворачивающего в наш тупичок автомобиля, она подавала знак, и мы бросались к инструментам. Двое-трое официантов подходили к задёрнутым шторам и устраивали теневой театр, изображая танцующие в вихре веселья пары и снующих по залу себя, еле-еле успевающих разносить потребованные взыскательными клиентами яства. Позже бас-гитарист предложил не играть, а громко заводить магнитофон с нашим же творчеством, тогда освободившийся я в контрольные моменты начинал бегать по залу, звенеть бокалами и дурным голосом кричать «Горько!» или «Гость из

солнечной Абхазии приветствует дам из Московского дома моделей!».

Из дорогих машин вылезал «солидняк», подняв голову, интересовывался вакханалией элитного отдыха и подходил к насмерть закрытой двери с вбитыми в неё навсегда хромированными буквами «мест нет». Надпись у «крутизны» вызывала лишь кривую ухмылку, но после настойчивого стучания появлялся вальяжный Марик, который в изысканных выражениях объяснял, что в этот ресторан записываются за полгода или в крайнем случае выигрывают места в лотерею «Спринт». При виде того, как их разочарованные спутницы, кутаясь в дорогие меха, капризно надували губки (Ну, пусик, что за дела-а-а?!). кавалеры доставали устрашающих размеров лопатники и махали ими перед носом импозантного Марика. Можно себе представить, с какими искушениями приходилось бороться несчастному, но при всём желании, кроме строгого лица, сделать он ничего не мог. Единственное, что, наверное, сохраняло ему душевное здоровье. — это обещание самому себе отбиться в полный рост, когда ресторан действительно откроется.

В общем, дней через десять на Москве уже гулял твёрдый слух о том, что порядочные люди давно ни в «Русь», ни в «Иверию» не ездят, а, напрягая все связи и кошельки, отдыхают чуть ли не до трёх ночи в шикарном месте — «Старом замке». Куда лохам попасть практически невозможно, а уважаемым людям, наоборот, очень возможно и даже необходимо. Иначе ты не человек, а позорный козёл. Находились люди, которые, оказывается, уже не раз и не два всю ночь гудели в «Замке» с тёлками и даже катались там на тройках. С бубенцами!

Когда «Замок» по-настоящему открыли, срочно пришлось взять ещё трёх официантов и

переоборудовать кладовку под супербанкетный зальчик (сейчас сказали бы — VIP). Я настоял на том, чтобы для этого зала заказали специальные металлические кубки, как у рыцарей, и даже получил от хозяина премию в двадцать пять рублей, потому что обычный бой посуды сократился ровно на количество новых кубков. Правда, позже выяснилось, что их нигде не заказывали, а приобрели в магазине «Учколлектор». А я-то всё гадал, откуда у меня такое непреодолимое желание выгравировать на них что-нибудь вроде «Школа № 283. 1-е место по волейболу» или «Четвёртой бригаде за победу в соцсоревновании».

Очень быстро качество ночной работы перешло в количество. Денег. Я приезжал домой в шесть-семь утра, бросал деньги в полиэтиленовом мешке в угол и, не раздеваясь, валился спать до двух. А в шесть снова ехал на работу. Моя тогдашняя жена расцвела и писала мне письма самого любовного содержания. Я отделялся мужественными короткими записками. Виделись мы с ней только тогда, когда она привозила к нам в ресторан каких-нибудь знакомых с работы или иностранцев. Все её очень уважали и боялись — ну как же: жена самого барабанщика из «Старого замка». Какое-то время это звучало довольно гордо.

Так или иначе, ресторан по популярности и проходимости стал постепенно затмевать Мавзолей. И в основном — благодаря многочисленным профессиональным талантам Гриши Вишельского. Чего стоило, например, его тончайшее чутьё на момент, когда следовало объявить «операцию чехол»! Небольшая ошибка в пять минут в ту или иную сторону влекла за собой денежный провал вечера. Однажды в отсутствие Григория где-то в час ночи поток заказов стал иссякать, и я тихонько провозгласил в пространство: «Чехол!» Басист Петя послушно выключил бас, накинул на усилители полиэтиленовую

плёнку и изрёк в микрофон: «К сожалению на этом, дорогие друзья, наша официальная программа заканчивается, но музыканты ещё не устали. До будущих встреч!» Я не вылезал из-за барабанов, ожидая, что, как всегда, подгребут два-три не натамцевавшихся ещё орла и будут совать деньги за восьмой повтор «Лашатемикантаре». Но никто не спешил добавить нам благосостояния, а скоро вообще почти весь зал поскукнел, рассчитался и ушёл. В два я, как последний додик, был уже дома и чуть не застал ещё бодрствующую жену. Пришлось двадцать минут курить на лестнице. У Гриши же проколов с «чехлом» не бывало никогда. Как он угадывал нужный момент, я не знаю, но он угадывал безошибочно. Видимо, не зря при делёжке парноса он получал полтора пая и не зря руководителем был именно он, а не какой-нибудь там я. Больше с «чехлом» никто не экспериментировал, доверились Грише, тем более что эта тема была далеко не единственным его талантом. Стоило в зале появиться хотя бы одному представителю кавказских или среднеазиатских республик, как Гриша тут же делал стойку и в течение ближайших пятнадцати минут раскручивал несчастного по полной программе. Делал он это при помощи медовых речей с разумным включением нескольких слов на родном языке присутствующего, национальность которого он опять же безошибочно и мгновенно определял. Гриша легонько касался природного благородства и гостеприимства коренного населения, а также необозримости просторов полей, цветущих долин (гор) солнечной Грузии (Армении, Азербайджани, Узбекистани и т. д.), после чего рассыпался в комплиментах толстой блондинистой даме посетителя и насильственным образом дарил ей какую-нибудь «замечательную» песню. Если же кавказско-азиатских столов в зале оказывалось больше одного, то через пять

секунд Гришка организовывал такой конкурс национального искусства, что у других клиентов шансов послушать что-нибудь кроме «Сулико» или «Ов сирун, сирун» не оставалось никаких.

Однажды после заезда сборной Кавказа по гребле, чей автобус, на их беду, завернул к нам поужинать, я обставил свою квартиру новой мебелью. Долго думал насчёт кухни и поддался-таки искушению — заказал дровяную, «а-ля рюс» — с неподъёмным дубовым столом и табуретками такой массивности, что на них хотелось рубить головы каким-нибудь стрельцам. Стоила кухня как три югославских гарнитура «Сабрина».

Как-то жена написала мне: «Повадились соседи за спичками. Спрашивают, сколько стоит кухня. Глаза у них нехорошие». Я ответил: «Купи топор и говори, что муж сам срубил». Через два дня она написала: «Они спрашивают, почему муж такой худой и с синяками под глазами. Где работает?». Я ответил: «Скажи, что физик-ядерщик, облучённый». С тех пор весь дом меня жалел, а иногда приносили цветы и чего-нибудь поесть, но машину покупать я всё ещё боялся.

А ресторан набирал обороты. Единственное, что в невыгодную сторону отличало «Замок» от той же «Руси» — это отсутствие какой-никакой лёгкой безвредной стрельбы. Мы даже всерьёз собирались при помощи Марика организовать маленькую рекламную пальбу без последствий, но тот же Гриша обозвал всех козлами и велел каждому участнику коллектива, включая Марика, не городить огороды, а просто по секрету рассказать своим жёнам и подругам некую историю. Якобы на днях в «Замке» одна красивая тёлка ранила из пистолета другую тоже хорошо прикинутую тёлку из-за красавца музыканта того же кабака. Не сразу, но так все и сделали. Я написал жене пространное письмо, как бороться с соседями, в конце

невзначай упомянув, что у нас произошла бабская стрельба. Из-за басиста Петьки. На самом деле он был не красавец, а угловатый невнятный парень, которого держали только за то, что в песне «Лебединая верность» после слов «на землю упал» он ломко падал у микрофона, гениально изображая оставшегося без подруги матёрого гуся-лебедя.

Положив записку на холодильник, я увидел там свежее письмо для меня. В нём с холодным неженским сарказмом и в отточенных выражениях любимая сдержанно пеняла мне на потерю совести и такта и на наличие трёх любовниц, перестрелявших друг друга из-за такого куска говна, как я. Это ей, мол, Верка (та ещё гнида) — подруга гитариста Сахи — звонила.

Как бы то ни было, через неделю Москва переполнилась слухами о том, что у нас какие-то вооружённые иностранцы завалили шестерых ментов в штатском в борьбе за единственное оставшееся к ночи фирменное блюдо с башней из хрустящих хлебцев. Рейтинг кабака взлетел до небес.

Репа закончилась около пяти — «Паломы бланка» зазвучала на три порядка лучше оригинала, ресторан открыли для посетителей, и мы отправились на кухню отобедать чем повар послал. Ребята уселись за стол около буфета, прямо напротив коридорного крана, из которого по дороге от буфетного раздаточного окна в зал официанты добавляли в водочные графинчики воду. Само собой, что вместо заказанной «Столичной» шёл «коленвал». Месяц назад произошёл дичайший скандал: выяснилось, что буфетчица разбавляет водку. Официанты проявили редкую сплочённость, выступили единым фронтом и быстро доказали директору, что дважды разбавленный любимый клиентами напиток может бросить тень не на что-нибудь, а на безупречную пока репутацию ресторана. Тенгиз, хотя и держал

Нинку в любовницах, всё-таки прогнулся и под давлением общественного мнения коллектива уволил её по своему собственному желанию. Приняли Наталью Алексанну — мать официанта Никиты. Решение было мудрое по двум причинам — во-первых, будучи женщиной пожилой и непривлекательной, Наталья ничьей любовницей стать не могла и от работы не отвлекала, а во-вторых, материнские чувства, по идее, не должны были позволить ей лишать сына законного заработка на водке и тем гадить ему и его корпоративным дружкам. Так оно и обернулось: новая буфетчица стала бодяжить вино.

Я взял у Фариды шесть сырых шашлыков и пошёл к плите с открытым огнём жарить. Сам Фарид был занят, а кроме него, я не мог доверить этот процесс никому. Как всегда, шашлыки удались. Через несколько минут к нам за стол подсели с салатами и пивом официант Коля и странный эстонский халдей Арвид. Потом Арвида позвали в зал: пришли два офицера. Вполголоса ругаясь по-эстонски, Арвид поплёлся сначала в зал, потом на кухню и в буфер, оттуда уже с подносом опять в зал. На этом обратном пути он почему-то миновал кран и ругался уже в полный голос. Тем не менее я переполнился гордостью: не прошло и пяти минут, как в нашем ресторане клиентов уже почти обслужили. Коля, правда, пояснил, что ругается Арвид, видимо, потому, что ушлые «сапоги» заказали нераспечатанную бутылку. Тут уж никак не разбодяжить, но надо смириться и терпеть. Был бы это не Арвид, а он, Коля, он бы попробовал привлечь малоизвестное постановление № 4218/7 от 05.11.1967 (которое, кстати, никто не отменял) о том, что водку положено подавать клиентам из расчёта не более чем по сто граммов на человека за вечер. Офицеры бы стали ныть, подмигивать, Коля бы за отдельную цену сжалился и

принёс бы в трёх графинчиках (200+200+100). А тут уж кран-то — вот он!

Но это — он, Коля. Он-то русский прилично знает. Не то что этот Арвид. Поэтому ему надо смириться и терпеть.

— В принципе знал ведь, чухна, на что шёл. — философски закончил Коля.

Арвид вернулся доедать и сказал: «Они сакасили траву-у». Реган, петрушка, кинза и укроп — это был дежурный набор, подаваемый к шашлыку. Нас это не удивило, но Арвид, неприлично возбуждённый закрытой водкой, выпив пива, прошипел, что «эти мерские люди ничево не понимаютт в многообращии трафф».

Коля возразил: «Ну почему?» — в результате они поспорили па «тве бутылки коньяка-а», что brave советские офицеры не смогут отличить «шашлычную» зелень-шмелень от какой-нибудь там осоки. Как раз в этот момент командиры потребовали ещё шашлык с зеленью. Был чудесный летний вечер, и мы всей толпой спустились через задний ход на улицу. Впереди шествовали Арвид с Колькой, за ними два повара и Марик. Замыкали колонну ещё три официанта и мы, а Наталья Алексанна смотрела из окна. Арвид остановился у пыльной обочины, примыкавшей к маленькому леску, и быстро нарвал там несколько пучков какой-то грязной травы. Я сумел определить только *plantago major* L. и *agrimonia eupatoria* — то есть подорожник и репей. Всё это великолепие он потом тщательно промыл из «водочного» крана, положил на овальную тарелочку и вместе с шашлыком отнёс защитникам отечества. Мы сгрудились у занавески, закрывавшей вход в зал, но покрасневшиеся офицеры громко спорили о преимуществе роскошных блондинок перед гаубицами среднего радиуса действия, и до зелени у них пока ещё дело не дошло. Поскучав немного у занавески, все разбрелись по своим делам, а

мы и поспорившие халдеи вернулись за стол к десерту. Арвид ковырял в зубах зубочисткой, а Колька машинально поправлял скрытые иголки и булавки, которые они все втыкали в лацканы своих форменных пиджаков на случай недовольства клиента счётом и последующего грубого хватания халдея за грудки. Он смотрел в сторону, но всё равно было заметно, что оба напряжены, как колбаса. Как раз в этот момент и раздался истошный военный крик: «Официант!». Колька даже подпрыгнул от радости. Арвид поправил бабочку, вздохнул и, накинув на белобрысую морду выражение «чего изволите?», отправился в зал. Колька принимал поздравления, когда мимо него обратно прошёл Арвид с пустой тарелкой и буркнул: «Просили траву-у пофторитть».

Как же Николай ругал Советскую армию! Послушать его, так хуже военных могли быть только горячие эстонские парни. Арвид от коньяка отказался и попросил отдать долг чести деньгами. Что при свидетелях (правда, по магазинной цене) с мученической гримасой и сделал честный Колька. А нам, между прочим, пора было уже начинать играть.

Начали для повторения со свежееотделанной «Паломы бланки». Песня про белую голубку звучала увесисто. Гриша пел основной голос, а Саха и Петька подпевали, изредка заглядывая в свои толстые тетради, в которых содержались слова всех песен мира — от «Вот нового поворота» до никарагуанской «Di mi chano ke» («Я полюбила юношу из соседней деревни, а он полюбил сына вождя племени диких свиней»). Сам Гриша мог свободно петь на любом языке, что недавно продемонстрировал двум пьяным китайцам, минут сорок забавляя их грустными песнями на их «родном наречии». Они хохотали как безумные, а я на следующий день купил себе новые часы. Китайцы потом

приезжали ещё и оказались японцами — ну да Бог им судья!

После «Голубки» подошли двое:

— Нашу! С объявой!

Они всегда приходили втроём, крепко пили, иногда снимали девушек, но это случалось редко. Свободные тёлки у нас не тусовались — загород всё-таки. А так, большая часть времени тратилась у них на подшучивание и всякие розыгрыши третьего пария — надутого и, по-видимому, глупого. Наверное и возили его для этого.

Гриша принял чирик и привычно объявил:

— Друзья выражают соболезнование своему кенту Грибу по поводу неудачной операции по вживлению царя в голову. Для дорогого Гриба звучит композиция «Каким ты был, таким ты и остался!».

И мы заиграли.

Те двое грибных дружков как всегда заржали, а сам предмет «тихой охоты», чтоб сделать им приятное, сделал вид, что ему неприятно. Может быть, он и не был таким уж глупым, каким они его считали.

Потом «для постоянных клиентов Зямы и Толи» мы сыграли целое попурри из песен: «Журавли», «Широка страна моя родная» и магомаевской «Мы на чёртовом катались колесе». Во всех этих произведениях нами обыгрывался двойной смысл правильных в общем-то слов. Если бы дело происходило в тридцатые годы, а в органах работали бы такие же остроумные люди, как мы, то паре маститых поэтов, написавших эти шлягеры, как пить дать засветилось бы по пятнахе лесоповала плюс пятёра «по рогам».

Гриша пел: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых...» — тут мы все резко останавливались и играли кусочек из «Боже, царя храни!». Потом Петька чугунным басом Поля

Робсона с акцентом излагал: «Широка страна моя родная, много в ней льесов, полей и рек», — мы останавливались, Петька указывал на себя и категорически заявлял:

— Я — другой! Такой страны, — он обводил рукой воображаемое пространство от Западной Белоруссии до Камчатки, — не знаю!

Зал выл от восторга. А когда Гриша, взмахивая руками, как Магомаев крыльями, заводил: «А я лечу, лечу, лечу»... а мы радостно орали: «Не надо только лечить!», народ вставал и десять минут бурно аплодировал, как какому-нибудь Брежневу на каком-нибудь XXIV съезде КПСС.

Сначала этот номер стоил двадцать рублей, а потом его за тридцать приватизировали Зяма с Толей, посещавшие ресторан два-три раза в неделю после работы в каком-то мутном учреждении на Старой площади.

В общем, вечер катился, как по рельсам: сыграли гимн Туниса, «Ламбаду», «Чёрного ворона» для плачущего подполковника, композицию «Моби Дик» группы «Лед Зеппелин» для забредшего на огонёк по случаю выходного барабанщика из «Сказки» и песенку из мультфильма «Голубой щенок» (друзья поздравляют своего кента Гриба с изменением окраса). Кроме осознания хорошо выполненного долга перед человечеством нас грело всё уменьшающееся свободное пространство в чёрной коробке из-под микрофона, куда Гриша, часто отлучаясь в подсобку, аккуратно складывал наши заработанные деньги. Ещё в коробке лежал листочек с протоколом якобы проведённого собрания коллектива по поводу сбора средств на покупку нового голосового усилителя. Листочек с датой находился при бабках и обновлялся каждый месяц на случай налёта ментов (бывали прецеденты).

Сейчас 3 часа 23 минуты ночи 17 июня 2006 года. Я вот пишу всё это и думаю: кто Вы, дорогой читатель? Каким образом попала к Вам эта книжка? Получаете ли Вы удовольствие, верите ли мне? Хотя, если Вы дочитали до этого места, а не выбросили «фолиант» на помойку, значит, чем-то Вас зацепило. Это здорово! Но, может, Вы читаете и думаете: «Ну и заврался ты, парень!». Как бы мне хотелось поговорить с Вами очно. Но, увы, пока книжный интерактив ещё не реализован. Я изо всех сил веду работу в этом направлении и уже кое-чего добился. Например, могу проверить, внимательно ли Вы читаете. Проверить, удалось ли мне погрузить Вас в ту атмосферу конца семидесятых, о которой со вздохом вспоминают взрослые люди с памятью. Вот в предыдущем абзаце упоминается «Ламбада». Если в ряду с «Чёрным вороном» и другими подобными вещами «Ламбада» царапнула ваше ощущение времени, значит, всё в порядке, ведь это анахронизм: она появилась лет через десять после описываемых событий и быть сыгранной тогда никак не могла. Ну, а уж если Вы никакого внимания на это несоответствие не обратили, то Вы тоже не виноваты — это я (льщу себя надеждой) так произведение закрутил, что Вы захлёб читаете и на мелочи не размениваетесь. В общем — и так, и так хорошо! Поехали дальше!

Около десяти заскочил Вениамин Борисыч — наш куратор из местного отдела культуры:

— Сегодня сидеть не буду, у меня в машине *люди*, — и он сделал кобелиные глаза, из которых чуть не засочилось то, что сочтется у кобелей из другого места.

— Люди-то проверенные? — подобострастно спросил Петька. — Вы уж там поосторожнее! Как мы без вас-то?!

— Самые проверенные! Из бухгалтерии! Давай быстрее рапортичку.

Гриша подал бумагу с нашим официальным репертуаром, начинавшимся с задушевной песни «Степь да степь кругом», якобы играемой нами инструментально в аранжировке начальника отдела культуры Протасова. В рапортичке вообще все песни были аранжированы этим Протасовым, а некоторые даже целиком им написаны. Например, неизвестный мне (да и никому) ресторанный шлягер «Партизаны идут». Ноты-то я один раз видел: тактов четыреста — партизаны шли довольно долго. Смысл рапортички заключался в том, что Протасов с каждого исполнения произведения, к которому он был причастен, получал от благодарного государства несколько копеек. Только через наш кабак у него выходило рублей сто тридцать в месяц, а музточек в «юрисдикции» Протасова присутствовало шесть или семь. А Вениамин Борисыч обязан был следить, чтобы наш репертуар от рапортички ни на йоту не отличался. Раза два в месяц он являлся с дружками на «проверку», «гудел» часа полтора, подписывал бумагу, а мы оплачивали его счёт. Венбор был человеком неплохим, не наглел и больше трёх человек с собой не приводил.

Сейчас он быстро на колонке подписал рапортичку, забрал объемистый пакет с коньяком и закусками — сухой паёк, как он говорил, — и отправился блудить с бухгалтерией. Все было как всегда, и мы вернулись к осуществлению искусства.

Где-то через час, во время перерыва, один хорошо нам знакомый, плохо знакомый с нашими правилами, заломив руку, пригласил меня в банкетный зал на суровый мужской день рождения какого-то спортивного бандита или бандитского спортсмена с прижатыми расплюснутыми ушами. Там человек одиннадцать мрачных здоровяков почти одновременно предложили

мне выпить. Причём пододвинули водку в одном из тех самых полулитровых кубков, которыми с моей подачи был оснащён банкетный зал.

Самое плохое, что может случиться с ресторанным музыкантом, да и с любым музыкантом, — это пьянка. Тысячи талантливейших лабухов не справились с национальным напитком и сошли с дистанции. У меня было множество маленьких чудесных недостатков — я им в меру радовался, но два всё-таки изжил: немереное питьё и братание с вот такими рожами. И как следствие — впадение в ничем не оправданную эйфорию от якобы нарядно и жирно проводимого времени. Уже три года я фильтровал базар в этом смысле и ни при каких обстоятельствах не давал себе скатиться ни до первого, ни до второго пункта. А тут в потенции сразу оба! Я, конечно, отбивался, но никакие дежурные доводы типа цирроза и лечения гонореи не помогали, — ощущение было такое, будто всё это кодро явилось в кабак только для того, чтобы заставить меня выпить. Случай спас. Как раз вслед за мной в зальчик зашёл официант (буфетный сын Никита), поискал кого-то глазами, и один из сидящих в противоположном торце стола — не то гость, не то деньрожденец — низким угрожающим голосом сказал ему:

— Посчитай-ка нам, а то потом сам понимаешь...

— Уже, — потупился Никита.

— Ну и сколько?!

Тут Никита повёл себя странно: через толстую дубовую дверь с полукруглым верхом он отступил в коридор и, прикрывая за собой створку, пискнул в оставшуюся щёлочку: «Пятьсот!». И сразу сломя голову посыпался вниз по лестнице, на ходу доставая ключи от зарешёченного гардероба.

Толстый деревянный стол (прообраз моего кухонного) был не меньше шести метров в длину. Каким образом такой крупненький парнище после озвучивания

суммы счёта в одну секунду перелетел через «поляну» к дверям и бросился за Никитой, мог бы объяснить только Бэтмен, но «до него» тогда было ещё лет пятнадцать-семнадцать.

Воспользовавшись суматохой, я выскочил в коридор. Внизу, в гардеробе, слышался неясный шум столкновения двух танков. Я перегнулся через перила: за запертой чугунной решёткой почти пустого гардероба, вжавшись в стену и закрыв глаза, стоял среди висящего на вешалке единственного плаща бледный как смерть Никита. Бугай, просунув руки через прутья, как раненый кит, бился о решётку, изо всех сил пытаюсь дотянуться до перепуганного халдея. Не хватало сантиметров пяти. Никита что-то бормотал — наверное, молитву. Я прислушался:

— Триста девяносто... ладно, триста восемьдесят... ладно, триста семьдесят четыре двадцать... Это даже без процентов за обслуживание!

Услышав последнюю цифру, клиент внезапно успокоился, одёрнул манжеты, достал бумажник и сунул Никите несколько купюр с мелочью. Потом начал, насвистывая, подниматься. Я кинулся в сторону ожидавшего меня оркестра и, ещё не добежав до барабанов, дал отсчёт для следующей песни. Хотя и не знал, что они собирались играть.

Без пятнадцати двенадцать забежал гаишник Пиявка. Разменять полтинник. Вот уже полгода как они со сменщиком в свободное время ставили на выезде со стоянки ресторана переносную ментовскую будку с лёгким шлагбаумом. Пьяный ты или не пьяный, а двадцать рублей на выезде положи! Пиявка был честным человеком и за двадцатку подробно рассказывал вдрызг бухому водителю, как поспособнее объехать ближайший пост ГАИ на въезде в Москву. А вот сменщик его — подлец Рухоль деньги брал, а потом мог и позвонить на пост: «Идёт, мол, к вам по объезду

сладкая серая «Волга» номер такой-то такой-то. Пакуйте!».

Те и паковали, а часть барыша потом этому подлецу Рухолу отстёгивали. А Пиявка был хороший мент, открытая душа, — и мы в конце текущей лезгинки сыграли для него первый куплет «Наша служба и опасна и трудна...».

В половине первого в зал вошли трое молодых мужчин. Они заняли второй от сцены столик. Мужики как мужики, но что-то уж больно похожи на музыкантов. А ведь всем известно, что просто так музыканты ночью по ресторанам не ходят.

— Звездинский, — тихо сказал Гриша, кивнув на черноволосого парня с цепким взглядом из-под тёмных очков.

Мы все подтянулись. Михаил Звездинский был широко известен в узких кругах как один из самых процветавших тогда ресторанных певцов. Он пел белогвардейщину. Аркадия Северного и тому подобный совершенно запрещённый, а значит, модный и желанный репертуар. У Михаила не было постоянного места работы, он кочевал по кабакам и кафе, где устраивал тайные «ночники» по четвертаку с носа. «Где сегодня Звездинский? — спрашивала где-нибудь в «Интуристе» друг у друга позолоченная фарцмолодежь и, получив например ответ «в «Пилоте», ехала после двенадцати на бульвар Яна Райниса в кафе «Пилот» — внешне тёмное и как будто вымершее ещё год назад. На условный стук «там-та-та-та-та! Та-та!» открывалась неприметная дверь со двора, и желающие через тёмный кухонный коридор попадали в ярко освещенный зал, наполненный блестящими молодцами и девушками в дорогих шубах, которые они по понятным причинам предпочитали не сдавать в гардероб. За двадцать пять входных рублей клиент имел право на бутылку шампанского (4 руб. 20 коп.) и шоколадку «Алёнка»

(1 руб. 10 коп.). На оставшиеся 19 руб. 70 коп. можно было насладиться творчеством Звездинского и возможностью ещё с недельку рассказывать, как Серега Киевский нажрался и как Любка-Шмель, жуя резинку и кутаясь в норку, ловко срезала мента во время облавы справкой о том, что она работает лифтёром в Доме на набережной.

В последнее время поговаривали, что Звездинский подыскивает себе постоянную точку.

Троица озиралась по сторонам и не спешила делать заказ подскочившему к ним Арвиду. Потом Звездинский шепнул что-то одному из своих спутников. Тот подошёл к нам и при помощи пятидесяти (!) рублей попросил стоявшего с краю Саху сыграть композицию Джона Маклафлина «Move on». Маклафлин — один из самых техничных гитаристов мира — как-то рассказывал своим друзьям, что записал «Move on» экспромтом, под сильнейшим кайфом и ни за что на свете не смог бы его повторить. Подобный заказ был издевательством, равносильным плевку в лицо.

Мы смотрели на Саху. Наш гитарист — ресторанный лабух из Харькова — ни о каком Звездинском, а тем паче Маклафлине слыхом не слыхивал. Единственное, что Саху интересовало, — не мент ли этот вахлак в кожаной куртке. Поэтому он держал полтинник в непосредственной близости от своего ротового отверстия, чтобы в случае малейшей тревоги зажевать деньги и проглотить. Вскрывать живого человека, дабы доказать, что он помимо своих зарплатных ста двадцати рублей берёт ещё и левые бабки, обэхаэсэсники ещё не решались.

Удостоверившись, что «кожаный» не лезет в карман за роковым удостоверением, Саха, не оставляя впечатков, на всякий случай всё-таки за спиной передал деньги Петьке, тот — Гришке, а у Гришки в

руках они сами собой растворились — первый и главный фокус, которому учатся, ступая на ресторанный сцену.

Пришлось ощутимо ударить в грязь лицом. Под насмешливыми и преувеличенно осуждающими взглядами троицы мы униженно попросили обменять «Мувон» на три любые песни. Они кивнули: мол, лохи вы и есть лохи, и, даже не дослушав обновлённую «Палому», прошли не к выходу, а за занавеску. В сторону директорского кабинета.

Минут через сорок, когда мы как раз по пятому разу играли «Шалахо», они снова появились в зале, душевно попрощались с провожавшим их Тенгизом и отбыли в тёплую летнюю ночь.

На следующий день наш шикарный ансамбль уже работал в станционном буфете платформы Павшино. Попробуйте угадать, кто стал петь «Поручика Голицына» в раскрученном и модном ресторане «Старый замок»?

Клим (из романа «Будни волшебника»)

*Язык — вот что объединяет, но порой
и разъединяет людей*

Иероним фон Мюнхгаузен

В Петрозаводск меня тогда Клим заманил. Я на подъём-то лёгкий. Пришёл как-то домой, а у двери на лестнице Клим сидит, меня дожидается. Правда, здорово, когда у тебя есть такой вот Клим?! Прошёл он, значит, сразу на кухню, достал из трубного футляра (он вообще-то трубач) вишнёвый ликёр и два пирожных из кулинарии ресторана «Прага» и за каких-то пятьдесят минут из всего из этого накрыл стол. Клим — самый

обстоятельный из всех людей, каких я знаю. Нет-нет — его никак нельзя уподобить тем дуракам, у которых семь пятниц на неделе. У Клима их не меньше одиннадцати. Надо бы, кстати, ему позвонить, что-то соскучился. Так вот, обстоятельный он такой, что просто оторопь берёт.

Там, где обычный человек три слова скажет, Клим полчаса будет вкручивать, да так, чтобы у собеседника до самого сердца дошло, до самых печёнок-селезёнок. И заканчивает только тогда, когда того, бедного, совсем уже рвать начинает. А чтобы бедняга не сбежал. Клим его обычно левой рукой за рукав придерживает, а указательным пальцем правой беспрерывно к себе приманивает, и если совсем уже лох попадаетеся и по знаку этого пальца начинает действительно придвигаться, то кладёт в результате голову ему на плечо. Одним словом, Клим при всех его неоспоримых достоинствах, являет собой такой тип человека, какой в узких заинтересованных кругах называется «Достоевским». Видимо, за неназойливые душевные качества самого Фёдора Михалыча.

У Клима есть часы «Павел Буре». Размером с небольшую тарелку, но наручные. На ремешке. Такие, как у Сухова в «Белом солнце пустыни». Естественно, в любой компании повышенное внимание вызывают. Часы эти ему подарил его дед — не то белый офицер, не то красный конник, в общем — хороший человек. Я лично начало истории про часы слышал раз сто восемьдесят семь, но так до конца ничего и не понял, кроме того, что часы эти каким-то боком с покорением Севера связаны. А всё потому, что рассказывает Клим историю часов только после определённой дозы и до полного упора. Короче, выпутаться из собственного словоблудия, подогретого алкоголем, ему ещё ни разу не удавалось, поэтому, как правило, он с честью засыпал. Ну очень меня разбирало любопытство, откуда

это такие часы чудные у Клима взялись. Один, правда, раз неприятность небольшая вышла. Клим всё расхваливал часы: и де на шестнадцати они рубиновых камнях, и стекло-то у них из горного хрусталя, а один недоверчивый с ним заспорил. Пощёлкал ногтем по стеклу и говорит, что, мол, такой звук только у пластмассы бывает... Клим — в истерику. А недоверчивый этот говорит: «Давай сигаретой ткнём — проверим!»». И ткнул. Клим как заорет! Потому что сигарета не только «горный хрусталь» прожгла, но и, наверное, все часы насквозь. До самой Климовой до руки. Клим потом тайком всё-таки настоящее стекло вставил. За большие деньги. И уж после этого всех и каждого тыкать сигаретой заставлял; Некоторые особо покладистые тыкали, а потом и вовсе приучились тушить бычки только о Климовы котлы. Но историю часов этот случай так и не прояснил.

Однажды в гостях у неких ребят сижу, а они говорят, что, мол, сейчас один такой Клим придёт и выпить принесёт. Я говорю, что знаю как раз такого Клима, только есть один нюанс: парень он в общем-то безобидный, но больной (4 «б» *со взломом*) — раз в полгода бывают срывы. Вот тогда — держись. Правда, распознать можно легко: как только насчёт часов начнёт выступать, тут уже вязать надо. Иначе всё разнесёт. Но с ним такое редко бывает.

Сказал всё это и якобы домой пошёл. Перед домом встречаю Клима с трубой. Он говорит:

— Батюшки-светы, как интересно! Куда это вы, молодой человек, направляетесь? Не соблаговолите ли объяснить ваше поведение? Такие погоды стоят, а вы направляетесь. Кони сытые бьют копытами? Как это можно истолковать в свете самых последних решений и постановлений пленумов партии и съездов правительства? — это он вместо «Привет, как дела?»

— Иди, иди, — говорю, — там ждут тебя, обождались. Всю душу вымотали: «Что за часы такие у Клим?» — ты уж им расскажи! А я попозже подтянусь.

Короче, как потом выяснилось, он с порога как вошёл, так и дал им объявки про «Павла Буре» и героического северно-белогвардейского деда, да ещё и сигаретой ткнуть предложил. А те бочком, бочком — да и брызнули бежать. Я наверх поднялся опять — Клим там от удивления ещё сильно выпить не успел — и тёпленького его взял. Выяснилось, что дед у него на мясокомбинате работал, а часы на барахолке купил у очень тепло одетого мужика (отсюда, наверное, и ассоциации с Севером). Одним словом — дико интересная история.

Конечно, привязанность Клим к часам и трепетное к ним отношение в какой-то степени объяснить можно. Я-то его хорошо понимаю: раньше часов интересных почти совсем не было. Поэтому, когда слышу историю типа: «Я однажды на самолёт опоздал, а он разбился. Представляешь, что бы было, если б я не опоздал?!» — то тут же рассказываю свою, не менее леденящую кровь:

— В мае года так 1973-го я сидел на полу физкультурного зала воинской части № 75124. Вместе со мной под баскетбольным щитом жались друг к другу ещё человек тридцать бритых наголо московских ребят — остаток столичного призывного «десанта», выброшенного вчера во владивостокском аэропорту Артём длиннорюхим самолётом Ил-18. Целый день с утра колонна автобусов ползала по Уссурийскому краю, оставляя под молчаливым конвоем на каждой остановке по тридцать-сорок человек. Причём делалось всё это так странно: на остановке в автобусы по очереди заходил офицер и быстро зачитывал список фамилий тех, кто должен был тут же выйти с вещами на улицу под дула автоматов приготовившегося конвоя. Их тут

же отводили к забору, пересчитывали и уводили. Было полное ощущение скорого и неминуемого расстрела, поэтому прощались с остающимися бурно, с надрывом. С обещаниями сообщить по торопливо записанному телефону старухе-матери и т. д. Кое-кто не откликался на своё имя-фамилию и ехал дальше. А их никто и не искал. В конечном счёте по этому последнему, тупиковому адресу приехало и попало в спортзал как минимум на пять-шесть человек больше, чем было задумано дальневосточными стратегами из генерального штаба. Вот интересно — выгадали те, кто не отозвался на своей остановке, или прогадали? Наверное, всё-таки прогадали: хуже того, что я сейчас видел, могло быть только в настоящей тюрьме.

По физкультурному залу бродило несколько групп солдат и сержантов в/ч 75124, снимавших «первый урожай» с призывников. Потом в бане ребят скрупулёзно избавят от всех оставшихся не отобранными личных вещей: пригодной для носки гражданской одежды (хотя мы ещё в автобусах всё на себе порвали, чтобы дембелям-гадам не досталось), обручальных или других колец, сигарет, денег, девичьих фоток и т. д. А крупные вещи — фотоаппараты, транзисторные приёмники и часы мародёры отбирали прямо сейчас. Для виду составлялся некий список, но, конечно, все всё прекрасно понимали...

Я уехал в армию со штампованными (а может, и не штампованными) часами под названием не то «Супер», не то «Люкс». В общем, далеко не «Омега» и не «Вашерон Константин». Но, оглядев тогда свои причудливо разрезанные на «фашистские знаки» джинсы, кеды в дырках и рубашку с одним рукавом, я вынужден был констатировать, что эти немудрящие часики со стальным браслетом есть единственный мостик, связывающий меня с прошлым. А потом, одно

дело — посредственные часы «Люкс-с-секундомером» на руке пьяного небокоптителя с улицы Горького в Москве, а другое дело — шикарные котлы «Люкс-с-секундомером» на руке интеллектуального москвича на танцах в приграничной деревне Ивановке. Было ещё потенциальное третье дело: те же часы «Люкс» на немытой лапе вон того козла с лычками.

Очередь на досмотр стремительно приближалась. Я взял баночку из-под лекарства, которыми меня на дорогу снабдила заботливая бабушка, положил туда завёрнутые в полиэтилен часы, закрутил широкую пробку, схватился за живот и активно запросился в туалет. Уборная при раздевалке зала была засорена и по большим нуждам не работала. Поэтому я надеялся, что меня выпустят наружу.

Никому не хотелось отрываться от грабежа, чтобы отконвоировать новобранца до ветру. Бедолага, которому это приказали, распахнул дверь в темноту, проложив в сторону Китая узкий световой коридор, а сам так и остался на символическом пороге — границе света и тьмы. Оттуда можно было хотя бы с завистью наблюдать, как текут бессмысленные слёзы по толстым щекам Гришки Гурвица, только что лишившегося новенького фотоаппарата. Гурвиц, идиот, сам пошёл в армию, бросив не то второй, не то третий курс МГУ. Пошёл, чтоб стать настоящим мужчиной. Мама купила ему с собой фотоаппарат с условием, что Гриша будет фотографировать свой армейский быт, своих мужественных боевых друзей и незамедлительно высылать фотки ей. Вот первый же боевой друг и отобрал у Гурвица аппарат, неприятно сунув толстому Грише в живот жилистым хабаровским кулаком.

Согнувшись пополам (маскировка баночки в кармане), переступая через сидящих и лежащих на полу будущих защитников Родины, я выскочил на улицу. Пробежав по световому коридору до самого его конца,

обернулся: ефрейтор на пороге заинтересованно глядел в зал, опершись на косяк. Чтобы закопать часы, мне нужен был какой-нибудь ориентир, по которому я бы смог их снова найти, когда спадёт непосредственная опасность. Очень подошло бы старое дерево с единственной веткой, как будто указывающей на место тайника. Или тысячелетний валун, на котором при помощи подручных средств за недельку-другую можно было бы изобразить приличную стрелу, но... Но ничего, кроме небольшого холмика, находящегося на самой-самой границе освещённого пространства, вокруг не наблюдалось.

Я зарыл часы не очень глубоко, но быстро и, на обратном пути насчитав тридцать семь средних шагов, вернулся в зал. Только вошёл, и сразу обшмонали, забрав единственное, что оставалось, — красивый полиэтиленовый пакет и шариковую ручку. Хорошо, что не обратили внимания на остатки земли на конце стержня. Ведь именно этой ручкой я и копал «могилу» для часов.

За месяц карантина среди бесконечных кроссов, политзанятий, драк, заправок койки на время, стирки и уборки подобраться к физкультурному залу не удалось ни разу. Зато сразу после принятия присяги я, ставший теперь уже полноценным замудонцем, прямо с плаца, в парадной форме кинулся по длинной аллее к месту, которое видел в полудембельских снах все последние тридцать две ночи.

Сразу после поворота у склада номер семь (то бишь метров с трёхсот) стало видно, что некто, оказавшийся исполнительным и прилежным таджикским воином, споро вскапывает большой огородной лопатой «мой» холмик, собираясь по чьему-то приказу вернуть ему статус цветущей клумбы, каковой он, по всей видимости, раньше и являлся.

Когда я, как шторм, налетел на земледельца, он как раз присел, намереваясь посмотреть, обо что звякнула его верная лопата. Таджик отлетел в сторону и мягко покотился к забору.

Весь год его оставшейся службы этот Шарип ходил за мной, умоляя открыть, зачем я, надев предварительно парадную форму, кидаюсь ни с того ни с сего на воинов из Средней Азии.

Ума хватило про часы не говорить, а то бы он меня точно убил. Ведь прожить потом целую гражданскую жизнь с мыслью о том, как бы всё было клёво, начни он вскапывать клумбу на пятнадцать секунд раньше или на двадцать сантиметров правее, не смог бы не только он, а даже я сам. Не говоря уже о том, что Восток — дело тонкое.

Так что привязанность Клима к часам и его трепетное к ним отношение в какой-то степени объяснить можно.

А Клим однажды идет со своей трубой, глядь — вертолёт стоит. Около него дядька крупный в комбинезоне полутораметровым гаечным ключом винт не то прикручивает, не то откручивает. Клим, конечно, остановился, и давай смотреть — интересно всё-таки. Смотрел, смотрел, потом спрашивает:

— Извините, пожалуйста! А вот если, значит, у геликоптера на высоте двигатель откажет функционировать, то достигается ли, так сказать, парашютный эффект пропеллирования? Сможет ли воздушная машина спуститься в режиме парашютирования? Говорят, вертолёт этим сильно от самолета отличается. Самолёт на крайний случай может планировать, используя восходящие воздушные потоки, а вертолёт вроде бы тоже...

Мужик с ключом башку лохматую поднял и говорит эдак угрожающе:

— Чего?!

— Ну я же вам объясняю. Вот если, не дай бог, движок у вертолѐта отрубится, может он спуститься с пассажирами на одном вращающемся винте? Ну, в смысле безопасности, в рот тебе кило печенья! В смысле мягкой посадки аэрофлота?

До мужика наконец дошло:

— Камнем на хуй!

— Спасибо большое!

Я уже сам, как Клим. С одного на другое перескакиваю, но совесть у меня есть, поэтому напоминаю, что он ко мне с ликѐром и пирожным пришѐл, стол ими накрыл, и сели мы посидеть.

Клим бутылку почти всю вылакал, и, похоже, наступил у него лаконизм. С ним иногда и такое бывало.

— Чего, — говорит, — мы тут сидим, когда можем свободно поехать в Петрозаводск?! Меня туда на майские играть приглашали У меня там в какой-то степени девушка есть — полумесяцем бровь.

Ну, раз девушка — конечно, поехали.

Клим с вокзала сразу поломился свою луноликую искать и в оркестр первомайский определяться, а я решил себе в гостинице номерок оторвать. Чтобы солидно и никаких проблем.

— Мест нет? — спрашиваю, чтобы ответ ей сразу подсказать.

— Местов нет!

Я хрясь пористой шоколадкой по стойке: «А если подумать?»

— Извините. Местов всё-таки нету!

Я тресь букетом по прилавку: «А ежели посмотреть?»

— Есть как будто четыре номера, но на праздники сдавать не положено.

Я хлоп колготками с люрексом по столу: «А для хорошего человека?»

— Какая прелесть, давай ксиву!

И я ба-бах «серпастый и молоткастый» на перегородку.

Номер вполне приличный, на третьем этаже. Окна на главную улицу выходят. Погода хорошая, везде флаги развешивают и к Первомайской демонстрации готовятся. А но тротуарам-то, по тротуарам петрозаводские крепконогие красотульки разгуливают — эх. Первомай, Первомай, кого хочешь выбирай! Но я ведь только что с дороги, поэтому разделся и нырнул под влажные твердые простыни. Думал, на часок, а проснулся — уже темно. Что за чёрт?! Времени пять минут четвертого, в том смысле, что пять минут шестнадцатого на моих электронных, а за окном темень — хоть глаз выколи. Часы сломались — больше нече... Решил прогуляться по вечернему празднично украшенному городу. Надел жилет кевларовый, взял кастет хромированный чудной тульской работы, гениально замаскированный под сувенирный штопор, а также пращу реликтовую абиссинскую, взял еще ножик выкидной с наборной магаданской рукояткой и затейливой тюремной вязью «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай!» и вышел... под неяркое весеннее петрозаводское солнце.

На фасаде гостиницы семеро низкорослых, как на подбор, рабочих в коротких удобных прохарях споро заканчивали крепёж громадного портрета Ленина с местным карельским разрезом хитро прищуренных глазок. Это была та самая улыбающаяся разновидность любимого портрета, которая с детства мне навевала приятные мысли о добром дедушке Ильиче, быстро решившем вопрос со своей лампочкой и тут же бодро взявшемся за светлое будущее — портрет в кепке и с приложенной к ней в порядке приветствия ручкой. Особенно реалистично неизвестный художник выписал кокетливый бантик на широком лацкане вождя.

Портрет перекрывал окна примерно четырёх номеров, создавая в них приятную густую и чернильную темноту.

Я был почти уверен, что три номера из четырех пусты. Любой карельской берёзке было понятно, что сдавать даже самому командированному командировочному тёмную конурушку, выходящую окном на грязную изнанку портретного холста, — это грубейшее нарушение Женевской конвенции о правах человека. Единственный, кто мог заставить администраторшу совершить подобное преступление, — это какой-нибудь идиот, подлизавшийся к бедной женщине при помощи того, от чего не смогла бы отказаться даже бушменская королева Нуамк-Лого-Рау — колготок с люрексом. Хотя от ношения набедренной повязки она могла отказаться так же легко, как американцы от отмены своего военного присутствия в Гватемале. Ой да ладно... чего уж...

Я вернулся, переоделся (в смысле переоснастился) и пошёл искать Клима.

Нашёл его около филармонии. Он был одет в какой-то красный камзол и высокий кивер с плюмажами. Около него болтались еще человек двадцать таких же орлов, собирающихся представлять духовой оркестр петровских времен. Все они в сильный разноразной подгуживали, поддуживали и подсвистывали на своих помятых инструментах, готовясь к репетиции и бравируя возможностью сыграть всё что угодно — от шопеновского похоронного марша, называемого лабухами «Из-за угла», до двенадцатого опуса композитора Шнитке, уничтоженного автором за сложность.

На тротуаре, любовно поглядывая на Клима, околачивалась его местная пассия Анюта, разодетая в пух и в более или менее петрозаводский прах, и брови её действительно издали напоминали ущербную луну.

Короче, предпраздничный вечер тридцатого апреля мы провели довольно прилично и без больших потерь, даже ночевали там, где положено: Клим в общежитии в Анютином обществе, а я в своем тёмном номере в одиночестве. Была, правда, там где-то одна подруга Анюты, да увел её не то брат, не то сват. Да и хрен бы с ней, если не сказать больше.

Утром я проснулся от шума. Сейчас, когда жизнь сама по себе превратилась в один большой и постоянный праздник, а большинство наших старых официальных праздников исчезло и кануло туда, куда им и положено было кануть, мне немного не хватает тех радостных ощущений, под которые мы все раньше просыпались в красные дни календаря. Это отсутствие необходимости идти на работу или учёбу, разудалые звуки с улицы и по радио-телевидению, а также сладкое предвкушение обязательных вечерних развлечений. И вот тогда я проснулся от шума и сперва решил, что это шумит и гомонит за тёмным окном демонстрация — как говорится, «нескончаемым потоком вливается на Красную площадь трудовая Москва...» — но нет, это долбили в дверь руками и ногами какие-то, хотелось надеяться, люди. Кто это такие, гадать долго не пришлось, потому что грубые мужские голоса с эмвэдэшным акцентом периодически выкрикивали: «Откройте! Милиция!». Наверное, пришли поздравить с Первомаем.

В номер ввалились четверо мускулистых ребят и, видимо, перед этим отсутствовавшая на рабочем месте, а теперь сгоравшая от желания реабилитироваться дежурная на этаже. В свете тусклой однолампочной люстры, которую я, надев трусы, успел всё-таки зажечь, двое из этой великолепной пятёрки закрутили мне руки за уши, дежурная на всякий случай дала пощечину, а другие двое, мгновенно обшарив небогатый интерьер,

переглянувшись, подступили с интересными вопросами и предложениями.

— Где язык?! Язык где, покажи?! — закричал высокий крепкий мужчина, переодетый обычным задрипанным демонстрантом.

Мне не жалко, я показал, за что тут же получил довольно крепко в лоб.

— Сбросил, гад, — кратко резюмировал высокий, — вот и издевается. А ну-ка, Мишань, раза ему по печени.

И я получил раза.

— Одевай его и в отдел! А я еще здесь посмотрю...

В отделе, куда мы приехали (в смысле куда меня привезли ни подвернувшейся платформе с огромной толстой шестерёнкой, олицетворяющей станкостроение Карелии), я сидел у стола на жёстком, привинченном к полу стуле в пустой комнате. За полуприкрытой дверью слышался громкий беспорядочный шёпот, несколько раз заглядывали любопытные и суровые лица, пока наконец не вошли два молодца, одинаковых с лица, — офицеры в неслабых званиях.

Они разложили на столе всякие бумаги и кое-какие мои вещи из гостиницы — слава богу, ни жилета, ни ножа, ни «штопора» там не было. Зато была праща, но её можно было выдать за джинсовый ремень польского производства. Минут пять офицеры с интересом меня разглядывали. Вроде даже показалось, что с определённой долей симпатии. Я тем временем перебирал в памяти вчерашний день, выискивая какое-нибудь страшное преступление, но, кроме вялого согласия потанцевать с Анютиной подругой, ничего ужасного за собой так и не припомнил.

— Дак куда вы всё-таки язык дели? Спрятали, а? Щасто уж скажите!

После того, как я получил в лоб и еще раза, я действительно спрятал язык за нёбо, за альвиолы, за гланды, за аденоиды, за кадык. И вообще старался

держат его за зубами. А сейчас хоть и с большим трудом, но пришлось доставать.

— В чём дело. — смело спрашиваю, — граждане начальнички? Об чём, в натуре, базар?

— Ах ты, хнида. твою мать! Ведь специально с Москвы приехав к нам хадить! Ну, мы те-е ща покажем! Ну, ничохо, язык теа ще до Кыива доведёт!

Эх, язык мой — враг мой! Говорила ведь мне бабушка Аня, а я не слушал! Мелькнула мысль, что всё это просто какой-то дурной сон, но лоб ощутимо болел. И вот тут-то мне сделалось по-настоящему страшно.

«Внимание! Внимание! Наши микрофоны установлены в самом центре города. Мы ведём наш репортаж из специальной удобной будки, предоставленной нам нашими коллегами-телевизионщиками.

Итак, нескончаемым потоком вливается на широкую площадь трудовой Петрозаводск. В ярком праздничном убранстве и с новыми трудовыми успехами встречают нынче Первомай трудящие орденоносной Карелии. Гремят духовые оркестры. То тут, то сям яркими алыми пятнами мелькают красные галстуки — это идут пионеры — дети Ильича. Чучу! В смысле: Чу! Чу! Кто там так чётко печатает шаг? А? А!!! Это стройными рядами проходят колонны трудящих мебельной фабрики «Карельская берёза». Вот, вот они проходят — молодые, улыбающиеся, здоровые. В аккуратных синих комбинезонах и с символическими топорами. («Мохов, замудонец, чего отдыхаешь?! Ты у меня на губе отдохнешь! Не важно, что не солдат! Я понимаю, что тяжело! Шире шаг!»)

Огромное доверие рабочие оказали двум своим товарищам — передовикам Владимиру Мохову и Алексею Коржу, отлично и в срок справившимся с несением предпраздничной трудовой вахты И сейчас

они радостно несут транспарант с названием родного предприятия, кстати, изготовленный из лучших сортов замечательной, известной на весь мир карельской берёзы. Ширится движение наставничества.

Раздаются радостные клики, лозунги и здравницы в честь нашей партии и правительства, с постоянным вниманием пекущегося о всё более повышающем благосостоянии трудящихся. Слышатся крики «ура» и возгласы «Да здравствует!» («Вторая рота... мать-перемать, хорош скалиться! Сдать топоры Нефёдову!»)

Первомай — не только наш праздник! Даже в далёкой Сатманде на вытопанную обезьянами площадку вышли празднично раскрашенные жители. Наш корреспондент подходит к группе товарищей... Тем временем здесь у нас разворачивается прямо-таки театрализованное представление. Кстати, его постановщиком является наш известный деятель культуры Сергей Глухарь. И вот на площадь как бы wpłyвает какая-то ладья. Да это же петровский чёлн! А в нём стоит и сам основатель нашего города — Пётр Великий. Чёлн «проплывает» мимо портрета Владимиру Ильичу Ленину, и это очень символично. Пётр с удивлённым восхищением потрясённо оглядывает наши достижения и новостройки: «Вот уж не думал я — мин херц, что до этого дело дойдет!» — как бы говорит он, а в глазах Ильича светится эдакая смешинка: «Знай наших, товарищ Пётр!» — как бы отвечает Петру Великому великий Ле... ле... ох ё...»

Клим в составе группы джазовых саксофонистов, ловко замаскированных под скоморохов и дударей, шёл за дощатой лодкой, которую, матерясь, тащили на плохо смазанных и восьмерящих велосипедных колесах шестеро солдат, переодетых не то гопниками, не то каторжанами. Они путались в серых длинных лапсердаках с волочащимися кушаками и с военной

завистью поглядывали на Петра Первого — рядового Крамского, выбранного замполитом за статью и с трудом балансирующего на ящике из-под шампанского. Из-под наполеоновской треуголки Крамской Первый зорко вглядывался в угадывающийся на востоке новый девятый микрорайон, недостроенный и глубоко утопающий в грязи. Там, за последней пятиэтажкой, всего в каких-нибудь двух-трех тысячах километров находился его родной посёлок Луч (бывшая Поповка).

Клим только что закончил играть марш седьмого гренадерского полка — вещь для исполнения трудную, но красивую, и вытряхивал слюни из мундштука, когда налетел на впереди идущего «скомороха». Процессия остановилась. Пётр Первый, забыв о царском величии, суетливо указывал перстом на портрет Ленина, как будто хотел ему что-то доказать. Клим взглянул в том же направлении.

Человек на портрете, слегка приоткрыв улыбающийся рот, показывал демонстрации и всей мировой общественности большой лиловый немного раздваивающийся на конце язык. И не просто показывал, а болтал им и всовывал-высовывал с большой скоростью, как варан с острова Комодо. Над площадью повисла густая акустическая тишина. Только ребёнок на руках у бабы в народном костюме, переодетой той самой женщиной, в привычку которой входит останавливание коней на скаку и прогулки по полыхающим домам, тянулся пухлыми ручонками к ожившему портрету и заливисто орал: «Дяд-я-я-я!»

Несколько демонстрантов с одинаковыми причёсками рванулись с разных сторон к гостинице.

Честно говоря, Клим и сам обалдел. Он зачем-то посмотрел на свои часы «Павел Буре», как бы фиксируя для истории время возникновения феномена. Было 11.23. В голове у него промелькнул рассказ бабушки о чудотворной иконе Казанской Божьей Матери, в один

прекрасный момент в 1917 году заплакавшей крупными горькими слезами и рыдающей до сих пор, потом, взглянув на всё того же ребенка, он вспомнил мальчика из известной сказки, выкрикнувшего в толпе: «А король-то голый!» Наконец первое оцепенение у всех прошло, площадь как один человек глубоко вздохнула, и первые всхлипы смеха, как первые отдалённые раскаты грома надвигающейся грозы, уже слышались тут и там. И раздался ужасающий, сатанинский хохот, от которого стали лопаться разноцветные воздушные шарiki, припасённые толпой для первомайского пафоса. Опомнившаяся милиция кинулась хватать правых и виноватых, и площадь бросилась врассыпную.

В камере, куда после первого допроса меня отвели подумать, находились человек пятнадцать. В основном людей молодых и очень странно одетых. Тут были и какие-то, прямо скажем, стенки разины, и вахлаки-народовольцы, и даже один мужик-арбуз, при взгляде на которого, наверное, пришли бы разные мысли о всеобщем изобилии и плодородии, если бы он не курил захлёб какую-то уж больно вонючую сигарету класса так седьмого и не сплёвывал поминутно через отсутствующий зуб.

Ко мне подошёл высокий, похожий на зрячего Гомера мужик в хитоне. Взмахнув свитком с возможной «Иллиадой» и осмотрев с интересом мой совершенно несуразный в этом месте костюм, лениво спросил:

— Корешок, закурить не найдётся?

Я пошарил в заднем кармане и нашёл смятую вдрызг пачку «Мальборо».

— О! — с уважением удивился он. Видно, для древних греков такие сигареты были в новинку.

— Откуда сам?

— Да, блин, из Москвы!

— С *самой* Москвы?! А за что?

— Да вроде за язык. А тебя-то за что?

— За хохот! Ну, за смех. Ребят! Вот он! Из Москвы специально приехал!

Живописно одетые персонажи угрожающе двинулись ко мне и, подойдя, стали похлопывать по плечу и пожимать руку.

— Молоток! Наконец-то! Но не особенно-то выё...! Мысль эта уж давно всем приходила, только местному ни хуя номера не снять, а ты — молоток.

Короче говоря, кто-то проник в гостиничный номер, скорее всего расположенный прямо под моим и тоже находящийся непосредственно за портретом. Открыл окно, тонко просчитал место, прорезал в холсте щель на уровне рта вождя и, пользуясь заготовленным дома, а очень даже может быть и присланным с подрывными целями из-за бугра картонным языком, выразил своё собственное отношение к происходящей на площади вакханалии солидарности трудящихся всех стран.

И вот все эти гаврики думали, что это был я.

Часа через полтора у какого-то пинкертона хватило ума обнаружить, что из моего номера в силу его расположения можно было устроить только моргалки, но уж никак не высывание языка. И распахнулись двери на свободу.

Всю остальную братию тоже выпустили, и я с тем высоким Гомером, оказавшимся просто Колькой, разыскав перепуганого Клим, засел в ресторане отмечать счастливое освобождение.

Автора «анимации» так и не нашли, зато вечером этого дня внимательный прохожий мог бы наблюдать на пустыре, с задней стороны примыкающем к гостиничному двору, двух низкорослых лохматых собак, рвущих какие-то грязные лохмотья, ещё совсем недавно бывшие языком портрета. А перефразируя известное стихотворение Маяковского — языком партии.

Черти

Стоимость краски, рамы и холста картины Малевича «Чёрный квадрат» в нынешнем эквиваленте равняется трём долларам.

*Справочник
сведений*

любопытных

Девять лет назад, в 97-м, Кторову было 34 года — столько же, сколько в свое время Христу, но через год. Звали его Гоша, но за длинные, всегда чистые волосы и громадные иконописные глаза знакомые нарекли его Отцом Георгием. Отец Георгий был хорошего гренадерского роста с мягкими деревенскими манерами. Одним словом, женщины от него кипятком,

значит, это самое, другие с него тащились, а некоторые просто торчали, как шпалы.

Гошины материальные обстоятельства выглядели вполне пристойно и включали в себя 29,5-метровую (полезная площадь) однокомнатную квартиру и не новую, но ухоженную машину Волжского автозавода. Отец Георгий был свободным художником, то есть в глазах трудящихся просто бездельником, но самое неприятное, что к концу века он оказался не у дел.

Вот так. Не у дел! Не у дел, хотя художником Георгий являлся потомственным — так сказать, представителем трудовой династии бездельников. Еще его дедушка до революции очень активно рисовал карикатуры на членов Государственной думы Гучкова и Милюкова, за что после семнадцатого года благодарно не был расстрелян восставшим пролетариатом.

Папаша Георгия вообще был матёрым членом Союза художников СССР и борзо расписывал стены официальных зданий мордастыми трактористами и упитанными доярками в стиле ВСХВ, потом ВДНХ, а ныне ВВЦ. Всё это, однако, не помешало ему в известное время отмотать семь лет лагерей за изображение обеденного перерыва на полевом стане, где доярки с трактористами поедают пухлые мичуринские помидоры прямо руками, а не ножами и вилками, как это было положено нормальному советскому колхознику.

В лагере папаша Кторов много чего понял о Великом Учителе товарище Сталине, и поздний ребёнок маленький Гоша рос в атмосфере некоторого, мягко сказать, *неодобрения* давно покойного уже к тому времени вождя.

Как известно, талант передаётся в третьем поколении, и первый же портретик Иосифа Виссарионовича, нарисованный пятилетним Гошей, полностью подтвердил этот постулат, хотя и отдавал

местами «наследственным» Милюковым, а порой даже Гучковым.

К шестнадцати годам Гоша уже мог с закрытыми глазами и в полной темноте за десять минут написать маслом портрет Великого Учителя, причём потрясающий талант Георгия как живописца, видимый даже невооружённым глазом, заключался в нескольких неуловимых штрихах, моментально превращавших оригинал в монстра.

Но всё-таки чего-то ему не хватало. Грызло какое-то чувство неудовлетворённости, талант распирал изнутри, а настоящего выхода наружу ему не было.

Озарение пришло как-то ночью. Гоша проснулся в три часа как от толчка, зажёл свет, схватил один из уже готовых холстов и несколькими виртуозными жесткими и точными движениями придал лицу небольшое косоглазие, затем рука сто сама потянулась к голове и быстро пририсовала маленькие рожки. Вот! Вот! Вот! Вот это было то, что нужно!

Далее Георгий как настоящий профессионал стал почитать редкие материалы, касающиеся личности и жизни его постоянного героя, чтобы полнее раскрыть его неповторимый образ, отразить подводные течения, расширить рамки официоза. Копаясь в истории, Гоша добросовестно пытался осмыслить, откуда что пошло, выявить, так сказать, глубинные корни, и вполне закономерно, что вскоре на холстах появился второй персонаж — слегка косоглазый и рогатый Вл. И. Ленин.

Потом мастер сделал ещё одно гигантское усилие, копнул ещё глубже, чтобы окончательно определить корни корней, и с тех пор по настоящее время на его картинах красуются уже четыре рогатых лица: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

Особенно автор невзлюбил индифферентного квёлого Энгельса, считая, что это именно он тихой сапой коварно сбил с пути братуху Маркса и искусил

его, как Клеопатра Цезаря, вследствие чего глаза Фридриха на портретах косили всегда чуть больше, а рога были чуть длиннее, чем у остальных членов шайки.

Видимо, под влиянием этой особой, странной нелюбви к в общем-то безвредному Энгельсу и сложилось уже окончательное ёмкое, но лаконичное название всей серии — «Черти».

Кторов не останавливался на достигнутом: он активно экспериментировал с цветом, придавая лицам то зеленоватый, то синеватый оттенок, пока наконец не успокоился на жёстком ультрафиолете.

Эксперименты в области композиции тоже открывали широкие перспективы: Гоша разбивал четвёрку на парочки, на «3+1» (бедного Энгельса всегда отдельно), вписывал их в окружность, в овал, в треугольник, а однажды даже ухитрился разместить внутри шестиконечной звезды Давида.

Постепенно книжные шкафы и полки художника заполнились собраниями сочинений классиков, трудами по диалектическому материализму, рефератами по марксистско-ленинской философии, книжечкой Владимира Солоухина «Читая Ленина», перепиской вождей с ихними бабами и пугающими фотографиями во время болезней.

Надо отдать Отцу Георгию должное — материал он знал великолепно.

Часть его полок занимали также три тома великолепного дореволюционного издания Брема с иллюстрациями, иностранные журналы по овцеводству, козоводству и быководству и, конечно, многочисленные отечественные справочники по зоологии. Ведь только непроходимые болваны думают, что рога — они и есть рога.

Ветвистые олени, аккуратные панты изюбря, изогнутые рога красавцев горных баранов, завитые на манер спирали рога кавказском шашлычной породы,

рога зубра, газели, серны, австралийской антилопы, мифического единорога, индийских мощных буйволов с добрыми (но не косыми) глазами, наши любимые и родные коровьи рога, рожки жирафа, речной улитки, убедительные рога сохатого, бизоньи и, наконец, наиболее приличествующие случаю» козлиные замечательные опять же рога.

На потребу моде на полотнах Кторова, не желавшего всё же оказаться в стороне от самых современных западных течений, великолепная четвёрка запечатлевалась с самыми разнообразными наборами рогов, варьировавшихся в широком диапазоне от бычьих до улиточных. Хотя сам автор в глубине души считал, что всё тому же Энгельсу больше всего идут два уродливых нароста, в обычной жизни украшающие голову новозеландской рогатой жабы.

От знакомых Гоша узнал, что в Литве проживал знаменитый художник и статуэточник Чюрленис, тоже специализировавшийся исключительно на изображении всевозможных чертей. Отец Георгий возгорелся обмениваться с ним творческими планами, но выяснилось, что это уже невозможно, так как г-н Чюрленис не дождался своего более молодого соратника и сейчас скорее всего общается с чертями *напрямую*.

Из-за невозможности посоветоваться с признанным мэтром «чертопологии» какой-то период в творчестве Кторова занимали некие авангардистские метания. Не имея пока учеников и последователей, он метался от невозможности осмыслить, являются ли рогами рог носорога и бивни палеонтологических мамонтов. Но после первых же опытов вопрос отпал сам собой. Ведь если мамонтовые бивни, торчащие из-под усов Иосифа Виссарионовича, ещё как-то смотрелись, то наличие бород у остальных членов преступной группы

полностью исключало бивни как необходимые аксессуары.

Ничего, правда, выглядел Фрид Энгельс с носорожьим рогом. Но Кторов более чем трепетно относился к своей творческой индивидуальности и отбивать лавры у Иеронима Босха совсем не собирался.

Наоборот, единственным и скромным желанием Гоши была пара выставок где-нибудь в Париже и небольшая цветная иллюстрация в заграничном каталоге одного из его любимых шедевров — «Маркс, Ленин и Сталин отшибают рога у Энгельса».

Причём подписано должно было бы быть просто и лаконично:

«Г. КТОРОВ. ЧЕРТИ. Масло, холст. ГТГ».

Время тогда было странное, если не сказать больше. Вместо того чтобы стать сумасшедшим, художник прослыл диссидентом и борцом за всякие права. Комитет, хоть и находящийся на излёте, начал подслушивать кторовские разговорчики, да и сам позванивать разными молодецкими голосами, обзывать на всякий случай жидовской мордой и требовать его скорейшего отъезда на любимый Запад — прибежище всех конформистов.

Где-то году в 1988-м прелестным апрельским днем к нему и дверь позвонили.

В глазок виднелись два молодых человека средних лет с очень официальными выражениями лиц.

— Кторов Георгий Константинович здесь проживает? — холодно осведомились из-за двери.

Струсивший Художник хотел было сказать отсутствующим или больным, но решил, что это глупо и попросил обождать пару минут, пока «он выйдет из ванной».

Вот где ему пригодились всё его мастерство. Двадцать шесть готовых работ он затолкал под тахту, потом схватил неудачный по задумке и скверный по

исполнению набросок «Черти. Энгельс со Сталиным наставляют рога Марксу и Ленину» и до повторного звонка успел не только намочить голову, но и замалевать троих из четырёх (рога, естественно, остались) Гитлером, Геббельсом и пока еще непонятным лысым чёртом. Четвёртого же деятеля удалось только закрасить жирным чёрным пятном.

Молодые люди в ногу прошли по коридору и, показав издали тёмные красные книжечки, отрекомендовались сотрудниками комитета, но художественного.

— Вот, навещаем художников, узнаём, так сказать, чем они дышат, какие нужды и т. д. А также способствуем организации выставок. Симпатичные тут у вас чёртики. Ба, да это ж Гитлер, а это — Геринг, нет, пожалуй, Геббельс. А этот лысый?! К чему бы это тут такой лысый?! Стойте, стойте, я уж сейчас сам догадаюсь, а ты. Вадим, помолчи! Старших не перебивай! Щас, щас, — Хрущёв! Правильно?

— Да какой же Хрущёв, если у него усики. Это ж вылитый Муссолини! — все-таки перебил старшего Вадик.

— А мне говорили: Хрущёв. — разочаровался старший. — Ну ладно, а это что за черная рожа?

— А это африканский диктатор Чомбе, — нашелся Гоша.

— Что ж, неплохо, неплохо, надо подумать о персональной выставке. Будем следить за вашими успехами, — проговорил старший со змеиной улыбкой.

С тем и распрощались.

На какое-то неопределённое время Кторова оставили в покое, потом наступил тысяча девятьсот восемьдесят девятый, за ним пришёл девяностый, за ним 91-й. 92-й, и Отец Георгий как бы оказался не у дел.

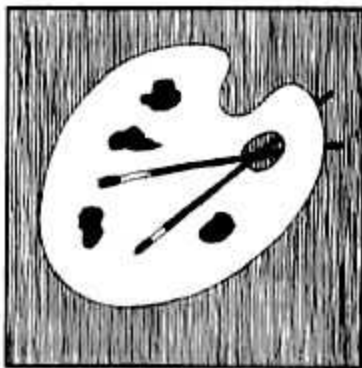
Он попробовал писать современных правителей, но рога им совершенно не шли. Попытки пририсовывать

власть предрежащим хвосты и копыта предусматривали ростовые портреты, что было неудобным по многим соображениям. Да и почти за два десятка лет он так набил руку на четырёх китах, что на нынешних, часто сменяемых, она даже не поднималась. И случился Георгий Константинович Кторов — 1963 г. р., русский, разведён — в творческом застое, то есть практически не у дел.

Правда, он потрясающий?! Это я сейчас немного вперёд забежал, потому что познакомлюсь с ним только в главе «Малый Декамерон», на даче в Красной Пахре. Но не мог удержаться, да и для вас лучше. Когда он в «Декамероне» появится, вы уже будете знать, с кем имеете дело.

Сейчас Гоша — вполне заметный на российском уровне кинопродюсер. Занимается анимационными фильмами. Художники и авторы, которым случалось с ним работать. Кторова хвалят за честность, но ругают за жёсткость. Не догадываясь, что из него можно верёвки вить. Если ввести в сценарий или в эскизы хотя бы одного чёртика. Маленького.

Спросили бы у меня! А уж я бы...

О воображении

*Думай, думай, голова, — память
трещину дала!*

Иносказание

Да, воображение! Уж чего-чего, а его-то, у меня навалом. Когда мне было девятнадцать лет, я снимал квартиру в Тушино. Квартира двухкомнатная, но вторая комната была заперта, и пользоваться ею я не мог. Туда раз в месяц тайком под покровом темноты на часок приходила пожилая пара: мужик лет под сорок и женщина лет тридцати пяти. Они мгновенно выпивали бутылку сухого вина и после этого аж минут десять возились в кровати, по привычке изменяя своим законным супругам. Как я уже говорил, бывали раз, редко два раза в месяц, а платили хозяйке как за постоянное проживание, так что на эту вторую комнату я, бедный, мог только облизываться.

У меня тогда был довольно скудный жизненный выбор: хорошо подготовиться и поступить в институт или плохо подготовиться и вступить в Советскую армию и Военно-морской флот. Я на всякий случай готовился к обоим вариантам. Скажу заранее: подготовиться в институт я так и не смог по обстоятельствам, ради которых всё это и рассказываю.

Дом был блочный, стены тонкие — каждое громкое слово из соседней квартиры отлично слышно, особенно если к стене стакан приставить, а к стакану ухо приложить. И вот однажды, через несколько минут после ухода любовников, посещение которых настроило меня на лирический и немного грустный лад, в тот момент, когда я собирался приступить к занятиям, я услышал неясные звуки из соседней квартиры, в характере которых было трудно ошибиться. Оттуда доносились монотонные вздохи, сладострастные стоны — в общем, всё то, что сопровождает занятие любовью двух не совсем равнодушных к сексу и друг к другу людей. Звуки повторялись по несколько раз на дню, ночью, утром, что постепенно стало вызывать у меня даже некоторое уважение. Совершенно понятно, что основную часть своего времени я проводил, прилипнув к этой стене, а применяя стакан, получал возможность слышать отдельные фразы, произносимые молодым мужским голосом. Темы разговоров были чисто бытовые, и на фоне относительно сладострастных женских стонов пахивали таким ужасающим развратом, что прямо кайф.

Я в период подготовки к экзаменам сознательно перешёл на аскетический образ жизни, дав на время отставку всем своим подружкам, рассчитывая уже после поступления на радостях оторваться повзрослому. Одним словом, на это время я мечтал воздвигнуть между собой и любыми физическими соблазнами непреодолимый барьер. Но запретить себе думать об этом, тем более с таким звуковым сопровождением, как от этих соседей, я при всём своём желании не мог. Ещё через несколько дней родителей, занимающихся своим извращённым этим, стал порой перебивать детский голос — это было уже ВАЩЕ!

Со своего совмещённого с ними балкона через корявую шиферную перегородку я мог видеть их

балконное окно с полуотдернутой шторой и край всегда незаправленной тахты. А однажды утром застал на балконе всю семью: тридцатилетнего высокого мужчину, его полненькую симпатичную развратную жену и трехгодовалого аморального сынишку. Таким макаром к слуховым образам добавились еще и визуальные, и я смог себе представить уже не просто каких-то умозрительных людей, а вполне конкретную похотливую троицу. Мне стало уже совсем не до занятий. Богатое моё воображение рисовало глубоко порочных родителей, размахивающих во время дикого соития наручниками и плётками и одетых в чёрную кожу, намордники, цепи, шипы, а ещё мне представлялся рано развращённый ребенок, грубо лишённый детства и преступно вовлечённый этими жуткими монстрами в их сексуальные игры.

Как-то в воскресенье утром, измученный бессонной ночью — соседи, кажется, не спали вообще, — я, услышав в очередной раз стоны этой полненькой сексуальной маньячки, не вытерпел и вышел на балкон, надеясь хоть что-нибудь увидеть через полузадёрнутую штору. Чисто машинально посмотрел вниз, отреагировав на громко хлопнувшую дверь подъезда, и увидел эту счастливую семью, державшуюся за руки и направлявшуюся куда-то в сторону зоопарка. Я задрал голову: в небольшом слуховом окошке, находящемся прямо надо мной, уютно и прочно угнездился толстый и наглый голубь, который, глядя мне в глаза и влёгкую треща крыльями, продолжал делать то, чем он и занимался последние три месяца — сладострастно ворковать и кряхтеть.

Когда меня спрашивают, что помешало мне поступить в институт ДО армии, я отвечаю, что голубь и воображение.

Я знаю и другие случаи, когда воображение людей бог знает до чего доводило. Приятель рассказывал, что

в соседнем подсаде на втором этаже проживала подруга его мамы с мужем, добром и попугаем. Попугая этого они из Вьетнама привезли — хотя и не попугай он был в чистом виде, а дойна — птичка такая серьезная, вьетнамская — крупная и говорливая, как свинья. А уж звали его с самым настоящим попугайским пафосом — Жако. Попугай не чужд был разных обычных жакообразных штук: висел в большой клетке на одной ноте вниз головой, все время прихорашивался и говорил с лёгким вьетнамским акцентом: «Жако! Хорошая птичка! Почеши головочку!» — и протягивал свою репку всем для почесания. Часов в семь вечера смышлёные его глазки начинали закатываться, и он бормотал, затухая: «СПАТЬ, СПАТЬ, СПАТЬ, спать...»

Его клетку накрывали тёмной тряпкой, и ему, наверное, начинало казаться, что на землю пала самая настоящая сайгонская красавица ночь. И он спал. Когда приходили гости, клетку, закрытую тряпкой, относили в просторный и тёмный туалет, где подвыпившего, только что справившего нужду гостя полусонный Жако из-под этой тряпки запросто мог огорошить вопросом: «Вы не подскажете, который час?». Гости путались, обрывали пуговицы и молнии на своих ширинках, а некоторые, особо набравшиеся, не моргнув глазом, отвечали: «Десять тридцать пять!».

Однажды летом хозяйка вынесла клетку на балкон, а сама принялась за уборку в комнатах. Попугай, с чьей-то легкой руки недавно выучивший «Чижика-пыжика», завёлся не на шутку и без конца фальшиво и неправильно свистел: «Фи-фю, фи-фю, фи-фю фю, Фю, фю, фю. Фи-фи...». Птица концовку, видимо, не запомнила и жутко мучила слух окружающих фальшивой, а главное — незаконченной мелодией, знакомой всем с детства.

Хозяйка, которой на ухо медведь наступил, причем скорее всего белый (говорят, они тяжелее), копошилась

в комнате, когда вдруг услышала возмущённый голос с улицы: «Ну выйди! Выйди, я хочу тебе в глаза посмотреть! Боишься, сволочь, да?!»

Она выглянула в окно: под балконом, задрав голову, стоял пожилой дядечка с палкой и медалями.

— Выйди, бесстыжая твоя рожа! Проклятый тунеядец! — почти что выл орденосец.

Поощрённый попугай засвистал еще фальшивее.

Надо сказать, что время было андроповское — тогда даже в кинотеатрах днём у людей документы проверяли, дескать, почему не на работе. Заслуженный ветеран, совершающий свой обычный моцион, никак не мог себе представить, что имеет дело с какой-то там дойной. Его богатое, не тронутое маразмом воображение рисовало ему здоровенного детину в бархатном халате и феске, возлежащего, задрав ноги, на диване посреди рабочего дня и плюющего на завоевания Октября, на ветеранские увещевания и на «от каждого по способности — каждому по его труду!».

В тот же день ветеран накатал письмо «куда надо», где в самых изощрённых выражениях живописал паразитическо-захребетный образ жизни неизвестного гражданина. Оттуда «где надо» сразу пришел спецчеловек, быстро выяснивший, что сигнал был ложный — все работают, на том дело и закрыли. Одновременно семья вместе с Жаконей переехала на дачу, где и пробыла добрых три недели. Утомлённый переживаниями ветеран, не слыша более этого мерзкого «Чижика», преисполнился гордости за себя и за наши славные органы, пресекающие в корне подрывную деятельность банды тунеядцев, и переключился на отлов длинноволосых юнцов, в чём сильно преуспел.

По прошествии трёх недель он, двигаясь днём по своему всегдашнему маршруту, с налёту напоролся на «Пыжика» в виртуозном исполнении истосковавшегося по родному балкону попугая. И ветерану стало плохо.

Он закричал: «А-а-а-а-а!» Испуганная хозяйка, уже начавшая подозревать, откуда ветер дует, выскочила на балкон и подняла клетку на уровень перил — так, что её стало видно с улицы. И тогда ветеран умер. Умер от превышения необходимого воображения. А попугай Жако доучил наконец последние несколько нот и мог бы спокойно преподавать свист где-нибудь в Гнесинском музыкальном училище. По классу — «Чижики-пыжики».

Да что там долго говорить! И ребёнку понятно, насколько воображение определяет наше сознание и поведение сейчас и в прошлом. Николай Васильич Гоголь в свое время написал одно произведение, ныне почти забытое. Там у него какой-то козёл с золотой цепью на шее и в «аидасе» заехал проездом в городок и давай пальцы гнуть и нагло себя вести. А местные товарищи вообразили его себе не то депутатом, не то вообще директором совместного предприятия — и ну ему все показывать и водить его в роно и в собес. «Волгу» черную предоставили и кормили за валюту. Хорошо вовремя выяснилось, что никакой он не депутат, а настоящая штафирка, а то бы сдуру дочерей своих за него выдали и в Думу от своего округа избрали.

Ну а некоторые люди для того, чтобы себе что-нибудь хорошее вообразить, в побуждающем инциденте нуждаются. Вон один англичанин спать любил — просто ужас как. Да мало того, всё время спал в разных местах. И однажды в саду во время сна его яблоком крепко шандарахнуло. Так он потом всю науку вверх дном перевернул.

Дмитрий Иванович, опять же Менделеев, жуткий был алиментщик. Всё время о своих бабах и их детях думал и бегал от них, а потом тоже, как тот англичанин, уснул на нервной почве, и приснилась ему таблица. Только не алиментов, как все ожидали, а элементов, как никто не ожидал.

А еще были два деятеля со слишком большим воображением — Леопольд Захер-Мазох (1836–1895) и широко известный в узких кругах маркиз, сами понимаете, де кто. Естественно. Сад.

Мазоху дали однажды в венской пивной по лицу — вроде как понравилось. Он давай ещё. Сильное удовольствие получил. А бил его, наверное, этот самый де Сад, которому либидо внезапно в голову ударило. Ему тоже по кайфу это показалось, потому что у него-то вообще эрекция случилась. Каждый вечер стало это повторяться: налупит Сад Мазоха — нарадуются оба, потом ходят похваляются. Один говорит: «Я, — говорит, — садист!», а другой: «А я. — говорит, — мазохист! Только никак не могли разобраться: кто есть кто? И вот как-то вообще запутались. Мазох себя садистом вообразил и маркизу всю морду расколотил, а тот воображал себя, наоборот, мазохистом и тайным онанистом, но удовольствия — никакого, и сознание потерял не от оргазма, а от легкого сотрясения мозга. В результате так оба и остались неудовлетворёнными. Они потом еще неоднократно дрались — так, что даже термин появился «садомазохизм», но всё-таки это было довольно давно, и сколько учёные сексологи и юные следопыты ни бились, пытаюсь разобраться, толку было мало.

Это мы пока брали случаи, когда излишнее воображение подводило, а ведь многие несчастья случились из-за того, что порой некоторым настоящего воображения, наоборот, не хватало. Майкл Джексон вот, к примеру, сменил пару жён и наконец нашёл себе вроде мамашу для своего будущего ребёнка. Как он проблему зачатия решил — другой вопрос, но дитя-то чёрное родилось. И это от белых, прошу обратить внимание, родителей. Так, увидев это, Майкл, говорят, жену чуть не убил. А всё потому, что не смог последствий собственного осветления правильно

вообразить. Видите, до чего может довести отсутствие должного хорошего воображения!

История полна примеров: сын Ивана Грозного — Ваня — был вообще большим воображулей, а тоже фишку вовремя не прорюхал — вот папа и воспользовался: треснул по башке костылем. Хорошего-то мало! Джеймс Кук недовообразил себе гастрономических тонкостей и appetitов коренного населения — и, пожалуйста, только ленивый не отлакировал бы этого Кука и не припустил бы его на медленном огне. Кстати, когда вот эта шикарная сковородная история огласку получила, практичные великобританцы в свой язык свежий глагол ввели — «соок» (кук) — «готовить». А Гай Юлий Цезарь был вообще кесарем, перешел Рубикон, потом пришёл, увидел, победил и сразу выдумал крылатое выражение: «Богу — богово, а кесарю — кесарево!» Как мы видим, воображалка у него хорошо работала, но, к сожалению, до определённых пределов. Был у него друган один — Брут. Ну не то чтобы уж совсем закадычный, хотя и за кадык они порой вместе закладывали, но нормальный такой, деловой. Гетер у него было море знакомых — за это Цезарь его на своей груди и пригрел. И вот Брут этот как-то раз после танцев взял и поставил своего кореша Цезаря на перо. А Цезарь обалдел и говорит: «Ты чего, Брут, в натуре...».

Вот такие интересные дела!

Не звизди

— Вот Дима мне не даст соврать!

— Да ладно! Ври!

*Из разговора с Димой Дубинским
и Васей Сидельником*

Сальвадор Дали
ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА

Как-то мы с моим сиа́мским котом Мартимьяном (Мартиком) слегка расслабились от креветок и умиротворённые уютно расположились у выключенного телевизора, скромно помалкивая об одном и том же — о вранье.

Я вообще люблю молчать о вранье. Сидишь так себе и помалкиваешь о лжи. Слово-то какое неприятное, а ведь по сути — и писатели все, и поэты, и

кинорежиссёры, и актёры, и художники — все, все без исключения, в той или иной степени вруны.

Нет, бывают, конечно, случаи... Журналист какой-нибудь, например, пишет: «Вчера ЦСКА выиграл у «Химика» — 3:2». Ну как тут соврёшь? Никак невозможно! И он от этого очень сильно мучается и потом, когда уже возможно, старается, чтобы как-то компенсировать, врать намного больше.

Актёры вообще вынуждены врать постоянно — уж профессия у них такая, да они и не скрывают. Больше того, чем лучше человек врёт, тем упорнее окружающие превозносят его актёрский талант. Вон ещё даже Станиславский — уж на что ложь ненавидел — всё время говорил: «Не верю, не верю!», а ведь все равно иногда верил — знал заранее, что неправда, а верил. У него даже собачка была специальная. Во время репетиций всегда под столом сидела. И так, дрянь эдакая, была натренирована, что пока фальшь в актёрском вранье слышала, так под столом и оставалась. Но зато уж когда к концу репетиции добивались старательные артисты натурального чистосердечного вранья, тут она как раз из-под стола вылезала, хвостиком крутила, и, глядя на неё, Константин Сергеевич Станиславский говорил: «Ладно! Теперь верю!»

А Лев Толстой! Он ведь ужас сколько всего написал, но кроме «Детства». «Отрочества» и «Юности», всё остальное — сплошная туфта, в смысле выдумка. И не зря поэтому он так нравился В.И. Ленину, который за выдающееся враньё любовно называл Льва «глыбой» и «матерым человечищем». И сам Ильич в этом смысле всегда с него пример брал, добился известных успехов и даже в спорах с Троцким придумал пословицу «Скажи мне, Иудушка Троцкий, кто я, а я тебе скажу, кто ты!»

А художники?! Вот, Сальвадор Дали написал «Горящую жирафу»: стоит, это, в степи жирафа и горит.

Ну с большой натяжкой, конечно, но так бывает. Облить жирафу бензином, поджечь — и пожалуйста. А где бензин взять в степи? А самой жирафе разве это понравится? Но повторяю: в принципе возможно. Хорошо. Но на переднем плане этой картины баба стоит, и из неё, как из письменного стола, ящички выдвинуты — это как? Махровое чистой воды враньё!

Даже художники-портретисты, чтобы побольше дензнаков накопить, всегда своих моделей приукрашивали: то ростом повыше сделают, то морщинки приберут — опять враньё.

Жил, правда, один человек. Илья Ефимович Репин. Только ему удавалось, рисуя, бывалочи, какого-нибудь генерал-губернатора, «несколькими гениальными штришками обнажить всю его гнилую самодержавную сущность». И то это не мои наблюдения, а в учебнике для шестых классов так написано.

Правда, есть ещё нездоровый перестроечный реалист Георгий Кторов, но существованием своего исключительно достоверного художественного письма он только подтверждает правило.

А мы все?! Встретим приятеля или подругу, спрашиваем машинально: «Как дела?» — а на самом деле нас ВООБЩЕ это НЕ ИНТЕРЕСУЕТ! Хороню еще, если он или она вам отвечает: «Ничего...» или еще лучше: «Так себе...», а если вдруг: «Отлично!» — это ж какой кошмар — травма на весь день! Не зря ещё Нерон говорил: «Чем хуже товарищу — тем лучше мне!»

А фраза, которую приписывают Архимеду?! Я имею в виду это слово «Эврика!». Нет-нет, давайте разберемся с самого начала!

Значит, как было дело? Этот Архимед всё думал и думал о Пифагоре, которым его с детства затюкали: Пифагор — то, Пифагор — сё! Пифагоровы штаны на все стороны равны! И т. д. Время от времени Архик с горечью посматривал на свои штаны: к сожалению, они

у него не были равны на все стороны, как у Пифагора. Да, честно говоря, у Пифагора этого вообще не могло быть штанов — в его время (равно как и в архимедово) штаны мужики не очень-то носили. Как бы там ни было, наш герой от зависти потел, потел, сделался грязным и решил принять небольшую ванну, чтобы хоть как-то освежиться. Дура служанка, не имевшая вообще никакого нормального представления о законе водоизмещения, налила ему ванну до самых краёв. А Архимед, плюхнувшись туда в расстройстве, сразу вытеснил какое-то её (воды, а не служанки) количество на мраморный пол виллы, находившейся в самом центре стадвадцатитрехсоткового участка, легко отписанного ему в свое время Сиракузским горисполкомом за выслугу лет.

Разведя на полу неприятную мокротень и думая о пифагоровых панталонах и о самом их владельце в критическом смысле, Архик с досадой воскликнул: «Э! Ври-ка!» — имея в виду лживость утверждения владельца этих шортов об их равнозначности. Чем совершенно задурил голову будущим исследователям его искрометного водоизмерительного таланта.

Я бы и сам, как слепой котёнок, тыкался и дальше мордой в официальную версию, но, к счастью, мне на эту историю открыл глаза мой большой ум. Так что древние тоже не только сами ввали, но и других нещадно обличали. В общем, обман на обмане едет и обманом погоняет.

А вот мне кот подсказывает, что есть ещё такие писатели, которые пишут так называемую фантастику. Писатель берёт и принародно объявляет себя фантастом, чем как бы всех его окружающих предупреждает: «Всё в моих книгах — откровенное и наглое враньё!» — и ничего — читают за милую душу. И верят. Зато вот если выйти в любое время на улицу и обратиться к прохожим с таким, например, правдивым

заявлением: «Я родился двадцать четвертого июля 1957 года!» — наверняка кто-нибудь найдётся и скажет: «Не звизди!»

Малый Декамерон (из романа «Будни волшебника»)

Первое, что я увидел, открыв дверь в кухню, был не очень чистый указательный палец, упёртый мне в

самую переносицу. Палец принадлежал пухлой руке, высовывающейся из необъятных размеров недетской распашонки бывшего белого цвета. Внутри распашонки с трудом размещался человек-гора. Оставалось только гадать, как парень таких; габаритов вообще мог пролезть в дверь современной московской кухни. Скорее всего он родился непосредственно в этой кухне и потом вырос, что было, конечно, фантастическим предположением, потому что парню на вид было лет двадцать девять с половиной, а самому дому — не более пяти. Значит, умелые строители виртуозно построили кухню и весь дом прямо вокруг паренька. Он сделал едва уловимое движение, втянул живот, что ли, его палец переместился в направлении стола, и оказалось, что я тоже могу войти. Похоже было, приглашают.

На микроскопическом кухонном столе между основополагающими локтями парниши каким-то чудом держались бутылки и аж один стакан.

Что ж, таковы и были мои далеко идущие цели.

Я и приехал-то из Хабаровска сегодня часов в восемь вечера, устал как собака и мечтал только до кровати добраться, да нет — звонят.

ОНИ, видите ли, сидят на квартире и пьют, а без меня — ну никак невозможно, И девчонки в трубку орут: «Максим! Хватай быстрее в ларьке *две* и пулей сюда!». То есть практически стремглав.

Вот это мне уже нравится! Я, значит, ни о чем таком плохом не думал, приехал, хотел отдохнуть, обижать друзей не собирался, да и вообще с утра пальцем никого не тронул, а получаюсь просто какой-то подлец. А с другой стороны, приятно, что во мне у всех такая нужда.

Ну что было делать?! Записал адрес какой-то шестиэтажный: «Чертаново, потом направо вниз, затем

на юго-восток, вброд через речку и спросить Мишу».

Лифт, конечно, не работает, по лестнице поднимаюсь с бумажкой в зубах и с сумкой, навстречу мужик с собакой, похожей на свинью. Собака дружелюбная, хвостом машет, лизнула мне руку, за икру тяпнула — я дернулся, естественно.

— Одна звенеть не может, а две звенят не так, — мужик говорит профессионально, прислушавшись к звукам из моей сумки, но ошибается, гад, потому что две-то, конечно, есть, но третья — это просто персиковый сок, который я по дороге зацепил.

Тут свинья еще раз меня тяпнула. Мужик говорит: «Макс, фу! Ну что ты жрёшь всякую гадость!»

Это немного заело — я уже давно старался дешёвую водку не покупать.

А мужик опять: «Макс, сидеть! Стервец ты этакий!»

Сел я на ступени и уже сидя ему бутылки показываю, что, мол, гадость не употребляем. Но он, ненормальный, почему-то дальше почти бегом побежал.

Наконец добрался до облупленной двери без звонка. Стою, радуюсь: как меня все ждут, а я — вот он он. Пригладил волосы, рубашку поправил, постучался. Ни ответа, ни привета. Дверь вроде приоткрыта, но что-то боязно — вдруг перепутал. Приварит мне

(...в скане книги пропущен разворот...)

Я испугался, что он сейчас опять на три часа заткнётся, и горячо заверил, что просто по чистой случайности ляпнул. — он смягчился и продолжил:

— Выхожу как-то на балкон и вижу: приятель этот на своей таратайке к моему подъезду подруливает. Встал я у двери на страже, на лестнице лифт хлопнул, бим-бом, — это звоночек мой сработал, а глазок сразу залепился. Я дверь распахиваю и сразу ему в улыбающее рыло как дал струю. Он глаза закрыл руками и с криком повалился, наверно, сознание потерял, морда...

И мой новый знакомый победно рассмеялся.

Я стал потихоньку вместе с табуреткой отодвигаться назад. Думаю: «Если уж он другана своего нервно-паралитическим обработал, то меня бутылкой по той самой балде жахнет — не почешется».

— Ты что, ты куда?! Я ж его простым дезодорантом. Не газом, а дезодорантом, ну этим, который не заменяет ежедневного мытья. Разве я могу живого человека да газом?! Топором или ножом там — легко, а газом — это уже благовество.

Господи! Так это совершенно меняет дело! — и мы выпили за его человеколюбие.

Он ещё много мне рассказывал всякие маклишмакли, я это всё хавал за милую душу, и пили мы при этом немерено.

Рассказывал какие-то истории о пьянках, дорогие сердцу любого мужчины; истории о женщинах, милиции, о животных, причём я при этом молчал как пень, губкой впитывая в себя потрясающий фольклор, и совершенно позабыл о своей несостоявшейся «кошачьей свадьбе».

В полшестого, выпив «на посошок, на сапожок, на запашок и за здоровье Госавтоинспекции», откатив ногой под кухонный шкаф последнюю пустую бутылку, я собрался отваливать. Пожав на прощание котлету, которую ОН выдавал за свою правую руку, сильным ударом ноги распахнул я и без того открытую дверь и только собрался сломя голову кинуться в сторону дома, как был остановлен словами:

— Как же зовут тебя? Ты ж не человек, а отвал башки. С тобой хоть поговорить можно, не то что с этими козлами. Меня, — говорит, — зовут Юрка Сараван-Карай, в смысле, Караван-Сарай, ну а тебя-то как? Дай мне свой телефон, а то я тебе репу оторву!

Репу-то мне, конечно, очень жалко: «Максим, — говорю, — телефон 152... и т. д.»

— Максим, я те точно позвоню на днях, ты *дуру-то* не гони!

Дуру я в ближайшее время гнать не собирался. На том и расстались пока.

Через недели две раздаётся телефонный звонок:

— Привет, это я. Юрка Сараван-Карай! Помнишь, ты меня ещё с кухни полночи не выпускал?

Что-то начало шевелиться у меня в памяти — что-то с водкой связанное.

— Ну, я это, ещё тебе репу обещал оторвать, — веселился он.

— Ой, здравствуй, Юрий, — говорю, — ты ж утверждал, что тебя Караван-Сараем зовут.

— Так это, я уже выпил, вот и путаю, да хрен с ним, тут вот какое дело: пригласили меня, значит, сегодня на день рождения к одному мальчику из Большого театра. Тридцать два годика исполняется. На дачу, кстати, в Красную Пахру. Дак что, поедем?

Я прямо обалдел и говорю ему, что не могу так сразу-то, без разбегу. Во-первых, меня не приглашали, во-вторых, я там никого не знаю, а в-третьих, мне надеть нечего и вообще, «как вам нравится во-первых?»

— Ты мне *дуру-то* не гони, он сказал, чтоб я с бабой приходил, а мне что с бабой, что с тобой — всё равно. С тобой даже лучше. Форма одежды: джинсики-кедики, только ботву причеши, а то я тебе репу оторву.

Ну что ж, причесал я ботву и поехал я в Пахру.

В Пахре дача — всем дачам дача. Участок огромный — на глазок сотки пятьдесят три с половиной. На зелёной лужайке в длинной беседке стол белоснежной скатертью накрыт, а на столе сервиз с золотом аж на тридцать шесть персон. Сервиз, насколько я понимаю в старинном английском фарфоре, — «Веджвуд». Кроме того, бокалы и фужеры там всякие хрустальные, ножи,

вилки, ложки-ложечки, а уж щипчики-пинцетики серебряные я и не считаю.

Стулья около стола стоят такой красоты, как у Ильфа и Петрова, только три их комплекта, а кругом цветы, цветы...

По лужайке под нежным бабьелетовским солнышком под руку прогуливались джентльмены и леди — все в соответствующих одеждах — и вели приятную светскую беседу. А люди-то какие! В первом приближении сразу проглядывались несколько хорошо известных благодаря телевизору акул и щучек из таинственного, опасного, но притягательного мира шоу-бизнеса. Пара продюсеров нетрадиционной ориентации, по слухам, проводших в местах отдалённых не одну пятилетку. Три-четыре эстрадные звёздочки средней величины со звучными именами и хорошо развитыми молочными железами; дизайнеры в ассортименте, околобалетные модели и визажисты, которых я до этого держал за пейзажистов.

Я посмотрел на Сарая да на себя — боже мой: выглядим мы с ним в джинсиках и кедиках как двое настоящих вахлаков, вернее как трое вахлаков (он-то запросто на двух тянет).

Я хотел было закричать, что у меня дома костюм есть, но смотрю — никто особо над нами не смеется, а с Кар-Саром даже некоторые на иностранных языках здороваются. Он им с достоинством по-русски отвечает.

Мимо пара проходит — девушка, как принцесса, в зелёном вечернем платье с молодым человеком в смокинге.

— Вы помните? — это принцесса щебечет. — спускаешься с «place de Greve» по «rue Minion», и вот направо внизу есть местечко одно симпатичное, почти что лучшее в Париже...

Джентльмен сообщает: «Нет, извините, я в это время в Милане был, в La Scala пел».

Я думаю: «Да, вот это попали!». Отошел к скамеечке — ноги меня уже плоховато держали. А рядом опять разговор: «Вам нравится ранний Тинторетто?»

— Еще бы! Это ж сплошной восторг, но я все-таки предпочитаю Малых Голландцев или в крайнем случае братьев Ге. А каков Мурильо! Богатая палитра, крупный мазок! Перфектно!

Вот так тусовка! Я тоже не какой-нибудь там им (или им там)! Из себя ничего, и «Фабрику звёзд» смотрю регулярно. Но тут! Модели и балеруны, художницы и артисты — все сюсюкают и выпендриваются ужасно. Моя бабушка, царствие ей небесное, привезла в свое время из своей Ростовской области Борисоглебского района деревни Титово шикарный термин, характеризующий людей такого типа: «с ваткой в жопке». Короче, почти у всего деньрожденческого контингента (даже у дам) эта самая ватка, выражаясь, конечно, фигурально, просматривалась довольно уверенно.

Вскоре на белоснежную террасу главного здания вышла высокая худощавая женщина в потрясающем чёрном кружевном платье. В её руке блеснул колокольчик, наверняка серебряный, и над беседкой и лужайкой, над дамами и их кавалерами, над славным писательским поселком Красная Пахра, да и вообще над всей европейской частью России поплыл старинный, давно забытый и от этого еще более волнующий мелодический звон. Похоже, всех звали к столу.

Я хотел было пристроиться где-нибудь с краю на табуреточке, чтобы в случае необходимости свалить, но мама балеруна Артура, сегодняшнего деньрожденца, рассудила по-другому.

Руководствуясь великосветскими добрыми правилами ведения стола, вычитанными из расширенного и дополненного издания Елены Молоховец, мадам в чёрном платье расположила поверх

каждого прибора специальную карточку с золотым обрезом, на которой готическим шрифтом с вензелями было начертано имя и титул гостя. Не один вечер, вероятно, прокорпела мамаша над планом рассадки, учитывая пол, возраст и род занятий каждого, чтобы рассадить гостей «по интересам» и дать им возможность вести за столом приличные и светские разговоры.

Так вот, на умопомрачительной визитке Сарая было выведено: «Господин Юрий Фролов. Друг».

Я долго искал своё место, пока наконец не наткнулся на карточку «Дама господина Фролова», то есть баба Сарая.

Усевшись почти напротив него, или, как сказали бы в этой умной компании, — визави, — я увидел справа от себя девушку — любительницу братьев-голландцев, а слева завсегдатая миланских подмостков.

Тем временем две молодые приятные женщины в крахмальных передничках, по-видимому крепостные, откупорили несколько бутылочек шампанского «Вдова Клико» и стали раскладывать на тарелки по маленькому тонюсенькому кусочку копчёной рыбки.

Важно было, чтобы рыба была такой толщины, дабы сквозь неё удобно прочитывалась марка фарфора. Тут-то и оказалось, что я дал ужасающего маху: фарфор назывался не «Веджвуд», а «Кинг Веджвуд». Как я мог так обмишуриться, до сих пор не понимаю.

Пока я скромно переживал своё потрясающее фиаско, раздумывая, не превратить ли к чёртовой матери всё шампанское в идеальную воду № 1 {Речь идёт об экстрасенсорных способностях главного персонажа романа «Будни волшебника» (Прим. авт.).} поднялась арчуровская мама, позвенела ножичком о фужер и произнесла короткий, но убойный в протокольном плане спич. В смысле, что вот с такими замечательными кадрами, кои собрались за этим

скромным (!) столом, она совершенно и абсолютно уверена в самом скором восторжествовании в искусстве красоты, любви, справедливости, добра и зла. Также мама коснулась всё возрастающего мастерства своего сына на балетной ниве и пожелала ему и другим мастерам нижних конечностей больших успехов и процветания. Раздался звон бокалов и — о ужас! — стук ножей по фарфору.

Даже я, потомственный интеллигент в первом поколении, по рассказам во дворе знал, что рыбу ножом не едят. В большом ходу у нас была также история о том, как один гардемарин упал в открытом море за борт, и на него набросилась акула. Молодой человек оказался не робкого десятка или там двадцатка, в общем, он вытащил кортик и хотел от неё отбиться самым ужасным образом, как вдруг акула говорит человеческим голосом: «Что вы, гардемарин, на рыбу и с ножом?!» И тот покорно дал себя сожрать.

Еще Вовка-кривоножка из второго подъезда спорил до посинения, что акула не рыба, а «молокопитающееся», и, будь он на месте этого дурака, уж он бы «дал дрозда».

Одним словом, у меня появилась великолепная возможность показать бомонду что почём. Только я собрался демонстративно и великосветски подъесть эту рыбу прямо ртом с тарелки, как обратил внимание, что едят-то они все при помощи специальных изогнутых ножичков, так что вся моя несостоявшаяся эскапада так бы, верно, и пошла псу под атавистический отросток.

Я быстро отыскал среди своего набора кривой ножик и присоединился к всеобщему молчаливому поеданию.

Слышались звуки «mmm» и редкие цоканья языком, призванные показать, как вкусно и полезно бывает иногда сожрать двадцать граммов копчёной рыбы.

Затянувшееся молчание нарушил «граф» Фролов. Сбрав в кулак всю свою вежливость и светскость, набранную им по вокзалам и пивным, состроив улыбку, от которой хотелось бежать сломя голову, он, обращаясь к моей соседке справа, озвучил следующего рода эдикт:

— Милая девушка! Не буде те ли вы так любезны и добры, если вас, конечно, не затруднит, передать, пожалуйста, а я вам буду очень признателен, этот чудный яблочный майонез, а то, ща бя как ебану в рыло, ёб твою мать, блядь, пизда-рыбий глаз!

Это был ШОК. Аристократы сидели, окаменев и раскрыв рты. Судя по бессмысленному выражению на лицах и пустоте в глазах, особенно их поразило иезуитское сравнение упомянутого в грубой площадной форме женского детородного органа с в общем-то индифферентным и, казалось бы, не относящимся к делу рыбьим глазом.

Я приготовился к обороне: ведь если сейчас Сарая начнут метелить, то и его «бабе» достанется. Но нет — все глаза опустили.

Из сложившегося положения было два выхода: или мадам Артур встать и, протянув костлявый палец в направлении автобусной остановки, объявить опального пажа Кар-Сара вместе с его псевдодамой персонами non grata или сделать хорошее лицо при очень плохой игре, то есть сделать вид, будто ничего не произошло.

Выбран был второй вариант. Между тем девушка, не поднимая глаз на своего грозного визави, дрожащей рукой передала ему майонез. А он ещё раз улыбнулся и сердечно сказал:

— Огромное вам, милочка, спасибо!

Оттянув мизинец на правой руке, как какой-нибудь «принц де Шатильон», Сарай подцепил специальной лопаточкой капельку приправы, виртуозно капнул ею на

недоеденный ещё микроскопический кусочек рыбы и отправил всё это в пасть.

Напряжение было снято. Через пятнадцать минут вся шайка так ругалась матом, что поэт Барков наверняка перевернулся бы в гробу и сгорел со стыда. А писатель Сорокин бы бегал за всеми с диктофоном.

Рассказывались солёные анекдоты про Василия Ивановича, где самым приличным было слово «яйца»; поклонница раннего и позднего Тинторетто всё время порывалась танцевать на столе голой, а терпевшая до поры до времени мадам вдруг расстегнула глухой воротничок своего «откутюрного» платья и, грассируя, приятным мужским баритоном с лёгким цыганским акцентом пропела «Мэня милый полюбил и завёл в прэдбанник, там на лавке разложил и набил эбальник...». После чего, хрустнув ключицей, она поставила себе фужер на оттопыренный локоть и лихо выпила.

Единственным, кто вёл себя более или менее пристойно (кроме меня, конечно), был господин Юрий Фролов, друг. Он уединился с каким-то непьющим очкариком и увлечённо точил с ним некоторые лясы на тему о явных преимуществах автомобилей «Ламборгини» перед всякими там «Феррари» и «Мазератти», причём ел при этом толстый бутерброд, явно захваченный из дому.

Нежная княжна в блестящем комбинезоне с лопнувшей молнией попросила меня пройти с ней в дом на предмет починки этого замечательного достижения галантерейной инженерной мысли. Без сомнения, вечеринка покатила по неформальным рельсам.

На следующий день, часа в три, небольшая компания из остававшихся ночевать представителей высшего света (+ мы с Сараем) уютно устроилась в беседке и оттягивалась кто шампанским, кто пивом, а

кто и водкой (Сарай). Ночь прошла шикарно (были и кекс, и секс, и унисекс). Настроение господствовало лирическое. С потенциальным продолжением.

Артур-деньрожденец ночевал, оказывается, на черезсоседней (рядом-то, выяснилось, Людмила Зыкина живёт) даче у Наташи Клейнот — бывшей костюмерши Аллы Борисовны, а ныне хозяйки модного бутика. Но спал Артур не с ней, а с самой настоящей певицей-звездой Светой. Её вчера не было на дне рождения (концерт в ночном клубе). Потом она подтянулась к трём и подарила Артику себя. На даче у Натальи. Я этого ничего не видел — молнию у Риммы застёгивал. А сейчас Наташа пришла со Светкой и ещё одной бесцветной плоской девицей в майке с самонадеянной надписью «Don't touch» — дамы переоделись поспортивнее и шампанское поднесли.

Светка автоматически села подле Артура, но поглядывала на него с сомнением: «неужели сегодня у меня был *он?*».

Потом ещё Артуров друг, бывший художник, а ныне кинопродюсер слегка в годах, подъехал. По кличке Отец Георгий, между прочим. Глаза у него якобы большие, как на иконе. На мой вкус, глаза как глаза (я могу и побольше выпучить), но все бабы — знаменитости из шоу-бизнеса — на него внимание обратили.

Тут выяснилось, что у хозяина вчерашнего и сегодняшнего торжества Артура есть кличка. Самая странная, какую я только слышал в своей жизни, — Степан.

Конечно, это была не кличка, а настоящее имя по паспорту. Но знаете, как трудно переопределиться, если почти 30 часов зовёшь такого Артура Артуром, домысливаешь ему всякие симпатичные недостатки и достоинства, вводишь мысленно в соответствующее ему артуровское общество, а потом выясняется, что и сам он

— Стёпа, и мать его — Стёпина, и вещи стёпины, и фарфор и т. д. и т. п. Говорили, что у Стёпы и папа даже есть, который ездил в прошлом году за чем-то в Корею.

— Стёп, а правда, что у вас в Большом педрилы одни? — поинтересовался Сарай для завязки разговора. Похоже было — после вчерашней эскапады в этом доме ему уже позволено всё.

— Артур, ты прости, что я вчера у тебя отсутствовал, — поспешно попытался сгладить неловкость ещё не знакомый с Сараем Гоша, — на свадьбе гулял у милиционера!

— А я тоже жениться собирался, — неожиданно объявил Артур-Стёпа, с которого балерунство и бомондизм в последние десять-пятнадцать минут как-то начали слетать. — Весёлая она такая была. Оля, непьющая из-за гастрита...

И он поведал грустную историю, которая легко могла бы сделать честь какому-нибудь Тургеневу, если бы тот в свое время не был так занят написанием страшных рассказов про несчастную Муму. К сожалению, мне не удастся точно воспроизвести романтический рассказ Стёпы, потому что тогда, слушая, я никак сначала не мог предположить в его повествовании высоких литературных достоинств, а когда опомнился, было уже поздно. Придется уж нам довольствоваться моим неуклюжим наложением. Форма не та, зато факты отражены верно.

Короче, однажды эта знакомая Артура Ольга пригласила его на свадьбу своей двоюродной сестры. У них все родители были военные, вот и сестру замуж за военного приготовили. Ну что? Купили они дежурный комплект постельного белья с намеком и пошли. Свадьбу-то эти солдафоны в банкетном зале наладили. Все Ольгины родственники собрались. Тут до Артура дошло, что они заодно и на него посмотреть собираются. Очень он подобных смотрин не любит, да

делать нечего. На этой свадьбе еще одна встреча должна была состояться. После полуторамесячной разлуки. Встреча другой Ольгиной сестры с её мужем, тоже военным. Они приехали из длительных командировок на два дня специально на свадьбу. Он — из Арзамаса-16, она — из Челябинска-30. В общем, свадьба пела и плясала: «С маленьким не затягивайте! Главное: друг другу уступать! А чевой-то молодежь не танцует?!»

Стёпа вышел из подвального зала наверх на улицу покурить и проветриться — уж больно водка у них сильная была, тоже, наверное, военная. Поздний вечер. Рядом еще какой-то огонёк светится. Оказалось, Стелла из Челябинска-30. Слово за слово, пошли они с ней прогуляться вокруг здания, потом спрыгнули в какое-то углубление с чёрным окном и начали целоваться, а потом и это самое. Она говорит: «Смотри, это окно в кладовку, а в кладовке дверь приоткрыта — прямо в банкетный зал выходит. Видишь, мой уже головой крутит. Расходимся по одному». Она — тоже военная.

Оправились и врозь вернулись в зал. Она на него время от времени посматривает — тайна у них. Потом минут через пятнадцать в танце как бы невзначай приоткрыла ту дверь в кладовую чуть пошире, а ему глазами на выход показывает. Ну и ещё раз они туда сходили. Разум у нашего героя совсем уже помутился. Вскоре свадьба стала разъезжаться. Их (Стёпу-Артура и Ольгу) жених с невестой к родителям жениха забрали догуливать в двухкомнатную квартиру. Артур, значит, как в прихожую вошёл, сразу на вешалке ему зелёное пальто Стеллино в глаза кинулось. Он тут же бегом в ванную — проверить, как она изнутри закрывается. Уж неизвестно, чего он там себе вообразил. Жених с невестой ушли в маленькую комнату пятьсот тридцать первую брачную ночь праздновать, полковник-папа с мамашей улеглись на единственной диван-кровати, а

для старшего лейтенанта Лёни, его жены Стеллы, Оленьки и Артура в хлам пьяный Лёня надул водочным перегаром четыре надувных матраца. Стёпа боялся, что они взлетят к потолку, и придавил их тяжелыми книгами. Матрацы упёрлись «головами» в диван-кровать, свет был потушен и началась оргия. Артур со Стеллой меняли позиции, орали. Бегали в ванную, снова меняли позы...

— Ну, это, наверное, давно было. — неделикатно перебила его Светка, намекая на их ночное и слишком, по её мнению, скоротечное свидание.

На неё все зашикали, и Артур продолжал в том смысле, что конец ночи потонул у него прямо в каком-то кошмарном тумане. Помнит только, что их все пытались остановить.

Мама — словами: «Нехорошо до свадьбы-то!»

Папа — словами: «Подождали б, черти, до дому!»

Лёня — словами: «Вы бы потише!»

Молодые из другой комнаты — словами: «Во дают ребята!»

В общем, утром он просыпается от жуткого хотенья в туалет. Еще не открывая глаз, понимает, что сотворил нечто ужасающее и непоправимое. И постепенно обрывки вчерашней ночи всплыли в памяти. Это был УЖАС. Артур приоткрыл правый глаз и увидел, что находится в комнате один, заботливо прикрытый вторым одеялом, а его вчера в таком беспорядке разбросанная одежда аккуратной стопкой сложена на стуле чьей-то твердой рукой. Дверь в коридор плотно закрыта. За ней угрожающая тишина. Он быстро представил себе трех громадных солдафонов, выпирающих из голубых маек, как Калининский проспект из Старого Арбата, молчаливо и тупо дожидаящихся у кухонного стола, пока их жертва проснется. Терпеть больше не было мочи. Артур решил

проскочить в туалет, а заодно и глянуть — нельзя ли незаметно отвалить.

Уже из туалета услышал с кухни тихую музыку, стук ножей, звон бутылок — обычные звуки накрываемого стола. Вышел — будь что будет.

Вся команда его приветствовала по-своему: мужики по спине треснули одобрительно и подмигнули, мама погрозила пальчиком, а дамы опустили глаза.

Ничего не понимая и еще не веря, что останется жив, наш ловелас врезал две рюмки водки с селёдочным маслом и поехал с Оленькой на такси домой.

Теперь-то понятно, что случилось? Военная мама решила, что это будущий родственник Артур *любит* её племянницу Ольгу. Папа подумал, что это его изголодавшийся сын Лёня так любит свою жену Стеллу. Пьяный Лёня сделал вывод, что очумевший папа вдруг полюбил маму. Молодые с завистью слушали, как «Лёня» любит Стеллу» а Артур — «Ольгу». Пьяный же Артур решил, что он сошел с ума. Наверное, в тот момент так оно и было.

— Единственный трезвый, кто был в полном курсе, — это Оля, — резюмировал понурившийся донжуан, — нам пришлось расстаться.

— А что же она, сука, тебя не удержала?! Видела-слышала, а не удержала. Выпил мужик — что ж тут такого?! Это с её стороны подлость. За это бросать надо! — горячился, принявший историю близко к сердцу, Сарай.

— Я её и бросил, — тихо сказал Артур. — Оленьку бросил, то есть она меня.

Вот так Артур! Прямо Шекспир какой-то, а не Артур!

Он, правда, разъяснил потом, что пригласил эту Олю к себе для последнего и серьёзного разговора, в котором собирался каяться и прощения просить, но она не пришла. Он стол накрыл, цветов купил, а она не

пришла. Он ждал, сидел — глаза все проглядел, а она не пришла.

— Индо очи гляючи проглядела бляючи, — подморгнув, подсказал беспринципный Сарай.

— Зря ты смеёшься. Её просто, оказывается, тогдашняя лифтёрша не пустила — сказала, что меня дома нет. Я ей потом такой скандал закатил, а она на своём стоит: «Намазана да расфуфырена — не пара она тебе, Степан, сам благодарить будешь!» Ну что было с ней, со сволочью, делать?! А может, и правда — всё к лучшему?

— Знаешь, как надо проверять, любишь ты бабу или нет? — Сарай закатил глаза, изображая лицом в силу своего разумения страстное чувство. — Ты представь: она со своим макияжем и всякими бретельками сидит в туалете и глядя в одну точку, гадит. А на лбу жила синяя от напряжения вздулась. Если тебя не вырвет — любишь!

Женская половина, немного фальшивя и чуть кокетничая, сказала: «Фи!», и компания с удовольствием выпила за любовь. Гоша сидел на ручке Наташкиного кресла и что-то тихонько ей плел. Понятно было, что он её путает или она его — кто их разберёт.

Светка-звезда долго рассматривала пустой фужер на просвет, потом прикурила сигаретку и сказала в пространство:

— Людвиг его звали. Я, значит, когда в Москву приехала, мне только-только шестнадцать стукнуло, но уже не совсем душой была. Сначала-то прямо с поезда пошла пожрать в кафешку у трёх вокзалов. Ну, взяла набор номер два: суп, сосиски там, салат-компот... На стол поставила, сумку с пакетом на стул повесила и пошла поднос отнести. Возвращаюсь, смотрю: сидит негр огромный — нет-нет, это еще не Людвиг был, — и мой суп ест, а я про негров раньше только и знала, что сильно угнетенные они. Ну, сажусь я, второе

пододвинула, ем потихоньку. Он покосился так, но жрать продолжает, потом салату половину мне отсыпал — видно, совесть все-таки есть, я за это полкомпота ему оставила. Он выпил и ушёл, а я смотрю... на соседнем столе мой пакет лежит, сумка висит и обед остывает... Стрескала — чего ж добру пропадать — и поехала в центр.

Иду по улице Горького — складненькая такая, в джинсиках, в темных очёчках, с красивым пакетом — всё при мне. А он на своём «Опеле» рядом едет: «Садитесь, девушка. — кричит, — я вам Москву покажу!» Глаз у него как алмаз. Ну, я покочевряжилась для виду два-три дома и села. Он невысокий такой. Полноватый, но вполне симпатичный. Я потом-то всё про него узнала. Да... Он, значит, как обычно делал? Шёл в ресторан Дома кино или там в ВТО, пока не сгорел, днём шёл обедать. «Я, — говорит, — днём «работаю». Выбирал какую-нибудь лялю средних лет из тех, что там около искусства крутятся, подсаживался и путал. Он по этой части просто гений какой-то. Три слова с бабой скажет и уже знает всё про неё, и уже так разговор складывает, что ей жутко интересно. То про литературу завернет, то про живопись, а то и про тряпку какую женскую, которую «его сестра из Франции привезла, да ей маловата». Дальше он её к себе на «Динамо» вёз «на рюмочку кофе». Квартирка у него крошечная — комната да кухня. Ещё чуланчик был, под комнатку отделанный — еле-еле кровать помещалась. А так в комнате и тахта, и ковёр, и телефон, и видео-шмидео. Усадит Людвиг женщину на тахту, включит тихую музыку, даст пару гламурных заграничных журнальчиков, а сам идёт на кухню кофе ставить или там чай. На самом деле он на кухне раздевался догола, да-да, — прямо с этой болтающейся штукой, — волосы всклокочивал, очки снимал — он вообще-то сильный очкарик, а когда близорукий человек очки снимет, то

глаза сами собой нехорошие делаются. Потом еще краска у него была специальная, красная — будто кровь. В одной руке топор, в другой нож — и всё это и сам в «крови», а на губах пена для бритья, и так заскакивает: «А ну раздевайся щас же, мразь такая, тварь поганая, а то убью щас, зареж-ж-у на ху-у-...!»

И Светка, вытаращив глаза, протянула перед собой руки — это было страшно.

— Секс-то у него довольно-таки тухлый, — продолжала она, покосившись на бедного Ар тура, — но по первому разу даже интересно. Меня он привёл, пообещав «английскую кофточку на вас». Музыку завёл и пошёл на кухню копошиться. А я думаю — чего ждать то — разделась и легла на тахту в красивой позе, как в «Плейбое». Тут он с ножами-топорами весь в крови и заскакивает. Я говорю: «Сколько тебя можно ждать-то, милый?» У него из рук всё попадало, он рот открыл, глазами лупает, а потом как заржёт, даже упал и там продолжал хохотать. И я с ним. В первый раз так и трахнулись на нервной почве. Он меня после этого сильно зауважал и пустил в чуланчик жить. А я за это квартиру в такой чистоте держала, что сама удивлялась. С утра встану, бывало, везде подмету, пылесосом тоже пройду, потом пыль протру, а особенно его коллекцию самоваров на кухонном подоконнике — это он спецом подоконник заставил, чтобы в окно не выбрасывались — второй этаж все-таки — попытки были. Ну вот. Уберусь, уберусь, а потом только топор с ножами начистить, чтоб как зеркало, да краски для него развести — всего и делов-то. К пяти часам, когда он обычно являлся, я всегда успевала. И сам обстиранный, обглаженный — как картинка. Я и у себя-то в Рузе белоручкой никогда не была, а тут тем более.

Привел однажды фифу белобрысую и здоровущую — я в щёлочку подглядела. Сначала всё про кино

разговаривали. Про разные течения. Потом он, мне кажется, ошибочку тактическую допустил, а может быть, и нет. «Вы понимаете, — он говорит. — у Тарантино совсем другая сверхзадача была, а вы, кстати, от минета не кончаете?» — И пошёл на кухню «чай ставить». Это её насторожило как-то. Она следом за ним на кухню. А он ещё раздеться толком не успел, да и без топора — никакого эффекта. Пришлось попростому её на тахту заваливать. Без интереса, но всё-таки с особым цинизмом, как говорится. Ну, ушла она потом, дверью хлопнула, да ещё и с угрозами. Людвиг за свои бумажки сел — что-то с наукой связанное. Я прибралась, вдруг звонок в дверь. Он в глазок глянул: «Свет, ставь!» Я уже всё знаю: ставлю кастрюлю с водой на большой огонь, а в дверь звонят, барабанят. Людвиг опять к бумажкам ушёл. Наконец, я кричу: «Готово!» Он дверь открывает, но она на цепочке. За дверью какой-то шибко большой парень бесится — дылдин брат, что ли. И всю эту кастрюлю — прямо на него. Брат по лестнице так посыпался, что не нагладишься. Такой вот крутой Людвиг мужик. Сейчас в тюрьме по третьему разу, но ненадолго. Я его жду и люблю. И пластинку новую посвятила! — закончила Светка с каким-то озлоблением и покосилась опять на Артура.

Мы все только руками развели, а в глазах Артура засверкали искорки оскорблённого самолюбия:

— Что ты всё смотришь?! Ну не в форме я вчера был! Выпил лишнего — день рождения всё-таки! И потом — это тебе не рот под фанеру открывать!

— А что такого! Знаешь, как говорят: «Пять минут позора — и обеспеченная старость!»

— А с другой стороны: деньги проешь, а стыд останется! Бездуховность, бля! Хорош препираться, горячие сексуальные головы! Мы ещё на вашей свадьбе погуляем, наливай, — это Сарай Свете.

— Вы знаете, друзья. — мягко сказал Гоша, — в течение многих веков человечество бьётся над этой извечной загадкой. Что такое любовь? Зачем она и почему? Никто не может дать однозначного ответа. У каждого человека это индивидуальное, глубоко личное. Я, например, уважаю любую точку зрения, даже такую, я бы сказал, несколько экстремистскую, как у нашего Юрия. Меня только всегда удивляло, как разные люди распоряжаются свалившимся на них чувством. Давайте-ка выпьем, и я вам расскажу одну историю, которую ещё не рассказывал никому.

Когда мне было приблизительно столько лет, сколько вам, обретался у меня один приятель — сейчас, к сожалению. — просто знакомый. Он был музыкантом — играл на гитаре в одном из этих бесконечных ансамблей. Виктор много разъезжал по стране и зарабатывал неплохие по тем временам деньги. Купил вскоре однокомнатную квартиру, справил новоселье и неожиданно и даже как-то тайно женился на милой девушке Лене — студентке второго курса Академии имени Плеханова, а тогда просто Плешки.

Однажды Витя вернулся с недельных гастролей. Он приехал домой днём, положил гитару. Засучил рукава и принялся за уборку. В комнате царил милый женский беспорядок, который любая молодая и неопытная женщина тут же организует вокруг себя, когда на пару дней остается одна.

Виктор прикурил сигарету, и в тот момент, когда он сделал самую первую затяжку, как раз зазвонил телефон. Он неловко закашлялся, схватил трубку и высоким поперхнувшимся тенором сказал: «Алё!»

— Здорово, Лен! — весело проговорил мужчина на другом конце провода. — Что это у тебя с голосом? Опять вчера с Тимуром перебрала? Когда твой дурак-то приезжает? Сегодня у Кеши тусовка — ребята будут классные.

— Вы ошиблись номером, — пробормотал помертвевший Витя и бросил трубку.

Он просидел около телефона ещё минут десять, очень надеясь, что перезвона не будет. Его и не было. Может, действительно случайный звонок, но уж слишком всё сходилось.

Так он мучился до самого прихода жены из института. Встреча была бурной — радостная Ленка сразу затащила его в постель, и на время он забыл о своих подозрениях.

На следующий день в отсутствие любимой супруги Витя провёл тщательный обыск квартиры на предмет мужских телефонов или каких-либо других улик. Обыск ничего не дал, но дурацкая формула «доверяй, но проверяй» никак не давала ему покоя. Он стал нервным, стал часто приходить домой неожиданно, стал подслушивать женины телефонные переговоры — в общем, пустился во все тяжкие, как в своё время Отелло прежде, чем предложить Дездемоне окончательный развод по своему плану.

Я тогда ничего этого не знал, и своим звонком он застал меня врасплох. Зная мою любовь к хорошему коньяку, Витя предложил бутылку очень хорошего «Арманьяка», если я пересплю с определённой девушкой. Которую он мне укажет.

Я был слишком увлечён своей работой, чтобы что-нибудь соображать, и, юродствуя, ответил, что сам поставлю два коньяка, если девушка хорошая.

Мы встретились на завтра около Плешки, и Виктор из окна машины показал на высокую стройную блондинку, которая мне сразу и безоговорочно понравилась. Виктор вышел, а я быстро нагнал девушку, посадил в автомобиль, свозил попить кофе в дорогой бар и договорился часа на три завтрашнего дня. У меня дома. Гм, картины посмотреть. Потом позвонил Виктору и доложил. Какой же я был в то время самовлюблённый

болван — ведь стоило только чуть-чуть получше подумать, и я бы, конечно, догадался.

Вечером на минутку заскочил Виктор взять второй ключ, чтобы завтра лично проверить выполнение нашего договора. Затем он, оказывается, даже смазал машинным маслом замок и петли моей двери, после чего и явился домой.

Они рано легли спать, и Виктор предложил жене завтра сходить в кино, на что получил полное согласие, но только «после семинара по истории», который состоится в три часа.

В полтретьего я заехал за девушкой в институт, и через каких-то двадцать минут мы уже сидели у меня. Я был в ударе, показывал картины. Мы пили шампанское и вскоре занялись любовью прямо в большом кресле, где она с самого начала сидела. Лена находилась в той позе, которую обычно называют коленно-локтевой, когда еле слышный щелчок замка подсказал мне, что пришёл Виктор. Я обернулся и увидел как он, коротко кивнув, прошёл в комнату за моей спиной, сел в другое кресло и закурил. Он был бледен, играл желваками, а в правой руке держал скатанную в трубку тетрадь.

— Я вот тебе семинарскую тетрадь по истории принёс. Ты забыла, — сказал он будничным голосом.

Лена повернула голову и лишилась чувств; а Виктор поставил на тумбочку вынутый из тетради «Арманык» и также неслышно вышел, бросив ключ на диван и тихо прикрыв дверь.

Две недели девушка пролежала в больнице с нервным срывом, потом они с треском развелись, и Виктор завербовался куда-то во Владивосток играть в ресторане для рыбаков. Через полгода я случайно встретил Елену в дешёвом кафе в компании каких-то отвратительных личностей. Она под села за мой столик, заплакала и сказала: «Гоша, это какой-то ужас! Я ничего не понимаю! Ведь я же его люблю!».

— А вот интересно, когда тот урод по телефону звонил, — это он *туда* попал или это чистое фуфло? — Сарай как всегда суть уже ухватил и теперь добирался до подробностей.

— Юра, дорогой, я даже не знаю, — Гоша прижал руки к груди, — но разве это важно?

— Еще бы не важно! Ведь из-за этого звонка у них весь сыр-бор и разгорелся. А Витька твой — тоже хороший дурак. Надо было её с самого начала с красивым парнем познакомить и проверить. А ты молодец! Ловко ее развёл пожиже!

По-моему, Отец Георгий был сильно разочарован реакцией на свой рассказ. Видно, у него это было что-то вроде крика души — покаяние в случайной подлости, которую он простить себе не мог. Непробиваемую толстокожесть Сарая он расценил как общее мнение, и сейчас на его худых щеках выступил темный румянец — он явно сожалел о своей откровенности.

Девушки тоже приуныли — уж кому-кому, а им ситуация из Гошиной истории была знакома на все сто процентов. Да и не зря, наверное, слово «любовь» — женского рода: женщины в этих делах рубят гораздо лучше мужиков.

Нужно было срочно разрядить обстановку, моментально исправить настроение, ибо, как говорит Артур-Степан: «Очень быстро поднятый бутерброд упавшим уже не считается!».

Быстрее всех «бутерброд» поднял сам Гоша. Он освежил все бокалы и фужеры, то есть налил туда какой-то очень редкий испанский джин, помыл и ловко разложил виноград, и повторил тост, уже произнесенный им ранее: «За любовь!».

За столом тем временем произошло некоторое повеселение, которое, как мне показалось, внёс джин. Наташка, видимо приученная ко всяким загогулистым напиткам, задала неуместный и хамский вопрос по

поводу тоника. Стёпа, с видом оскорбленной компетенции, ни слова не говоря, вытащил из холодильника-тумбы боржоми, открыл и сунул привередливой бывшей костюмерше.

Натаха вырвала из соломенной циновки-картины «Восход солнца во Вьетнаме», которую папа Стёпы привез из Кореи, соломинку и, потягивая получившийся джин-боржомик задумчиво произнесла:

— Эх, любовь-морковь! Я в жизни больше двух недель ни с кем не жила. А вот подружки мои некоторые — те по два-три года с мужьями или так. Даже дети есть. Сейчас-то я им даже вроде как завидую, а тогда... Тогда я ещё толком не жила, никого не знала, на «Рижской» квартиру снимала — подружка одна устроила, Анька. Сама-то она в соседнем доме со своим Никитой проживала, вот и устроила меня с собой по соседству. Анька считала себя очень симпатичной: мол, и лицо у неё, и сиськи, и нога хорошая. Тоже мне фотомандель! По этому профилю и старалась себе работку подыскать, даже снялась пару раз на какой-то помойке. А вот Никита её очень хорош — высокий, глаза серые, в банке работает. Серьёзный парень. Повезло ей, сучонке.

А она, как у нас, баб, это иногда бывает, не очень ценила его. Сначала они ко мне в гости зачастили. Рядом же — удобно: на машине не надо пьяными ездить. Потом она начала мужиков таскать. Туеву хучу. Придёт с двумя какими-нибудь крестинами, нажрёмся, или там групповушку сотворим, или так по углам, как ты, Максик говоришь: тупые возвратно-поступательные движения...

(Я хорошо помнил, что рассказал анекдот про возвр. — пост. движения Римме, а не Наташе. И было это ночью. Значит, женский телеграф действует буквально со скоростью света.)

Наталья тем временем продолжала:

— Но Никита её не совсем дурак был — ну как это так?! Приходит она вечером вся пьяная, колготки порваны, трусы наизнанку. Он тоже не ангел — сколько раз ко мне яйца подкатывал, но я ни-ни, совесть еще осталась, она же мне подруга.

Одним словом, стал он за ней присматривать, и очень редко уже ей вырваться удавалось. Тогда начала она по телефону со мной душу отводить. Вся Москва тогда уже закончила компьютерами торговать, а мы с ней только «начали». Как шпионы, ей-богу!

Договорилась она со мной для нашей бабской конспирации мужиков компьютерами называть при Никите. Она па самом деле всё компьютер себе подбирала, хотела овладеть. Ну, например, рассказывает по телефону, как вчера с Никитой на презентацию ходила: «Представляешь, там мужики были — одни козлы, только двое американцев — такие ломовые...» — тут, по всей видимости, Никита у нее приходит, потому что она переключается на наш «компьютерный язык»: «...так вот, только два нормальных IBM, с такими, знаешь, мониторами, а обеспечение — вообще завал!»

Совсем Аньке, видно, неважноту стало: «Замучил, — говорит, — своей любовью». И задумала она целую ночь у меня провести. Но такое дело подготовки требовало. Аж с понедельника начала мне звонить (обязательно при Никите) и величать Андреем Ильичом — главным специалистом по ночным съемкам клипов. Достала по самые помидоры: мол, она в среду не может, а в четверг у неё самой съемки, а вот в пятницу есть окно с четырех до шести. «Нет? Жалко. Ой, Андрей Ильич, как это ночью? Я же замужем! А что, днём никак нельзя? Правда? Это самое лучшее время? Ну что ж, попробую мужа уговорить...»

И всё в таком разрезе. Так вот, Анька со мной ещё раньше договорилась, что в пятницу в восемь вечера

вместе с двумя «компьютерами» подгребёт, но звонила всё равно каждый день — «уточняла».

Наконец, в пятницу, в полвосьмого, звонит: «Андрей Ильич, у нас ничего не изменилось?» Я отвечаю, что (ох, блин, достала) всё в порядке, только чтоб *принтер* (шампанское) не забыла.

Не успела трубку положить — Никита звонит: «Наташ, моя параша сегодня, слава богу, на всю ночь на съёмку умотала. Сейчас к тебе с шампанским приду».

Еле от него отбоярилась, до сих пор жалею.

И Наташка положила свою буйную голову Гоше на плечо.

Вот так обычный обед с шампанским совершенно случайно превратился в высокоинтеллектуальный диспут о самом сложном и непонятном человеческом переживании — о любви. Сколько мнений, сколько собственных точек зрения! Наша беседа напоминала Ноев ковчег: каждой твари по паре. Я, как совершеннолетняя и полноправная тварь, тоже должен был что-то рассказать, и на меня уже посматривали другие наши твари. Из собственного опыта я что-то не мог подобрать ничего достойного — всё какая-то туфта, а хотелось закончить вечер на оптимистической ноте, так сказать, подвести положительный итог. И я кое-что вспомнил.

Был у меня один приятель — Слава Лутовинов.

Я с ним вместе на первом курсе как бы учился, потом его выгнали как бы за то, что он два раза подряд к институту на иномарке подъехал — так что он, с точки зрения официальных властей, был как бы подлец.

До этого мы с ним общались в компаниях или так, и стал он приходить с одной девушкой потрясающей. Он был рыжий такой, высокий, как Чубайс, а она маленькая, чёрненькая — Валерией Шведовой звали.

Пара просто загляденье! С удовольствием они рассказывали, как познакомились: она шла из своего института мимо зоопарка, а он ехал в троллейбусе, причем по другой стороне — так он выскочил, бежал назад почти целую остановку и всё равно не успел — она в автобус влезла. Поймал машину, за автобусом гнался, догнал, и уж после того, как ей обо всём этом поведал, согласилась она завтра встретиться вечером.

Окончив этот волнующий рассказ, обычно целовались — у меня уже тогда закралось подозрение, что они начали жить.

И вот вдруг его выгоняют из института.

Мы потерялись на время. Он, наверное, устроился руководить ларьком или чем другим подобным, а я, как все, горе мыкал — не виделся с ним долго, даже не знаю сколько.

Неожиданно Славка позвонил мне и пригласил на свадьбу. К семи часам в кафе «Солнышко». Я успел только спросить: «На Лерке женишься-то?»

— На Лерке, на Лерке! — Он засмеялся.

В субботу ровно в семь я, как штык, был в этом кафе, и не один, а с электрочайником и со стихами, где в двадцати семи шикарных куплетах рассказывалось о том, какие Славка с Леркой клёвые и как должны быть счастливы родители, глядя на «наших молодых».

Кстати, о родителях: Славка жил с отцом — начальником какой-то там «гражданской обороны», матери у них не было, не знаю почему — я не спрашивал. А Леркины дорогие предки были преподавателями в Военном институте иностранных языков, а ещё у неё был брат помладше.

На дверях кафешки висела табличка «Спецобслуживание» — я еще подумал, что неслабо парень развернулся. Захожу внутрь. Там оркестр небольшой к исполнению марша Мендельсона

готовится, столы в основном к стенам отодвинуты, а в центре стоит главный свадебный стол аж на шесть (!) человек. На столе этом всё как положено, но народу ещё нет никого. А где же будут баушки сидеть со слезами умиления, а где родственники из деревни, а где удалые друзья-приятели со своей дракой, а где завистливые подружки, где залётные да приبلудные, без которых и свадьба не свадьба?! Я подсчитал: родители с Леркиным братом + молодые = как раз шесть человек. А разбитные свидетели? А где же я сам, черт возьми, сидеть буду? Пошёл, конечно, пока никого нет, стульчик подтащил.

Наконец приехали. Прямо из загса. Вчетвером! Оркестр «Мендельсона» вдарил. Славка Леру в белом платье на руках втащил, а ещё одна пара — тоже мне знакомый Сашка с бабой — те сразу к столу сели. Это они, оказывается, свидетели.

Я всё время на дверь поглядывал, а Славка сказал, что больше никого не будет, но ошибся, потому что через полчаса явился смущенный шестнадцатилетний Лерин брат, присел за стол и с восторгом уставился на счастливую сестру. Стихи мне пришлось спрятать — читать их было некому, так вшестером мы ещё часик посидели, потом я не выдержал (а кто бы выдержал?), взял брата за шкурку и отвел в сторонку.

В общем, примерно месяца два назад Лера объявила дома, что собирается выходить замуж за своего парня Славу, с которым она встречается уже полтора года. Родители нормально восприняли — девке уже 19 лет — и пригласили Славу в воскресенье на обед — познакомиться. Пообедали хорошо — борщ ели, курицу и пили белое столовое вино. Мамаша — у них она в семье главная — расспрашивала Славу о его там разных интересах и перспективах, о родителях и т. д., потом проводили они его, а потом мамаша отозвала папашу на кухню и сказала, что Славка её родной сын.

История-то тривиальная. Много лет назад мамаша вышла замуж за офицера, и служили они на Дальнем Востоке. Потом Славка родился, а через два с небольшим годика — девочка, а потом не то измена какая у них прокатилась, не то ещё что — в общем, семейка развалилась: Слава остался у отца, а мамаша с четырёхмесячной дочкой тут же снова вышли замуж за другого офицера этого же гарнизона. У них, у военных, это запросто. Затем папу перевели по его просьбе в другое место, потом ещё в другое, пока не оказался он в Москве специалистом по гражданской обороне. И, естественно, бывшие супруги отношений никаких больше не поддерживали. А мамаша назвала девочку в честь своего нового мужа Валерией и через некоторое время родила сына и перебралась с семьёй в Москву, что было её заветной мечтой. Если бы она знала заранее, что её первый муж тоже в результате в столице окажется, может, и разводиться не понадобилось бы.

Одним словом. Лера и Слава оказались родными братом и сестрой. Роднее не бывает.

Сначала мамаша Леру просто так отговаривала, типа этот Слава ей не пара и явно склонен к алкоголизму и тому подобное, потом сдалась и всё рассказала. Лера эта потрясающая, даже глазом не моргнула. Говорит: «Если он брат, то я его в два раза больше люблю!» Как с ними ни бились — мать даже к Славкиному отцу ходила, — ничего не вышло. Отец вообще сказал, что сам всегда мечтал на своей сестре жениться, — пусть хоть сынок порадует. Тогда она объявила, что пойдет в загс и покажет там такие документы, что ребят ни в жисть не распишут. А Лера пообещала в этом случае жизнь самоубийством покончить. В общем, от них вроде отстали. Слава за большие деньги добился приёма у самого профессора Буйносова. Им там сделали полное медицинское

обследование, и оказалось, что у них гены и там всякие разные хромосомы сильно отличаются — профессор сказал, что разрешает даже беременность, но только под его наблюдением.

— Вот такие дела. — стал я закругляться. — Я их три года назад на улице встретил уже с двумя детьми — один толще другого.

— Вот это да! — сказала Светка. — Вот бы с братом попробовать.

А Сарай задумчиво пробормотал: «У меня тоже есть сестра — такая, кстати, скотина, прости. Господи...»

Гоша, которого я своим рассказом довёл чуть ли не до слёз умиления, тут же предложил тост, и мы все с плохо скрываемым удовольствием выпили за здоровье и долгую жизнь Славы, Леры, их детей и даже композитора Мендельсона, без которого, наверное, сам институт брака никак не смог бы существовать.

Какой удивительный вышел вечер, правда?! Каждый рассказал по своей истории, а тема, тема-то какова?! Любовь! Вот бы всегда так!

И ничего специально не надо придумывать. Помой получше уши — и вперёд. Главное — это не забыть ничего, а то ведь читатели разные бывают: есть немного поверхностные — от шутки к шутке читающие, а есть внимательные, опечаточки выискивающие, анахронизмы там всякие. Я сам такой. Смотришь, бывало, фильм или книгу читаешь, а там: то микрофон в морской сцене в углу экрана высунется, то актёр в любовной драме начинает говорить «Дорогая вас умоляю...» в клетчатом пиджаке, а заканчивает «...быть моей!» уже в полосатом. А однажды я читал одно толстое научно-фантастическое произведение. Там в 2124 году на космическую станцию землян напали какие-то отвратительные зубастые спруты, которые уже проникли внутрь и гонятся по коридору за

очаровательной белокурой ассистенткой профессора Роджерса. Ей, одетой уже в космический скафандр, и надо-то было выскочить из станции наружу. Спруты бы там сразу дали космического дуба, потому что сами дышали кислородом, но перед выходом в тамбур какой-то дурак из будущего повесил зеркало, а «какая женщина не остановится на секундочку, чтобы кокетливо поправить прическу» (особенно если за ней гонятся эти позорные спруты). В общем, сожрали бабу. Ловко, правда? Ещё в этой же книжке народ торжественно встречает геройскую экспедицию, возвращающуюся аж с альфа-Центавра, и «зажглись прожектора, а кинооператор быстро завертел ручку киноаппарата». Воткнуть бы эту ручку этому писателю в то место, сидя на котором он и написал всю эту гадость, и завертеть быстро-быстро!

А Вы внимательно читаете? Помните, к примеру, какой марки был вчера фарфор на столе? Ну не надо, не надо уж сразу лезть в начало рассказа — я вам и так скажу. Ах, помните? «Кинг Веджвуд», говорите?! Точно! Тогда Вы ещё, конечно, помните, сколько девиц сегодня соседка Наташа привела с собой в гости. И сейчас Вы, наверное, строго скажете: «Наташа привела Свету и!.. А где же ещё бесцветная девушка в майке? Что же про неё ничего не слышать? Что же она, так сидела и молчала?! Так ведь не бывает. Может, её вообще не было? Может, нас тут хотят всяко разное обдурить и ввести в заблуждение?»

Вопрос закономерный. Конечно же, она была. Но, как иногда это происходит, как-то с самого начала не пришлась: вела себя развязно, да и морда лица отвратная. Поэт про такую бы сказал, что после неё по красоте идут только предметы. А Сарай про такую бы сказал, что это просто «урна с глазами». Весь вечер она пыталась разевать рот и перебивать всех в самых интересных местах, и только благодаря Сарая, который

всё время шипел на нее и страшным шепотом говорил: «Да замолчи ты!» — у всех у нас и создавалась возможность выслушать все эти чудесные и удивительные речи о любви. Одним словом, девушка была плохой девушкой.

Правда, не зря говорят, что, мол, не бывает некрасивых женщин, а бывает мало водки. К концу вечера Сарай ослабил внимание, и она, воспользовавшись этим, задвинула все-таки ту бешеную потрясающую историю из собственной жизни, которую порывалась рассказать в течение всех посиделок.

Со своим стулом она выдвинулась вперёд и дала краткие показания, пытаясь вбить пробный гвоздь в гроб нашего хорошего настроения. В общем, выяснилось, что однажды она сняла мужичка в метро и в общаге с ним потрахалась. И девица нерешительно засмеялась. Таким гениальным по замыслу и изящным по форме выступлением она моментально пробудила задремавшее было от водки сараевское чувство прекрасного.

— Чего лыбишься, Джоконда хуева, собирай манатки — нам спать пора, — сказал Сарай с матерным выражением лица, зевнув так, что через его пасть можно было свободно пересчитать камни в печени. — А ты, Светка, постели-ка нам на веранде — там софа раскладывается.

И сам хозяин Стёпа-Артур, и остальные гости почему-то совсем не удивились приказному тону Сарая, безоговорочно признав его авторитет. А Светка, которая под своим сценическим псевдонимом мелькает на телеэкране чуть ли не каждый день и на чей полновесный четвёртый номер втайне от жён облизываются у теликов мужички в синих майках, покорно пошла на веранду стелить простыни для греха. Себе и ещё семь часов назад незнакомому толстяку с сумоистской внешностью. Такова сила любви.

Интеллектуальная помощь по всем вопросам

Небольшие «жировые» накопления, которые оставила последняя работа, растаяли быстро. Вялые поиски источника дохода успехом всё никак не увенчивались, и где-то к концу девяносто восьмого года с деньгами у меня стало совсем плохо. Не было даже на сигареты. Стало очень страшно.

Я, конечно, пытался строить грандиозные планы торговли курицами-гриль или перегона машин из Литвы, но, сколько не твердил: «халва, халва!» — во рту слаще не становилось.

В беседах с людьми умными, успешными, которых па моём пути попадалось всё меньше и меньше (я их понимал: неудача болезнь заразная), мы обсуждали, что я умею делать. Я в своей жизни много кем работал, но работать — одно, а уметь делать — другое.

Новое поколение делало всё быстрее и лучше, и тужиться, пытаться догнать их, переживая бешеный стыд, не было никакого резона. Но ведь должен, должен же быть какой-то выход! Не квартиру же продавать?! Кстати, была у нас с соседом такая посталкогольная идея — продать его квартиру (он, правда, планировал — мою), закупить всё тех же куриц и сделать из них всё тот же «гриль». И пойдут они влёт, а мы с ним на красивых открытых машинах поедem по Рублёво-Успенскому шоссе. Почему мы эту идею не воплотили в жизнь — до сих пор не пойму. А здорово было б по Рублёво-Успенскому-то?! Да на открытых машинах! А жёны наши стали б главными бухгалтерами.

В общем, к Новому году вопрос встал уже таким убедительным ребром, что на шутки порой не хватало слюны.

Мысль мне подал один мой товарищ — Лёша, который занимался входившими тогда в моду корпоративными вечеринками. «Ты же, — говорит, — какие шикарные поздравительные стихи мне на сорокалетие написал! Причём бесплатно! Попробуй, дай объявление вон хоть в газете «Из рук в руки»! — «А там разве есть. — спрашиваю, — рубрика про стихи за деньги?». — «Есть, конечно! Так и напиши, что-нибудь в таком роде: «Стихи на дни рождения, свадьбы, похороны и другие даты жизни». В общем: «куём, урьём, валюту обменяем!»

Объявления были не совсем бесплатными, так как бланк вырезался из последней страницы самой газеты, а она денег стоила. Поэтому приходилось обзванивать знакомых — нет ли старых номеров? Или караулить в офисе, где народ покупал «толстушку», просматривал там же объявления о продаже, в основном, автомобилей. А тут и ты с вопросом: «Извините, вам нужна последняя страница?» Очень похоже на собирание пустых бутылок, только лучше.

После долгих размышлений я придумал себе такую формулировку: «Стихи на праздники, юбилеи, торжества». Потом дописал: «...напишет профессиональный поэт». Потом дописал: «...с десятилетним стажем». Потом переписал: «с двадцатилетним стажем». Потом подумал-подумал, вспомнил стишок, который я навалял во втором классе: «Вовка Лындин дурачок, съел с морковкой пирожок», — и с чистой совестью переделал на «...с тридцатилетним стажем».

А зачем ограничиваться торжествами?! Разве других причин для стихов нет?! В результате лёгкой перекомпоновки и шлифовки вышло следующее: «Профессиональный поэт с тридцатилетним стажем напишет стихи на все случаи жизни». Ёмко и красиво!

Тут же встал вопрос: когда просить деньги? Сразу в объявлении или потом, как при покупке автомобиля: «торг после осмотра»? Сколько просить? По каким критериям? От объёма, от скорости, от качества? Добавил: «...в любом количестве, быстро и недорого».

А недорого — это как? За три копейки горбатиться?! Видите: ещё ни строчки на заказ не написал, а уже сам с собою из-за виртуальных денег перессорился. А как, интересно, у других «продажных поэтов» с этим дело обстоит?

Полез в газету — руки опустились. Во-первых: объявлений моих будущих коллег насчиталось не менее 20 штук. Во-вторых: набранная микроскопическими буквами рубрика «Литературные услуги» была загнана в самый конец газеты и зажата между объявлениями: «Найдена левая детская варежка в хорошем состоянии» и «Продаётся недорого рассада крапивы для летних щей». Я впал в уныние, но жена, которая мечтала купить новую сумку, утешала: «Видишь, «продажа рассады» всё-таки *после* стихов идёт!» Но я и не собирался продавать рассаду! Пока, по крайней мере.

Редакция разрешала использовать не более 20 слов, и большинство «литературноуслужных» объявлений были короткими и какими-то вроде бы «инверсионными», то есть начинались со слов, которые по делу-то должны были стоять в конце предложения, а не в начале. Получалось коряво, типа: «Для дней рождения и праздников поздравления пишу». Вот уроды-то! Ведь любой уважающий себя заказчик, прочитав такую тухлятину, не станет связываться с жалкими ремесленниками. То ли дело клюнуть на «профессиональный поэт со стажем!..»

Периодичность выхода объявлений с одним и тем же контактным телефоном была 4 дня. Я с нетерпением ждал газету. Наконец, вот она, раскрываю и (ура!) впервые вижу моё, составленное мной, объявление.

Грамотно написанное, емкое по содержанию, и в то же время компактное по форме, оно стояло последним в числе других восемнадцати жалких криков о материальной помощи. И шансов, что у какого-то заказчика может хватить терпения продраться через этот частокол странных инверсий, чтоб добраться до моего шедевра, — никаких! Звонка можно ждать до второго пришествия. Если, конечно, не найдётся урод, привыкший читать газеты вверх ногами и справа налево. И только тут до меня дошло, что все объявления расположены по принципу алфавита.

Следующее моё объявление уже начиналось словами: «Абсолютно Актуальный Автор...» Выиграв первый раунд, я принялся за второй. То, что ещё не последовало ни одного звонка, меня не смущало. Главное — включиться в борьбу! И барахтаться, барахтаться, как та лягушка в молоке, которая взбила сметану и выпрыгнула из крынки.

Тогда волею судьбы у меня было две телефонные точки. Раз «изруквручники» отсекают объявления одного и того же «соискателя» не по одинаковому содержанию, а по номеру телефона, — вот вам второе объявление, — с другим телефоном, которое я буду давать через день в шахматном порядке с первым.

После применения столь грязных технологий, перед которыми померкли платье Моники Левински и разоблачение «человека, похожего на Скуратова», звонок первого заказчика не заставил себя долго ждать. Если, конечно, не считать 15 дней долгим сроком.

— Простите, это вы сочиняете стихи? — прозвучало официальное женское контрольто.

— Я-а-а... — проблеял Абсолютный Автор Актуальных Акrostихов.

— Не вешайтесь, я вас сейчас переключу!

Хорошо, что она предупредила! Желание повеситься на радостях превалировало в списке испытываемых мною чувств.

— Здравствуйте, вам сколько лет? — пророкотал жёсткий, с непонятным акцентом, мужской голос. — Ладно, будем на «ты», — решил он, не выслушав ответа. — Давай завтра в три подъезжай на Маяковку ко мне в офис.

Назавтра с утра жена трепетно собирала меня на «первую работу», как Буратино в школу. Одеда во всё чистое, погладила брюки, постригла брови, наказала без надобности не хамить, и в 14.30 я уже входил в вестибюль станции метро «Аэропорт». У меня вообще-то в то время был «Мерседес», на котором я мысленно уже рисовал «шашечки», но не было денег на бензин.

Мужик поднялся из-за стола очень большой, стиснул мою руку, как пассатижами.

— Понимаешь, у нас тут юбилей банного клуба, — его произношение выдавало в нём уроженца Урала.

Дальше он рассказал, что их четверо: двое в Москве, двое в Тюмени. Раз в месяц москвичи едут в Тюмень и там парятся. А раз в месяц тюменцы осчастливливают столицу. И вот на носу юбилей — шесть лет, с тех пор как они начали мучить себя и «Аэрофлот» такими сложными банными отношениями.

— А давайте я вам напишу гимн вашего клуба. С музыкой, со всеми делами. Если есть клуб, у него должен быть гимн!

— А это возможно? Ты когда-нибудь гимны делал?!

За два дня написал слова. Сам-то я не очень «банный», поэтому использовал романтическую специфику, которую насобирал по знакомым: здоровый дух в здоровом теле, шайки-лейки, веники, квас, водка, тёлки (последнее пришлось отсечь).

Пришёл к своему близко живущему другу Алику Сикорскому. Напел придуманную мелодию, Алик подобрал её на своём синтезаторе «D-12», используя тембры духового оркестра и другие гимновые прибаамбасы, а потом мы с ним спели это всё на два голоса — он своим поставленным рок-н-рольным и я своим гнусавым «микстом». Записали шлягер на бытовой двухкассетник, и на завтра я снова был во всём чистом на Маяковке.

И опять встала проблема — сколько просить денег. Я с просто стихами-то ещё не определился, а тут музыка. Да и в качестве была неуверенность — всё-таки первый мой гимн. А вдруг он скажет: «Это что ещё за херня?!» (Алик же сказал.)

Секретарша принесла дешёвый китайский плеер — «стационарной» звуковоспроизводящей аппаратуры в кабинете не было — видно, гимны не каждый день приносили. Точно мерзкую жабу заказчик взял этот плеер двумя пальцами, зарядил кассету, засунул маленькие «капельки» наушников в свои огромные уши, включил всё и застыл, уставившись в дорогую «переговорную» столешницу. Проводки торчали у него будто прямо из головы.

Цены на «изруквручном» рынке я выяснил, нахально позвонив под видом клиента двум неприлично возбуждённым потенциальным заказом поэтам, — 20-25 рублей за четверостишие. Сейчас я лихорадочно считал: шесть куплетов и один повторяющийся припев — семь четверостиший. Умножаем на 25 руб. Сто семьдесят пять! Но ведь ещё музыка (рублей четырёхста), ««оркестр» — 200, «студийная» запись — 150, гонорар «солистов» — 200.

Я смотрел на каменное, без всякого выражения, лицо заказчика, который с закрытыми глазами откинулся в кресле и, по моим подсчётам, уже подбирался примерно к пятому куплету, где было

особенно мощное место про крепкую мужскую дружбу четырёх brutальных бизнесменов, которой не может помешать ни дефолт, ни колебания цен на нефтяном рынке. Я бы на его месте тут просто обрыдался.

Нет, надо требовать не меньше полтинника!

Бурмистров, а именно такую фамилию носил заказчик, энергичным движением вырвал наушники из ушей, выдвинул ящик тумбы своего стола и с грохотом бросил гуд плеер. Потом недолго пошуровал в ящике и достал КОНВЕРТ.

Триста долларов! За такие деньги я мог бы написать новый гимн США на китайском языке! И на «зелёных» крыльях я полетел домой восстанавливать социальный статус, закреплять успех, покупать хлеб, сумку жене и бензин для машины. И сигареты! Много сигарет!

И дело потихоньку пошло. Потихоньку, потому что далеко не каждый звонок заканчивался заказом. А заказ не всегда означал деньги. Литературные услуги — это такая же группа риска, как проституция, например. Технология была следующая: мне звонят, я записываю на бумажку «легенду» деньрожденца — как зовут жену, дочь, внука, собаку, кошку, рыбок и т. д. Затем, по мере готовности, звоню заказчику и читаю ему свое творение по телефону. Он, если надо, вносит коррективы: «вы написали про шевелюру, а Сашка лысый, как шар» или «про Петрова вообще не надо, мы его не любим». Когда всё утрясалось, я распечатывал, мы встречались и совершали обмен: деньги — товар.

Так вот, пару раз меня кинули. Причём люди далеко не бедные. А знаете как? Записали на магнитофон, когда я им по телефону уже готовый вариант зачитывал. Один даже повеселился: «Что ж ты кому попало свой труд по телефону читаешь?! Надо тебя поучить!» Хотел я в тот ресторан, где они праздновать

собирались (название и время были указаны в поздравлении), подъехать да скандал учинить, но ума хватило перечитать повнимательнее последний куплет своих же стихов: *«Как хорошо, что ты на воле, — теперь решишь вопросы сам, — давайте выпьем все за Колю, пусть смерть придет к его врагам!»*

Или ещё вот, например, типичный вариант: заказчица звонит, спрашивает, как насчёт стихов. Я, измученный ожиданием, трясаясь, как бы всё не сорвалось, бодро отвечаю, что со стихами всё хорошо, а чего бы она хотела?

— Да вот тут у нас праздник. Можно что-то придумать?

— Всё, что ваша душа пожелает!

— А с юмором можно? Чтоб юморно...

— Другого не пишем!

— А прочитайте-ка что-нибудь из уже написанного!

Тут я, как дурак, начинаю метаться в поисках какого-нибудь черновика или, заговаривая зубы, включаю компьютер, а он грузится бесконечно долго. Наконец нахожу какое-то бесполое вступление для юбилея: *«Вершится времени работа, стирая месяцы до дыр, и каждый день случалось что-то, что навсегда меняло мир. Короче, фактов много было, так волновавших всех людей, но есть событие, что затмило события всех последних дней».*

— Что-то я тут юмора никакого не вижу!

— Так это же только начало, вступление, — я начинаю потихоньку закипать.

— Ладно, ладно, а дальше там что?

— Где?!!!

— Ну «событие всех последних дней»...

— А дальше будет то событие, например, про какое вы хотите стихи заказать.

— А я вот думаю, если моей свекрови так написать, она обидится.

— Да, боже мой, на что?!
— Ну там вот она что-то застирала до дыр...
— Извините, пожалуйста, вы стихи собираетесь заказывать?
— Да, а сколько, кстати, стоит?
— Это смотря какой объем.
— Объём? Ну, так — чтоб нормально было...
— Для любимой свекрови обычно заказывают две странички. Это четырнадцать четверостиший по 25 рублей. Триста пятьдесят рублей. И я вам красиво отпечатаю на цветном принтере и в папку красивую положу (и в попу поцелую).
— А причём тут свекровь? Мы на работе хотели Нине Осиповне на сорок пять лет написать. Но что-то дорого. Я подумаю и, если что, перезвоню.
Это означает, что она никогда не перезвонит. Она сейчас по другим объявлениям долбиться будет, пока не сломает какого-нибудь несчастного из конца списка на «по четырнадцать за стишок».
Таких вот я научился распознавать и быстро заворачивать. Но не сразу, ох не сразу.

Начали выкруливаться некоторые профессиональные технологии — «подсадка на интерес». Вот, к примеру, планируется юбилей профессора. В его организации создаётся специальный юбилейный комитет, который организует банкет, закупает подарки, арендует для проведения подходящее помещение и т. д. А какой-нибудь член комитета, например, доцент Степанов, назначается отвечать за стихотворный «адрес» в честь юбиляра. Этот Степанов лезет в газету, находит там объявление «поэта с тридцатилетним стажем», созванивается.

Я спрашиваю, сколько лет исполняется юбиляру, оказывается — 60.

— Ах, шестьдесят?! Предлагаю написать для дорогого профессора шестьдесят четверостиший. По одному на каждый год (1500 руб.).

Степанов соглашается, ему всё равно — деньги-то казённые. Я виртуозно расписываю всю жизнь юбиляра на шестьдесят четверостиший. Причём предварительно осведомляюсь, кто будет торжественно зачитывать. Как правило, читать заставляют того же Степанова. А вот тут внимание!!! Я пишу всё от его имени. Например, где-нибудь в девятом четверостишии: *«И чтобы праздник обеспечить, чтобы остался он в сердцах, Решился Я увековечить это событие в стихах!»*

Юбилей проходит на «ура». Особенно всем запомнились яркие, искромётные стихи, по-новому раскрывшие богатый внутренний мир юбиляра и задевшие потаённые струнки в душе почти каждого из двухсот почётных гостей. У Степанова начинается новая жизнь. Он становится постоянным гостем всех торжественных мероприятий, у него появляются собственные поклонники, которые с нетерпением ждут его очередного выступления, превознося его необыкновенный талант и выдающееся чувство юмора. И если у греющегося в лучах славы «Степанова» не хватает силы воли сразу же признаться, что никакой он не талант, а всё тот же привычный Степанов, — он мой на всю жизнь.

Кстати сказать, пресловутый Степанов совершенно не обязательно должен работать в большом учреждении. Сплошь и рядом «Степановыми» становились читавшие поздравление в узком кругу друзей. И они вдруг с изумлением открывали в своём старом знакомом такие потрясающие способности. И трудно, ох как трудно отказаться от свалившегося на голову уважения.

Уже много лет, как я не даю объявлений и не занимаюсь стихами и текстами на заказ, но

«Степановы» время от времени позванивают и просят хоть что-нибудь написать: хоть эпиграмму, хоть тост, хоть «так пошутить». Я им никогда не отказываю.

Чем дольше я работал, тем легче становилось. Уже образовались шаблоны, куда достаточно было просто вставить нужное имя или знак Зодиака: *«Летят года стремглав галопом, по чужд тебе их произвол, — пусть ты «Телец» по гороскопу, зато по жизни ты орёл!»* — варианты: *«Пусть «Дева» ты по гороскопу», «Пускай ты «Лев» по гороскопу», «Пусть ты «Стрелец» по гороскопу»*. И т. д. и т. п.

Или: *«И пятьдесят (42, 37, 60) не есть причина, чтоб не смотрелся (смотрелась) молодцом (огурцом) со знаком качества мужчина (фемина), который дважды стал отцом (с таким сияющим лицом)»*.

Или вот ещё общие моменты типа: *«Хотя два шага до подагры, но ты не сделаешь их, нет! — крепить без помощи «Виагры» ты будешь свой авторитет!»*

Или: *«Желаем бодрого настроения, весёлым и здоровым будь, а всё по жизни всё остальное уж, верно, купишь как-нибудь»*.

Или: *«И я ничуть не приукрашу, сказав, что я тебя люблю, — растут, как доллар (евро), чувства наши по отношению рублю!»*

Десятки таких куплетов кочевали по поздравлениям, но использованы бывали только с новыми заказчиками. Повторов со старыми я не допускал, блюдя профессиональную честь. Мы под «фанеру» не работаем!

Для своего любимого клиента Бурмистрова я уже написал 4–5 поздравлений самым разным людям и организациям. Я даже из дома перестал выходить. Он присылал по факсу необходимые сведения, я писал, отсылал ему, и и тот же день приезжал курьер с деньгами.

Однажды он позвонил, не доверяя факсу, и попросил написать несколько штук (мы с ним уже перешли на схему оплаты, не зависящую от количества) четверостиший на 43-летний юбилей одной женщины — гендиректора крупной нефтяной компании в Сибири. Он одновременно посетовал, что вот уже три года, как они хотят заключить с этой компанией контракт на поставку труб, но баба эта — чистый кремь. Ей уже и шампанское ящиками посылали, и цветы вагонами — она ни в какую!

Я спросил у него на всякий случай точную маркировку труб и после всяких дежурных славословий и неоднократного сравнения этой женщины с «ягодкой опять» написал: *«Короче, наш концерн считает, что всё у Вас но жизни есть, но очень сильно не хватает труб марки «70-06».*

На премию, полученную за заключение контракта, и как следствие сразу провёрнутой после этого сделки, я мог бы печатать свои объявления двадцатисантиметровыми буквами во всю страницу каждый день в течение нескольких лет. Но в этом уже не было такой необходимости. Мой телефон заказчики передавали своим друзьям, а те своим и это было надёжнее любой газеты.

Однажды позвонила женщина, юная дочь которой — Маша — принимала участие в конкурсе «Мини-мисс Россия» или что-то в этом роде. Для второго тура юным претенденткам было предложено написать короткий стишок о себе и прочитать его перед строгим жюри. Уж не знаю, кому пришла в голову такая странная мысль, но уверен, что большинство московских стихоплётов прилично повысили своё благосостояние. Я, естественно, согласился, спросив, кто входит в жюри. Оказалось, что мама знает только двоих — Зайцева и Якубовича.

Я позвонил знакомым, у которых была дочь сходного возраста, и полтора часа мучил девочку, требуя, чтобы она что-нибудь срифмовала. Ужас, вышедший из-под её пера, со всеми ошибками и непонятками я взял за основу, пытаюсь ухватить детский неподражаемый стиль. И в течение недели написал куплетов десять с упоминанием дяди Славы и дяди Лёни в положительном смысле. Прочитал мамаше по телефону, так она молчала минуты полторы. Я уж подумал: всё, не подойдёт. Но она огорошила: «А вы не могли бы с Машей позаниматься, чтоб она правильно прочитала?» Я обнаглел и говорю: «50 долларов». Она: «100». Я не понял сразу и пытался настаивать на пятидесяти, потом въехал и согласился. За три занятия симпатичная чуть-чуть восточная Маша научилась правильно читать «своё» стихотворение, плавно передвигаться по «сцене», посылать в зал воздушные поцелуи с недетскими экивоками, а на словах «неподкупное жюри» делать изящный рублёво-успенский реверанс, намекающий на сумму с тремя нулями. На третий тур она прошла со свистом.

Гонорар в \$500 меня порадовал, но не удивил — семья жила на Чистых прудах и разъезжала на «Лексусе».

Через две недели вдруг снова нарисовалась мамаша, сообщила между делом, что Маша заняла 2-е почётное место, и предложила встретиться. Честно говоря, я заподозрил нехорошее (или наоборот хорошее). Ей было лет тридцать плюс соответствующая машине яркая внешность. Женатый, добродетельный (последние 3 дня) человек — я колебался целых две минуты. Когда у памятника Тельману, где мы встретились, я вручил ей цветы, она глянула на меня как-то обезоруживающе, покраснела и виновато пробормотала:

— Честно говоря, я сразу сказала мужу, что *лично* я против! Но он настоял!

Я даже не знал, что сказать.

— Вот, возьмите, — она подала конверт. — Когда Маша прошла на 3-й тур, муж загадал: «Если она выйдет в призёрши, мы заплатим этому человеку 2 тысячи! Мамой клянусь!»

«Этот человек» схватил конверт и стремглав, не забрав цветы назад, бросился по направлению к дому, благословляя маму мужа, воспитавшую отпрыска, способного в любой ситуации держать даже случайно данное слово и не пошедшего на поводу у своей стервы супруги.

На эти деньги мы с женой сделали шикарный ремонт, и после этого я изменил текст объявлений на строгую благородную формулировку: «Интеллектуальная помощь по всем вопросам».

Впоследствии в этом качестве мне удалось:

Организовать алиби неверному мужу.

Устроить два выпускных вечера с имитацией захвата заложников.

Придумать меню и способы подачи фирменных блюд для открывающегося ресторана с пиратским уклоном («Джон Сильвер»),

Написать ролевые тексты для КВН в Военной академии (причём для обеих команд).

Придумать матерные частушки Деда Мороза для новогоднего исполнения в русских ресторанах Парижа.

Написать жесткие эпиграммы в стиле определённого человека: подкинутые начальнику стишки должны были явиться причиной увольнения этого сотрудника.

Женить и выдать замуж трёх человек при помощи стихов самого любовного содержания.

Оформить рекламный буклет, доказывающий преимущество сухого безопасного огнетушителя СБО-43 перед всеми другими.

Вернуть блудную мать четырнадцатилетнему мальчику.

Уболтать боящихся боли людей обращаться в стоматологическую клинику «Дента».

Восстановить на работе официантку.

И это не считая вошедших с моей лёгкой руки в моду коммерческих предложений в стихах, бесконечного количества поздравлений к золотым, серебряным и просто свадьбам, юбилеям различных организаций и к обычным человеческим дням рождения, превращённым при помощи стихов из тривиальных пьянок в вакханалию высокоинтеллектуальной поэзии. На сегодняшний день (19 июня 2006 года) по этим темам у меня в компьютере набралось 276 файлов.

В конце 2001 года раздаётся звонок:

— Здравствуйте, а вы случайно сценарии не пишете?

Я уже очень хорошо знал, что отказываться нельзя никогда. Даже если тебе вдруг предложат огранить пару-тройку алмазов или провести аортокоронарное шунтирование:

— Конечно, пишу, а что вас интересует — водевиль, драма, комедия?

— Вы когда-нибудь слышали о телепередаче «Утренняя почта»?

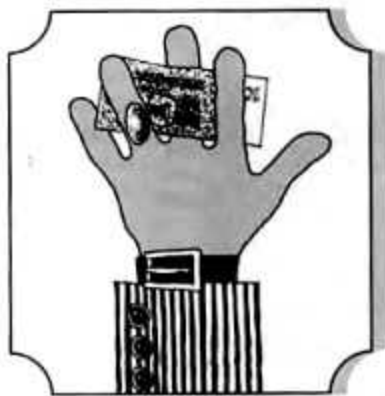
— Я даже несколько раз видел!

— Ой, замечательно, — звонившая девушка так обрадовалась, будто её пригласили в ресторан «Галерея», — сейчас я вас на шефа переключу.

— Алло, тут написано, что вас зовут Максим.

— В самую точку попали, товарищ!
— Максим, вы можете для нас что-нибудь написать?
— С удовольствием, но неужели так всё плохо, что вы ищите авторов по газете?
— Да нет, просто есть дефицит свежей крови! Вы раньше делали что-нибудь по этому профилю?
— Нет, я с детства писал только эпитафии. Шучу, шучу! Делал, делал!
— А как ваша фамилия?
— Капитановский.
— Макс, твою мать, это ты что ль? Хватит херней заниматься... Давай к нам!
И на следующий день я уже работал на Центральном имени Эрнста и Познера телевидении.

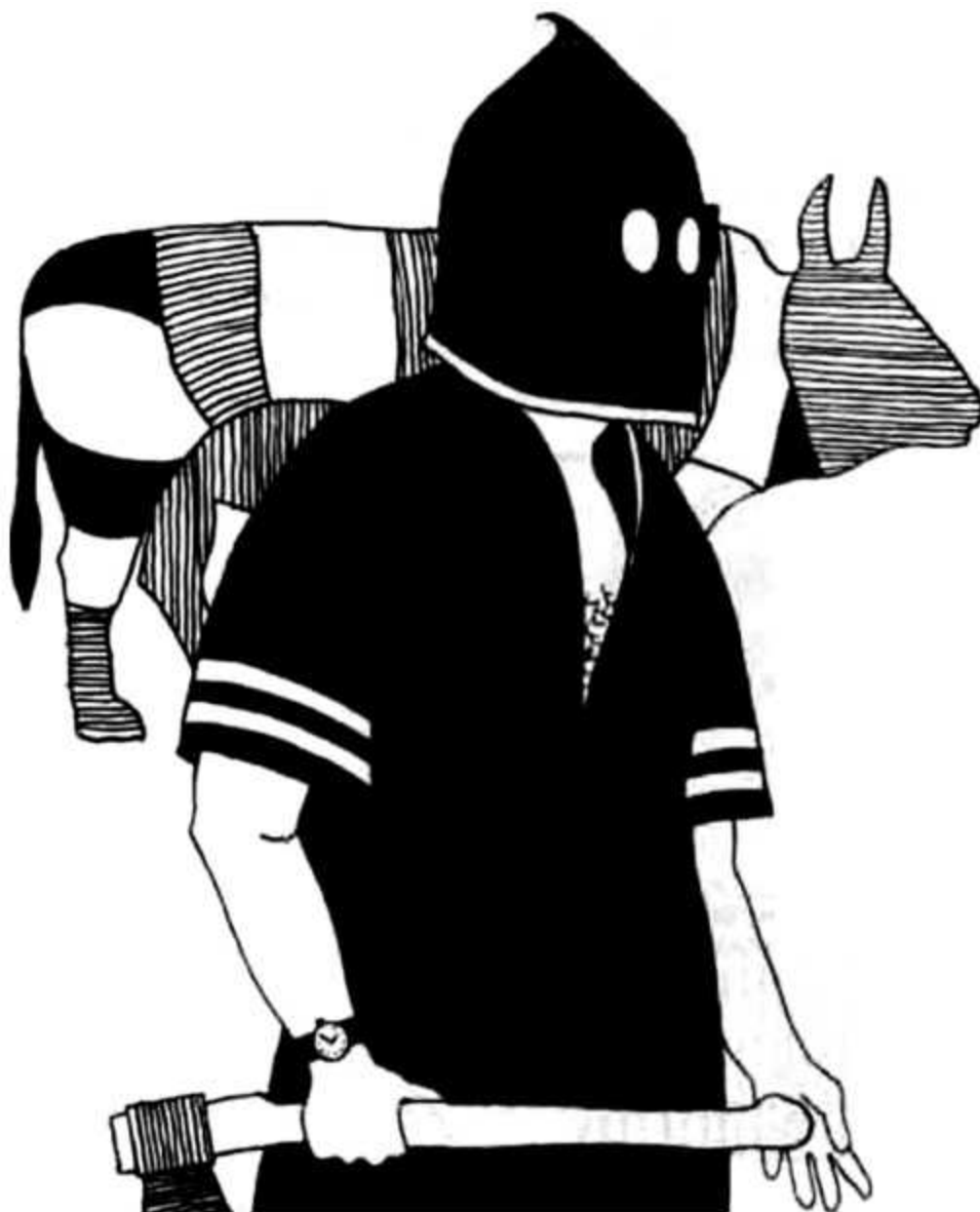
Здесь нет хвастовства и преувеличений. За почти четыре года вялотекущей «интеллектуальной помощи» я не стал ни богатым, ни известным, но я выжил! Эта глава написана только для того, чтобы читатель, да и я сам не забывали, что ни при каких обстоятельствах руки опускать нельзя. Надо барахтаться, барахтаться, и из обычного жидкого молока обязательно взобьётся сметана, с поверхности которой мы выпрыгнем в зовущее светлое, а может быть, даже и счастливое будущее!

Петля для покупателя

Не говори «гоп!», пока не перепрыгнешь!

Валерий Брумель

У нас скромный двор. Автовладельцев мало, да и в основном все жигулеобразные. Так что мой дивный восемнадцатилетний «Мерседес» (юридически чистый, «муха не сидела») до последнего времени смотрелся достаточно убойно. Но только до тех пор, пока рядом не встал новенький «Ровер-75». Раньше на эту соседскую женщину, Надежду Алексеевну, я обращал внимание только в ясную солнечную погоду. Когда яркие лучики играли на её перстнях и серьгах с крупными красными камнями. Играли лучики и на её золотых зубах, количество которых навевало нехорошие мысли о превышении необходимой крутизны.

Надежде Алексеевне немного за шестьдесят, она крепкая, весёлая, и сама пристала ко мне — где подешевле взять шипованную резину. Я дал ряд ценных советов, за что через два дня был приглашён с женой на чай, оказавшийся греческим коньяком «Метакса». Короче говоря, всю свою сознательную жизнь Надежда Алексеевна «стояла на апельсинах».

По гениальности и простоте её изобретение можно приравнять к автомату Калашникова, только в отличие от Михал Тимофеича наша соседка построила две дачи на перспективном Рижском направлении, отправила внуку учиться в Англию и вот теперь рассекает на свежем «Ровере» — коробка «автомат».

Берёте, значит, среднего размера апельсин с подгнившим бочком. Через этот бочок набиваете плод шариками от подшипника. Подходит покупатель (а в советское время очередь стояла): «Дайте два кило! Да получше, мне в больницу!»

— Пожаллте! — и накладывает вместе с «металлическим», естессно.

Тут важно, чтобы подгнивши и бочок был к вам повернут. Этому нетрудно натренироваться — Копперфилд вон какие дела творит. Далее помогаете клиенту переложить всё в авоську. А вот тут надо,

чтобы он гниль нашу заметил. Это сделать еще проще. Он в истерику. Вы извиняетесь, выбираете апельсин-красавец покрупнее «гнилого» и заменяете. Покупатель уходит, бормоча: а) «Совсем, сволочи обнаглели!» б) «Есть же нормальные люди!»

Давайте считать! После каждой покупки двух кило (а тогда хватало и больше) вы в плюсе на 400 «железных» граммов. При цене 2 рубля за кило — это восемьдесят копеек. При наличии очереди за рабочий день через вас проходит 160–180 человек. Но совать заряженный оранж каждому нельзя — надо хоть через человечка. Итак, возьмем минимум человек 80. Далее: 80 копеек x 80 операций = 64 рубчика. Да на 22 рабочих дня = 1408 руб. В год 16 893. А «жигуль» тогда стоил 5600. А работать Надежда Алексеевна любила. Очень. В общем, понятно.

Я не удержался, конечно, и ей про нашего Витьку-рубщика рассказал. Как он после Бауманского всё горе мыкал, а потом в нём талант рубщицкий проснулся. Витька сразу купил топор «Zolingen» в кофре с бархатным кровавым подбоем, как плащ у Пилата, и залёг на диван заказов дожидаться. И вот ночью ему звонят: надо туши виртуозно порубить. Витька часа за четыре управится — нарубит им каких-нибудь голяшек, только выглядят они, как челюшко-соколог или вообще как филей. I I снова на диван. Только с пачкой денег. Витьке сейчас 43 года. Он богатый и интеллигентный до ужаса. Ездит на БМВ и носит очки от «Картье». А топор всегда наготове. А кличка у него...

— Неужели Палач?! — правильно угадала тётя Надя. — Я про мясо-то тоже всё знаю. У меня сын на мясе. Нет, сейчас-то у него фирма, а раньше на мясе. Он с косточкой «спутник» работал. Знаешь косточку «спутник»? Это не он придумал, а испокон веков! Косточка круглая, гладкая. От коровьего бедра. Никита её в каждый большой кусок под прилавком закладывал,

взвешивал, а когда покупателю заворачивал, то нажимал на мясо хитрым образом. — Она на пол и выскакивала. А чтобы грохоту не было, на полу поролончик.

Я говорю:

— Ну, это давно было! Сейчас в магазинах уже ажиотажа по поводу мяса нет. И на рынках такие дела не провернешь.

— Ты так думаешь?

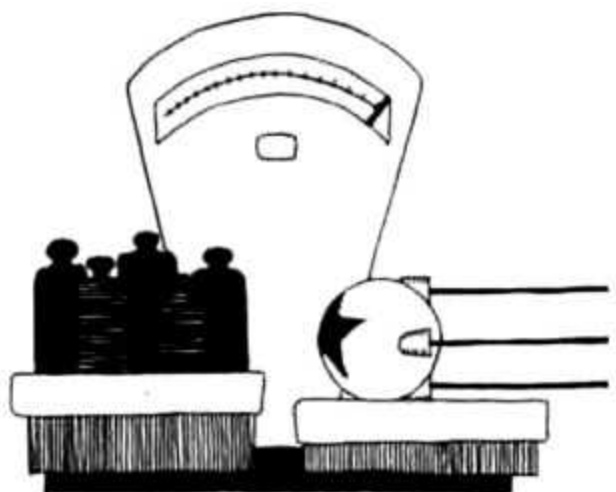
Через день встретил её на нашем Ленинградском рынке. Надежду там не знала только белая кудлатая собачка, да и то, как сказали, не местная. С соседкой все здоровались, и в результате я потратил вдвое меньше денег, чем рассчитывал.

— Вон, видишь, Гейдар стоит!

Мы зашли со спины высокого Гейдара.

Под прилавком у него располагался какой-то ящик, термос, ещё что-то. К «товарной» чаше весов была привязана еле различимая леска, пропущенная через отверстие под прилавок. Заканчивалась леска петлёй, в которой у пола покоилась правая сорок четвертого размера кроссовка. С гейдаровской ногой внутри. Как осторожный водитель на газ, Гейдар мягко нажимал на петлю, прибавляя к весу товара разумное (или неразумное) количество граммов. Не забывая при этом весело шутить с покупателями.

— А ты говоришь — Палач! Заходите вечером с Оксаной, мне свежей паюсной из Баку прислали.

Морда ящиком, или рукопись, найденная в Сарагосе

*Оставь надежду всяк входящий в шоу-
бизнес!*

Капитан Овский

Однажды на гастролях в Краснодаре нас обокрали злобные беспринципные люди. Назавтра был ещё один концерт, но деньги за всю (почти двухнедельную!) поездку раздали уже сегодня. Пришлось напрячь всю силу воли и вечером после концерта в гостинице крепенько выпить. В тот раз мы работали с самым лучшим администратором всех времён и народов. Вот он и пришёл сегодня в гримёрку, когда уже

переодевались в гостиницу ехать, принёс как всегда бесформенный газетный кулёк с деньгами, бросил его на стол — делите. Разделили, и опять, как всегда с ним, на рыло получилось раза в полтора больше, чем было положено. Короче, я очень любил с ним работать. Да и другие тоже очень любили работать с Герой.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГЕРЫ. За девять лет упорного директорства и махрового администраторства Гера скопил довольно большое количество денег. При помощи двойной бухгалтерии, левых концертов, мёртвых душ и других профессиональных ухищрений, лежащих в сфере интересов ОБХСС, по слухам, Гера уже «встал» за два лимона. Но деревянных. Грубо говоря, ему давно пора было валить. Он и подал документы. На воссоединение с мифической семьёй. Тогда для того, чтобы воссоединиться с семьёй в Израиле, нужно было почему-то сначала поехать в Вену. Это было удобно, так как из Вены народ напрямик пёр в Штаты — страну равных возможностей.

Конечно, компетентные органы находились в некотором курсе Гериных финансовых выкрутасов. По их мнению, его давно пора было брать. Такого же мнения придерживался и сам Гера. А потому уже полгода как завёл в отделе, занимающемся концертными махинациями, друга-милиционера, который за небольшую мзду сообщал ушедшему Гере последние новости на ниве борьбы с хищениями социалистической собственности. И вот милиционер по телефону обрадовал Геру тревожной вестью. Якобы сверху пришла разнарядка заняться наконец ворюгами-администраторами, а конкретно шестнадцатью оборотистыми людьми, по которым давно уже пны плачут и т. д. Более того, шпион сообщил, что на столе у дежурных оперов лежит стопка дел, где самым первым и верхним помещено Герино пухлое дело.

Гера, конечно, точно не знал, когда ОВИР сподобится отпустить его в Вену. Люди, бывало, проводили в «подаче» от десяти дней до десяти лет. А потому договорился со своим агентом, что за сто рублей в день тот будет ежедневно перекладывать Герины документы в самый низ стопки. Тем временем по Москве пошли аресты.

Двадцать семь дней (2700 руб.) папка с делом Геры честно перекладывалась дисциплинированным милиционером, а на двадцать восьмой Гера получил наконец долгожданное разрешение. В течение трёх суток страна предлагала своему бывшему сыну отвалить на все четыре стороны и больше ей на глаза не попадаться.

Между тем даже без вмешательства оборотня в погонах органы не особенно торопились с арестом администратора. Компетентные люди резонно считали, что спрятанные деньги найти будет сложно, а других доказательств было не так чтобы густо. В то же время человек с нерусской фамилией, накопивший кучу бабок и, по слухам, собиравшийся за бугор, неминуемо должен был начать скупать валюту в особо крупных размерах. Все серьёзные источники у ментов были схвачены, а потому они занимались акулами помельче, спокойно дожидаясь сигнала о том, что Гера приступил к концентрации капитала в виде известных всем зелёненьких дензнаков.

А Гера долларов как раз не покупал. Гера уже давно договорился с представителем одной крупной швейцарской фирмы о том, что продаст ей (один к одному) около двух миллионов советских рублей. Но произойти это должно было только в самой Швейцарии. Фирма собиралась закупать в СССР деревообрабатывающие станки и подсчитала, что если сделает это конкретно по советской внутренней цене и

рублями; то сэкономит процентов 400 или 500 — в общем, очень много.

В субботу 21 августа Гера в рубашке, брюках и легкой чехословацкой обуви с двумя чемоданами рублей прибыл в Шереметьево на рейс 612 Москва — Вена. Среди крикливых людей, выезжающих на ПМЖ с детьми и баулами, Гера занял очередь на досмотр багажа и прощание с Родиной. Для человека, который в буквальном смысле слова рисковал жизнью (за миллион по тем временам его бы неминуемо расстреляли, а за два, наверное, отрубили бы голову), он был относительно спокоен.

Геру никто не провожал. Самый близкий ему человек — агентурный милиционер, получив авансом (в счёт выходных) двести рублей, тратил их в ресторане «Архангельское» в обществе полненькой хохотушки из отдела кадров. И он, и она надеялись на вечернее соитие.

Подошла Герина очередь. Ему не повезло. В этот день на таможенных воротцах дежурил молодой амбициозный сотрудник. Он был блестящим офицером и членом партии. Внимательным и дисциплинированным. Видимо, спокойный человек с двумя чемоданами сразу внушил ему сильные подозрения. Иначе чем можно объяснить, что он завёл Геру в специальную комнату для личного досмотра и десять минут там держал.

Когда в девяносто шестом мы приехали в Штаты, то первый, кого я встретил, был пополневший, но очень респектабельный Гера — морда ящиком.

— Старик, как же у тебя смелости-то хватило? Ведь поймали бы с деньгами и кранты! Так рисковать!

— А чем я рисковал? Я ему говорю: «У меня в чемоданах личные вещи. Мне бы не хотелось распаковывать, так удачно всё упаковал. Вот десять штук за хлопоты!»

Он фуражку чуть не съел.

— Это вы мне, — кричит, — члену партии?!

— Ну, раз партиец, тогда двадцать!

— Дак это ж взятка!

— Тридцать!

— ?!

— Сорок!

— Проходите, пожалуйста!

Пять «Волг»! Я представил себе ситуацию, но всё равно оторопь брала.

— А если б он на сорок не пошёл?

— Я бы пятьдесят дал или сто. У меня два чемодана было. Таможенник этот потом как милый стал братъ. Я через него кучу народу потом переправил. Он сейчас полковник, мебель таможит туда-сюда, живёт на Рублёвке, мне открытки шлёт.

А у швейцарцев тогда ни хрена не вышло. Когда они, радостные, приехали в Москву с двумя лимонами рублей, наши, всё подсчитав, наплевали на договора и международное экономическое право и, вильнув советским хвостиком, послали часовщиков и сыроделов прямо к их опрятной швейцарской маме. И пылятся сейчас устаревшие миллионы где-нибудь в цюрихском банке, а швейцарское дерево так и осталось необработанным.

Но Гере это было уже по барабану. Он поменял швейцарские франки на доллары (вышло чуть более миллиона семисот тысяч), приехал в США и в три глотка сожрал одного бывшего нашего певца, владельца сети кинотеатров, перешедших теперь к Гере от этого разорившегося Эмиля.

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭМИЛЯ. Эмиль был бешеный красавец и ленинградский певец. Ходил в смокинге и пел про макароны. А потом его директор Благовещенской филармонии сильно обидел, велел напечатать на афише фамилию не

двадцатипятисантиметровыми буквами, как тот хотел, а восемнадцатисантиметровыми — как он очень не хотел. Эмиль заругался и пообещал, что десять лет ноги его в Благовещенске не будет. А директор сказал, что через десять лет Эмиль на хер не будет нужен не только в Благовещенске, но и нигде. Пришлось Эмилю запить. Несут его как-то на концерт, а он тяжёлый, гад, да ещё и говорит несущим: «Ох уж это тяжкое бремя славы!» Потом перебрался в Штаты, воссоединившись, хоть и не с семьёй, зато с вполне приличной суммой, полученной по наследству. И стал терпеливо дожидаться Геру, чтобы тот сожрал его в три глотка.

Так вот, на гастролях в Краснодаре нас обокрали злобные беспринципные люди. В той поездке я жил в одном номере с нашим гитаристом. Получив от Геры деньги, мы на радостях крепко выпили, а гитарист ещё сходил в номер к звукорежиссёру и принёс от него анаши. Тогда за анашу ещё не срок давали, а почётную грамоту. У звукорежиссёра она часто водилась, и он никогда не жадничал. Хороший человек. Саша. Саша Кальянов.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ САШИ. Саша родился в Брянске, работал там потом на радиозаводе. С одной ногой у него был небольшой непорядок. Он носил на ней специальный ботинок, но это его никогда не смущало и ни в каких делах не останавливало. Я на самом деле горжусь знакомством с ним, потому что вот он есть настоящий пример, когда из-за физического недостатка человек не только не унывает, а, наоборот, от него прикуривать можно — такая энергия прёт. Как-то в городе Кургане знаменитый на весь мир врач Илизаров, к которому и из Японии приезжали, предложил Саше в течение месяца при помощи своего гениального аппарата выправить ногу, но у нас на

послезавтра была пьянка назначена. Саша, естественно, отказался. Как настоящий Маресьев из повести сами знаете какой.

Однажды в Самарканде, куда Саша привёз на продажу шикарный английский усилитель «Hi-watt», собранный лучшими мастерами брянского завода, местный музыкант пригласил нас на ужин. Мы выпивали в разумных пределах, а радушный хозяин угощал такими потрясающими солёными помидорами, что Саша стал уговаривать его продать нам немного с собой. Хозяин упрямылся: мол, у него остался всего один маленький бочоночек, который он готовит себе не то на свадьбу, не то на похороны. Короче, Кальян Иванович поменялся с ним на этот усилитель, который ценился не менее чем в 800 рублей. Вот такой широкой души Саша человек — за хорошую закуску что хочешь отдаст. Сейчас часто по телевизору выступает, поёт про путану и про другое всякое. Записывает на своей студии Аллу Пугачёву и других знаменитостей, а тогда запросто дал анаши гитаристу Юре.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЮРЫ. Юра родом из города Конаково. Я там бывал пару раз, любовался многочисленными статуями Ленина. Кстати, не очень похож. Да ещё местные экскурсоводы редким туристам статуи эти показывают и с удовольствием объясняют: вот, мол, основатель нашего города — товарищ Конаков. И вот конаковская паспортистка, выписывая Юре паспорт, отвлеклась на проходившего мимо курсанта в отпуске и написала будущему гитаристу фамилию и имя в падеже. То есть оказалось, что в графе «имя» написано Юрия, а в графе «фамилия» — Рыманова. Если мысленно впереди подставить слово «паспорт», то вроде катит, а так — нет. Пришлось Юрке длинные блондинистые волосы завести и бриться по два раза на дню. Чтобы соответствовать. А так парень

очень хороший и гитарист классный. Сейчас у Расторгуева в «Любэ» работает. У Коли.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КОЛИ. Коля носил странное прозвище — Киллис. Получил он его ещё до меня в развалившемся впоследствии (по случаю посадки руководителя) ансамбле «Шестеро молодых», где пел в составе из одиннадцати человек среднего возраста.

Вместе с Киллисом в «Лейся, песня!» тогда пришли Челдон, Рыман, Кальян, Бахила, Пися и Мальчик. Мальчик имел очень высокий голос и пел тужильную жалобную балладу «Мама», пел так хорошо, что среди чувствительных зрительниц ходили устойчивые слухи, что у Мальчика недавно мать умерла (дай ей Бог здоровья!). Когда «Песня» перестала литься. Мальчик отрастил совсем длинные волосы, оснастился кожей и шипами, стал активно подвизаться в ансамбле «Ария», а нынче именуется не каким-нибудь там Валерой, а коротко и ясно — Кипелов.

Так вот, однажды в Питере Киллису после очередной песни девушка вынесла цветы. Коля нагнулся и хотел поцеловать стерве руку, но она взмахнула букетом (видимо, в нём было что-то спрятано), и в следующую секунду Киллисова голова оказалась вся залитой кровью. Девуца под шумок ускользнула, а то народ бы в клочья разорвал.

К счастью, выяснилось, что не кровь это, а клей, перемешанный с красной тушью. Коля-то в прошлый питерский приезд эту девушку поматросил и забыл, как страшный сон, а она неизвестно что себе вообразила, на адрес филармонии письмо написала, платье белое сшила и фату приготовила.

Коле пришлось осознать, что шоу-бизнес — это серьёзная группа риска, коротко постричься и дня три ацетоном отмываться, так что часть его песен пел как раз Юрка Рыманов, который тогда в Краснодаре принёс

наконец от Кальян Ивановича анашу, и мы с ним после водки накурились до полного хохота и последующего сна.

Утром проснулись — денег нет. Видимо, нас обокрали злобные и беспринципные люди. Дверь как была заперта, так и осталась. Ну, раз они ключи подобрали, чтобы без взлома открыть, значит, им ничего не стоило потом снова запереть на фиг. Мои-то деньги как были в трусах, так целы и остались, а гитаристовых нет. Его вещи на полу валяются, карманы вывернуты. Юра вызвал милицию. Через какой-нибудь час приходят трос. С собакой — помесью японского хина и карликового пинчера. Рамзесом зовут — морда ящиком. Шавка первое что сделала — помочилась на порог.

— Она у нас с убийства только что. Крови нанюхалась. Ну ничего, сейчас опомнится. Итак, что произошло?

Юре всё это со вчерашней анаши смешно. Он понимает, что дело серьёзное, но поделаться с собой ничего не может. А тут ещё главный милиционер, которому другие двое в рот смотрели, проверил заклеенные окна, замок на двери, взял лист бумаги, сел за стол, завёл глаза за брови и задумался.

— Собака, — говорит, — выведет в коридор!

Юра уже в голос прыснул:

— Логично! — и мы стали оба хохотать как безумные.

Да ещё Кальян Иванович заходит: «Идите быстрее в 142-й номер, там администратор приехал насчёт Тамани договариваться. Гера с нами уже не поедет, а поедет Веня».

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВЕНИ (который сделал по-другому, чем Гера). Веня, значит, тоже был директор, ученик Геры. Ему побольше понадобилось лет, чтобы

порядочную сумму накопить. Потому что действовал он значительно позже, когда уже самые золотые времена прошли. Но всё равно талант не скроешь! И народ поговаривал, что Веня к выработке принципа «вертушки» свою веснушчатую рыжую руку приложил. При помощи «вертушки» в отдельно взятый день можно и по шесть концертов пахать, и по восемь. Вот Веня на «вертушках» и поднялся.

Но в какой-то момент понял, что хорош! Пора завязывать! В коридорах Рос- и Москонцерта стало явственно пахнуть жареным. С треском сменилось руководство МВД, пришли молодые голодные люди. Начали рыть землю. Нет, пора было завязывать и опять же валить.

Веня подал документы и стал очень сильно думать, как быть с заработанными потом и кровью довольно приличными бабками. К тому времени Гера уже шесть лет как уехал, от него не было ни слуху ни духу, хотя мог бы передать по наследству своего истосковавшегося по деньгам агента или того же таможенника, но не передал. А Веню уже, между прочим, два раза вызывали куда следует по поводу тех знаменитых левых концертов Леонтьева, где как раз Веня рубанул тысяч двадцать взявшихся как бы из воздуха, а потому неучтённых долларешников. По разговору он понял, что следователю известно довольно много. Но прямых улик не было — Веня только сильно удивлялся, зачем мент ему всё это сгружает. Пугает, что ли? Или к чему-то подталкивает?

И тогда Веня начал активно скупать валюту. Почти в открытую. Более того, он везде ходил и рассказывал, что скоро уезжает, что нашёл окно на границе, дабы деньги провезти. Люди в те годы до самого самолёта от всех скрывали. Даже от родителей, а он... Народ стал от него шарахаться: или провокатор, или сумасшедший. Органы начали следить за его квартирой, и было

замечено, что к нему разок приходили два иностранца. Но вышли такие же пустые, как пришли. А коли попытались бы вынести что-нибудь объёмное, решено было под благовидным предлогом остановить и отнять. Ведь Веня мог так передать деньги.

Братъ его с поличным в аэропорт приехал сам подполковник Меркулов. Действовал он по личному указанию одного совсем уже большого начальника, к которому и должен был после операции привезти и бедного Веню, и его нечестные миллионы (на самом деле всего 960 с чем-то тысяч). Какую комбинацию этот начальник придумал, чтобы потом деньги раздербанить, а от Вени избавиться, сказать трудно, но, думается, от несостоявшегося эмигранта ни рожек, ни ножек бы не осталось. Прецеденты уже бывали.

Веня нагло явился в Шереметьево с мордой ящиком и небольшим портфелем, в котором кроме зубной щётки, бутылки водки и всякой другой мелкой лабуды лежали толстая книжка писателя Айзека Азимова (на дорогу), комплект нижнего белья и маленький мешочек с пеплом — прах любимой, как он сказал, бабушки Эсфири Львовны. На просьбу предъявить имеющуюся валюту, Веня достал бумажник и показал триста долларов мелкими купюрами, которые взбешённый Меркулов кинул ему прямо в табло. Кинул и убежал.

Взять острый нож и, расклеив толстую обложку Азимова, достать оттуда небольшой документ с орлом и водяными знаками, никто из заинтересованных лиц не догадался. Пролить немного снега на исчезновение денег могла бы соседка по этажу Лидия Леонтьевна, сначала почувствовавшая сильный неприятный запах горелого, а потом видевшая, как Веня в три приёма выбрасывал из большой кастрюли пепел в мусоропровод. Но Лидию Леонтьевну никто не спросил. А кабы и спросил, то ничего б не понял. Потому что \$960 000 Веня сжёг, но не просто спалил, а сделал это в

присутствии американского ответственного лица, которое деньги пересчитало и номера переписало (Веня заплатил семь тысяч), в чём выдало Вене официальный документ.

По приезде в американские пенаты Веня обратился в указанный тем лицом нью-йоркский банк. И после некоторых специальных переговоров с посольством в Москве и парой других учреждений получил всю сумму новенькими хрустящими бумажками, кои и положил тут же на только что открытый на его имя свежий счёт. Операция была не такая уж часто встречающаяся, но все пошли навстречу. Больно уж велико было желание вставить леща стране победившего социализма.

А из пепла несуществующей «бабушки Эсфири», взятого им на память, Веня сделал малюсенькую ладанку, которую и носит в охотку, перебиваясь с икры на коньяк и ютясь в двухсотметровом пентхаузе на Манхеттене. С Герой Веня не дружит, но это их дела.

А тогда в Краснодаре в люксе нашего руководителя маленький рыжий Веня, выпив рюмку наливки, сказал нам, толпившимся у входа:

— Я только что из Свердловска. Кстати, вот гитару привёз на продажу: «Фендер», по-моему, «Телекастер». Никому не надо? Новая, с чехлом! Получил в счёт долгов, для своих отдам почти даром.

Юрка сразу сделал стойку. «Фендер» был его мечтой.

— С «Надеждой» работал. — продолжал Веня. — где ваш барабанщик? Ему Нинка-певица просила привет передать, — он полез в карман за бумажкой, прочитал: — Максиму.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МАКСИМА. Ещё бы она мне привет не передала. У нас ведь в Киеве такой трёхдневный амур был — дым коромыслом! И на

Крещатик ходили, и вообще. А ещё бы у нас в Киеве трёхдневного амура не было, когда я там устроил такое...

На огромной сцене киевского Дворца спорта я готовился к концерту. Устанавливал свои барабаны. Концерт был сборный, и вокруг суетились человек тридцать музыкантов из разных ансамблей — настраивали усилители, проверяли микрофоны и другую аппаратуру. У дальнего бархатного задника прогуливалась симпатичная девушка с нотами и хорошей фигурой. Она распевалась. Это была довольно известная в узких кругах певица из пахмутовского ансамбля «Надежда». Поговаривали, что у неё в Питере муж не то какой-то хороший и богатый человек, не то, наоборот, директор областной филармонии. В общем, летала она высоко, и на неё можно было только облизываться.

Основой ударной установки является большой барабан. На него крепятся несколько других барабанов и ещё много разной нужности. Поэтому стоять большой барабан должен как вкопанный. Ни туда, ни сюда. Для этого барабанщики принаровились регулируемые ножки — сорокасантиметровые стальные штыри — затачивать и вбивать молотком в мягкую деревянную сцену. Тогда как ни стучи правой педалью, ничто никуда не уедет. Я уже одну ножку вколотил, сидя на корточках, принаравливаю вторую и вдруг слышу страшный, леденящий кровь визг.

И, главное, визг этот прозвучал как раз тогда, когда красивый волосатый парень — гитарист «Надежды» — настраивал свой недешёвый японский инструмент и попросил минутку тишины. Кстати, это был Володя. Володя Кузьмин.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЛОДИ И «НАДЕЖДЫ».
Ансамбль «Надежда» был уникальным явлением для

своего времени. В основном коллектив исполнял песни Александры Пахмутовой, но всегда в эдакой полууроковой манере, что очень нравилось зрителям, а главное, позволяло как бы забыть ненадолго фальшивую комсомольскую подоплёку всех этих песенок про БАМ, яростные стойотряды и первопроходческую героику.

В «Надежде» традиционно работали очень хорошие музыканты, в чём была немалая заслуга руководства коллектива. Раз в год, как правило в августе, специальный их человек выезжал по городам и весям нашей необъятной. На танцплощадках и в местных домах культуры, в военных частях и на производстве он выискивал талантливых ребят и приглашал в Москву для работы в известном ансамбле. Сумма оговаривалась на месте. Например, 600 рублей в месяц (а он у себя на танцах имел 120). Договор с ними заключали на довольно странный срок — 11 месяцев. Потому что получает потом музыкант официально в кассе филармонии опять же, например, тысячу, — расписывается и радуется. А вечером к нему в номерок директор заходит — верните, пожалуйста, 400 взад, а оставьте 600, как договаривались. Пять-шесть месяцев индивидуум ещё терпел, а потом у него начинала крыша ехать: как же так?! Целыми днями в лучах прожекторов, зрители с ума сходят, а он всё продолжает получать эти поганые 600 рублей. А змей-руководитель (морда ящиком) за его счёт жирует и обогащается. Забывают люди, что ещё полгода назад они были никто и звать никак. Забывают, что не на гэдээршной, а на американской аппаратуре работают, забывают, что не в обносках, а в двухтысячных сверкающих костюмах к зрителям выходят, а живут в хороших гостиницах в одноместных номерах.

Вот если взять по приколу и начать соседу-забулдыге каждый день по сто рублей за просто так

отстёгивать, а через две недели резко прекратить, он на вас тут же с ножом полезет или в суд подаст. Человек — он же, в сущности, такая скотина. А музыкант тем более.

И месяцев через девять начинали вечерами по номерам под водочку клубиться нехорошие разговоры, объединялись люди в группировки и коалиции, плели интриги и мечтали сбросить кровопийцу-руководителя, сделать прозападный репертуар и процветать, и процветать. А кто будет гастроли делать, по начальству ходить, афиши печатать — найдутся. Мы ведь гениальные! Даром что вчера из Епидопельска.

Но только начнёт уже настоящий заговор вырисовываться, только листовки напечатают и оружие раздадут — бац! — договор и кончается. И идут заговорщики на все четыре стороны, «в туда, из чего их мама родила». А специальный человек уже две недели как в пути. Новые таланты по городам и весям выискивает, чтоб потом месяц порепетировать, а через одиннадцать уволить. Система была мудро просчитана, и годичный круговорот налажен.

Но не таков был Володя. Он свой шанс не упустил. Пару лет работы в таком известном коллективе использовал для самоусовершенствования. Отточил мастерство, наснимал «махавишны», приобрел достойные инструменты, начал писать свою хорошую музыку. Про Симону и серый капюшон, например. А потом они с Аллой Борисовной стали две звезды — две светлых повести, пока не явился Сергей. Сергей Челобанов.

Вы, наверное, думаете, что сейчас будет краткая история Сергея? А вот и нет! Не бывает правил без исключений. Автор ведь я — что хочу, то и ворочу. Тем более я его не знаю совсем.

А тогда в Киеве Володя попросил минуту тишины, чтобы настроить гитару. Вот в этой-то тишине и раздался визг.

Оборачиваюсь и вижу, что метрах в пятнадцати от меня — у задника — на певицу напала здоровенная крыса, скорее всего даже крыс. Ну, напала не напала, а бежит на девушку и красные злобные глазки таращит.

Народ на сцене прямо застыл, а я подумал: «А ну как она сейчас на меня повернёт! Ой, не хочу!» — и через левое плечо, почти не глядя, кинул острый штырь в направлении крысы.

Вокруг как будто всё остановилось, только барабанная ножка, медленно переворачиваясь в вязкой тишине, летела в сторону задника.

Штырь попал крысе в левый глаз и пригвоздил к полу, вонзившись туда на добрых два сантиметра. Между прочим, на расстоянии полушага от левой ноги находящейся в полуобморочном состоянии певицы.

Негромкое сдавленное «ах» исторглось из глоток всех, кто находился на сцене. Сказать, что я был поражён, — значит ничего не сказать. На негнущихся ногах подошёл к убитой крысе, двумя руками выдернул штырь, вытер его о бархатный задник, вернулся к барабанам, заколотил штырь на место и гордо покинул поле боя под обжигающими взглядами толпы.

В туалете начал мыть руки, глянул в зеркало: морда — ящиком. Ну, конечно же, главное — морду ящиком сделать. В ресторане, например, проходишь по проходу, махнул рукой — глядь, а в ней фужер зажат. Оказывается, с соседнего столика упал, а ты его случайно подхватил. Сразу морду ящиком: «Получите, мадемуазель, пожалуйста, ваш фужер назад. Я вообще-то комара на лету за правое крылышко ловлю, так что фужер поймать для меня, как для Брюса Ли шестерых ниндзя зачистить! Телефончик не дадите?»

После концерта банкет. Все пьют за скромного барабанщика «Лейся, песня!», в совершенстве владеющего не просто кунг-фу, а самой боевой и секретной его разновидностью со-сю.

В гостинице около двенадцати кто-то поскрёбся в номер. Ба, да это благодарная певица принесла шампанское, магнитофон и насчёт амуров интересуется. Сразу морду ящиком, и вперёд с головой в трёхсуточную любовь под её любимую песню «Давайте делать паузы в словах»! Несколько раз мы эти паузы делали. Мне песня тоже нравится. Она Макаревича. Андрея.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНДРЕЯ. Родился Андрей в Москве... Это я шучу. Чего б его биографию пересказывать, и так все всё знают. А вот однажды в Саратове после концерта сидит он это у себя в люксе с парой-тройкой других «машинистов» и несколькими местными ребятами и девушками. Девушки пришли целенаправленно, а ребятки набились — якобы музыку любят. Я-то тоже там был, но речь не обо мне, а о Макаре. Мы водку пьянствуем, но грамотно и с хорошей рыбной закуской — девчонки принесли. Разговор идёт иронический. Со стороны местных товарищей. Очень им не нравится, что девушки повышенное внимание заезжим артистам оказывают. Вот мужики и колбасятся: кто старые анекдоты рассказывает, кто водку с локтя пьёт, а один всё спички зажигал. Ловко так — щёлк, и коробка подлетает, а горящая спичка у него в руке остаётся. Правда, получалось через раз — то ли спички дрянь, то ли сам он дурилка картонная.

А потом тот, который всё с локтя пил (два раза облился), нож достал — не финку, конечно, но и не так чтоб перочинный. Растопырил пальцы левой руки на столе и начал ножом в стол между пальцами тыкать. Как в фильме «Место встречи изменить нельзя» на хазе

у Горбатого. Не знаю, какой реакции они от нас ждали. По мне, так если бы он тут же при нас насмерть зарезался, я бы и ухом не повёл. А Андрей в этот момент что-то рассказывал. Он в одном торце длинного стола сидел, а я в другом. Вот Макар, продолжая рассказ, и говорит мне:

— Макс, дай сигареточку!

Я взял пачку и щёлкнул по донышку большим пальцем, чтобы сигарета высунулась — мы тоже, знаете, не какие-нибудь там. Но не рассчитал — сигарета птичкой вылетела из пачки и, перелетев через весь стол, попала Андрею прямо в рот, причём он поймал её именно фильтром — как положено! А в это время у того козла, который со спичками баловался, как раз случайно одна зажглась. Андрей у него сразу в продолжение движения и прикурил:

— На чём, — говорит, — я остановился?

Тот, кто с ножом игрался, себе тут же палец проткнул. В общем, они с кровью, спичками и ножами моментально свинтили. Андрей говорит:

— Максим! А чего это у тебя морда ящиком?

— А у тебя?

Сразу после того, как потерпевшие такое впечатляющее фиаско аборигены удалились, на пожелавших остаться обрушился бурный поток саратовских ласк. Даже не поток, а настоящий водопад. Ниагарский.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ, СЛУЧИВШАЯСЯ У НИАГАРСКОГО ВОДОПАДА. К Ниагарскому водопаду, как известно, с одной стороны примыкает Америка, а с другой стороны вовсе даже Канада. Мы подъехали от Канады. Для того чтобы по-настоящему оценить мощь и красоту природы, было решено пропутешествовать на маленьком специальном пароходике. Он прямо к самому водопаду подходит. Так близко, что брызги от

грандиозной водяной стены прямо в морду летят — делай её ящиком или не делай. Испуг гарантирован. Но не одни мы такими умными оказались — вдоль берега длинная живая очередь медленно движется, как у нас в Мавзолей. Но у них на посадку. Природа кругом потрясающая, чистота просто неприличная, а я как назло последнюю сигарету выкурил. Осталась пустая пачка. Я положил в неё бычок, смял в комок, но выкинуть было решительно некуда. Пожилая француженка, двигавшаяся передо мной, долго мучилась с недоеденным мороженым. Больше ей явно не лезло, уже начало таять, а ни урны, ни чего другого поблизости нет. Каждую сладкую каплю, падающую на чистый асфальт, баба провожала страдающим взглядом и озиралась в поисках сочувствия. Мол, не я виновата, а мороженое подлое такое, да и урн нет. Видно, совесть у неё была. Но очередь смотрела сурово и осуждающе. Тогда женщина достала из сумки полиэтиленовую косметичку, сунула туда проклятое мороженое и, став моментально нормальным членом социума, предалась единению с красотами.

Косметички у меня в тот раз с собой не было, а мерзкая пачка даже в кармане отравляла всё удовольствие от предвкушения плавания по водопаду. Может, кому-то и смешно, но вы попробуйте сами походить у водопада в облегающих джинсах со смятой пачкой от ВТ в кармане. Да ещё с вонючим бычком внутри! А ещё мне показалось, что все окружающие в курсе моих мучений — так и посматривают, чтобы в случае чего осудить. А я ведь Страну представляю!

После поворота дорожки справа показалась зелёная бестолковая труба типа «флагшток», торчащая метра на полтора из безукоризненной канадской травы. До неё было шагов двадцать. Рука сама достала скомканную пачку и занесла над очередью. Назад пути не было. Все остановились, крайние подошли поближе.

Со мною что-то произошло. В отличие от всяких случайных подвигов (крыса, сигарета и т. д.). когда морду приходилось делать сами знаете чем, на этот раз я был на триста процентов уверен, что попаду.

Моментально определив стороны света, давление и влажность, я взял упреждение на ветер, и пачка по сложной траектории ухнула в четырёхсантиметровую трубу, даже не коснувшись её стенок.

Бурные, продолжительные аплодисменты заглушили мощный шум близкого водопада и стали первым после полёта Гагарина публичным иностранным одобрением политики нашей партии и правительства. Стало даже немного неудобно. Все протягивали сигареты и жестами предлагали метнуть их в трубу, а один мужчина в шотландской юбке предложил для этой цели фотоаппарат.

Водопад был окончательно дезавуирован, а я выпрямился, расстегнул пять верхних пуговиц на рубашке и пошёл в сторону Ниагары, как какой-нибудь московский пустой бамбук. Типа красавца Буйнова. Буйнова Саши.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ САШИ. Прежде чем стать красавцем. Саша Буйнов (помните: «для тебе, для пезде»?) работал в ансамбле «Весёлые ребята». Коллектив этот по тем временам был одним из самых лучших и заслуженных. Это признавали даже люди, совсем ни в музыке, ни в жизни ничего не понимающие. Например, моя первая жена, которая после развода с вашим покорным слугой вышла замуж за руководителя этих приятных ребят.

Но не на всех фронтах «Весёлые» были на переднем крае. Музыканты «Лейся, песня!», поработав с Яком Йоалой и его ансамблем «Радар», пристрастились к европейской культуре и приобрели у продвинутых

эстонцев невиданные ещё тогда в России роликовые доски — скейтборды.

Через месяц встретились с «Ребятами» в Сочи. Мы уже научились и вовсю рассекали сочинские просторы на чудо-досках. После мощного дружеского застолья («выпьем за «Битлз» — такую хорошую работу придумали!») договорились, что, уезжая завтра в дождливую Москву, оставим доски ребятам на несколько дней. А они потом а столице нам обратно отдадут.

Я только что провёл профилактику своему скейту: смазал колесики и отрегулировал «сход-развал». Поэтому собирался доверить его только самому ответственному и дисциплинированному, коим в тот момент, без всяких сомнений, и являлся Саша Буйнов.

Через день он катался на доске с пологого спуска, упал и сильно разбил лицо. Наложили семь или десять швов (Саш, прости, не знаю точно), а потом ещё сделали виртуозные улучшающие пластические операции. Так что, если бы не мой скейт, не было б того красивого секс-символа Буйнова, по которому сохнут тысячи романтических девушек от четырнадцати до шестидесяти. Это не к тому, что у него до «аварии» морда ящиком была, но всё-таки.

Я вот всё это написал, а потом что-то засомневался — правда ли? Ведь свидетелем падения и последующих событий лично мне быть не довелось — ребята рассказывали. Да и столько лет прошло. Позвонил одному известному певцу, который раньше в «Весёлых» работал. А он говорит: Саша тогда разбился на велосипеде. Дочку катал, и было это в Москве.

Во как! Но доску-то я ему давал? Давал! Он красивый? Красивый! Секс-символ? Секс-символ!

Ну ошибся я! С кем не бывает! — но ведь, чёрт возьми, исправился. Спасибо дорогому Лёше. Лёше Глызину.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕШИ. Году так в 75-м (м.б. в 76-м) на репетицию к «Добрым молодцам», постукивая каблучками, пришёл невысокий, но страшно симпатичный мальчик. Своим красивым чистым голосом он, волнуясь, спел несколько песен и определённо всем понравился. Были, правда, у руководителя определённые сомнения по поводу и так большого количества освобождённых вокалистов, но Лёша сказал, что умеет играть на гитаре и может легко примкнуть к инструментальной группе. Более того, выяснилось, что он является счастливым обладателем американского инструмента «Фендер-Телекастер», только гитара сейчас в починке — мастер шлифует лады.

Обогатить гитарный арсенал коллектива родным «Телекастером», да ещё и приобрести при этом приличного певца руководителю очень хотелось, поэтому за последним словом он пошёл к члену профкома Росконцерта Густочке — нашей пожилой костюмерше.

Густочка — это у неё кликан такой был, погоняло. Уж не помню почему. Кажется, она рот так собранно держала, как курица — гузку. Ну, не суперудивительное прозвище, ей самой во всяком случае нравилось. А то вот в «Лейся, песня!» работал певец с очень длинными руками и непропорционально крупными кистями. Так он, когда пел трепетную песню о материнской любви, на словах «...руки матери тёплые, нежные...» выходил на авансцену и протягивал клешни ряда так до пятого. Вот где страх-то был!

Ну и получил от народа прозвище — «Руки матери». Ничего, откликался.

А тогда Густочка вышла на сцену с сантиметром, измерила Лёшу с ног до головы, вернулась в комнату к кофрам с концертными костюмами и после сравнения цифр с фактическим наличием дала положительный ответ.

А её слово дорогого стоило.

Для первого — «народного» — отделения год назад «Добрым молодцам» пошили тройные атласные камзолы, щедро украшенные по передней планке и обшлагам тремя-четырьмя килограммами дивных самоцветных камней. Упаси боже было потерять во время концерта хоть один — Густочка душу вынет. Как минимум заставит обыскать всю сцену и коридор в гримёрную, а как максимум выхлопочет выговор с занесением по линии профкома. А это уже пахло поражением в материальных правах. Короче, кошмар!

Особенно суровая женщина не любила гитаристов, которые в силу специфики часто теряли камни с обшлагов, цепляя ими за струны. Но, к счастью, когда обсуждалась тема «Фендера», Густочка находилась в подсобке и проводила инвентаризацию камней. Поэтому потенции возможного нового члена коллектива она оценила только по наличию комсомольского билета и ходового размера камзола. А и с тем, и с другим у Лёши был порядок.

Так что, учитывая весомое мнение Густочки, общее расположение руководителя и молчаливое согласие (а его никто и не спрашивал) третьего члена актива ансамбля сорокалетнего певца Ваку, Росконцерт Лёшу принял на должность вокалиста-инструменталиста ВИА «Добры молодцы». Но с обязательством предъявить как можно скорее белую гитару «Фендер-Телекастер», made in USA.

Лёша активно приступил к репетициям — через десять дней ансамблю грозили гастроли в Ульяновске, на родине Ленина, поэтому готовился коллектив как к

международному конкурсу «Золотой Орфей». И Лёша справлялся отлично.

Это подтвердил и обычно освобождённый от репетиций, но сейчас случайно забредший Ваку, который в ансамбле обладал особым статусом, жил на гастролях только в люксах и имел высшую концертную ставку.

Как профессионал Густочка очень уважала Ваку за аккуратность и за то, что он никогда не потел. А кто бы вспотел, если бы также выходил на сцену всего на несколько секунд. В конце первого отделения.

Подпоясанный кушаком с кистями, Ваку вальяжно выдвигался из-за кулис, поводил широкими плечами и волнующим поставленным голосом запевал:

— Ва ку...

— Ва кку-узнице. — подхватывали остальные и продолжали, — ва ку, ва ку-узнице! Ва кузнице молодые кузнецы, ва кузнице молодые кузнецы...

Ваку топал ножкой в яловом мягком сапожке, переодевался и ехал на предоставленной специальной машине в гостиницу в свой люкс, где его ждал включённый телевизор, накрытый стол и непременно бутылка коньяка.

Жена у Ваку работала в Моссовете.

В день отъезда на ленинскую родину у вагона весь коллектив с нетерпением ждал Лёшу, чтобы взглянуть наконец на «Фендер», у которого мастер так долго шлифовал лады.

Гитара оказалась самопальной, но Лёша уже полноценно вошёл в программу, и остановить его победное продвижение к «Весёлым ребятам» и нынешней известности не могли ни Густочка, ни Ваку, ни даже его жена из Моссовета.

Как видите, морду ящиком можно сделать не только с помощью собственного лица, но и с бирюлёвским «Фендером» (модель «Телекастер»).

— А где «Телекастер»-то? — Рыман, моргая, смотрел на Веню в надежде, что никакой гитары нет или она окажется старой, плохой или ненастоящей — деньги-то украли.

— Вот! — Веня полез под стол, где рядом с его чемоданом обнаружилась картонная коробка.

С помощью товарищей инструмент был распакован, как матрёшка: в коробке оказался прозрачный полиэтиленовый пакет, в нём роскошный жёлтый чехол, в чехле опять полиэтилен, только чёрный, а уж в нём... — сверкающая белым перламутром гитара. Родной «Фендер-Телекастер».

На Юру было жалко смотреть.

— Ребят, пару штук до следующей поездки...

— Не, — сказал Челдои, — я мебель покупаю...

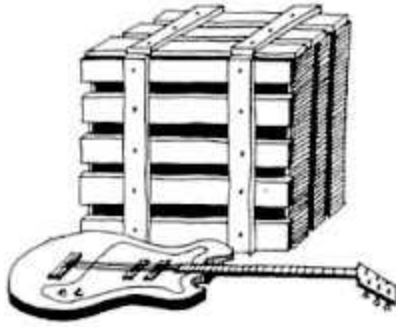
Вмешался ничего не понимающий Кальян:

— Юрк! В чём дело?! Забери на хрен свои бабки, я их сохранил, как ты вчера просил.

С мордой ящиком, надеюсь, всем всё понятно, но некоторые, конечно, могут задать резонный вопрос: а при чём тут какая-то Сарагоса и невнятная рукопись, найденная там?

Был раньше такой фильм «Рукопись, найденная в Сарагосе». Авторы дали полную волю своей необузданной польской фантазии и повествовали об очень интересных вещах, но всё время перескакивая с одного на другое. Вот и у меня в рассказе получился — как бы сказали кинематографисты — рваный монтаж. Этим и обусловлено название.

А так-то я хотел рассказать о том, как на гастролях в Краснодаре нас чуть не обокрали злобные беспринципные люди.

Послесловие

Ну что ж, вот и наступил грустный момент расставания. Я оттягивал его как мог. Но книга ведь не резиновая, да и издательское терпение небесечно. А жаль! Я уже успел к Вам привыкнуть. Закрываю глаза и вижу, как Вы над книгой склонились. Или наоборот: лежите на диване, а книжку над собой держите. Вижу, как Вы фотографии разглядываете. Фотки-то, ещё не читая, все просмотрели, а потом возвращались неоднократно — а ну-ка сейчас на козла посмотрим, на котором этот Максим ездил. Или на телохранителя маккартниевского. Это ж всегда так интересно! Из буквочек и слов складываются образы определённые, а потом посмотришь на фото — не то! Или как раз именно то! Я-то, к сожалению, всё это сам писал и лишён разночтений. А Вы и обсудить с кем-нибудь можете и расфантазироваться всяко-разно. Завидую. Но и мне польза — ещё одного виртуального друга приобрёл.

Я иногда сам себя читаю. Пытаюсь представить себя Вами. Будто Вы в уме вопросы автору задаёте, а он тут же в книге отвечает — и ничего, получается.

Ещё меня частенько в лирику заносит. Чувства переполняют, поэтому и пишу так, словно с близким человеком разговариваю. Но... Вам судить.

Спасибо, что прочитали.

*Целую крепко, Ваш Максим
Капитановский.*